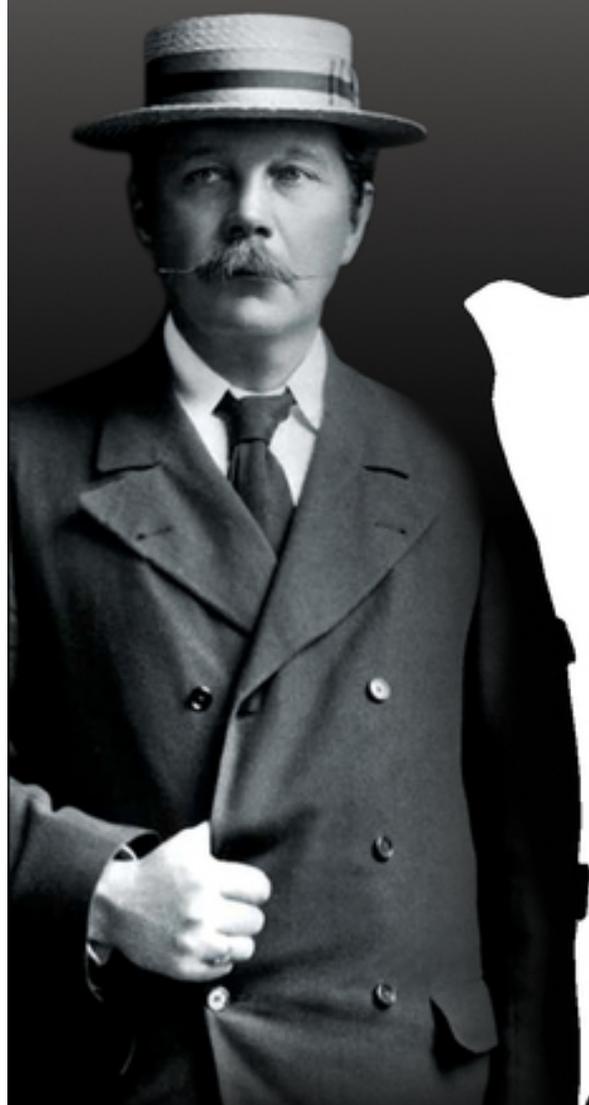

АРТУР И ШЕРЛОК

Конан
Дойл
и
создание
Холмса

Майкл Симс

Биография великого человека

Майкл Симс

**Артур и Шерлок. Конан
Дойл и создание Холмса**

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.111.09
ББК 83.3(4Вел)

Симс М.

Артур и Шерлок. Конан Дойл и создание Холмса /
М. Симс — «Эксмо», 2017 — (Биография великого
человека)

ISBN 978-5-04-089161-0

Эта книга – прекрасный подарок всем почитателям знаменитого Шерлока Холмса. Написанная в стиле, напоминающем манеру его создателя, Артура Конан Дойла, она рассказывает поистине детективную историю о том, как молодой шотландский доктор стал писателем с мировым именем, а его герой – величайшим сыщиком всех времен и народов. Погрузив читателя в атмосферу викторианской Англии, Майкл Симс вводит его в литературный и научный мир конца XIX века, знакомит с ближайшим окружением Артура Конан Дойла, с его лабораторией – медицинской и писательской. «Нет ничего важнее мелочей», – пишет автор. И их в этой книге немало: многочисленные неизвестные факты из жизни Конан Дойла, детали деятельности прототипа Шерлока Холмса, разбор «маркетинговых» приемов, использовавшихся в «продвижении» революционных для своего времени повестей и рассказов о великом сыщике и многое другое. Из книги вы также узнаете:

- Как звали Шерлока Холмса и Джона Ватсона изначально
- Чем отличается дедукция от индукции и дедуктивный ли метод на самом деле использовал великий сыщик
- Какие семейные тайны Артура Конан Дойла легли в основу его произведений
- Когда Холмс впервые появился «на публике» в своем знаменитом «охотничьем кепи» и почему это было совершенно неприлично
- Почему Артур Конан Дойл поссорился с первым издателем историй о великом детективе
- С кого самый известный иллюстратор книг о Шерлоке Холмсе Сидни Пэйджет списал «каноническое» изображение сыщика.

УДК 821.111.09

ББК 83.3(4Вел)

ISBN 978-5-04-089161-0

© Симс М., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Увертюра:	7
Часть I	10
Глава 1	10
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	26
Глава 5	30
Глава 6	34
Глава 7	38
Глава 8	43
Глава 9	48
Глава 10	53
Глава 11	58
Глава 12	63
Глава 13	67
Часть II	72
Глава 14	72
Глава 15	76
Глава 16	82
Глава 17	85
Часть III	93
Глава 18	93
Глава 19	100
Глава 20	105
Глава 21	111
Глава 22	114
Глава 23	119
Глава 24	124
Глава 25	129
Глава 26	136
Глава 27	142
Глава 28	146
Глава 29	150
Глава 30	155
Слова благодарности	161
Примечания	163
Увертюра: Воспоминания	163
Часть I Доктор Белл и мистер Дойл	164
Часть II Пророки и полиция	179
Часть III Мистер Холмс и доктор Ватсон	181
Библиография и дополнительная литература	190
Об авторе	202

Майкл Симс

Артур и Шерлок: Конан Дойл и создание Холмса

Джорджу Гибсону – с восхищением и любовью

– Как же вы узнаете, кто он?
– Только путем размышлений.
– Размышлений над этой шляпой?
– Конечно.
– Вы шутите! Что можно извлечь из этого старого рваного фетра?
– Вот лупа. Попробуйте применить мой метод.
(Артур Конан Дойл. «Приключения Шерлока Холмса. Голубой карбункул»; пер. М. Чуковской)

Michael Sims

ARTHUR AND SHERLOCK: Conan Doyle and the Creation of Holmes

Copyright © Michael Sims, 2017

© Мовчан А., перевод на русский язык, 2017

© Издание, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Увертюра: Воспоминания

Блестящая медная табличка на железной уличной ограде извещала:

«Доктор Конан Дойл, хирург»¹.

Пациенты, желавшие получить консультацию у Артура Конан Дойла, проходили по Элм-гроув, пока не оказывались перед третьей по счету калиткой от пересечения западной оконечности улицы с Кингс-роуд². Табличка висела перед первым из двух узких трехэтажных домов «Буш-Виллас», стиснутых стена к стене соседскими строениями³. Слева, если смотреть со стороны улицы, возвышались кирпичная колокольня и недавно отремонтированная баптистская церковь Элм-гроув с изящными арочными окнами. Справа виднелся красивый изогнутый фасад гостиницы «Буш», о которой в рекламе сообщалось, что она предоставляет номера «как предпринимателям, так и семьям»⁴. Гостиница располагала самым большим бильярдным залом в районе Саутси. Плечистый Артур, всегда увлекавшийся спортом, любил играть в гостинице в бильярд и в кегли на широкой зеленой лужайке позади нее⁵.

Выходившие на улицу большие квадратные окна его квартиры смотрели почти прямо на север, поэтому в комнаты поступал ровный, спокойный свет. Пациенты входили через арочный подъезд слева, примыкавший к церкви⁶. Коридор за входной дверью вел в прихожую и приемную на первом этаже. Поднявшись по лестнице, можно было попасть в операционную и гостиную⁷. Следующий лестничный пролет вел к двум спальным комнатам на верхнем этаже, где пациенты никогда не бывали.

В начале 1886 года Артуру Конан Дойлу было чуть менее двадцати семи. Почти четыре года он занимался врачебной практикой (не всегда успешно) в Саутси, шумном жилом районе Портсмута в Англии. Не имея возможности приобрести уже сложившуюся практику, он решил создать свою собственную и после некоторых поисков остановил выбор на Портсмуте, посчитав его перспективным городом. В местных спортивных и научных кругах он был известен своей общительностью и искренним, заразительным смехом⁸.

Обосновавшись здесь, спустя четыре года он несколько поправил свои дела. Он уже не был так беден, чтобы покупать в кредит для гостиной скрипучие стулья и выцветший ковер. Он уже больше не спал в пальто из грубого сукна, как ему приходилось делать первые две недели на «Буш-Виллас», когда у него не было постельного белья. Он уже не должен был готовить бекон на плитке, прикрученной к стене над газовым рожком. Он больше уже не занимал деньги у своей матери, оставшейся в Эдинбурге. Его заработки постепенно росли, но он перестал бояться кредиторов только тогда, когда женился на изящной и тихой Луизе Хокинс по прозвищу Туи, которую он полюбил, пользуя ее младшего брата в последние дни его жизни. Пациентов было еще немного, но Артуру больше уже не приходилось с тревогой высматривать через деревянные жалюзи, сколько прохожих остановилось прочесть его имя на медной табличке⁹.

Они не были богаты, Туи и Артур, но жили в довольстве. Конан Дойл теперь мог позволить себе роскошь уделять больше внимания литературному труду. После переезда в Саутси он старался как можно больше времени проводить за письменным столом на верхнем этаже, там, куда никогда не допускались пациенты. Он исписывал страницу за стра-

---

¹ Здесь и далее авторские примечания (пронумерованные) приведены в конце книги, поглавно. Примечания переводчика и редактора – постранично. – *Прим. ред.*

ницей своим аккуратным некрупным почерком, задумчиво поглядывая из-за стола в окно. Его настолько глубоко трогал вид за окном его рабочего кабинета, что позже он опишет его в одном из своих романов¹⁰: звук дождя, глухо барабанившего по опавшей листве и выбивавшего более ровную дробь по гравийной дорожке, лужи на улице и вдоль пешеходной дорожки и даже бахрому прозрачных дождевых капель, свисавшую с перекладины блестящих от влаги ворот. В открытые в теплую погоду окна до него доносился запах влажной земли.

Здесь Артур писал рассказы о приключениях, мистических и сверхъестественных явлениях, сворачивал их и отправлял в трубу пневматической почты. Поначалу это сочинительство, как он однажды вспоминал, напоминало ему почтовых голубей – так же как и они, его первые писательские опыты быстро и аккуратно возвращались к автору из тех журналов и газет, куда он их рассылал. Но со временем успех пришел к нему. Он также писал статьи о своем хобби – фотосъемке, начиная от ярких и колоритных отчетов о поездке на борту парохода вдоль побережья Африки до технических консультаций по вопросам подготовки оптических линз к фотосъемке.

Однако в силу традиций того времени большинство его рассказов публиковалось анонимно. Его репутация у редакторов различных издательств росла, но широкой публике его имя оставалось неизвестно. В конце концов он решил, что должен написать роман. Как сказал он сам себе, только его имя на корешке крупного художественного произведения поможет читателям узнать о нем¹¹. В свое время он уже написал один небольшой нескладный роман, единственная копия которого была потеряна на почте, но был полон решимости предпринять еще одну попытку.

Его самого привлекали детективные рассказы. Он уже давно восхищался логическим умом частного детектива Огюста Дюпена, героя произведений Эдгара Аллана По, наслаждался приключениями проницательного полицейского детектива месье Лекока пера Эмиля Габорио. Дерзкие полицейские ищейки из низкопробных литературных произведений, инспектор полиции Баккет из романа Чарльза Диккенса «Холодный дом», сыщик Кафф из романа Уилки Коллинза «Лунный камень», не так давно выведенный Анной Кэтрин Грин в романе «Дело Ливенворта» нью-йоркский полицейский Эбенезер Грайс – многие эти и подобные им детективы уже крутились в воображении Артура, когда он решил создать своего собственного героя.

У него не было никакого опыта подлинной сыскной деятельности. Тем не менее, когда он стал обдумывать возможные сюжеты, он вспомнил свои студенческие годы на медицинском факультете Единбургского университета, в городе, где он родился и куда вернулся в 1876 году, когда ему было семнадцать, после закрытых колледжей в Англии и Австрии. В первую очередь он вспомнил о своем любимом преподавателе, блистательном профессоре, невысоком, с крючковатым носом, Джозефе Белле. Хирург и блестящий диагност, тот оказал на молодого студента сильное впечатление. Артур всегда восхищался поразительной способностью Белла не только диагностировать болезнь, но и выявлять детали личной жизни своих пациентов. Артур вспомнил о необычных привычках профессора: пристально изучать подушечки пальцев и манжеты пациентов, чтобы узнать их профессию и пристрастия, обращать внимание на особенности их акцента, на брызги грязи на обуви. Он вспомнил также о властной манере профессора Белла, в которой тот вел беседу, и об уверенности в его голосе, которая помогала ему убеждать в своей правоте любого, с кем он спорил.

Конан Дойл подумал, что, если бы Джозеф Белл был детективом, он мог бы раскрывать преступления, опираясь на систематизированные, современные знания. Он бы использовал для этого практический опыт в области химии и судебной медицины, а также энциклопедические знания об истории преступлений. Он должен был бы обращать внимание на мел-

кие детали и делать из них далекоидущие выводы. Такой персонаж стал бы новым героем в детективном жанре: детективом, опирающимся на научный подход¹².

В конце зимы – начале весны 1886 года за окном, выходящим на Элм-гроув, в своем маленьком кабинете, вдали от семейных хлопот и врачебной суеты, среди книг и груды бумаг Артур Конан Дойл писал страницу за страницей, вспоминая события и детали почти десятилетней давности.

Часть I

Доктор Белл и мистер Дойл

Студента прежде всего необходимо научить внимательно наблюдать. Для того чтобы студенты этим заинтересовались, мы, учителя, считаем полезным показать им, как много можно узнать, если умело применять наблюдение в таких обыкновенных темах, как анамнез, национальность и профессия пациента... Благодаря физиогномике можно установить национальность пациента, его акцент подскажет вам, из какой он местности, при определенной тренировке можно на слух определить чуть ли не округ. Практически у каждого ремесленника по рукам можно совершенно точно прочитать, к какой профессии он принадлежит. У шахтера на руках не такие шрамы, как у рабочего из каменоломни, мозоли плотника не спутать с мозолями каменщика¹.

(Джозеф Белл, доктор медицинских наук)

Глава 1

Сверхчеловек

И вот я перед вами – высокий, крепкого телосложения, но еще не вполне сформировавшийся юноша, едва только приступивший к пятилетнему курсу изучения медицины¹.

(Артур Конан Дойл. «Воспоминания и приключения»)

Артур Дойл провел пациента через переполненный, залитый газовым светом амфитеатр, сквозь толпу студентов#медиков, окружавших доктора Джозефа Белла, и оставил его стоять перед профессором, сидевшим на стуле². Пациент вел себя уважительно, но держался с достоинством. Шляпу снимать он не стал. Говорил он с сильным шотландским акцентом. Пациент рассказал, что прибыл в королевскую клинику Эдинбургского университета, надеясь получить здесь медицинскую помощь. У него была слоновая болезнь на ранней стадии.

Как обычно в разговоре с пациентами, поначалу доктор Белл никаких эмоций не выражал. Его сдержанная манера держать себя напоминала молодому Артуру непроницаемость индейцев Северной Америки³. С детства Артур любил читать рассказы о Диком Западе, и подобное сравнение сразу пришло ему на ум. Откинувшись на спинку стула, Джозеф Белл сложил ладони домиком, соединив кончики пальцев, вновь взглянул на пациента и громко, чтобы было слышно всем студентам, сказал:

- Итак, любезный, вы служили в армии?⁴
- Да, сэр!
- Недавно уволились?
- Да, сэр!

---

² Здесь и далее неатрибутированные переводы (включая переводы литературных произведений) выполнены А. Смирновым. – Прим. ред.

– Из Хайлендского полка? – Доктор Белл говорил высоким пронзительным голосом⁵, его «эдинбургский акцент образованных людей» совсем не подходил сухопарому, мускулистому доктору⁶ – на вид и не скажешь, что ему уже сорок.

– Да, сэр!

– Сержант?

– Да, сэр!

– На Барбадосе служили? – прозвучало вдруг довольно неожиданное на первый взгляд предположение.

– Так точно, сэр!

После того как пациент ушел, Джозеф Белл рассказал, как он пришел к таким выводам. Он объяснил, что пациент – человек воспитанный, но шляпы не снял: военнослужащие этого не делают, но если бы он давно вышел в отставку, то приобрел бы уже манеры штатских. У него уверенный вид, и, без сомнения, он шотландец. «Что же касается Барбадоса, добавил профессор, то раз он страдает слоновой болезнью, в Британии он заразиться этим не мог, а вот в Вест-Индии это обычное дело». Пациент мог, вероятно, заразиться этой болезнью и в других частях Британской империи – в Индии или Афганистане, а не только в Вест-Индии, но, видимо, умозаключение Белла было правильным.

У Джозефа Белла не было никаких предварительных сведений об этом человеке, лишь данная Артуром Конан Дойлом информация о том, чем пациент болен. Доктор Белл был отличным хирургом и преподавателем медицины, кроме того, он был личным врачом королевы Виктории во время ее пребывания в Шотландии, но больше всего он прославился своим умением ставить диагноз. Как правило, еще до начала разговора с пациентом Джозеф Белл уже имел представление о том, кто он такой, чем болеет, кем работает, чем занимается, какой образ жизни ведет. Все это он узнавал, окинув пациента с головы до ног быстрым взглядом, причем выражение его серых глаз было одновременно и критическим, и насмешливым – так казалось Артуру. Джозеф Белл утверждал, что наблюдательному человеку многое должно стать понятно еще до того, как пациент заговорит. Что же до пациенток, то доктор Белл доходил до того, что врач должен определить, о какой части своего тела женщина собирается говорить, судя лишь по ее осанке и положению рук⁷.

Объясняя ход своих мыслей, Джозеф Белл словно читал лекцию, не приглашая никого вступать в дискуссию. В конце 1870#х годов в Эдинбургском университете преподаватели и студенты редко общались между собой. Некоторые студенты не говорили друг с другом ни разу за все время обучения. Преподаватели, как правило, вели свои лекции, сидя или стоя перед заполнявшими аудиторию студентами, молодыми людьми в темных костюмах и галстуках. Некоторые студенты носили бороды или усы, но в большинстве своем они были юношески гладко выбриты, как Артур Конан Дойл⁸. Основные положения услышанного на лекции студенты должны были прилежно записывать в тетрадях. Артур, к примеру, обычно платил по четыре гиней за лекции по анатомии, и предполагалось, что он будет неукоснительно посещать все занятия⁹. Впрочем, профессор Белл, в отличие от своих коллег, проявлял больше человечности и заинтересованности в своих студентах. Он славился своей добротой¹⁰, особенно к женщинам и детям¹¹, а также к студентам, конечно, при условии, что те были подготовлены к занятиям.

В 1878#м, после многих лет преподавания общей и оперативной хирургии, Джозеф Белл был назначен старшим хирургом в клинике¹². Он был одним из тех преподавателей-внештатников, «которые не состояли непосредственно в штате Эдинбургского университета»¹³, но вели занятия по предметам, необходимым для получения диплома. Наставником самого Джозефа Белла был легендарный Джеймс Сайм, ратовавший за введение заочного обучения,

что и произошло в конце концов в 1855 году, как раз во времена студенчества Джозефа Белла. К 1876 году, когда Артур Конан Дойл поступил в университет, эта форма обучения уже давно успешно практиковалась, и студенты могли обучаться у хирургов и других докторов во всемирно известной клинике университета, а также у врачей в других медицинских коллективах не такого масштаба, сосредоточенных вокруг площади Хирургов – в медицинском колледже «Парк Плейс», «Серджеонс Холл» («Зал хирургии»), колледже «Минто Хаус» и в других. Они могли посещать лекции или другие занятия в Королевском общественном диспансере, Эдинбургской глазной клинике, Королевском родильном доме, детской больнице и в других медицинских учреждениях города. Они могли также изучать предметы, необходимые для получения диплома в Лейпциге или Париже, или же других известных медицинских университетах.

Множество молодых людей в черных или пестрых твидовых костюмах, с охалками книг и тетрадей в руках, с усталым видом покидали пределы клиники¹⁴. Они шли, постукивая своими тросточками по камням мостовой, время от времени отходя в сторону, чтобы пропустить грохотававшие мимо повозки. В многочисленных палатах огромного П#образного здания Королевской клиники, в двух корпусах содержались пациенты, болезни которых считалось полезным изучать студентам-медикам¹⁵. Широкая центральная лестница клиники обычно бывала запружена студентами, которым то и дело приходилось расступаться, чтобы пропустить медсестер, переносивших на носилках пациентов. «Я был наг, и Ты одел Меня», – гласила одна из надписей между ионическими колоннами перед входом, а на другой было сказано: «Я был болен, и Ты призрел Меня». Благотворительная клиника была основана на средства, собранные более чем за полтора века пожертвований и сборов денег по подписке, а те строительные работы, на которые собранных средств не хватило, были выполнены бесплатно: стекольщики безвозмездно застеклили все окна, а столяры не взяли денег за рамы для них¹⁶. Строительство было завершено в 1741 году, но клиника не могла вместить всех страждущих и нуждающихся в помощи бедняков, поэтому пришлось возводить дополнительные корпуса.

Впервые в жизни Артур Конан Дойл испытывал глубокий интерес к занятиям и преподавателю. Он старался помочь матери преодолеть финансовые трудности, по крайней мере избавить ее от необходимости оплачивать его обучение в колледже, поэтому стремился освоить годовой курс за полгода¹⁷. Освободившееся время он мог посвятить работе ассистентом врача, одновременно зарабатывая деньги на жизнь и приобретая медицинский опыт. Артур делал множество записей – так хотелось ему преуспеть в занятиях, которые вызывали у него неподдельный интерес¹⁸. Временами доктору Беллу казалось, что этот прилежный студент намерен дословно записывать все, что говорил преподаватель. После ухода пациента Артур часто просил профессора повторить некоторые детали, чтобы убедиться, что понял все правильно¹⁹.

Джо Белл, как студенты и друзья ласково называли его²⁰, был любимым преподавателем Артура Конан Дойла. Доктор Белл был невысок ростом, с угловатыми плечами, орлиным носом и обветренным, красноватым лицом²¹. Человека с такой характерной внешностью хорошо знали и в университетском городке, и в городе. Его легко было узнать даже издали по дергающейся, рваной походке – хромота провоцировала резкость в движениях.

Работа помощником прославленного хирурга и педагога давала целеустремленному студенту широкие возможности. Высокий, плечистый Артур был сообразителен, прямолинеен и прилежен. С детства отличаясь необузданным нравом, повзрослев, он научился держать себя в руках. Таким же внимательным взглядом, как и его преподаватель (глаза у Артура

были необычного радужно-голубого оттенка²²), следил студент за всем, что делал Джозеф Белл.

Задолго до начала совместной работы с доктором Беллом в амбулаторном отделении Артур знал и восхищался тем, как виртуозно тот ставил диагнозы. Раз в полгода хирурги выбирали себе нескольких ассистентов, которые помогали им принимать пациентов. Джозеф Белл, имея возможность выбирать себе ассистентов из большого числа студентов, выбрал Артура, а также еще несколько надежных помощников. Артур не причислял себя к блестящим студентам – по всем предметам он имел «удовлетворительно», а по клинической хирургии – «удовлетворительно с минусом»²³. Но доктор Белл считал его одним из самых перспективных студентов из всех, что когда-либо обучались у него²⁴. Профессор Белл видел, что этот юноша проявляет живой интерес ко всему, что связано с диагностикой, и очень внимателен к малейшим деталям, хорошо понимая, что они могут иметь значительные последствия. В хирургическое отделение амбулатории могли обратиться пациенты с самыми разнообразными жалобами²⁵. Это могли быть травмы или хронические боли, а также любые заболевания внутренних органов: хоть органов дыхания, хоть гинекологические болезни. При этом Джозеф Белл потребовал, чтобы студенты были готовы оказать медицинскую помощь каждому, кто обратится в амбулаторию. Строительство новой Королевской клиники было завершено в 1879 году, и в течение следующего года в амбулаторном отделении клиники было принято пятнадцать тысяч пациентов²⁶.

Артур Конан Дойл и другие толковые помощники сначала опрашивали пациентов в боковой комнате, а затем быстро приводили их на осмотр к доктору Беллу и уводили²⁷. За день Артур успевал осмотреть семьдесят-восемьдесят пациентов, сделать записи о том, на что каждый из них жалуется, и сводить их одного за другим на консультацию к профессору Беллу²⁸. При этом Артуру часто казалось, что Джозеф Белл при одном беглом взгляде больше узнавал о пациенте, чем Артур мог бы сообщить после всех своих опросов. Еще в самом начале работы Артура ассистентом у Джозефа Белла профессор предупредил его, что для проведения опросов амбулаторных пациентов ему нужно будет освоить говор трущоб²⁹. Артур происходил из ирландской семьи, хотя родился в Эдинбурге. Жили они в скромной, но красивой квартире в трехэтажном доме на площади Пикардия, неподалеку от неоготических парапетов церкви Святого Павла и епископальной церкви Святого Георгия. Артур поспешил заверить доктора Белла, что знает местное наречие в совершенстве. Как и следовало ожидать, едва ли не первый пациент поставил Артура в тупик, сообщив, что у него «в подпазушке свербит». И обескураженному доктору Беллу пришлось объяснять Артуру, что речь идет об абсцессе под мышкой.

«Внимательно наблюдая и используя дедукцию, господа, – говорил Джозеф Белл уверенно, – вы сможете всегда поставить правильный диагноз абсолютно любого заболевания». Он гордился своей репутацией умелого наблюдателя³⁰. «И тем не менее, – добавлял он, – нельзя пренебрегать проверкой своих выводов с помощью стетоскопа, как, впрочем, и другими проверенными методами диагностики, чтобы обосновать свой диагноз»³¹.

Бывало, Белл осматривал пациента и между делом замечал: «А, сапожник, понятно». Позже он объяснял студентам, что узнал об этом по незначительной мелочи, на которую ни один из них не обратил внимания, – по истертому пятну на брюках пациента, на колене с внутренней стороны. Именно там расположен упор выколочки, которую держит сапожник на коленях, когда отбивает натянутую на это приспособление кожу, чтобы сделать материал для обуви более прочным.

Он указывал студентам и на другие приметы различных профессий и требовал, чтобы они учились замечать все это с первого взгляда. Как-то доктор Белл смог моментально опре-

делить, кровельщик ли пациент или резчик пробки: «Бросив беглый взгляд на пальцы пациента, вы, господа, увидите либо небольшое затверждение, обыкновенную мозоль, на указательном пальце сбоку, либо утолщение на наружной стороне большого пальца – все это верные признаки одного или другого вида деятельности пациента».

Однажды помощник привел на осмотр к Джозефу Беллу мать с ребенком. Поздоровавшись с ней, доктор невзначай спросил: «Благополучно ли добирались на пароме из Бернтайленда?»³² (город на реке Ферт в области Файф).

- Да, спасибо, благополучно, – ответила она.
- А как прогулялись по Инверлит-роу?
- Хорошо, спасибо.
- А где ваш другой сын?
- Я его у сестры в Лите³ оставила.
- А на линолеумной фабрике все еще работаете?
- Да, работаю.

Затем Джозеф Белл объяснил студентам, как сделал все эти вытекающие один из другого выводы. Во#первых, женщина говорила на наречии жителей области Файф, а Бернтайленд – ближайший к Эдинбургу городок этой области; кроме того, на пальцах правой руки у женщины был дерматит, характерный для работников с линолеумной фабрики, расположенной в Бернтайленде. «Вы должны были заметить, что на обуви этой женщины по краю подошвы виднелась красная глина, – добавил он, – а в пределах двадцати миль вокруг Эдинбурга такая глина встречается только в Ботаническом саду. При этом улица Инверлит-роу проходит вдоль сада, и это самый короткий путь сюда из Лита. В руках женщина держала детское пальтишко, но совершенно очевидно, что оно было бы велико для сынишки, который был с ней, отсюда вывод, что у него, должно быть, есть старший брат».

«Сложить два и два, господа, весьма несложно, – заметил как-то Джозеф Белл, объясняя студентам другой подобный пример, – нужно только быть наблюдательным»³³.

Один из предыдущих ассистентов доктора Белла, студент по имени А. Л. Курор, буквально боготворил профессора, как, впрочем, и Артур Конан Дойл. Курор позднее называл Джозефа Белла «сверхчеловеком»³⁴. Родные профессора Белла были с ними полностью согласны. Путешествуя поездом со своим семейством, Джозеф Белл часто развлекал своих детей, делая наблюдения о попутчиках. Когда эти люди выходили, Белл рассказывал детям, что ему удалось узнать о них благодаря своему умению наблюдать и делать из этого выводы. Он рассказывал, кто эти люди по профессии, какие у них привычки, куда они, скорей всего, едут, при этом ни словом с этими попутчиками не обмолвившись. Позже его дочь вспоминала: «Мы считали его волшебником»³⁵.

---

³ Лит – название порта Эдинбурга, до 1920 года – отдельный город. – *Прим. пер.*

Глава 2

Способности к дедукции

Нет ничего удивительного в том, что, зная такого человека, я использовал и развивал его методы, когда позднее попытался создать персонаж детектива, который, применяя научный подход при расследовании преступлений, достигал этого благодаря своим собственным знаниям и умениям, а не воспользовавшись промашками преступника¹.

(Артур Конан Дойл. «Воспоминания и приключения»)

Способность к «ясновидению» при постановке диагноза, так поражавшая Артура Конан Дойла, была присуща не только Джозефу Беллу. Учитель будущего писателя принадлежал к поколению наблюдательных, проницательных европейских врачей, которые, располагая ограниченным набором диагностических средств и анализов, имели дар наблюдательности и аналитические способности. Они были знамениты и популярны. На рубеже XIX века специалисты-медики стали придавать большое значение внимательному наблюдению за пациентами и подвергать критике ненаучные представления традиционной медицины о возникновении заболеваний. Еще Гиппократ в V веке до нашей эры стремился открыть механизмы возникновения патологических процессов в теле человека, а не гадать, какое божество или дух следует винить в появлении той или иной болезни. Но после него понимание того, что тщательность наблюдения является ключевым фактором точной диагностики и качественного лечения, в истории медицины встречалось нечасто.

Австрийский терапевт и дерматолог Фердинанд фон Гебра, ставший в 40-х годах XIX в. основателем знаменитой Венской школы дерматологии, тоже пользовался подобными приемами в процессе осмотра пациентов, делая наблюдения за оставшимися на теле пациента следами его профессиональной деятельности и особенностями его образа жизни. В диагностике он использовал свой патологоанатомический опыт, а также результаты многолетней практики по лечению пациентов, страдавших чесоткой и экземой. Сам Фердинанд фон Гебра учился в Университете Вены у профессора медицины, патологоанатома чеха Джозефа Шкоды². Это был первый преподаватель в университете, который читал лекции не на латыни, а на немецком языке. Именно профессор Джозеф Шкода обучил Фердинанда фон Гебра основам дерматологии, которая ранее считалась не слишком уважаемой специальностью в медицине. Профессор Джозеф Шкода высоко ценил способности Фердинанда к диагностическому наблюдению и экстраполяции, а также его дар образно и живо, основываясь на фактах, излагать материал на лекциях.

Фердинанд фон Гебра часто мог без единого вопроса точно определить возраст, вес и место рождения пациента, равно как и чем он болен, а также род его занятий. Он советовал своим студентам не спрашивать пациента, есть ли у него зуд от сыпи, а посмотреть, есть ли на коже следы царапин. По мозоли на подушечке большого пальца Фердинанд фон Гебра делал вывод, что пациент работает шляпником. По бархатистости кожи лица и красноватому носу он узнавал любителя коньяка или пива. Подержав пациента за руку, он замечал, например, характерные следы от уколов иголкой на указательном пальце и говорил своим студентам: «Этот человек – портной»³.

Фердинанд фон Гебра, как и Джозеф Белл, слыл не только компетентным преподавателем, но и прекрасным оратором. Один не изучавший медицину студент как-то сказал, что он «ни черта не смыслит в дерматологии», но ходит на лекции Фердинанда фон Гебры, потому

что считает их более захватывающими, чем постановки знаменитого венского театра «Театр дер Вьен».

Однажды к нему вошел, хромая, пациент. Присев, он начал разматывать повязку на своей ноге. Посмотрев на него, Фердинанд фон Гебра объявил своим ученикам: «Это хорват, пятидесяти пяти лет от роду, болен туберкулезом легких, а по профессии он портной».

Студенты помнили, что ранее профессор определил портного по следам игольных уколов на его пальцах. Но в этот раз Фердинанд фон Гебра еще не успел коснуться руки этого человека. Студенты скептически отнеслись к такому выводу преподавателя.

«Как, разве вы сами не видите, что он портной? – удивился фон Гебра. – Посмотрите на этот клочок серой ткани, которым он закрепил повязку из бинта. Из такой ткани портные обычно делают подкладки для жилетов».

В те времена ремесленники и рабочие, как правило, одевались очень похоже, их одежда напоминала своеобразную униформу, а труд был в основном ручным, поэтому для таких выводов сверхъестественного чутья не требовалось, достаточно было дотошно изучить все приметы и особенности. Еще в начале 50#х годов XVIII в. Сэмюэль Джонсон, ставший для Артура Дойла одним из самых любимых исторических деятелей благодаря написанной Джеймсом Босуэллом необычной биографии этого выдающегося человека, написал в своем журнале «Рэмблер» такую красивую аналогию, ставшую впоследствии хорошо известной цитатой:

«Если долго повторять какое-либо действие или стоять в одной и той же позе, это неминуемо калечит и уродует наше тело. Так и ум подобным же образом калечит непрерывное повторение одних и тех же мыслей. О профессии ремесленника легко догадаться по его коленям, его пальцам или его плечам; немного найдется среди людей более возвышенного труда таких, чей ум не будет отмечен печатью его рода деятельности и по разговору которых нельзя будет сразу понять, к какому классу общества они принадлежат».

Сэмюэль Джонсон использовал свою наблюдательность не только в литературе. Он лично принял участие в расследовании дела пресловутого коклэйнского призрака и помог раскрыть схему того, что Джеймс Босуэлл назвал «жульничеством»⁴. Спустя сто лет после публикаций Сэмюэля Джонсона (и через десять лет после рождения Артура Конан Дойла) один французский врач, Огюст-Амбруаз Тардьё, опубликовал солидное исследование о диагностической ценности стигмы (видимых характерных признаков заболевания), которая появляется в результате профессиональной деятельности человека. Огюст-Амбруаз Тардьё, специалист в области судебной медицины и токсикологии, подробно осветил эту тему в своем труде «Изучение физико-химических изменений в некоторых частях человеческого тела, вызванных различной профессиональной деятельностью, и их значение для установления личности при проведении медико-правовой экспертизы»⁴. Тардьё упомянул и других замечательных диагностов, отличавшихся наблюдательностью. Это и француз Жан-Николя Корвисар, основоположник кардиологии и личный врач Наполеона, и ученик Корвисара, Гийом Дюпюитрен, отличавшийся независимостью и свободомыслием хирург и анатом. Последний стал настолько широко известен, что послужил прототипом героя рассказа Оноре де Бальзака «Обедня безбожника», а также был упомянут в романе Гюстава Флобера «Мадам Бовари»⁵. Кроме того, к таким диагностам относился и Арман Труссо, французский терапевт, который первым описал ранние симптомы злокачественных опухолей, позже получив-

---

⁴ История «коклэйнского призрака» в 1762 г. была весьма громкой и скандальной. На поверку «дом с привиденьем» на улице Коклэйн (откуда и название истории) оказался своего рода сценой для попытки должника скомпрометировать кредитора при помощи призрака, обвинявшего кредитора в убийстве. Обман вскрылся («призраком» оказалась дочь кредитора), несостоявшиеся мошенники были осуждены и наказаны. С процесса над салемянскими ведьмами, где суд всерьез рассматривал «сверхъестественные доказательства», прошло всего семьдесят лет. – *Прим. ред.*

шие название «признаки Труссо». Сам он также обнаружил у себя эти признаки рака, от которого вскоре и умер.

Артур Конан Дойл посещал пятничные занятия медицинского факультета Эдинбургского университета, проходившие в хирургическом зале Королевской клиники. Эта полу-круглая аудитория-амфитеатр находилась на самом верху главного здания⁶. Скамейки ярусами окружали деревянный отполированный операционный стол, под которым стояла оловянная ванна, наполненная опилками для впитывания стекающей крови⁷. Ничего удивительного, что студенты испытывали неуверенность и смущение в присутствии доктора Джозефа Белла, который подавлял их своим авторитарным тоном и начальственным видом. Он железной рукой управлял и пациентами, и студентами. Если порой потенциальный пациент давал понять, что не собирается иметь дело с обычными студентами в ожидании возможности проконсультироваться у доктора Джозефа Белла, тот просто выставлял его из клиники⁸.

Как-то раз перед собравшимися студентами предстал, хромя, пациент, даже не снявший пальто перед входом в аудиторию. Доктор Белл обратился к одному заметно нервничавшему юноше в зале: «Скажите, на что жалуется данный пациент? Спуститесь вниз, сэр, и взгляните на него!»⁹

Студент нерешительно подошел к пациенту.

«Нет! – вдруг рявкнул Белл. – Не прикасайтесь к нему!» Он настойчиво требовал от растерявшегося студента: «Используйте зрение, сэр! Используйте слух! Используйте свой мозг, свою шишковидную железу восприятия», – добавил он, намекая на уже развенчанную «науку» френологию. Затем доктор Белл вернулся к своей обычной теме: «И примените свои дедуктивные способности».

Юноша с опаской осмотрел пациента и наконец отважился высказать диагноз: «Заболевание тазобедренного сустава, сэр!»

Белл откинулся на спинку стула и скрестил длинные тонкие пальцы под подбородком. «Никакой тазобедренный сустав у него не болит! – насмешливо фыркнул он. – Он хромяет, потому что у него болят ноги, а точнее, ступни ног. Если бы вы внимательно понаблюдали, – продолжил он, – вы бы увидели, что у него на башмаках прорехи, конкретнее надрезы, в тех местах, где обувь сильнее всего давит на ступни. Это человек страдает от мозолей, господа, а с тазобедренными суставами у него все в порядке».

Затем доктор Белл сообщил, что этот первый диагноз был сущим пустяком по сравнению со второй проблемой пациента. Джозеф Белл сказал: «Он пришел сюда лечиться не от мозолей, господа. Мы не педикюром тут занимаемся. Его беда гораздо серьезней. Он страдает хроническим алкоголизмом». Пациенту, должно быть, было не слишком приятно услышать, как Белл описал его внешность: «Покрасневший нос, опухшее, отечное лицо, налитые кровью глаза, руки дрожат, мышцы лица подергиваются, височные артерии учащенно пульсируют – все указывает на то, что перед нами алкоголик».

И Белл лукаво повторил свое мнение о необходимости искать подтверждение своим предположениям: «Все эти выводы, господа, подтверждаются совершенно бесспорными и однозначными доказательствами». Говоря это, он указал на оттопыренный правый карман пальто пациента – оттуда торчало горлышко бутылки виски.

В другой раз Белл угадал и выставил на обозрение всего курса подробности жизни одного из студентов вместо пациента¹⁰. Юноша, как ни старался, не смог поставить диагноз какому-то пациенту. Доктор Белл негодуяюще смотрел на это, а потом отчеканил: «Достаньте свою тетрадь, молодой человек, и посмотрите, получится ли у вас таким образом выразить свои мысли».

С этими словами он повернулся к удивленным студентам в аудитории и изрек цитату из Библии: «Очи имеют и не видят, уши имеют и не слышат!»

Доктор Белл вновь повернулся к студенту, который в этот момент случайно выронил письмо, нервно вытаскивая тетрадь из кармана. Он попытался спрятать письмо, но не успел.

«Вы родом из Уэльса, верно, сэр? – резко спросил Белл (сам он был коренным шотландцем, родился и вырос в Эдинбурге). – Я так и думал! Человек, который говорит «силлинг» вместо «шиллинг», который так раскатисто произносит «р», который говорит с таким своеобразным, грубоватым и очень сильным акцентом, как вы, сэр, – это не шотландец. Вы и не ирландец, и не англичанин. От вашей манеры речи пахнет Уэльсом».

Тут доктор Белл на минутку отвернулся от сгорающего со стыда юноши и, обращаясь к другим студентам, объяснил, что в подтверждение его выводов имелось еще одно свидетельство, помимо акцента. Джозеф Белл заметил, что упавшее письмо, подписанное женской рукой, было адресовано «мистеру Эдварду Джонсу». «Таким образом, господа, это и есть его имя, а судя по почтовому штампу на конверте, оно было отправлено вчера из Кардиффа. Кардифф находится в Южном Уэльсе, а имя Джонс еще раз подтверждает, что наш друг – валлиец».

Джозеф Белл казался Артуру Конан Дойлу и его сокурсникам бесконечно колоритной личностью¹¹. Он подъезжал к университетским воротам на своем низком ландо – четырехместной коляске с двумя парами сидений друг напротив друга и откидной крышей, а впереди, на облучке, восседал кучер в ливрее, покрикивающий на пару гнедых, которых дети доктора прозвали Большая и Маленькая. Старожилы клиники понимали, что вольно или невольно доктор Белл подражал своему уважаемому учителю, профессору Джеймсу Сайму, знаменитому университетскому преподавателю и хирургу-новатору, который умер в 1870 году¹². Однако Джозеф Белл не доходил до того, чтобы полностью копировать желтую карету своего наставника с цветастыми выгнутыми рессорами.

Джозеф Белл считал Джеймса Сайма проникательнее и наблюдательнее себя, хотя кроме него мало кто позже вспоминал о Сайме как об исключительно наблюдательном диагносте¹³. Джозеф Белл любил цитировать девиз Сайма: «Постарайтесь так же хорошо изучить особенности заболевания или травмы, как хорошо вы знаете особенности, походку и манеры своего самого близкого друга»¹⁴.

Джозеф Белл окончил Эдинбургский университет в 1859 году (в том же году родился Артур Конан Дойл). Затем под руководством профессора Джеймса Сайма молодой доктор Белл работал терапевтом в Королевской клинике¹⁵. Профессор Джеймс Сайм был университетской легендой, служил образцом одаренности и преданности делу, был предметом гордости университета. С детства увлекаясь химией, Джеймс Сайм еще подростком открыл, что каменноугольный деготь, маслянистый осадок, получаемый в результате переработки угля, может быть использован для получения раствора, подобного каучуку или индо-каучуку¹⁶. Таким образом, этот раствор можно было применять для пропитки тканей, например шелка, для создания водонепроницаемых тканей. Химик из Глазго Чарльз Макинтош запатентовал подобный метод, а затем стал производить новый вид пальто из водонепроницаемой ткани, вскоре названный его именем.

В университетской клинике доктор Белл был и общим хирургом, и преподавателем анатомии, и хирургом глазного отделения. Однако его хорошо знали и далеко за пределами Эдинбурга. В течение нескольких лет он был редактором «Эдинбургского медицинского журнала», уважаемого во всей Европе и в Америке. Он был известен и как автор популярного учебника «Руководство по хирургическим операциям для студентов старших курсов, хирургов#практикантов, а также среднего медицинского персонала». («Передо мной стояла цель описать как можно проще наиболее распространенные операции, особенно те, в выполнении которых, в силу их особенностей, можно попрактиковаться на мертвом теле»¹⁷.) Джозеф Белл был потомком целой плеяды врачей-практиков Эдинбурга. Его дед, Чарльз Белл, впер-

вые описал синдром, позже получивший название «паралич Белла». Поколениями в семье Беллов сыновьям давали поочередно имена Бенджамин и Джозеф.

Джозеф Белл быстро сделал великолепную карьеру. В возрасте двадцати одного года он блестяще защитил диссертацию по эпителиальному раку перед традиционно придирчивыми скептиками из Эдинбургского Королевского медицинского общества, которые по окончании защиты стоя рукоплескали молодому доктору¹⁸. Выдающийся профессор анатомии Уильям Тёрнер, признанный авторитет в этой области с 1865 года, вспоминал, что за два года, которые доктор Белл провел на посту преподавателя анатомии в начале своей карьеры, «исполняя обязанности моего помощника, он приобрел заслуженную популярность среди студентов за свою наблюдательность, умение ясно излагать материал, а также за то, что всегда был готов помочь им в любых затруднениях, неизменно находя ободряющие слова»¹⁹.

Артур Конан Дойл тоже считал, что Джозеф Белл отличался добротой и неизменно добросовестно относился и к обучению студентов, и к лечению пациентов²⁰. Как преподаватель, профессор Белл требовал от своих студентов только то, чему научился он сам, и считал свое требование справедливым. Доктор Белл учил своих студентов не только диагностике, но и состраданию. Оказание помощи страждущим Джозеф Белл считал религиозным долгом и всегда с готовностью выполнял его. Он был страстным натуралистом, охотником и садовником. Любовь к природе, равно как и стремление помогать людям, Джозеф Белл черпал в вере²¹. Когда в 1865 году Джозеф Белл женился, его мать сообщила его молодой жене, что сын был «с колыбели посвящен Богу»²², и молодожены приняли решение жертвовать десятину своих доходов церкви²³. Его жена умерла в 1874 году, оставив Джозефу двух маленьких дочерей и сына²⁴. Артур Конан Дойл познакомился с Джозефом Беллом два года спустя, но тот все еще переживал эту утрату, глубоко скорбя в душе. Несмотря на множество дел, доктор Белл почти никогда не пропускал воскресные службы, на которых присутствовал вместе с детьми.

Свои религиозные убеждения Джозеф Белл издавна привык подтверждать делами. Отвага и самоотверженность Белла стали также причиной появления у него резкого, пронзительного голоса и хромоты. В начале 60#х годов XIX века молодой Джо Белл, в те времена перегруженный работой фельдшер, оказывал помощь страдающим и умирающим больным во время многочисленных эпидемий. В воды реки Лит, которая, извиваясь, лениво течет через Эдинбург, разделяя город на две половины, видимо, сбрасывались также и все нечистоты города²⁵. В течение нескольких лет жители Эдинбурга страдали от эпидемий холеры, тифа и оспы, но в начале 1864 года в измученном городе началась еще более свирепая вспышка дифтерии. Артура, которому на тот момент еще не было и пяти, судьба от этой болезни уберегла.

Дифтерия получила свое название от греческого слова, означающего «кожа, пленка». Один из симптомов дифтерии был увековечен после эпидемии в Испании в 1613 году, который получил наименование «El Año-de-los-Garrotillos»: «Год удушенных». У заболевших дифтерией в гортани появляются серая слизь и кожистые пленки, затрудняющие дыхание²⁶. Кроме того, у больных сильно болит горло, воспаляются и распухают гланды, поднимается высокая температура, и, как правило, начинается воспалительный процесс в сердце.

Выпускник и преподаватель Эдинбургского университета, знаменитый хирург Фрэнсис Хоум писал, что горло перекрывается удушающими серыми дифтерийными пленками подобно «усланной одеялами кровати»²⁷. Именно Фрэнсис Хоум ввел в обиход название «круп», звукоподражательное местное словцо, которое имитировало характерное хрипение в горле при определенном респираторном заболевании²⁸, но дифтерия была страшнее крупа. Фрэнсис Хоум, родом из Бервикшира, был в университете профессором фармакологии, пре-

подавал происхождение, состав и свойства лекарственных средств. Фрэнсис Хоум впервые в мире произвел вакцинацию против кори и даже служил хирургом в драгунском полку во Фландрии. Он был одним из титанов медицины, до которых таким студентам, как Джо Белл, казалось, никогда не дотянуться.

Симптомы дифтерии были известны уже много веков, но лишь незадолго до описываемых событий врачи признали, что именно это заболевание в середине XVIII века называлось эпидемическим крупом, злокачественной ангиной, а также страшным *morbus strangulatorius*⁵²⁹. Причину возникновения дифтерии объясняли по-разному: от трупных газов, которые выделяют разлагающиеся туши животных, до холодной погоды, от болотных испарений до неизбежных сверхъестественных манифестаций³⁰. К счастью, магия как причина возникновения дифтерии больше не рассматривалась. Помимо этого, в 1876 году (Артур Конан Дойл был тогда студентом-первокурсником) было сделано открытие, что возбудителем сибирской язвы является определенный вид бактерий. Это научное открытие давало надежду, что вскоре будет обнаружена и причина заболевания дифтерией, от которой люди страдали уже столько веков.

В 1864 году доктор Белл, движимый состраданием к детям, задохнувшимся от дифтерийных пленок, страстно желал найти способ их удаления из горла больного. До тех пор никому еще не удавалось изобрести такой инструмент. Когда он с помощью пипетки попытался высосать дифтерийные пленки из горла ребенка, часть удаленной слизи и пленок попала ему в рот³¹.

После этого он сам заразился дифтерией и проболел несколько месяцев³². Три недели у Джозефа Белла ужасно болело горло, затем боль понемногу пошла на убыль, а друзья впервые заметили, что он начал гнусавить. Джозефу Беллу казалось, что у него в носоглотке появилась какая-то мембрана, мешавшая ему говорить отчетливо. Три недели спустя у него почти пропал голос, начало двоиться в глазах. Боль в горле вроде улеглась, но глотать становилось все труднее. Нередко получалось так, что при глотании часть жидкости попадала в носовые проходы, и Джозеф Белл делал понюшку табака, чтобы с этим справиться. Кроме того, у него отказала одна нога, появилась боль в груди.

Сам профессор Джеймс Сайм прописал ему для восстановления здоровья уехать куда-нибудь в сельскую местность и соблюдать постельный режим, и Джозеф Белл уехал в свое родовое имение в Гледойке на реке Тэй, к северу от Эдинбурга. На какое-то время доктор Белл утратил способность самостоятельно передвигаться, даже опираясь на трость, и ему пришлось в конце концов согласиться, чтобы сначала кто-то один, а потом и два человека поддерживали его под руки, когда нужно было куда-то идти. Со временем Белл смог снова глотать без затруднений. Постепенно восстановилась дикция, но тембр голоса навсегда остался высоким и пронзительным. Белл проболел дифтерией целых четыре месяца, и только после этого к нему вернулась способность ходить почти так же быстро, как и до болезни, но от хромоты он так никогда и не избавился³³. В январе 1865 года Джозеф Белл выступил на заседании медицинского хирургического общества с докладом об этой болезни, о ее течении и полученном на этой основе медицинском опыте³⁴. Позже этот доклад был опубликован в журнале «Эдинбург Медикал Джорнал», и, несмотря на исключительно спокойное и подробное изложение событий от третьего лица, читатели постепенно понимали, что перед ними автобиографическая драма.

Много лет спустя доктор Белл не уставал вновь и вновь повторять, что врачу в равной степени важно уметь соперничать своему пациенту и ставить точный диагноз. Показывая Артуру Конану Дойлу и другим студентам, как опытный наблюдатель замечает тренирован-

---

⁵ *Morbus strangulatorius* (лат.) – гнойная ангина; дословно: удушающая болезнь. – Прим. ред.

ным взглядом особенности и признаки, которые не видят люди неподготовленные, и может на основе этих сведений быстро понять характер и образ жизни другого человека, Джозеф Белл тем самым доказывал им, что его метод диагностики при всей своей театральности не был просто театрализованным представлением. Он призывал своих студентов постоянно повышать уровень своих теоретических знаний, неустанно штудирова профессиональные журналы, и подкреплять таким образом свой практический опыт. Доктор Белл всегда оставался для Артура Конан Дойла образцом настоящего ученого, интеллектуала – и при этом в высшей степени нравственного человека. Артур Конан Дойл часто расспрашивал доктора Белла о его построенном на наблюдении методе диагностики, а тот любезно отвечал на все вопросы своего студента. Артур Конан Дойл навсегда запомнил уроки своего наставника и практические занятия с ним.

Глава 3

Артистичность, которая в крови

Артистичность, когда она в крови, закономерно принимает самые удивительные формы.

(Шерлок Холмс, произведение Артура Конан Дойла «Случай с переводчиком»; пер. М. Вольпина)

Ранние годы Артура Конан Дойла прошли в одном из узких тупиков Эдинбурга. Писатель сохранил о своем детстве самые яркие воспоминания. Он вырос в бедной семье, и, как и остальной шпане из соседних улочек и переулков, ему пришлось научиться драться. Между мальчиками, жившими на противоположных сторонах улицы, постоянно тлела вражда. Заняв главенствующее положение среди ребят из бедняцких квартир, Артур, как их временный король, в один прекрасный день решил бросить вызов мальчишке из богатой виллы неподалеку. Они сошлись в поединке прямо в саду виллы. Противники были равны друг другу по силам, и ни один не желал сдаваться, пока оба не были избиты и исцарапаны в кровь.

«Ох, Артур, – воскликнула мать, увидев его, – какой у тебя ужасный синяк под глазом!»

«А ты вон лучше посмотри, какой у Эдди Таллоха сейчас фингал!» – ответил ей сын, ничуть не смутившись¹.

В другой раз парнишка-рассыльный сапожника с зеленым суконным мешком в руках случайно забрел на улицу Артура и его друзей. Артур затеял с ним драку, и мальчик в ответ так треснул его по голове этим мешком, набитым башмаками, что Артур едва пришел в себя.

На улице Артур не боялся ввязаться в драку, но дома ему были нужны лишь тихий уголок и книга. Он родился в творческой семье. Сколько он себя помнил, литература всегда неудержимо влекла его, и с самого раннего детства жизнь дарила ему встречи с писателями. По линии отца, который сам был художником и иллюстратором, в семье было много других весьма талантливых людей, получивших признание и популярность. Благодаря им Артур и другие дети в семье познакомились со знаменитыми писателями и художниками, некоторые из них даже бывали в гостях у Дойлов в Эдинбурге. К сожалению, семейство эдинбургских Дойлов, в отличие от других родственников, не могло похвастаться благополучием и достатком. Так что Артуру порой приходилось испытывать острое чувство стыда за скромную квартиру своих родителей, когда состоятельные родственники и знакомые приезжали к ним². Одним из таких посетителей был высокий, улыбчивый, рано поседевший человек лет пятидесяти, который часто усаживал Артура, в то время малыша лет четырех, себе на колени. Мальчику он казался глубоким стариком. Позже, уже повзрослев, Артур с гордостью вспоминал, как, бывало, сам Уильям Мейкпис Теккерей, знаменитый автор романов «Пенденнис» и «Ярмарка тщеславия», держал его на коленях³.

Отец Артура, Чарльз Олтемонт Дойл, был братом Ричарда «Дики» Дойла, родившегося в Англии известного иллюстратора журнала «Панч». Именно Дики Дойл придумал и нарисовал Панча и Джуди, знаменитых персонажей этого сатирического журнала. Чарльз и Дики были сыновьями ирландского художника, карикатуриста и литографа Джона Дойла. Некоторое время политические карикатуры Джона Дойла печатались под псевдонимом «Н. В.»⁶. Его карикатуры отличали сдержанность и отсутствие острой гротескности, свойственной работам его предшественников, таких как Томас Роулэндсон, например.

---

⁶ Буквы «Н» и «В» были созданы из двух букв «J» и двух «D» – инициалов Джона Дойла. При этом тайна псевдонима

Чарльз Дойл тоже был талантливым художником, но он не достиг таких высот, как его родичи. Этот элегантный, остроумный, несомненно, творческий бородач отличался сугубой непрактичностью и полным отсутствием дисциплины. Вдобавок ко множеству личных комплексов и проблем он слишком пристрастился к выпивке⁴. Долгие годы Чарльз Дойл работал рисовальщиком, помощником известного архитектора Роберта Мэтисона. Заняв пост управляющего общественными работами в Шотландии, Роберт Мэтисон прославился своими общественными зданиями эпохи итальянского Возрождения, в частности, новым Регистрационным домом в Новом городе, который он спроектировал, чтобы дополнить первоначальный Регистрационный дом, созданный Робертом Адамом в XVIII веке.

Самым важным вкладом Чарльза Дойла в работу архитектурного бюро Роберта Мэтисона стало участие в разработке проекта фонтана для дворца Холируд. Это был заказ молодой королевы Виктории, желавшей, чтобы в Холируде со стороны фасада был такой же фонтан, как тот, что был сооружен при Джеймсе V в начале XVI века во дворце Линлитгоу в Западном Лотиане. Фонтан в Холируде поднялся на высоту около шести метров. Он украшен статуями (в их числе вставший на дыбы единорог и флейтист в круглой шляпе⁷), под ними кругом расположены традиционные львиные головы, из пастей которых стекает вода. На авторской копии этого творения, которое, как считал Роберт Мэтисон, «скорее следует называть произведением искусства, а не обычным строительно-архитектурным проектом»⁵, подпись Чарльза Дойла стояла рядом с подписью самого Мэтисона. Это было крайне нехарактерное для главы архитектурного бюро признание заслуг помощника, поскольку, как правило, Роберт Мэтисон присваивал себе все лавры за выполненный проект. Кроме того, Чарльз Дойл участвовал в разработке проекта реконструкции кафедрального собора в Глазго. Он создал эскиз одного из высоких окон собора⁶, по которому впоследствии и была выполнена реконструкция таких окон, но имя его в списке участвовавших в проекте художников уже не значилось.

За многие годы работы художником Чарльз Дойл проиллюстрировал множество книг. В 1877 году он все еще был способен создать шестьдесят причудливых, изящных иллюстраций к «Нашей поездке в Бландерланд»⁷ Джона Хея Атола Макдональда, главного юрисконсульта Шотландии, который печатался под псевдонимом Жан Жамбо, шутивно обыграв на французский лад свое первое имя и другие инициалы. В свободные часы Макдональд увлекался написанием полной шуток и каламбуров книги для детей. Автор находился под таким большим впечатлением от книг Льюиса Кэрролла об Алисе, что уже в первом же абзаце своей книги цитировал Кэрролла.

Однако профессиональная деятельность Чарльза Дойла, и в лучшие годы не слишком успешная, уже давно находилась в состоянии упадка. Его ранние работы, иллюстрации для различных лондонских издательств, были почти неизвестны в Шотландии. Чарльз настолько опустился, что стал обменивать на спиртное свои редкие теперь акварельные картины и графические зарисовки вместо того, чтобы продавать их⁸. В результате в одном из пабов Эдинбурга скопилось целая коллекция работ Чарльза Дойла. К тому времени как Артуру сравнялось три, его отец часто бывал настолько пьян, что порой не мог ни вспомнить собственного имени, ни встать с полу, перемещаясь ползком⁹. Его даже как-то раз застали за тем, что он выпил полироль для мебели.

«Н. В.» сохранялась до 1843 года, пока Дойл не раскрыл ее в 18#страничном письме премьер-министру Роберту Пиллю. – *Прим. пер.*

⁷ Вставший на дыбы единорог – геральдический символ Шотландии (в т. ч. и царствующего дома), флейтист – аллегория на увлечение аристократии музыкой. Единорог и флейтист – не единственные статуи, украшающие эту достопримечательность; трудно сказать, почему автор остановил свое внимание именно на них. – *Прим. ред.*

Чарльз Дойл мог утащить из дома что угодно, чтобы обменять на выпивку. Не раз бывало, что его бедной жене приходилось отбиваться от гневных требований торговцев, представлявших ей счета за товары, которые она никогда в глаза не видела. Оказывается, Чарльз покупал их в кредит и перепродавал, чтобы выручить немного наличных. Временами Чарльз даже доходил до того, что обворовывал своих детей, таская у них мелочь из копилки. Говорили, что Чарльз нередко был готов рисковать своей жизнью и достоинством и сбежал во время запоев из-под замка, связывая веревку из своего постельного и нижнего белья и спускаясь по этой веревке из окна.

Несмотря на все тяготы и разочарования, Мэри Дойл, видимо, оставалась верна своему мужу и продолжала с теплотой относиться к Чарльзу. «Тот, кто его знал, не мог не любить его», – позже говорила она¹⁰. Артур же, скорее всего, крепко хранил в тайне все, что касалось отца, и ни с кем это не обсуждал, лишь порой намеками упоминал в письмах к матери.

Четверть века Чарльз Дойл трудился в Управлении общественных работ на той же должности, которую он занимал там с девятнадцати лет. Ни разу его годовая зарплата и гонорары за художественные работы не превысили сумму в 300 фунтов¹¹, а этого было слишком мало, чтобы содержать дом, кормить и воспитывать большую семью. Еще в начале 1860#х годов, едва достигнув возраста тридцати лет, Чарльз Дойл уже так сильно пил и так часто отсутствовал на рабочем месте, что в Управлении общественных работ ему наполовину срезаали зарплату¹². Лишь благодаря личному обаянию и большому таланту Чарльза Дойла руководители Роберт Мэтисон и Эндрю Керр терпели его выходки¹³. Однако в июне 1876 года, за несколько месяцев до возвращения Артура Конан Дойла в Эдинбург, во время реорганизации Управления общественных работ Чарльза Дойла уволили. Ему тогда исполнилось всего сорок четыре года. В докладной записке при назначении пенсии было великодушно упомянуто, что Чарльз Дойл «добросовестно и усердно исполнял свои обязанности»¹⁴, поэтому ему назначили ежегодную пенсию в размере 150 фунтов.

Возможно, Мэри Дойл утаивала многое от сына, или же сам Артур Конан Дойл упорно отказывался признавать существующие проблемы, но, узнав из письма матери о выходе отца на пенсию, он как ни в чем не бывало спросил, что, собственно, случилось, здоров ли отец, или его уволили по какой-то другой причине¹⁵.

Так и получилось, что основная ответственность за благополучие детей теперь лежала на энергичной и находчивой сероглазой матери Артура Конан Дойла, которую он обожал и идеализировал. Именно она помогла ему сохранить присутствие духа и привила любовь к учебе. Она рассказывала Артуру о Флобере и Теофиле Готье, про братьев Гонкур. Над Мэри Дойл в семье нежно подшучивали за ее привычку непрерывно читать, даже занимаясь домашними делами. Артуру была хорошо знакома такая картина: мать стоит у плиты, помешивая овсянку специальной лопаткой особой формы, чтобы в каше не образовывались комки, а в другой держит «Ревю де Дё Монд»⁸, поднеся журнал поближе к своим близоруким глазам¹⁶. Именно этот журнал со знакомой коричневатой-желтой обложкой познакомил Артура с миром Средневековья (большой частью вымышленным), исполненным рыцарства и безрассудной отваги, которые так захватили его воображение.

Увлеченность матери литературой передалась и сыну¹⁷. Артур быстро научился складывать слова, читая матери вслух, пока она вязала. Самоучителем французского для него стали... подписи к иллюстрациям в томике Жюль Верна, которые мальчик старательно выписывал и заучивал, а потом произносил вслух. Первым романом Верна был «Пять недель

---

⁸ «Ревю де Дё Монд» – литературно-художественный, но затем философско-политический журнал, название в переводе означает «Обозрение Старого и Нового Света». – *Прим. пер.*

на воздушном шаре», сначала, как обычно в то время, публиковавшийся отдельными главами в журнале. В 1863 году, когда Артуру было четыре года, роман вышел отдельной книгой. Пока Артур был еще маленьким, вышли многие популярные произведения Жюль Верна, в том числе «Приключения капитана Гаттераса», «Путешествие к центру Земли», а также «С Земли на Луну». Благодаря этим книгам в душе Конан Дойла проснулась любовь к приключениям; кроме того, они помогли ему научиться бегло говорить по-французски¹⁸.

Мэри Дойл относилась с большим почтением к американскому врачу и эссеисту Оливеру Уэнделлу Холмсу, автору нескольких популярных книг, в том числе «Автократ застолья», опубликованной за год до рождения Артура. Остроумные, ярко написанные рассказы Оливера Холмса о достижениях современной медицины во многом способствовали формированию мировоззрения Конан Дойла. Фамилию «Холмс» в семье Дойлов произносили с неизменным уважением.

На попечении Мэри Дойл был целый выводок детей. В возрасте семнадцати лет Артур вернулся в Эдинбург из школы-интерната. К этому времени его двадцатилетняя старшая сестра, Энн Мэри Фрэнсис Конан, которую дома прозвали сначала Тотти, а потом стали звать Аннет, уже работала гувернанткой в Португалии. Она отправляла домой каждый пенни, который удавалось сэкономить. Сестрам Констанс Амелии Монике (Конни) и Кэролайн Мэри Бартон (Лотти) было, соответственно, двенадцать и десять. Единственному брату Артура, Джону Френсису Иннесу Хэю, которого дома прозвали Дафф, было три с половиной года. Джейн Аделаиде Роуз (Иде) исполнился год, а пока Артур учился на первом курсе медицинского факультета, в семье Дойлов родилась еще одна девочка, Брайан Мэри Джулия Джозефина, которую вскоре прозвали Додо.

Семейство Дойлов жило в постоянной нужде, особенно туго стало с деньгами после увольнения Чарльза Дойла из Управления общественных работ. В конце концов, все это вынудило Мэри Дойл открыть домашний пансион. Возможно, такой поворот событий казался родителям Артура своеобразным завершением некоего цикла жизни. Дело в том, что во время первого приезда Чарльза Дойла в Эдинбург в 1850 году он поселился в пансионе у вдовы, чья дочь, симпатичная Мэри, вскоре привлекла его внимание. Однако Конан Дойл стыдился сложившейся ситуации, считал ее позором для семьи и, как старший сын, чувствовал свою ответственность за брата и сестер¹⁹. Кроме того, он осознавал подспудные ожидания родителей, что станет спасителем для семьи.

Глава 4

Семь трудных шагов

Стонихёрст, огромный средневековый жилой дом... Так и видится мне, как год за годом я поднимаюсь по семи крутым ступеням – это трудный путь, и, проходя их, я как будто прохожу через столько же этапов своего детства¹.

(Артур Конан Дойл. «Воспоминания и приключения»)

Учиться на медицинском факультете Эдинбургского университета у профессора Джо Белла было непросто, но Артуру Конан Дойлу там было намного лучше, чем когда-то в далеком детстве в эдинбургской школе под названием Ньюингтонская академия. С этой школой были связаны последние детские воспоминания Артура, относящиеся к жизни в Эдинбурге, поскольку следующие восемь лет он провел в школе-интернате. До Ньюингтонской академии Артуру от дома идти было недалеко, всего пару кварталов до Солсбери-плейс. А там, в этой первой на его памяти школе, учеников ждал директор, Патрик Уилсон – одноглазый человек с изрытым оспой лицом, то и дело с садистским удовольствием пускавший в ход многохвостую кожаную плетку².

В школе в Ходдер-плейс в Ланкашире на севере Англии, которой руководил более мягкий нравом отец Фрэнсис Кэссиди, жить было ненамного лучше³. Кроме отца Кэссиди там были и другие учителя, и они добротой к своим воспитанникам не отличались. Но Ходдер-плейс, где Артур провел почти безотлучно два долгих года (их отпускали домой всего на шесть недель летом), был подготовительной школой для расположенного поблизости Стонихёрста. В этой знаменитой иезуитской школе учителя наказывали учащихся за малейшие нарушения – безжалостно били их по рукам каучуковыми ремнями шириной с подошву. После таких наказаний Артур не мог порой своей избитой, пульсирующей от боли рукой повернуть дверную ручку и выйти из комнаты. А на следующее утро он с трудом удерживал в горсти свою порцию черствого хлеба и чашку разбавленного молока в облицованной мрамором, утонченно элегантной столовой, резко диссонировавшей своим убранством с убогостью пищи.

Гордый и непокорный Артур был готов с уважением и симпатией относиться к окружающим, но покориться унижающим его и издевающимся над ним «педагогам» он отказывался⁴. Стоически, не морщась, переносил он телесные наказания, находя между тем все новые поводы для проказ, чтобы показать, что дух его не сломлен. Постепенно Артуру стало понятно, что ему достается чаще, чем многим его одноклассникам. Однако он, видимо, расценил это как подтверждение своей негибкости. Артур чувствовал настоятельную потребность снова и снова доказывать другим и самому себе свою независимость.

Одноклассники вскоре также узнали, что Артур – прирожденный рассказчик. Он мог украсить своими яркими историями о героических подвигах те дни, когда занятия длились только до обеда – обычно так было по средам и субботам⁵. Восхищенные ученики устраивались за партами или на корточках на полу и, положив подбородок на ладонь, зачарованно слушали и неотрывно смотрели на восседавшего на столе Артура. Иногда рассказчик требовал угостить его пирогом, прежде чем приступить к повествованию, или прервать его, чтобы подкрепиться яблоком. Слушатели относились к этому терпеливо и неизменно награждали Артура аплодисментами⁶. Постепенно в нем росло стремление к более широкому и устойчивому признанию.

За время учебы в Стонихёрсте Артур Конан Дойл крепко сдружился только с одним учеником, Джимми Райаном, но в целом он неплохо ладил и с остальными одноклассниками. Среди них был и Патрик Шерлок⁷, дальний родственник ирландской тетушки Артура, Джейн Дойл⁸. Вероятно, Патрик напоминал Артуру об Уильяме Шерлоке, неоднозначном религиозном деятеле, ставшем предстоятелем собора Святого Павла в Лондоне в конце XVII века. Любимый историк Артура, Томас Бабингтон Маколей, уделил Уильяму Шерлоку особое внимание в своей «Истории Англии»⁹. Артуру часто встречалась эта фамилия. Весьма вероятно, что все более свободомыслящий юноша, вынужденный заниматься теологией в Стонихёрсте, также был знаком и с трудами сына Уильяма Шерлока. Говорили, что Томас Шерлок так ярко выступил в защиту христианской доктрины о чудесах, что под воздействием его слов философ Давид Юм, один из легендарных сынов Эдинбурга, выдающийся деятель шотландского Просвещения, написал в 1748 году свою знаменитую, глубоко рациональную главу «О чудесах» в книге «Размышления о человеческом понимании». А в 1868 году, когда Артуру исполнилось девять, вышел в свет роман «Потерянное имя» ирландского писателя Шеридана Ле Фаню, автора мистических историй о привидениях и готических романов, среди персонажей которых был некий Кармель Шерлок.

Артур бунтовал также против бесконечной зубрежки латыни, греческого и математики. Гомера в оригинале он не любил, а Эвклида не переносил ни на каком языке. Но в Ходдере-плейс и Стонихёрсте он семь лет грыз гранит иезуитской науки, организованной по образцу классической «римской системы»: классам были присвоены названия, повторяющие этапы обучения латыни, – начала, формы, основы, грамматика, синтаксис, поэзия и риторика⁹. Хуже всего Артуру давалась химия, несмотря на то, что Стонихёрст располагал весьма прилично оборудованной лабораторией. Это, правда, не мешало Артуру писать домой, что он напугает своих сестер и брата химическими опытами¹⁰.

В Стонихёрсте Артур впервые обнаружил в себе талант и недюжинное воображение. В 1874 году, когда ему исполнилось пятнадцать лет, Артур с удивлением наблюдал за стеланиями другие мальчишек, получивших задание написать стихи на тему исхода евреев из Египта. Самого Артура это задание, наоборот, очень порадовало, потому что стихи он любил с ранних лет. Он с наслаждением принялся рифмовать: «Как в лесу на мураве светлеют маргаритки,/Так средь ковыля видны Израиля кибитки...»¹¹

В следующем году Артур уже был редактором журнала колледжа Стонихёрст, сам написал немало стихотворений и, к своему изумлению, успешно – на «отлично» – сдал выпускной экзамен по программе Лондонского университета¹². Такой экзамен сдавали все ученики Стонихёрста по окончании этого учебного заведения. Удивленные одноклассники и друзья Артура в честь такого события качали его на руках на спортивной площадке. Так постепенно у Артура Конан Дойла стали появляться новые планы относительно своего будущего. Он почувствовал, что у него немалые задатки.

Однако далеко не все его учителя были так же обрадованы. Слишком часто Артур проявлял неповиновение школьным правилам и нормам. Когда он сообщил одному из преподавателей, что собирается стать инженером-строителем, тот напрямую сказал Артуру: «Что ж, Дойл, инженером вы, может, и станете, но вот воспитанным человеком – вряд ли»¹³¹⁰.

Несмотря на то что ирландцы Дойлы (когда-то их изначально англо-нормандское имя выглядело как «Д'Ойл»¹⁴) находились в мрачном окружении Шотландской епископальной

⁹ Эта же система образования (и названий классов) действует в Стонихёрсте до сих пор. – *Прим. ред.*

¹⁰ Игра слов: «инженер-строитель» по-английски – «civil engineer», а слово «civil» также значит «воспитанный», «культурный». – *Прим. пер.*

церкви¹¹, они оставались католиками. Отец Артура был глубоко верующим человеком, мать также искренне исповедовала католичество (правда, представление о вечной геенне огненной она не разделяла из человеколюбия). Тем не менее на предложение колледжа Стонихёрст обучать Артура бесплатно при условии, что родители затем определят его в иезуиты, мать Артура ответила отказом, за что он был ей очень благодарен. В детстве он, конечно, без колебаний разделял религиозные взгляды родителей. Но постепенно яростная бескомпромиссность в суждениях и ограниченность взглядов его учителей-теософов, а также чтение философских и научных книг и статей отдалили Артура от католицизма¹⁵. Услышав, что выдающийся священник заявляет, будто все, кто пребывает вне лона церкви, прокляты на веки веков, Артур пришел в ужас и негодование. Со временем его все больше и больше отвращала воинственная ограниченность религиозных организаций, их многочисленные доктрины Артур считал необоснованными и надуманными. Его по-прежнему восхищали некоторые ритуалы, запах ладана, звуки церковной музыки, он высоко ценил роль религии в установлении и поддержании морально-этических норм в обществе. Но религиозные догматы Артур отвергал.

Следующий год Конан Дойл провел в другой школе иезуитов – «Стелла Матутина», которая находилась неподалеку от церкви Фельдкирх в живописной провинции Форарльберг на западе Австрии, между блиставшими снежными вершинами горами в Тирольских Альпах, высоко над Боденским озером. Учителя в Фельдкирх, в отличие от предыдущих наставников, проявляли к учащимся мягкость и доброту – это умирало бунтарский пыл Артура. Здесь он много читал по-немецки, чуть ли не «бросил читать английские книги»¹⁶, как в шутку написал он матери. Конечно, в быстрой речи Артур мог перепутать существительное среднего рода с прилагательным женского, но в целом он, бесспорно, делал успехи.

Ученики школы раз в неделю ходили в походы, разбившись на тройки: – два немца на одного иностранца – с тем, чтобы тот набирался практики. Уже весной 1876 года Артур обнаружил, что может вполне внятно изъясняться на немецком в течение трех часов такой «амбулаторной прогулки». В письме к матери он утверждал, что прочел восьмисотстраничную «Историю Европы» на немецком языке. То и дело спотыкаясь на незнакомых словах, Артур все-таки понимал текст достаточно хорошо, чтобы обнаружить там некоторые случайные ошибки. Он, например, понял, что автор ошибочно разделил фамилию адмирала Гайд-Паркера, и в результате у него получились два адмирала: один по фамилии Хайд, а другой – Паркер¹⁷.

Артур был силен физически, у него оказались развитые легкие, поэтому в школьном оркестре он играл на бомбардоне, басовой трубе таких размеров, что однажды его одноклассникам удалось засунуть в ее раструб подушку и простыню. Артур всегда любил прогулки и разные спортивные занятия на открытом воздухе, поэтому он с удовольствием совершал дальние прогулки в Альпах с тяжелым альпенштоком в руках. Как-то он прошел так сорок две мили. Кроме того, Артур занимался изданием рукописной школьной газеты, которую сам же основал и редактировал. Он придумал ей название: «Фельдкирхенская газета»¹⁸. Издание выходило на листах его школьных тетрадей, текст в ней был написан фиолетовыми чернилами. Этой смелой затее Артур нашел соответствующий девиз: «Публикуй, не утрашившись». Однако последствия его безрассудной смелости не заставили себя ждать. В своей редакционной статье Артур выступил с протестом против того, что учителя часто читают ученические письма, прежде чем отправить их адресатам. Вскоре после выхода всего двух тиражей газеты она была закрыта, на том и закончился первый опыт Артура в издательском деле.

---

¹¹ Шотландская епископальная церковь принадлежит англиканскому сообществу. – Прим. ред.

Конан Дойл всегда был не только читателем, но и писателем. Еще в возрасте пяти лет он написал сагу длиной в тридцать шесть слов¹⁹. Это произведение было написано детской рукой крупными буквами в большой тетради, а на полях Артур собственноручно изобразил в иллюстрациях с подписями, как тигр боролся с человеком. Для человека этот поединок закончился плохо. Сохранился небольшой фрагмент этой рукописи, из которого видно, что маленький автор хорошо «вооружил» своих персонажей: «У каждого пистолет, ружо и нож»²⁰. В семье любили цитировать замечание Артура, обнаружившего, что герой его повествования так быстро побежден: «Люди запросто попадают в передраги, а вот выбраться из них бывает трудно».

По пути из Австрии домой в августе 1876 года, делая небольшие остановки в Страсбурге, Базеле и в других местах, Артур добрался до Парижа²¹. Он приехал туда с парой пенсов в кармане и немедленно потратил один на лакричный напиток. Нанять повозку было уже не на что, поэтому он оставил свой чемодан на вокзале и пошел пешком по раскаленным летним зноем улицам вдоль отвратительно пахнувшей Сены к дому своего двоюродного деда и крестного отца Майкла Конана. Он него Артур унаследовал свое второе имя и жажду знаний. Подойдя к началу Елисейских Полей, Артур увидел вдалеке Триумфальную арку и, сориентировавшись по ней, пошел дальше, пока не отыскал дядюшкину квартиру на авеню де Ваграм.

Майкл многие годы был для Артура наставником и авторитетом, несмотря на то, что они не встречались лично. «Я буду с большим интересом следить за его развитием»²², – писал Майкл сестре, а ведь юному дарованию в это время еще не исполнилось и пяти. Это Майкл посоветовал матери Артура обучать его умножению, делению, началам географии и картографии еще до того, как ребенок пошел в школу. «Что касается будущего развития Артура, то оно, несмотря на его природную одаренность, во многом будет зависеть от матери, которая души в нем не чаёт, тем самым вызывая в нем любовь и уважение». На восьмой день рождения Майкл отправил Артуру в подарок детское издание истории Франции, с яркими цветными иллюстрациями королей и королев с коронами, в роскошных одеждах. Дядя уверял мальчика, что, поскольку его мать свободно владеет французским, то и он вскоре сможет прочесть эту книгу. Эта книга пробудила воображение Артура.

Оказалось, что Майкл Конан – широкоплечий ирландец с кипучей натурой, интеллектуал, бывший редактор «Art Journal», проводивший все душевное лето в городе. Они с Артуром отлично поладили. Майкл Конан убеждал своего весьма образованного и умного внучатого племянника, что ему необходимо почитать рассказы американского писателя Эдгара Аллана По²³, скончавшегося в 1849 году в возрасте сорока лет. По всей видимости, Майкл Конан не знал, что Артур с детства любил рассказы По²⁴ и возил книжечку его «Рассказов тайны и воображения» с собой в Фельдкирх²⁵. Кроме того, уже дома в Эдинбурге, готовясь в сентябре с репетитором к поступлению на медицинский факультет университета, Артур, бывало, устраивал себе перерывы и в качестве разрядки читал вслух младшим сестрам и брату рассказы Эдгара По, наводя на них страх²⁶.

Глава 5

Северные Афины

*Путешественники, объехавшие весь свет, не могли бы назвать более прекрасной панорамы¹.
(Артур Конан Дойл. «Торговый дом Гердлстон», пер. И. Гуровой и Т. Озерской)*

Летом 1876 года семнадцатилетний Артур Конан Дойл вернулся в живописный город своего детства. Эдинбург расположен на трех холмах в узкой долине между отрогами гор Пентланд на юге и заливом Ферг-оф-Форт в двух милях к северо-востоку². Шотландский диалект богат эпитетами, характеризующими местные зимние ветра – «иссушающие», «пронизывающие», «сивые», «хладно-жестокие»³. Если забраться повыше и посмотреть вдаль на северо-восток через Ферг-оф-Форт⁴, туда, где река Форт впадает в Германский океан⁵, можно разглядеть маяк на готической башне в пяти милях от берега на острове Мэй. С 1816 года он подавал сигналы морякам, а спустя двадцать лет там были установлены рефракторные линзы, так что свет маяка видели теперь издалека.

Из долины струились вверх туманы, превращаясь в легкую дымку над средневековым Эдинбургским замком. Замок, расположенный на скалистом базальтовом утесе, имеет четыреста футов¹² в высоту⁶. С внутренней стороны замка высится башня. Ее венчают стрельчатые окна, откуда еще в XII веке лучники обрушивали на головы осаждающих потоки стрел¹³.

Замок так высок, что выстрел «часовой» пушки оттуда разносился далеко по округе⁷. Такой сугубо мирный выстрел звучал ежедневно, кроме воскресенья, в час дня с начала 1861 года; Артуру тогда исполнилось два. По этому выстрелу корабельщики из Лита и лавочники из Нового города¹⁴ сверяли время, и прохожие на Принсес-стрит¹⁵ тянулись к жилетным карманам, чтобы проверить свои часы. Звук разносился на такое расстояние от замка, что Чарльз Пьяцци Смит, королевский астроном Шотландии, создал особую карту, на которой концентрическими кругами было обозначено, за какое время в секундах на какое расстояние распространяется звук выстрела, что позволяло выверять часы точнее.

До изобретения современных пушек эта крепость считалась почти неприступной. Она была главной цитаделью Эдинбурга, а следовательно, и Шотландии, поэтому ее много раз осаждали. Замок высился над округой, и пастухи в Файфе на севере от Эдинбурга, оторвавшись от стрижки овец, поднимая взгляд, видели его башню, как мираж на горизонте⁸. Моряки, приближаясь к Эдинбургу с северо-востока, издали видели башни замка. Оттуда открывался незабываемый вид на округу. На севере взору представали зубчатые вершины Грампианских гор, на востоке над тысячами грязных крыш можно было увидеть возвышавшийся вдалеке «Трон Артура»¹⁶, на юге – Пентлендские холмы. В опубликованном в 1859 году путеводителе по Шотландии с гордостью сказано, что вид из замка сочетает в себе

---

¹² Около 120 м. – *Прим. пер.*

¹³ Современный облик Эдинбургского замка (не сильно изменившийся со времен юности Артура Конан Дойла) обязан двум крупным перестройкам XVI и XVIII вв. «Башня со стрельчатыми окнами» – это скорее всего «Батарея-полумесяц», возведенная в 1588 г., так что «потоки стрел» в этом случае стоит отнести на счет художественного вымысла автора. – *Прим. ред.*

¹⁴ Новый город – один из центральных районов Эдинбурга. – *Прим. пер.*

¹⁵ Принсес-стрит – одна из центральных улиц Эдинбурга. – *Прим. пер.*

¹⁶ Самый высокий холм (251 м) в парке Холируд, вершина потухшего вулкана, одна из популярных достопримечательностей Эдинбурга. – *Прим. ред.*

«в одном обширном пространстве самые роскошные черты прекрасного и возвышенного»⁹. Вид на город с моря, горный ландшафт и вдохновленная греческой культурой архитектура классицизма снискали Эдинбургу славу «Афин Севера»¹⁰.

Величественная тень замка падала на шумный рынок внизу, в городе¹¹. И сквозь грохот колес экипажей, насмешки уличных мальчишек и грохот проезжающих поездов слышались звуки барабана и горна¹², сопровождавшие смену караула. В районе Грассмаркет всегда было множество пабов и лавочек, оштетинившихся винтовыми лестницами и ступенчатыми фронтонами. С XV века здесь бурно кипела жизнь¹³. Во времена Артура Конан Дойла тут все еще торговали крупным рогатым скотом и лошадьми. Тут же находились знаменитая старинная гостиница «Белый Олень» и паб «Черный Бык» с мраморными рельефными колоннами по обе стороны от входа, а над ним надпись: «Дж. Уилкинсон, торговля спиртными напитками». По соседству располагались грузовые склады. Перед входом теснились запряженные телеги, нагруженные товарами. Сверху все телеги были плотно укрыты брезентом, чтобы товары не вымокли под дождем, нередко поливавшим Эдинбург. В том же здании находилась и лавочка, где торговали нюхательным и курительным табаком. Над входом нависал бюст человека в тюрбане, некогда, возможно, украшавший форштевень корабля – он свидетельствовал, что товар и правда прибыл из экзотических стран. Порожние телеги на время превращались в удобные стойки для местных бездельников – те, облокотясь на них, покуривали, обмениваясь сплетнями.

Когда-то Грассмаркет был местом публичных казней. Именно здесь произошла знаменитая казнь жены рыбака по имени Мэгги Дикинсон. Ее повесили в 1724 году за убийство собственного ребенка. Но когда ее повезли с места казни, Мэгги вдруг очнулась. Оказалось, во время повешения она лишь потеряла сознание, но не умерла. Было решено, что свое наказание она понесла и, возможно, была спасена по божьей воле. Мэгги Дикинсон освободили. Однако после этого в текст приговора о казни через повешение в Шотландии внесли дополнение: «до смерти».

Город не раз горел. Перед пламенем устояли только замок и Холирудский дворец, расположенный на другом конце спускающейся по гребню холма улицы, которая теперь называется Королевская Миля. Позже и они пали под натиском армии Кромвеля и были разграблены. В конце 70#х годов XIX века, когда Артур Конан Дойл был еще школьником, руины Холирудского аббатства возвышались меж газовыми заводами¹⁷ и пивоварнями, и его готические ворота были похожи на декорации, перед которыми как заводные шагали туда и сюда охранники в своих красных мундирах¹⁴.

Между замком и университетом, на вершине холма, где находится церковь Грейфрайерс, оранжевогрудые малиновки и стаи отъевшихся кошек крутились посреди высеченных в камне эпитафий великим именам шотландской истории с железными решетками-«мортсейфами» на могилах¹⁵, охранявшими их от кладбищенских мародеров, «людей воскрешения», таких как Уильям Бёрк и Уильям Хэр¹⁸, которые грабили могилы и убивали бедняков в 20#х годах XIX века.

---

¹⁷ В XIX в. газовое освещение (как домов, так и улиц) в Англии было весьма распространено, да и к концу века еще не вполне уступило электрическому. Газовые заводы производили светильный газ (смесь водорода, метана и других горючих газов) путем пиролиза каменного угля. К описываемому в тексте времени они диверсифицировались, производя газ уже в качестве топлива. – *Прим. ред.*

¹⁸ Знаменитые виновники «Уэст-портских убийств» – серии из 16 убийств, совершенных с ноября 1827-го по 31 октября 1828 года в окрестностях улицы Уэст-Порт. Бёрк и Хэр, начав как «обычные» грабители могил (извлеченные трупы продавались медикам, испытывавшим крайнюю нужду в «материале» для анатомических исследований), решили, что убивать бедняков в тех же целях проще и безопаснее (см. также Главу 7). – *Прим. ред.*

Тесные и темные улочки Старого города ниже и восточнее замка вились в средневековом беспорядке¹⁶. Грубо сколоченные верхние этажи домов нависали над нижними, а грязные улицы были такими узкими, что пешеход, расставив руки, мог коснуться стен противостоящих домов. Когда-то в высоких домах Эдинбурга жили аристократы, но затем скученность и чума заставили их перебраться в пригороды. В 70#х годах XIX века покрытое пятнами сажи белье сушилось, свисая из окон когда-то величественных зданий, над входными дверями которых красовались потускневшие гербы.

Из окон большинства домов открывался довольно мрачный вид: шиферные крыши с дымоходами из красного кирпича, извергающими едкие клубы дыма. То и дело над крышами раздавался скрежет черного от сажи ежа, орудия трубочиста, прочищавшего дымоход¹⁷. Неудивительно, что в Средние века за городом закрепилось прозвище «Олд Смоуки»¹⁹. Но над городом тянуло не только дымом. Разило также тяжелыми испарениями кожевенных заводов и фабрик по производству клеев и зловонным содержимым ночных горшков, которое также выплескивали если не в специальные телеги, то прямо на улицы под ноги прохожим. К счастью, веющие с гор ветра, продувавшие город, помогали рассеять эти миазмы.

Городу не хватало места для роста вширь, и он стал расти ввысь. Когда преуспевающие слои населения покинули эти кварталы города, там разместились бедные. Они ютились в тесных грязных квартирках, расположенных одна над другой, а на нижних этажах держали свиней или устраивали конюшни. В те времена, когда маленький Артур впервые протопал по бульжным мостовым Старого города, держась за руку матери, часть бывших трущоб уже обрушилась. В 1824 году большой пожар, полыхавший пять дней, уничтожил или испортил не только такие памятники архитектуры, как Старый зал ассамблей, но и более двадцати многоквартирных домов. Некоторые из них насчитывали до четырнадцати этажей и считались самыми высокими зданиями в Европе. Пожар бушевал от Хай-стрит до Бортвик Клоуз. В огне погибло и здание на Парламент Клоуз, в котором родился Джеймс Босуэлл. Многие ветхие дома и многоквартирные здания были снесены. Вместо них построили более безопасное и более чистое современное жилье, однако это не избавило Старый город от перенаселенности и нищеты¹⁸.

Артур Конан Дойл стоял, бывало, на продуваемом всеми ветрами высоком Северном мосту между Старым городом и Новым, с его чистыми улицами и красивыми зданиями в классическом стиле, и смотрел на эти памятники общественного прогресса и предприимчивости, которые помогли превратить Эдинбург в мировой центр интеллектуального труда. Артур решил изучать медицину отчасти потому, что медицинский факультет Эдинбургского университета считался одним из лучших в мире. В XVIII веке здесь расцвело шотландское Просвещение. Здесь трудились философ и математик Дугалд Стюарт, экономист Адам Смит, геолог Джеймс Хаттон и многие другие известные деятели науки и культуры. Вальтер Скотт, чьими романами Конан Дойл зачитывался в юности, родился на улице Колледж Уаинд, рядом с Каугейт, а это недалеко от места, где родился и сам Артур. Жил Вальтер Скотт на площади Джордж-плейс возле университета, где ежедневно бывал Конан Дойл во время учебы, а умер всего за одно поколение до рождения Артура. Сама атмосфера Эдинбурга была насыщена высокими устремлениями и искусством.

Однако Эдинбург не был для Артура убежищем, где он мог бы забыть свои заботы. Финансовая несостоятельность отца, его увольнение из Управления общественных работ сделали груз ответственности за семью, и так лежавший в основном на плечах Мэри, многократно тяжелее. В те времена приличных для женщины благородного происхождения способов заработать было совсем немного – и она в конце концов решила открыть домашний

---

¹⁹ «Смоуки» (от англ. «smoke») значит «дымный»; приводимое автором прозвище Эдинбурга, таким образом, можно перевести как «Старая дымящая труба». – *Прим. пер.*

пансион. В 1875 году в их доме снял комнату двадцатилетний студент-медик Брайан Чарльз Уоллер, которому оставалось учиться полгода. Увлеченный писательством и поэзией, он при этом был достаточно практичен, чтобы изучать медицину. Брайан происходил из уважаемой йоркширской семьи. Он был всего на шесть лет старше Артура, но, видимо, его отношения с Мэри Дойл вскоре получили новый, пикантный оттенок, о чем семейные хроники, разумеется, умалчивали. Сначала Артуру Уоллер понравился. Именно он посоветовал юноше, который уважительно именовал его «доктор Уоллер», заняться медициной¹⁹. В мае 1876 года, незадолго до отъезда из Фельдкирх, Конан Дойл писал матери, что доктор Уоллер непременно подтвердит, что ему, Артуру, будет «очень трудно сдать экзамены» на медицинский факультет, учитывая, что мальчик плохо знал тригонометрию и евклидову геометрию²⁰. Мать нашла для него репетитора, и Конан Дойл успешно поступил в университет.

Вернувшись в Эдинбург в сентябре, после целого года отсутствия, Артур с нетерпением хотел увидеться со своей горячо любимой матерью, но оказалось, что ее нет дома: Мэри уехала с визитом в Йоркшир, в родовое гнездо семейства Уоллер в Масонгилле²¹. Артур же был или слишком невинным, чтобы понять, что это означает, или слишком замкнутым и гордым, чтобы делиться с кем-либо таким известием. Как это случилось, остается неизвестным, но довольно быстро Брайан Чарльз Уоллер стал не просто квартирантом в пансионе Дойлов, а другом семьи – он взял на себя все материальные заботы²².

Чарльз Дойл тем временем после вынужденного выхода на пенсию пытался иногда рисовать. В 1876 году он создал одну из своих наиболее веселых (и наименее странных) работ. Это яркая акварель, на которой множество пестро одетых людей катаются на коньках²³ по белоснежному льду озера Даддингстон-Лох, расположенного ниже крутого утеса на южном склоне «Трона Артура». Летом тут катались на лодках, вокруг плавали лебеди, а в зимних сумерках катались на коньках при свете факелов²⁴. Говорят, что катание на коньках на льду как вид спорта было придумано в Шотландии, а Эдинбургскому конькобежному клубу уже во времена Артура Конан Дойла исполнилось не менее ста лет²⁵. Артуру вообще нравилось, что в Эдинбурге можно было играть в футбол и гольф, взбираться на окрестные холмы по крутым тропам, играть в керлинг и кататься на коньках. Когда мать сообщила Артуру, что его отца уволили из Управления общественных работ, он ответил, что эти перемены в жизни, возможно, позволят Чарльзу Дойлу поскорей закончить тот эскиз с катанием на коньках²⁶. Однако надеждам семьи на то, что после этого репутация Чарльза Дойла как художника восстановится, не суждено было сбыться.

Глава 6

Ни один человек из плоти и крови...

Думается мне, что вряд ли кто в жизни испытывает такое же полное, переполняющее душу счастье, как одаренный богатым воображением паренек, у которого мало свободного времени, и вдруг выдается часок, чтобы укрыться где-то в уголке с книгой, и он знает, что весь этот час никто не помешает ему читать¹.
(Артур Конан Дойл. «Ювеналии»)

По дороге на занятия и в клинику Артур Конан Дойл ежедневно проходил мимо обители искушения на Южном мосту, номера домов 54 и 55. Там, под сенью Университета располагалась лавка книготорговца Джеймса Тина². Здесь торговали и новыми книгами, но бо́льшую часть томов, расставленных в многочисленных комнатах, Тин разыскивал на разнообразных распродажах недвижимости и аукционах. Полки жалобно поскрипывали под грузом научных изданий, которые специально разыскивали – или случайно на них наткнулись – получившие классическое образование ученые, завсегдатаи книжной лавки Джеймса Тина. Лишь строгий учет позволял избегать хаоса и путаницы среди такого множества книг. Так, одна из комнат была целиком посвящена книгам по медицине, другая – богословию, следующая – юриспруденции. Романов у Тина в продаже почти не было.

Книжная лавка Джеймса Тина существовала с 1848 года. Сюда заходили знаменитые писатели и политики Томас Бабингтон Маколей и Томас Карлайл – посмотреть книги и побеседовать. Рылся на здешних полках и миниатюрный живчик Томас де Квинси. Чаще всего он заходил сюда уже после захода солнца. Когда он в свойственной ему безупречной манере заводил разговор, становились видны его испорченные опиумом, скошенные вовнутрь зубы, отчего нижняя губа его выпячивалась³. Эксцентричный профессор университета Джон Стюарт Блэки, бывало, забегал сюда за понадобившейся ему книгой напрямую через Бридж-стрит, уворачиваясь от проезжавших экипажей и огибая прохожих, а его черный домашний халат обвивался полами вокруг его колен.

Сосредоточенный вид и редкие восклицания восторга завсегдатаев Джеймса Тина – чаще всего ими были старцы с длинными баками, балансирующие на шатких стремянках с толстыми таинственными томами в руках, – напомнили бы досужему наблюдателю школьного учителя Домини Сэмсона⁴, героя романа Вальтера Скотта «Гай Мэннеринг, или Астролог» (1815 год). Ученость в Эдинбурге всегда была в почете. Изображение этого персонажа есть среди шестидесяти с лишним других героев романов Вальтера Скотта, которые высечены на знаменитом, выполненном в готическом стиле двухсотфутовом памятнике любимому писателю Эдинбурга на Принсес-стрит.

Для безденежного Артура Конан Дойла самым большим искушением в лавке Джеймса Тина было вывешенное на окне объявление о распродаже⁵. Оно манило к себе как зов сирен – всего за три пенни можно было купить любую книгу из тех, что были свалены в большое корыто, стоявшее прямо под окном. Но ровно три пенни стоил и ежедневный обед Артура. Проходя мимо книжного магазинчика по пути на обед, Артур Конан Дойл каждый раз боролся с двумя видами голода. Конечно, чаще побеждал телесный голод. Но примерно раз в неделю Артур все-таки пропускал обед и останавливался у груды книг.

Он не мог даже и мечтать о роскошных дорогих изданиях и с радостью перебирал эти, выдворенные за пределы магазина, чтобы не занимать там ценного места. Терпеливо извлекая на свет божий логарифмические таблицы, незапамятных времен альманахи, глу-

бокомысленные размышления шотландских богословов, снабженные множеством примечаний, Артур Конан Дойл откладывал все это в сторонку, продолжая зарываться все глубже в надежде отыскать сокровище. И часто удача ему улыбалась. Как-то раз он стал счастливым обладателем острой сатиры Джонатана Свифта на христианство – «Сказ о Корыте», в другой раз ему достался плутовской роман Алена-Рене Лесажа «Жиль Блаз». Эти книги в переплетах из толстой кожи и с блеклыми золотыми буквами на обложках знавали и лучшие дни в библиотеке какого-нибудь джентльмена.

Однажды Артуру попала небольшая, но увесистая книга в мрачном переплете из темно-коричневой кожи. Это был «Трактат о войне», написанный на латыни⁶. Он открыл первую страницу и на форзаце обнаружил надпись, сделанную решительным угловатым почерком. Чернила уже почти выцвели, оставался слегка желтоватый след: «Экслибрис Джильельма Уайта, 1672». Надпись была датирована той эпохой, которая и так уже завладела воображением Артура, а уверенно написанная строчка, грезилось ему, предвещала начало какой-то захватывающей истории. Прошлое казалось ему безумно романтичным. Конан Дойл купил книгу. Однако, несмотря на бесконечную зубрежку латыни и греческого в Сто-нихёрсте и до него, в целом Артуру было все-таки проще читать классическую литературу в переводе на английский. Именно поэтому из корыта в лавке Джеймса Тина Артур извлек и приобрел все четыре тома переводов римского историка Тацита известного издания Томаса Гордона. Книги были изрядно потрепаны, но все же их можно было читать.

Там же Конан Дойл наткнулся на эссе Джозефа Аддисона, который стоял у истоков литературной журналистики, занимаясь с 1711 года вместе с Джозефом Стилем изданием журнала «The Spectator» («Наблюдатель»). Его увлечение историей Британии росло, и Артур Конан Дойл прочел хрестоматийную «Историю мятежа и гражданских войн в Англии» сэра Эдварда Хайда, первого графа Кларендона. Ему нравились стихи придворного XVII века Джорджа Вильерса, второго герцога Букингемского, и сатирика XVIII века Чарльза Черчилля. Конан Дойла интересовало многое, но в основном он читал сочинения писателей Шотландии, Ирландии и Англии – и в качестве развлечения, и в поиске знаний.

Страсть к чтению была у Артура с детства. И пусть днем он дрался с другими мальчишками на улице – вечерами и по выходным Артур, как в убежище, с головой погружался в мир книг⁷. В детстве он читал так много и быстро, что из ближайшей библиотеки его матери сообщили, что ему не будут выдавать более двух книг в день⁸.

В 1874 году, в возрасте пятнадцати лет, Конан Дойл провел трехнедельные рождественские каникулы у родственников в Лондоне⁹. Там он увидел известного актера Генриха Ирвинга в роли Гамлета, с восхищением разглядывал сверкающие мечи в Арсенале Тауэра. Но больше всего ему запомнилось посещение Вестминстерского аббатства. Несмотря на свою увлеченность британской историей, Артур первым делом отыскал не позолоченное бронзовое изваяние Эдварда III на его саркофаге, не мраморную статую Марии, королевы шотландцев, белые руки которой робко подняты в молитве, а Южный придел, получивший прозвище «Уголок поэтов». Там, под величественным окном с розовыми витражами, рядом с могилой Чосера и бюстом Мильтона, Артур отдал дань бранным останкам Томаса Бабингтона Маколей. «Тело его покоится с миром, но имя его будет жить в веках», – гласит надпись на надгробном камне¹⁰. Подобие высокому классическому слогу и героическому античному духу заставляло сердце Артура биться быстрее¹¹.

Шотландский историк и политик Томас Бабингтон Маколей прорубил для Артура окно в ранее непроницаемой стене истории. Многие годы, переезжая из школы в школу, Артур возил с собой потрепанную книжку Маколей «Сборник критических и исторических очерков» (1843 г.). Эти разрозненные эссе выходили в журнале «Edinburgh Review», отражавшем политические воззрения вигов. Сочинения Маколей – длинные, вдумчивые эссе на раз-

личные серьезные исторические темы, написанные хорошим литературным языком, – были типичны для «Edinburgh Review»¹².

Томас Бабингтон Маколей давно стал любимым писателем Артура Конан Дойла¹³. Пожертвовав очередным обедом, он приобрел на распродаже более свежий экземпляр «Очерков», хотя тоже сильно зачитанный. Автор широкими драматическими мазками набрасывал литературные портреты таких ярких исторических фигур, как Макиавелли, Фридрих Великий, Фрэнсис Бэкон и Джон Баньян²⁰. Благодаря этому сборнику у Артура Конан Дойла рос интерес к истории и одновременно возникало неодолимое стремление подражать величию и размаху автора. Некоторые критиковали этого писателя за самодовольный патриотизм, особенно ярко проявившийся в его несколько беллетризованной истории Англии. Однако в юности Артура Конан Дойлу очень imponировали авторитетный тон Томаса Бабингтона Маколей и его интерес к различным слоям общества¹⁴. Его восхищал пышный пафос кумира, его провокационные ремарки, его обостренное внимание к фактуре повествования, что делало эти эссе особенно достоверными. Повзрослев, Артур счел доводы критиков резонными.

Нравились Конан Дойлу и другие писатели. Собрание из нескольких сочинений Вальтера Скотта в оливково-зеленом тканом переплете Артуру вручили, когда он был еще совсем ребенком и ничего в них не понимал. Позже он уже запоем читал их в постели при свечах, пренебрегая советами матери поспать вместо этого¹⁵. Артур был не в силах оторваться от героических историй. Мальчик так увлекался приключенческими романами Вальтера Скотта, что первый его экземпляр «Айвенго» безвременно «канул в Лету». Артур брал книжку с собой почитать и по рассеянности оставил ее на травянистом берегу ручья. Нашел он ее лишь через несколько дней, выброшенную на берег, испачканную в грязи и размокшую, словно утопленница¹⁶.

По утверждению таких литературных критиков, как Джон Раскин и Томас Карлайл, роман «Айвенго», действие которого происходит в конце XII века, способствовал возрождению интереса английского общества к Средневековью¹⁷. Во времена детства и юности Конан Дойла этот интерес все еще не угас. В этом романе также впервые выведен образ легендарного Робин Гуда. Он появляется под именем Локсли, веселого разбойника, столь искусного лучника, что может даже расколоть чужую стрелу. «Это, должно быть, дьявол, простому смертному такое не под силу, – шептались между собой йомены. – Так еще никто не стрелял с тех самых пор, как в Англии впервые был сделан лук»¹⁸. Подобные сцены производили неизгладимое впечатление на Артура¹⁹.

Конан Дойл рано отметил, что Вальтер Скотт порой слишком велеречив и непоследователен, но стоит ему переключиться на действие, на развитие событий, как увлекательные сцены возникают под его пером, словно по мановению волшебной палочки. Ему удивительным образом удавались подробности повседневной жизни елизаветинской Англии в романе «Кенилворт» или полное интриг соперничество в Византийской империи во времена Первого крестового похода в романе «Граф Роберт Парижский». За несколько лет до того, как состоялось знакомство Артура Конан Дойла с произведениями Вальтера Скотта, один из критиков назвал писателя национальным кумиром, «чьи романы не только освежали и украшали историю, но многим историческим деятелям, ранее не избалованным славой, присваивали достойное им место и репутацию, как это сделала бы летопись самой истории»²⁰. И все же с самого начала своего знакомства с творчеством Вальтера Скотта у Артура Конан Дойла то и дело возникало желание, чтобы тот направил свое воображение на личности

²⁰ Джон Баньян (John Bunyan) – английский писатель, баптистский проповедник (1628–1688). – *Прим. ред.*

более современные вместо того, чтобы тратить столько лет на магическое воссоздание прошлого²¹.

Кроме того, Артур Конан Дойл очень любил героическую поэзию²². Для него не было образа привлекательней, чем образ мужественного Солдата, без колебаний вступающего в бой и идущего, может быть, на верную смерть. Доблесть в бою восхищала Артура так же, как нравилось ему все, что казалось мужественным: бокс, патриотизм, охота. В Стонихёрсте ему удалось выучить наизусть все семьдесят восемь строк из героической баллады Томаса Бабингтона Маколея «Гораций». Величественный и энергичный слог этого произведения не мог оставить Артура равнодушным:

Ларс Порсена из Клузии Девятью богами поклялся, Что великий дом Тарквиния Не претерпит страданий напрасно. Девятью богами поклялся, И назначил он день, И направил гонцов вперед, На восток и на запад, на юг и на север, Чтоб собрать свое войско.

Артур Конан Дойл любил читать о приключениях, так же как любил сами приключения. В детстве больше всего ему нравились книги американского писателя ирландского происхождения Майн Рида, особенно его роман «Охотники за скальпами» (1881 г.). Во вступлении автор рисует захватывающую панораму Дикого Запада, которая живо представала перед романтическим взором Артура:

«Развернем карту обоих полушарий и взглянем на огромный материк Северной Америки. Посмотрим на далекий Дикий Запад – туда, за крайние границы Соединенных Штатов, где перед нашими глазами развернется страна, землю которой никогда еще не вспахивали человеческие руки, очертания которой как бы отражают во всей величавой неприкосновенности первый день творения, – страна, в которой каждый предмет еще носит первобытный отпечаток, образ Творца...

Перед нашим духовным взором разворачивается изменчивая панорама роскошных картин...»²³²¹

Далее следует восторженное описание разительно отличающихся друг от друга пространств Дикого Запада: прерий, пустыни. Майн Рид завершает все это коротким рассказом о природе горной части Дикого Запада, с восхищением восклицая: «Это Скалистые горы, ньюмексиканские Кордильеры, хребет континента!»

Едва научившись складывать буквы в слова, Артур запоем читал такие книги и постоянно представлял себе, как он вступает в рукопашную схватку со свирепыми краснокожими воинами, как потом за ним, раненным, ухаживает прекрасная скво²⁴. В мыслях он не раз совершал морские походы от Гудзонова залива до мыса Горн и знал, как вести себя на борту корабля. В своем воображении Артур видел себя с длинноствольной «кентуккийской винтовкой» в руках и не сомневался, что сумел бы уйти от преследователей, пробежав по мелководью ручья, чтобы сбить собак со следа. Все эти воображаемые приключения еще были живы в его памяти, когда он шагал по холмистым улицам Эдинбурга к университету.

---

²¹ Пер. А. Ромма, А. Венедиктова. – *Прим. ред.*

Глава 7

Ода опиуму

Здоровый скептицизм, который формирует медицинская подготовка, стремление подтвердить каждый факт и строить выводы только на основе этих подтвержденных фактов, – все это составляет прекрасное основание для любого рассуждения.
(Артур Конан Дойл, статья «Романс о медицине»)

В 1876 году Артур Конан Дойл поступил в Эдинбургский университет, давно снискавший заслуженную славу мирового центра медицинского образования. В 1505 году, во времена правления Джеймса IV, который даровал гильдии хирургов и цирюльников хартию в ответ на прошение о создании таких профессиональных цехов в Эдинбурге, был основан Эдинбургский королевский хирургический колледж¹. В те времена другие монархи давали свое королевское согласие на публичные казни – бичевание или повешение, проведение публичных пыток – вырывание ноздрей, языка или прибивание ногтей к бревну. В 70#х годах XIX века Эдинбургский королевский хирургический колледж воздавал дань уважения смелости и предусмотрительности его основателей, которые, согласно преданиям о создании этого учебного учреждения, дерзнули среди дремучего варварства основать анклав просвещения.

В Эдинбургском университете, самом молодом из шотландских высших учебных заведений, преподавание хирургии и анатомии велось с начала XVI века. Однако само понятие «квалифицированный профессиональный врач» появилось значительно позже. Реестр аккредитованных медицинских работников был впервые опубликован в Британии лишь в 1858 году, за год до рождения Артура. Профессия врача претерпела значительные изменения в течение первой половины девятнадцатого столетия, и все, что видел Артур во время учебы, было плодом недавних исследований и экспериментов. Смахнув паутину прошлого, прогрессивный Эдинбургский университет занял передовые позиции в противовес более консервативным английским учебным заведениям, таким как Оксфордский и Кембриджский университеты, где многие влиятельные преподаватели все еще выступали против таких новых идей, как теория Дарвина о естественном отборе².

Как и другие науки (астрономия, геология и биология), медицина продвигалась вперед как в области теории, так и в практическом отношении. Микроскоп, изобретенный еще в XVII веке, был значительно усовершенствован, что позволило начать изучение структуры клетки: от клеток древесной коры до клеток человеческой крови. Идея вакцинации (то есть прививания вируса натуральной оспы людям, не имеющим к этой инфекции иммунитета) уже не была новой в Китае, Африке и Индии, но в Европе лишь в 1796 году англичанин Эдвард Дженнер успешно доказал, что прививки полезны, и разработал методы вакцинации, после чего европейское медицинское сообщество прекратило свои нападки и издевки. В 40#х годах XIX века для подкожных инъекций впервые стал применяться стальной шприц. Благодаря этому усовершенствованию врачам удалось преодолеть двухсотлетнее сопротивление этому методу, так как первые попытки подкожных инъекций иногда приводили к смертельному исходу.

Среди знаменитых ученых Эдинбургского университета новейшего времени был Джеймс Янг Симпсон, который через шестнадцать лет после открытия хлороформа в 1847 году обнаружил, что его можно применять для анестезии. Новый обезболивающий препарат стал использоваться во многих областях. В середине 40#х годов XIX века стоматолог Гораций Уэллс стал практиковать для обезболивания ингаляцию закиси азота. Эта идея была

впервые предложена великим химиком Гемфри Дэви еще за полвека до Горация Уэллса. Обезболивающий эффект закиси азота, так называемого веселящего газа, Гораций Уэллс проверил на себе. Один из его коллег дал ему подышать закиси азота, а другой коллега почти безболезненно удалил Уэллсу зуб. Примерно в это же время был проделан другой опыт обезболивания с помощью газа. Один из пациентов, страдавший от зубной боли, просил сделать ему гипноз перед тем, как вскрывать абсцесс на десне. Вместо гипноза, как он понял позже, ему сделали анестезию серным эфиром. Это вещество с древних времен было хорошо известно как отличное обезболивающее.

Джозеф Белл был не единственным преподавателем Эдинбургского университета, который своим примером показывал студентам, что медицина – увлекательнейшая и глубоко современная наука. Так, известный профессор естественной истории Чарльз Уивилл Томсон, которому на тот момент было около сорока пяти лет, преподавал зоологию. В 1876 году он вернулся в университет после службы главным научным советником на борту корабля ВМС Великобритании «Челленджер». По настоянию Чарльза Уивилла Томсона Королевское научное общество профинансировало переоборудование военного корабля в плавучую лабораторию для изучения морской фауны, о которой в то время было известно очень мало.

Уильям Рутерфорд³ был профессором физиологии после того, как несколько лет занимал пост Фуллеровского профессора²² химии Королевского института. Это был невысокого роста широкоплечий человек с бочкообразной грудью, делавшей голос Уильяма Рутерфорда невероятно зычным. Даже окладистая борода, сошедшая, как казалось Артуру, с барельефов ассирийских царей, не могла заглушить этот голос. Во время студенчества Конан Дойла Уильяму Рутерфорду было уже за сорок. Он родился и вырос в небольшой деревушке Анкрум Крейг, в районе Роксбургшир на юго-восточном побережье Шотландии, а образование получил в Вене, Париже и Берлине. В результате у Уильяма Рутерфорда сформировался весьма необычный «шотландско-среднеевропейский» акцент. Показывая студентам наглядные опыты на лягушках, он забавно приговаривал: «Ах уш эти немецки лякушки!» Уильям Рутерфорд обладал всеми необходимыми свойствами (прежде всего большим самообладанием и властностью), чтобы справляться с непростой задачей: чтением лекций для больших аудиторий. В зимнее время количество студентов на лекциях по практическому курсу физиологии достигало двухсот пятидесяти человек, а на лекциях по систематической физиологии их могло быть и вдвое больше⁴. Это ничуть не смущало Рутерфорда, умело сочетавшего чтение теории и наглядные опыты. Нередко профессор начинал свою речь, еще не войдя в аудиторию. Студенты еще не видели его, но уже слышали издали его громкий голос: «В венах есть клапаны...»

Химию Артур изучал у профессора Александра Крама Брауна, который внес большой вклад в науку. Среди его научных достижений было создание системы изображения химического соединения в виде диаграммы, на которой атомы были обозначены обведенными в круг символами, а их связь с ядром – пунктирной линией. Александр Крам Браун славился своей добротой и невозмутимостью. Так, при демонстрации некоторых опытов в конце химической реакции вещество должно было взорваться или загореться. Но бывало, что-то шло не так, и никакого взрыва не было. Некоторые насмешливые студенты, не удержавшись, выкрикивали: «Бум!» Браун же, выходя из-за укрытия, где следовало переждать момент взрыва, спокойно говорил: «В самом деле, господа!» И продолжал занятие.

Когда Конан Дойл поступил в университет, профессору Генри Литлджону было уже за сорок⁵. Генри Литлджон, как и Джозеф Белл, родился в Эдинбурге, окончил университет и Эдинбургский королевский хирургический колледж. Кроме того, он учился в Сорбонне. В

²² Должность, учрежденная на средства бывшего члена парламента Фуллера; первым этот пост занимал Майкл Фарадей. – *Прим. пер.*

1854 году он был принят в члены правления Эдинбургского королевского хирургического колледжа. Городской совет Эдинбурга назначил Генри Литлджона судебно-медицинским экспертом полиции⁶. В следующем году он впервые прочел лекцию на медицинском факультете и вскоре прославился своим ораторским искусством и артистическим талантом. С поразительным остроумием и красноречивой жестикуляцией Литлджон предельно доходчиво и образно рассказывал о самых разных вещах – от антисанитарии в трущобах до устройства древнеримской канализации. Вскоре он читал лекции и по судебно-медицинской экспертизе. В 1861 году, когда в Эдинбурге произошло обрушение многоквартирного дома, в результате погибло тридцать пять человек и множество пострадало, Эдинбургский городской совет назначил Генри Литлджона первым инспектором по здравоохранению Эдинбурга. Карьера ученого шла рука об руку с работой правохранителя.

Некоторые преподаватели оказали значительное влияние на Артура Конан Дойла, даже не принимая личного участия в его обучении. Роберт Кристисон, например, вышел на пенсию еще в 1877 году, но память о его достижениях продолжали бережно хранить в стенах университета. Роберт Кристисон учился в Париже у химика Пьера Жана Робике и французского токсиколога родом с Менорки Матьё Дж. Б. Орфила, прославившегося своими исследованиями об отравлениях мышьяком⁷. Роберт Кристисон первым стал использовать в ходе преподавания материалы государственных уголовных расследований и судебных процессов Шотландии, взяв за основу лучшие французские учебные пособия по этой тематике. Впервые он стал известен широкой публике в 1828 году благодаря участию в расследовании и судебном разбирательстве дел Уильяма Бёрка и Уильяма Хэра, печально знаменитых грабителей могил, которые совершали и убийства, чтобы продавать трупы медикам, изучавшим анатомию. Спрос на трупы был велик – до принятия в 1832 году «Анатомического акта»²³ вскрытию подлежали только тела официально казненных преступников. Роберт Кристисон служил медицинским экспертом в суде, а позже коронным медэкспертом Шотландии. Именно он сформулировал основные положения правил осмотра трупов. Начав свою карьеру с выступлений в Высшем уголовном суде в защиту обвиняемых, нанятый королевскими адвокатами для выискивания любых лазеек и зацепок для оправдания своих клиентов, Кристисон вскоре стал выступать в интересах противоположной стороны – в качестве медэксперта королевского суда.

К тому времени, когда Роберт Кристисон оказался в пределах досягаемости Артура Конан Дойла, он уже стал легендарной личностью⁸. Он часто выступал в судах в качестве криминального медэксперта, кроме того, он значительно доработал труды своего наставника Орфила по токсикологии, в конце концов превзойдя учителя. Кристисон, как и его коллега Джозеф Белл, не колеблясь, рисковал своим здоровьем и даже жизнью ради научных исследований. Узнав о традиционном среди жителей Старого Калабара – британской колонии на берегах Нигера на юго-западном побережье Африки – ритуале «испытания отравлением», Кристисон провел ряд экспериментов с так называемыми калабарским бобом. Несмотря на бесспорные доказательства высокой токсичности этой бобовой культуры, включая свидетельства очевидцев мучительных смертей от отравления калабарским бобом, Роберт Кристисон, вопреки возражениям своих коллег (в том числе и профессора Сайма), настоял на том, чтобы в лаборатории выращивали это растение для экспериментов. Сначала он испытал отравление калабарским бобом на животных, включая кролика, документируя каждую подробность агонии животного, которая длилась в течение пяти минут. Кроме того, уче-

---

²³ «Анатомический акт» разрешил медикам производить необходимые им вскрытия и исследования трупов, не ограничивая их «телами четырех казненных разбойников» в год (как гласил соответствующий закон XVI в.), и отменил положение о том, что вскрытие является частью казни. – *Прим. ред.*

ный заметил, что слизи, которые обгладывали первые пробившиеся из-под земли мясистые семядоли растения, умирали в течение двадцати четырех часов.

Прекрасно понимая, что «этот яд является одним из самых сильных в мире», Роберт Кристисон сам проглотил немного калабарского боба, а когда почувствовал первые симптомы отравления, то лишь увеличил дозировку. Ученый сравнивал изменения в своих ощущениях при отравлении калабарским бобом и индийской коноплей, опиумом и морфием, действие которых он также испытал на себе. Впоследствии, в 1855 году, Кристисон докладывал на заседании Королевского общества Эдинбурга: «Убедившись, таким образом, что мне удалось обнаружить действительно очень сильный яд, я немедленно принял меры, чтобы вывести его из моего организма, выпив воду, оставшуюся после бритья. После этого мой желудок быстро очистился»⁹. Артур Конан Дойл с большим вниманием относился к подобным рассказам о дерзновенных поступках ученых.

Вместе с обучением у этих выдающихся людей Артур усердно штудировал конспекты лекций, учебники и медицинские статьи. Чаще всего ему приходилось обращаться к «Основам фармакологии и терапии» Альфреда Баринга Гаррода, английского терапевта, который преподавал эти предметы в Университетском колледже Лондона, где им также был основан Музей фармакологии. В те времена большинство врачей сами изготавливали лекарства для своих пациентов. Арсенал имеющихся в распоряжении медиков лекарственных средств постоянно расширялся, и было необходимо понимать терапевтические свойства этих средств. Нуждались в переоценке и традиционные методы лечения, сложившиеся на основе тех лекарственных средств, что со времен Средневековья выращивали в аптекарских огородах. Начиная с 1865 года раз в несколько лет Альфред Баринг Гаррод публиковал обновленные и дополненные издания учебника.

В 1878 году Артур Конан Дойл купил шестое издание. Гаррод, член Королевского общества, прославился тем, что был активным сторонником применения лития для лечения подагры¹⁰, поскольку он выявил, что литий растворяет кристаллы мочевой кислоты, повышенное содержание которой было обнаружено в моче пациентов с подагрой. Кроме того, его заслугой было изобретение термина «ревматический артрит» и подробное описание этого заболевания. Артур поставил свою подпись на форзаце этого учебника и принялся методично его изучать, делая пометки по тексту¹¹. Он внимательно читал толстый энциклопедический том, подчеркивая статьи и делая пометки почти на каждой странице, а выводы записывал на полях¹². Конан Дойл отметил, например, что геморрой следует лечить «мазью из желчи и опиума», а также подробно записал, как лечить «злокачественную гонорею». Затем он перевернул все страницы тома и на последних пустых страницах сам сокращенно написал свои рецепты для составления лекарств. В указаниях по приготовлению опиума было сказано: «Выпаривать между слоями марли, пока не посветлеет»¹³.

Последние страницы и другие части книги были исписаны пометками о том, какой может быть реакция организма пациента на различные виды наркотических средств. Многие из этих пометок составлены Артуром в виде специальных мнемонических стихов, написанных в бойкой, разудалой манере, и подписаны его инициалами «АКД». Так, «Отравлению сулемой» Артур посвятил четырнадцать рифмованных строк. А ода «Опиум», написанная на внутренней обложке «Основ медицины и терапии», была даже сурово#лиричной, но и смешной одновременно:

Узнай же всю правду истинную: Он иссушает слизистую, Запор вызывает и злую жажду, И мышца сердечная ноет и страждет: Опиум сил придает, лишь покуда Не ослабят

стенки сосудов. Но первыми все же откажут мозги. Ученик, то, что есть в голове, береги. Угроза судорог велика. Не исключая и столбняка. А уж импотенция – наверняка¹⁴²⁴.

---

²⁴ Перевод «Оды» Л. Гурбановской.

Глава 8

Отравление ядом: опыты на себе

Несколько раз в жизни я совершал совершенно безрассудные поступки по столь ничтожным поводам, что и сам теперь не понимаю, зачем я это делал¹.

(Артур Конан Дойл. «Воспоминания и приключения»)

Артур Конан Дойл хорошо понимал, что пока мало знает и умеет как специалист, и в объявлении о поиске работы на время каникул он писал о себе так: «Свои услуги предлагает студент третьего курса, которого больше интересует опыт работы, а не оплата за нее»². Летом 1878 года он работал у доктора Чарльза Сидни Ричардсона, лечившего бедняков в Шеффилде, в английском графстве Йоркшир. Эту должность Артур занимал всего три недели. Позднее он говорил, что они с Чарльзом Сидни Ричардсоном расстались «по обоюдному согласию»³. О Йоркшире Артур писал так: «Лесов тут нет, одни дымящие трубы, грязно-серые реки, терриконы кокса и шлака, а надо всем этим огромные колеса и насосы шахт»⁴.

С радостью покинув унылый Шеффилд, Артур Конан Дойл провел несколько недель с родственниками Дойлов в Мейда-Вейл²⁵ среди суеты и великолепия Лондона. Он был так беден тогда и, очевидно, настолько разочарован недолгой работой у Чарльза Сидни Ричардсона, что всерьез подумывал откликнуться на предложения рекрутеров записаться на военную службу. Рекрутские пункты находились прямо на Трафальгарской площади. Сержанты искали крепких парней, которым в чем-то не повезло в жизни. Им предлагали стать солдатами за традиционную честную плату в один шиллинг⁵ (год спустя такая практика была отменена). Совершить подобную сделку было то же самое, что скрепить договор рукопожатием. Затем рекрутам следовало явиться в магистратуру, где им вручали дополнительную плату за то, что они согласились стать новобранцами.

Однако Артур справился с этим искушением. Он напомнил себе, как много его мать сделала, чтобы обеспечить ему достойное будущее⁶. Артур, правда, вызвался послужить в составе среднего медицинского персонала в полевых пунктах первой помощи в Турции во время войны с Россией²⁶. Но туда его отправить не успели, так как к тому времени война уже закончилась.

В следующий раз на объявление Конан Дойла ответ пришел из Рейтон-оф-Элвен-Тауэрс. Таким длинным именем называлась крошечная деревенька в Шропшире. Там Артур работал у доктора Генри Фрэнсиса Эллиота. Молодой помощник доктора был не против работать хоть с утра до ночи, но оказалось, что он совершенно не переносит одиночества. Артур никак не ожидал, что именно такой образ жизни ему будет необходимо вести как помощнику доктора Эллиота. Поначалу Артур, бывало, заходил время от времени поговорить с миссис Эллиот, пока она нянчила ребенка. Но затем доктор в резкой форме уведомил своего помощника, что таким поведением он нарушает принятые правила, согласно которым помощнику следовало знать свое место, что ему не дозволено общаться с врачом или его семьей. Однажды Артур написал матери, что за три месяца работы у Генри Фрэнсиса

---

²⁵ Мейда-Вейл – привилегированный жилой район на западе Лондона. – *Прим. пер.*

²⁶ Речь идет о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В конце войны Британия вмешалась в ее ход и направила в Босфор флот, чтобы не допустить захвата Константинополя Россией. – *Прим. ред.*

Эллиота ему не с кем было поговорить, а единственный раз он общался с самим доктором, когда его однажды пригласили к ним «покурить»⁷.

Это временное место работы запомнилось Артуру Конан Дойлу также и тем, что именно тогда жизнь проверила его на стойкость и выдержку. Во время какого-то местного праздника, проходившего на историческом месте, должны были выстрелить из пушки. Но пушка не выстрелила, а взорвалась, осыпав осколками одного из зрителей. К дому доктора Эллиота примчался обезумевший посыльный, но по вызову прибыл не доктор, а неопытный молодой помощник. Конан Дойл увидел лежавшего в постели человека, из головы которого около уха торчал кусок железа⁸. На размышления у Артура времени не оставалось – нужно было немедленно решать, что делать. Он ухватился за этот обломок и вытащил его из раны. Когда обломок был извлечен, Артур увидел, под кровью просматривается чистая белая кость – значит, череп не был пробит. Тогда Артур зашил рану. Эти решительные действия помогли Конан Дойлу почувствовать уверенность в себе, да и окружающие, как он заметил, тоже прониклись к нему уважением.

В следующем году за работу во время летних каникул у доктора Реджинальда Хоара в Бирмингеме Конан Дойл получал символические два фунта в месяц. Артур по-прежнему был очень неопытен, но изо всех сил старался приобрести необходимые знания и опыт. Ему нравился доктор Хоар. Внешне он был похож на деревенского парня с могучими плечами и пышной окладистой бородой, но это был умелый профессионал, который смог скромные гонорары, полученные от бедняков Астона в центральном Бирмингеме – по три шиллинга за прием и по одному за изготовление лекарства – превратить в годовой доход в 3000 фунтов стерлингов.

Занимаясь выполнением своих обязанностей, Конан Дойл крутился весь день как белка в колесе. А вечером, когда он уже с ног валился, ему еще нужно было приготовить лекарства. Порой в списке, который Артуру вручал доктор, было около ста наименований. Все эти препараты помощник обязан был за вечер взвесить, измерить, смешать и упаковать в коробочки и пузырьки. Как он ни старался, но сделать все совершенно безупречно он не мог. Как-то раз Артур, например, подготовил для пациента подробную инструкцию приема лекарства, однако, открыв свою коробочку, тот обнаружил, что она пуста, – Артур забыл положить туда приготовленные пилюли.

* * *

Несмотря на свою большую занятость в июне 1879 года у доктора Хоара, в первые недели работы Артур Конан Дойл, рискуя своей жизнью, решил провести на себе опасный эксперимент⁹. Еще до этого он страдал от невралгии и несколько раз принимал болеутоляющее средство алкалоид гельземиум¹⁰. Это лекарство было получено из *Gelsemium sempervirens* (позже его стали называть просто гельземиум), вьющегося растения с желтоватыми цветками, которое произрастает в тропических и субтропических лесах Центральной и Южной Америки. В обиходе его еще называли то «вечерний горн» (по форме цветка, напоминающего раструб музыкального инструмента), то «желтый жасмин». Практически все части этого растения содержали большое количество алкалоидов семейства стрихнин¹¹. После первых доз этого лекарства боль не утихала, поэтому Артур решил превысить предписанную дозу: симптомов отравления он при этом не наблюдал.

Альфред Баринг Гаррод подробно описал гельземиум в своем справочнике «*Materia Medica*» («Фармакология»). В своем экземпляре этой книги Артур Конан Дойл сделал собственную запись о данном препарате, которую он озаглавил «*Tinctura Gelsemii*». В ней Артур подчеркнул основные моменты в соответствующей статье Гаррода: «Применяется при раз-

личных формах невралгии, ревматизме и мышечных спазмах как седативное средство... Смерть может наступить в результате апноэ, из-за паралича дыхательных мышц». В разделе «Показания к применению» Артур добавил на полях: «Также при хорее и воспалениях».

Под этими записями Артур Конан Дойл написал: «Фрейзер» – и подчеркнул это. Томас Ричард Фрейзер, когда-то работавший ассистентом Роберта Кристисона, после выхода своего наставника в отставку в 1877 году занял вместо него должность профессора фармакологии. Фрейзер, как и Кристисон, любил рисковать и ставить фармакологические опыты на себе. Он начал подобные эксперименты с изучения калабарского боба, продолжив работу Роберта Кристисона. В результате Фрейзер написал на эту тему блестящую диссертацию, высоко оцененную научным сообществом. За нее ученому была вручена награда – золотая медаль. Когда Артур был еще студентом, Томас Ричард Фрейзер уже считался значительной фигурой в научных кругах. В том же году, когда Фрейзер стал профессором фармакологии, его пригласили вступить в Королевское общество, а в 1878 году он стал деканом медицинского факультета Эдинбургского университета. Артур Конан Дойл учился у него на втором курсе.

«Несмотря на то что в Америке гельземиум широко используется, – писал Альфред Баринг Гаррод, – у нас это лекарство пока еще мало изучено»¹². В Соединенных Штатах врачи часто назначали гельземиум как обезболивающее при различных заболеваниях, в том числе при гриппе, лихорадке и менструальных болях¹³. В Европе гельземиум был менее распространен¹⁴. Британская фармакология не включила его в число разрешенных к применению препаратов, поскольку это высокотоксичное вещество не обладало какими-то несомненными достоинствами, которые оправдывали бы риск его применения. Конан Дойл, несомненно, знал об единодушных противопоказаниях к применению гельземиума, высказанных всеми специалистами в области фармакологии. В статье от 1832 года американский врач Уильям Тулли уже предупреждал об опасности передозировки этого лекарства: «Если принять этот препарат в количестве, превышающем минимально необходимое... это приводит... в конечном счете к коматозному состоянию, а иногда даже к смертельному исходу».

В конце 70#х годов несколько ученых-медиков изучали гельземиум. Так, в медицинском журнале «Ланцет» был опубликован ряд подробных статей по этому вопросу за авторством профессора терапии Сидни Рингера, преподавателя того же учебного заведения, в котором преподавал Альфред Баринг Гаррод (колледж при Эдинбургском университете), а также Уильяма Меррелла, ассистента профессора физиологии в том же колледже¹⁵. Журнал «Ланцет», основанный хирургом и реформатором Томасом Уакли в 1823 году, стал главным периодическим изданием британской медицины, и предполагалось, что Артур Конан Дойл, как и любой другой заинтересованный студент, может (и должен) ознакомиться с каждым его номером.

Следовательно, он не мог не заметить этой серии статей. В отчете по опытам на лягушках, кошках, кроликах, морских свинках и пуделе исследователи воздействия гельземиума сделали такое заключение: «Во всех этих опытах смерть, очевидно, происходила от асфиксии»¹⁶. Весной 1876 года Рингер и Меррелл опубликовали статью, в которой сообщали, что семнадцать раз испытывали гельземиум на людях. Добровольцев было шестеро. Им предлагалось принимать препарат «в дозах, достаточных для появления определенных симптомов интоксикации»¹⁷. Симптомы оказались такими, как и ожидалось: пациенты испытывали в строгой очередности головную боль в лобной области, головокружение, боль в глазах (непосредственно в самом глазном яблоке), помутнение зрения, двоение в глазах, тяжесть в веках, которые было трудно открыть, отмечалось также ограничение подвижности глазного яблока. «Следующим симптомом интоксикации гельземиумом была слабость в ногах. Далее такого проявления отравления этим препаратом мы никогда не продолжали наш эксперимент». Они

проанализировали воздействие препарата на дыхание и кровообращение, температуру тела, умственные способности и другие проявления. А в 1866 году было опубликовано сообщение о том, что один из терапевтов, который «по ошибке» принял гелеземиум, рассказывал, что самым ужасным симптомом отравления была длившаяся несколько часов почти полная слепота.

В июне 1878 года журнал «Ланцет» завершил серию публикаций о препарате гелеземиум двумя статьями о его «токсичных свойствах». Из-за непопулярности препарата в Великобритании бо́льшая часть материала для этого исследования была получена из источников в США. Там стандарты применения этого токсичного препарата были настолько низкими, что один врач велел пациентке принимать настойку гелеземиума со следующей рекомендацией: если, приняв первую дозу препарата, она, подняв один палец, увидит только один палец (то есть в глазах у нее не будет двоиться), то можно принимать еще одну дозу¹⁸. Практикующие врачи сообщали о множестве случаев смерти от этого препарата: так, однажды умерла беременная женщина, которая приняла повышенную дозу гелеземиума, еще одна женщина умерла после приема настойки гелеземиума в качестве болеутоляющего после аборта¹⁹, а группа матросов по ошибке выпила бочонок настойки гелеземиума, которую они перепутали с алкогольным напитком. Один врач стал свидетелем смерти трех детей от передозировки этого препарата.

Тем не менее Артур Конан Дойл смело решил повторить опасные подвиги Роберта Кристисона и Томаса Фрейзера с калабарским бобом. Настойку гелеземиума готовили, смешивая порошок из высушенных корневищ и побегов гелеземиума в стандартных пропорциях со спиртом и водой. Артур измерял свою дозировку молочно-желтой жидкости в минимах. Миним был введен в 1809 году как более точная единица измерения объема жидкости вместо капли, ранее считавшейся стандартной мерой²⁰. Аптекари давно знали, что вязкость и другие факторы вызывают изменение размера капли, поэтому в конце концов в качестве стандартной меры был установлен миним, равный одной шестидесятой жидкой драхмы или одной четырехсотосьмидесятой жидкой унции. Для отмеривания доз ядовитого препарата Артур использовал градуированную стеклянную пипетку, называемую миниметром. Он принимал гелеземиум, постоянно увеличивая дозы, и внимательно следил за реакцией своего организма, чтобы определить, какая дозировка уже действительно представляет собой серьезную угрозу и какие симптомы будут проявляться. На время эксперимента Артур перестал курить, опасаясь, что воздействие никотина может исказить результаты опыта.

Вместо того чтобы увеличивать дозировку постепенно, Артур Конан Дойл быстро наращивал ее. Он принимал гелеземиум примерно в одно и то же время каждый день. В понедельник утром, в 10.30, он начал с приема сорока минимов горькой жидкости. Никакого видимого эффекта не последовало. Во вторник Артур принял уже шестьдесят минимов, что также оказалось совершенно безвредным. В среду доза была повышена до девяноста минимов, что уже превышало установленную ранее дозировку, считавшуюся смертельной. Через двадцать минут после этого Артур, встав со стула, испытал головокружение. Появилась слабость в ногах. Артур проверил свой пульс. Он был нитевидный, но это было неопасно. Вскоре все эти симптомы исчезли.

Артур Конан Дойл отважно продолжил опыт. В четверг утром он принял уже сто двадцать минимов. Вскоре он снова почувствовал головокружение, но не такое сильное, как в среду. Головокружение продолжалось примерно до часу дня, когда, выйдя на улицу, Артур не сразу, но понял, что плохо различает удаленные предметы. Чтобы сфокусировать глаза, ему приходилось сосредотачивать взгляд и прищуриваться. Тем не менее в пятницу Артур принял сто пятьдесят минимов – это было вдвое больше предполагаемой смертельной дозы. Он обнаружил, что при этой дозировке головокружения он почти не испытывал. Вместо него,

однако, у него постепенно стала проявляться сильная сонливость, которую он преодолевал с трудом, и мучительная фронтальная головная боль. Другим проявлением отравления была острая диарея. Постоянные отлучки в туалет, конечно, мешали ему выполнять свои обязанности помощника доктора Хоара.

Несмотря на все эти пугающие симптомы, несмотря на множество предупреждений специалистов, что этот препарат – сильнодействующий яд, в выходные Артур Конан Дойл решил поднять ставку в игре с судьбой. Утром в субботу и в воскресенье он принял по двести минимов гельземиума – более трети унции. Головные боли резко усилились. В воскресенье диарея настолько обострилась, что он решил закончить эксперимент. Несмотря на охватившее его чувство подавленности и головную боль, Артур сделал записи о дозировке и подсчитал свой пульс. Он был слабым, но устойчивым.

Вопреки всему Артур Конан Дойл выжил. Он составил свой отчет об эксперименте и отправил его в «Британский медицинский журнал». В нем Артур детально описал свои симптомы и подытожил свои наблюдения. «Здоровый взрослый человек может принимать до 90 минимов без какого-либо вреда для здоровья», – категорически утверждал он, забыв, правда, упомянуть, сам он был крепким и тренированным молодым человеком, организм которого привык к большим нагрузкам в боксе, в походах и других видах активного времяпровождения. «Я убежден, что мог бы принять и половину унции настойки, если бы не сильная диарея», – писал он.

Отчет Артура Конан Дойла был опубликован в виде письма в редакцию журнала в номере от 20 сентября 1879 года под незамысловатым заголовком «Гельземиум как яд». Свою статью Артур Конан Дойл подписал просто инициалами «А.К.Д.», а в качестве адреса указал место проживания у доктора Хоара – Клифтон-Хаус, Астон-роуд, Бирмингем. Это была его первая публикация по медицине. Этот отчаянный эксперимент на себе был достоин подобных опытов Роберта Кристисона и Томаса Фрейзера. Что это было: бравада или отчаяние, дань уважения отважным собратьям по профессии или самоистязание? Как бы там ни было, но этот безрассудный поступок на грани самоубийства вылился в конечном итоге в публичный отчет о дерзком пренебрежении опасностью, которое в ближайшем будущем проявится у Артура Конан Дойла и в других формах.

Глава 9

Невоздержанность

Меня окружало множество искушений, и благодарю всех ангелов#хранителей за то, что я с ними справился, но совершенно не осуждаю тех, кому это не удалось.

(Артур Конан Дойл. «Воспоминания и приключения»)

«Хочешь на следующей неделе пойти в рейс на китобойном судне?»¹ – спросил Артура Конан Дойла его друг и сокурсник Клод Карри. Это было уже на последнем курсе, и Артур устало готовился к экзаменам. Был февраль 1880 года, и, поднимая глаза от учебников и записей, Артур глядел на ветреный сырой день за окном. Студенты в Эдинбургском университете были намного свободнее, чем в английских учебных заведениях², и, как и другие, Артур Конан Дойл снимал себе комнату за пределами университетского городка.

Многие китобойные суда брали в рейс студентов#медиков в качестве судовых врачей. Им можно было не платить, как настоящим врачам, ввиду их неопытности. Клод Карри уже бывал как-то раз в таком рейсе, и его позвали снова. «А я в последний момент узнал, что не смогу поехать, – объяснил он Артуру, – вот и хочу кого-то попросить выйти вместо меня». Китобойное судно «Хоуп» («Надежда») должно было выйти из Питерхеда на северо-восточном побережье Шотландии, курс лежал в Арктику. «Будешь хирургом. Оплата два фунта десять шиллингов в месяц и три шиллинга с каждой тонны китового жира».

Это были очень хорошие деньги для Артура, хотя из-за выхода в рейс нужно было оставить учебу на несколько месяцев. Не тратя ничего на борту, Артур немало бы сэкономил, а в своем воображении он стремился вырваться из рутины к новым горизонтам. Утомленный непрерывной зубрежкой, Артур решил отложить окончание университета.

Холодным мартовским днем он покинул Шетландские острова. Судно «Хоуп» выделялось среди китобойного флота Питерхеда: это была трехмачтовая шхуна с паровым винтом, когда-то гордая, но поистрепанная и утратившая былой лоск за годы хищнического промысла, значительно сократившего популяцию китов. Шхуна была всего сорока пяти футов в длину от обитого железом носа до кормы и двадцати восьми футов в ширину в средней части, высотой семнадцать футов²⁷. По ватерлинии китобой был укреплен железом между двух слоев дощатой обшивки. Такое судно могло пробиваться через арктические льды.

Работа на судне была для Артура Конан Дойла необременительной. За исключением тех редких случаев, когда кому-нибудь требовалась медицинская помощь, он в основном работал писарем: требовалось составить то бельевого список³, то реестр табачного довольствия⁴. Главным образом, как и Чарльз Дарвин в дни плавания в качестве натуралиста на борту судна «Бигль» с капитаном Робертом Фицем Роем в 30#х годах, Артур Конан Дойл должен был исполнять роль компаньона капитана. Капитан обедал со своим помощником и другими старшими офицерами, экипаж столовался отдельно. Но Артуру компания матросов нравилась не менее чем общество капитана. Его притягивали их недюжинная сила и буйный нрав. Артур не принадлежал к ним по рангу, и поместили его тоже отдельно, а не в матросских кубриках, так что в целом он себя к ним не причислял. Однако, подравшись с корабельным стюардом и поставив тому синяк под глазом, Артур понял вдруг, что матросы прониклись уважением к своему студенту-медику⁵.

---

²⁷ Около 14 м, 8,5 м и 5 м, соответственно. – Прим. пер.

Артур знал толк в выпивке, но повальное пьянство на борту поразило его. В своем дневнике он записал, что один матрос – вполне определенно алкоголик и явно страдает белой горячкой. Артур много знал об этом недуге на примере своего отца и понимал, что этому человеку место в лазарете, а не на борту китобоя.

В Арктике Артура Конан Дойла ждало много опасностей. Нередко случалось оказываться за бортом. Чаще всего он падал со скользкой палубы или плавучих льдин. Капитан даже саркастически прозвал его «великий северный ныряльщик» – по американскому прозвищу гагары. Артур, как судовой врач и образованный молодой джентльмен, не обязан был принимать участие в охоте. Но в погоне за приключениями и адреналином он садился в крохотные лодчонки, которые мотало на волнах, греб вместе со всеми и смотрел в глаза умирающему киту. Он бил и свеживал тюленей, стрелял моржей. Изредка Артур отправлял матери письма, в которых рассказывал о таких моментах своей жизни, о которых ни одна мать не хотела бы ничего знать. Он как будто поддразнивал ее опасностью, рискованностью своей работы, которую и не должен был делать, однако делал с очевидным удовольствием. Артур Конан Дойл навсегда запечатлел в своем воображении и пронизывающий холод, и странно освещенные ночи, и неведомые ему ранее создания животного мира. Он смог наладить хорошие отношения и с матросами, и с тем, кто ими руководил, стойко выносил холод и тьму и стал крепче и сильнее. Арктике не удалось одолеть Артура, как не одолел его и яд, которым он испытывал себя на прочность год назад.

* * *

Судно «Хоуп» пришвартовалось в Питерхеде в сентябре 1880 года. В начале 1881 года Артур долго гостил в семье Дойл в Ирландии. Там, вдали от других домочадцев и однокурсников по университету, он пережил череду легких увлечений, но его флирт редко бывал успешен, и в письмах он жаловался на девушек. Одному другу он написал, что встретил одну девятнадцатилетнюю особу, которая лучше всех в своем классе сдала очень трудный экзамен в Тринити-колледж в Оксфорде, единственное открытое тогда для женщин высшее учебное заведение. Там она была «стипендиаткой» – так шотландцы называли студентов, которые получили грант на обучение. Но она никогда не разговаривала с Артуром за обеденным столом, не любила танцевать, не могла подыграть аккомпанемент к песне и вообще вела себя как «дура безмозглая»⁶. В той же поездке Артур повстречал девушку по имени Элмор «Элмо» Уэлден. Он ухаживал за ней около недели, а потом написал своей матери, что запросто бы женился на мисс Уэлден, но были и другие девушки, на которых ему тоже очень хотелось бы жениться⁷; по крайней мере такое желание у него мимолетно возникало. Все эти ухаживания и короткие романы закончились ничем.

В августе 1881 года, на год позже остальных однокурсников из-за работы врачом на китобойном судне, на состоявшейся в Эдинбурге церемонии вручения дипломов Артур Конан Дойл получил степень бакалавра медицины и магистра хирургии. В письме он нарисовал себя размахивающим дипломом, а внизу подпись: «Лицензия на убийство». Затем он был вынужден присутствовать на похоронах друга семьи. Потом Артур всерьез увлекся фотографией – и вскоре отправился вместе с друзьями на остров Мэй⁸. Друзья его поехали охотиться, а Артур – фотографировать птиц, надеясь сделать фоторепортаж об этой поездке и опубликовать его в «Британском журнале фотографии». Там его материал приняли, фоторепортаж «За бакланами с фотоаппаратом» вышел в двух октябрьских номерах этого популярного еженедельника, и Артур Конан Дойл, таким образом, добавил в свое резюме еще одну строчку. Позднее в том же году ее перепечатали в издании «Anthony's Photographic Bulletin» в Соединенных Штатах. Это стало первой публикацией Конан Дойла в США.

Артур пользовался портативным фотоаппаратом «Мигер» с кожаным складчатым корпусом и полдюжиной задников для крепления сменных пластин. В каждом своем новом увлечении Конан Дойл разбирался досконально и был «ходячей энциклопедией» по этим вопросам. У него уже был деревянный штатив#тренога из ясеня, но Артур обзавелся еще и моноподом, походившим на трость с железным наконечником и регулируемым набалдашником с разъемом для установки фотоаппарата. Железный наконечник уходил в землю на глубину четыре дюйма, и монопод становился таким же устойчивым, как и штатив#тренога, а носить его было проще и легче. Энтузиазм Артура был так велик, что уже в своей первой статье по фотоискусству он не стеснялся давать советы другим фотографам.

За первые несколько лет после выхода Чарльза Дойла, отца Артура, на пенсию в 1876 году о нем не сохранилось почти никаких сведений. Друзья уже давно убеждали Мэри Дойл отправить своего неуравновешенного, пьющего мужа в какой-нибудь приют для алкоголиков⁹. Они уверяли ее, что это единственный способ спасти ему жизнь – и вернуть спокойствие и порядок в свою. Но она колебалась.

Наконец она решилась. Возможно, она увидела следующее объявление:

«Невоздержанность: приют для джентльменов в загородном доме на севере Шотландии. Заведение с многолетним стажем. Домашний комфорт. Прекрасные уголья для охоты, ловли форели и площадка для крикета. Лучшие рекомендации. Справки по адресу: г#н Д. Форбс, приют «Блайерно-Хаус», Друмлити, Фордун, Кинкардиншир»¹⁰.

Оно появилось среди множества прочих объявлений под рубрикой «Дома для невоздержанных» в ежегоднике «Медицинский справочник», предоставлявшем исчерпывающую «статистическую и общую информацию об университетах, колледжах, школах, больницах, диспансерах, обществах, юридическую помощь для малоимущих, приюты для душевнобольных, общественных службах, и т. д., и т. п.»¹¹. За годы существования ежегодника в нем размещались самые разнообразные рекламные объявления: и «раствора для промывания», и «балансирующего кресла-каталки для подъема по лестничным пролетам». Такие заведения, как приют «Блайерно-Хаус», представляли собой очередную попытку того времени оказать помощь алкоголикам и их семьям, причем постараться не причинить вреда ни тем ни другим – в отличие от того, как это делалось ранее. Населенный пункт Друмлити находился на побережье к северу от города Данди, практически возле города Абердин, то есть примерно в ста милях от Эдинбурга.

В начале 1881 года, а может быть, и раньше, в приюте «Блайерно-Хаус» появился новый постоялец¹². Чарльз Дойл хоть и вел себя с поразительным пренебрежением к остальным, однако, судя по всему, ему не предъявляли обвинений в совершении уголовных преступлений, да и жестокости он не проявлял. Таким образом, он, должно быть, принял свою изоляцию от общества добровольно. В Шотландии, согласно закону о «Хронических пьяницах» 1879 года, алкоголиков отправляли в специальные учреждения, которые назывались «лицензированными приютами для страдающих алкогольной зависимостью»¹³; закон также требовал, чтобы пациент предоставлял засвидетельствованное письменное подтверждение того, что он – хронический пьяница, составленное по утвержденной форме.

Приют «Блайерно-Хаус», распложенный в предгорьях Грампианских гор, был двухэтажным строением с толстыми каменными стенами, окруженным многочисленными хозяйственными постройками¹⁴. Руководил заведением специалист по лечению алкоголизма Дэвид Форбс. Он жил там же, вместе с чисто женским коллективом, состоявшим из семьи (жена, дочь и две сестры) и obsługi (пять служанок). В заведении содержались восемнадцать мужчин, в том числе учитель музыки, студент-медик, два бухгалтера, производитель табачных изделий, армейский офицер в отставке, «землевладелец», а теперь еще и господин Дойл, «архитектор и художник». Это была благовоспитанная компания, которая, по-видимому, не

причиняла много хлопот. В целом персонал, очевидно, не опасался своих постояльцев, как показывает упомянутая в объявлении возможность охотиться. Чарльз Дойл, однако, неоднократно пытался бежать и приобрел репутацию приятного, но беспокойного пациента.

В письме к сестре Лотти Артур описал это событие иносказательно. «Мы пристроили папу в санаторий», – написал он 9 апреля 1881 года. Вообще же Конан Дойл, видимо, предпочитал хранить молчание о семейных несчастьях. В своих письмах к семье и друзьям Артур мог временами пожаловаться на нехватку денег, проблемы с издателями журнала или на что-то другое, но наряду с этим научился искусно скрывать от других самые тягостные переживания, хранить их в себе; по крайней мере он старался не доверять их перу и бумаге. Позже он иногда писал об этих проблемах в своих произведениях, но надежно привязать его художественный вымысел к реальности его личной жизни невозможно.

Теперь Артур Конан Дойл стал старшим мужчиной в семье. В сентябре 1881 года его сестра Лотти, которой было всего пятнадцать с половиной лет, отправилась к старшей сестре Аннетт в Португалию, чтобы работать гувернанткой. Одинокая, трудолюбивая Аннетт жила там уже много лет, экономила каждую монетку и все деньги отправляла домой. Лотти предстояло то же самое. Артур очень хотел помочь им, он мечтал избавить мать от необходимости работать, а сестер – от разлуки с родиной¹⁵. Семья Дойл с давних времен его детства нечасто теперь собиралась вместе под одной крышей, разве что по праздникам, но они были редкими.

Стоял октябрь 1881 года. Артуру недавно сравнялось двадцать два. Задумываясь о своем будущем, в поисках постоянного дохода он принял решение снова уйти в море. Три месяца он работал судовым врачом на борту «Маюмба», потрепанного парходика, со скрипом перевозившего грузы и пассажиров между Ливерпулем и западным побережьем Африки. С самого начала это плавание было чревато опасностями. Едва они вышли из Ливерпуля, как «Маюмба» попала в сильнейший шторм и чудом осталась на плаву. Эта же буря, кстати, потопила пароход «Клан Макдафф»¹⁶. В британских газетах много писали об этом кораблекрушении. Позже Артур Конан Дойл понял, что во время урагана «Маюмба», судя по всему, проходила вблизи тонувшего «Клана Макдафф». Пока Артур оказывал помощь напуганным и страдающим морской болезнью пассажирам, его каюту затопило, но фотоаппарат, хранившийся в водонепроницаемом деревянном ящике, остался сухим.

До самой Мадейры погода была достаточно спокойной, можно было даже пофотографировать. К большой досаде Артура, пик Tenerife оказался скрыт туманной дымкой, но во время рейса удалось сделать много других памятных фотографий. Целую неделю вблизи Сьерра-Леоне море было спокойным, и у Артура появилась возможность полежать под навесом и полюбоваться летучими рыбами, «которые мерцали над гребнями волн, как серебряные слитки». В городке Фернандо По (на острове Биоко) Артур сфотографировал наводившие ужас развалины бывшего барака для рабов, а также акулу, которая плавала вокруг парохода у самой поверхности. В Старом Калабаре, британской колонии в шестидесяти милях от побережья вверх по реке Калабар (это место напомнило Конан Дойлу об экспериментах Кристисона и Фрейзера с ядовитым растением), он сфотографировал одного колоритного местного жителя, которого назвал «местный принц», но абориген был недоволен снимком, поскольку был на нем, как ему казалось, мало похож на себя. Многие на борту парохода слегли с малярией, по меньшей мере один из пассажиров от нее умер в канун Рождества. В Лагосе (Нигерия) заболел и Артур. Несколько дней он пролежал в бреду. Однако Артур был поразительно крепким, и ему удалось справиться с болезнью. Вскоре он уже был на палубе, правда, едва мог стоять на ногах – но понимал, что из очередной схватки он вышел победителем¹⁷.

Несмотря на множество опасностей, уже пережитых во время этого плавания, Артур Конан Дойл продолжал испытывать судьбу. Пока «Маюмба» стояла на якоре неподалеку от замка Кейп-Кост, одного из бывших фортов работоторговли на Золотом берегу²⁸, Артур прыгнул в воду и поплавал у бортов судна. А потом, уже греясь на палубе, он заметил, что воду рассекает плавник акулы. Так в очередной раз он рисковал, прекрасно понимая опасность, – так же, когда ставил на себе опыты или выходил на китобойный промысел в Арктике. Он понял, что часто действует из показного геройства, не считаясь с опасностью, но, казалось, он и сам не мог заранее сказать, в какой момент снова почувствует непреодолимое желание проверить себя¹⁸.

В этом плавании Артур Конан Дойл познакомился с известным североамериканским проповедником и оратором Генри Хайлендом Гарнетом, который родился рабом в штате Мэриленд в 1815 году. Генри Хайленд Гарнет был крупным деятелем движения аболиционистов и основателем «Общества африканской цивилизации», в задачи которого входила репатриация бывших рабов и их потомков в Африку. После Гражданской войны он первым среди чернокожих проповедников читал проповеди в палате представителей США. Затем президент США Джеймс А. Гарфилд назначил Гарнета посланником и генеральным консулом США в Либерии. Расположенная на западном побережье Африки Республика Либерия была основана в 1847 году выходцами из Африки, потомками африканских рабов, бежавшими от угнетения в Соединенных Штатах. Благополучно добравшись до Либерии, Генри Хайленд Гарнет умер через несколько недель после прибытия.

Артуру очень понравилось общаться с Гарнетом во время рейса. Он испытывал острую потребность в беседе с образованным человеком. С Гарнетом они обсуждали Джорджа Бэнкрофта, автора книги «История Соединенных Штатов Америки со времен открытия американского континента», а также другие его произведения, Джона Лотропа Мотли, автора книги «Причины гражданской войны в Америке», и многие другие сочинения по истории. В какой-то момент, разговорившись с просвещенным чернокожим, Конан Дойл вдруг осознал, что и сам Гарнет, должно быть, когда-то был рабом. «Знакомство с этим благородным и образованным человеком негритянского происхождения принесло мне большую пользу, – позже писал Артур, – поскольку мозг мужчины – это орган для формирования его собственных мыслей, а также для переваривания чужих, и ему нужен свежий корм»¹⁹.

Пароход «Маюмба» вернулся в Ливерпуль в середине января 1882 года. Не теряя время, Конан Дойл стал писать обо всем пережитом и увиденном. В марте и апреле в «Британском журнале фотографии» вышла состоявшая из двух частей статья «С фотоаппаратом на Невольничьем берегу». Сопровождая свои фотографии рассказом, Артур украсил его яркими зарисовками, литературными репортажами и остроумными диалогами. По большей части Артур обыграл все пережитые неудобства и страхи в комедийном ключе, но в заключение он сказал: «Лучше неделя в валлийских горах с легким фотоаппаратом и хорошим компаньоном, чем все яркие краски и оттенки пронизанной малярийными испарениями земли, где обитают гориллы». А в начале статьи Конан Дойл в качестве совета тем, кто подумывает о поездке на западное побережье Африки, напомнил хорошо известную шутку из журнала «Панч», где на вопрос, стоит ли жениться, был дан краткий ответ: «Не надо». Матери же Артур напрямую сказал, что больше работать судовым врачом не собирается, поскольку за то же время больше заработает публикациями²⁰.

---

²⁸ Золотой берег – историческое название побережья Гвинейского залива. – *Прим. пер.*

Глава 10

Доктор Конан Дойл, хирург

У меня было все, чтобы преуспеть в этом большом мире, и оснований сомневаться в успехе не было. У меня была молодость, сила и энергия, а в голове – премудрости науки медицины. Я испытывал такое ликование, как будто меня уже ожидала готовая практика.
(Артур Конан Дойл. «Письма Старка Монро»)

В начале 1882 года разрешился зревший в семье Дойл конфликт, связанный с Брайаном Уоллером, бывшим жильцом семейного пансиона, который постепенно взял на себя решение финансовых проблем Мэри Дойл, а возможно, стал для нее и более близким человеком. В сохранившейся переписке нет других подробностей, имеется лишь сообщение Артура Конан Дойла, адресованное в апреле сестре Лотти, о том, что он «до полусмерти напугал» Брайана Уоллера и что тот «наотрез отказался драться»¹. Следует отметить, что в письмах к своим домашним Конан Дойл любил преувеличивать и хвастаться, порой с большим юмором². Например, он рассказал Лотти, что после их решительного разговора с Брайаном Уоллером этот парень боялся выходить из дома и не показывался на улице двадцать три дня. Артур сообщал сестре, что, несмотря на то что они с Брайаном Уоллером «формально помирились» (вряд ли дело в их ссоре действительно дошло до драки), Брайан Уоллер предпочел покинуть Эдинбург.

Между тем уже в начале 1882 года Артур Конан Дойл откликался на любую вакансию работы врачом, какую только встречал, и каждый раз получал отказ. Фиаско обернулось и слишком многообещающее предложение от одного из своих бывших однокурсников. Капризный и непостоянный доктор Джордж Бадд, который всего на год раньше Артура окончил медицинский колледж при университете, склонил своего однокурсника принять его предложение работать в Плимуте, на побережье Девона. Но через полтора месяца Джордж отказался от своего предложения³. Как позже узнал Конан Дойл, Бадд читал его переписку с матерью и узнал о недовольстве Артура самонадеянным и переменчивым характером Бадда. Впрочем, Артур был вынужден признать, что и претензии Джорджа к нему тоже были справедливы – Артур и в самом деле был склонен к беспорядку и не отличался большой организованностью. Так и закончилась, не начавшись, обещанная работа.

В карманах своего твидового пиджака Артур уже с трудом отыскивал завалявшийся шиллинг и решил тогда, что ему нужно еще активнее взяться за поиск работы. По его представлениям, в Портсмуте, военном и торговом порту между Плимутом и Брайтоном, отделенном от Нормандии проливом, должно было быть много потенциальных пациентов, а врачей там не хватало. Неполных двадцати трех лет от роду, но уже набравшийся опыта в Арктике и Африке, Конан Дойл был готов начать самостоятельную карьеру врача. Купить уже сложившуюся практику было невозможно, так что ему предстояло самому строить свою собственную практику с нуля.

Артур Конан Дойл приехал в Портсмут в июне⁴. Старинные укрепления в Портсмуте показались ему темными и мрачными, а вот атмосфера праздника, причалы, гостиницы и набережные в процветающем районе Саутси ему очень понравились⁵. Портсмут со стороны моря прикрыт островом Уайт, да и сам Портсмут тоже можно считать островом, поскольку одной из частей города давно был низменный остров Портси, расположенный между каналом Лангстон на востоке и Портсмутской гаванью на западе. Район Саутси располагался напротив Спитхеда, западной оконечности пролива Солент, отделяющего остров Уайт от

побережья Гемпшира. В проливе Солент обычно было множество яхт, а на побережье – военных, поскольку рядом были расположены три действующих форта⁶.

Артур приобрел карту и стал пробираться по незнакомым улицам к своей гостинице⁷. С собой у него был только олстер^{8,9}, возможно, жестяная коробка для цилиндра⁹ (обязательный предмет гардероба для молодого специалиста) и громоздкий кожаный саквояж. Туда он сложил свое фотооборудование¹⁰, стеклянные пластины, одежду, книги и большую медную табличку, которую он заказал в Плимуте, – «Д#р Конан Дойл, хирург»¹¹.

Вокруг сновали замызганные босоногие уличные мальчишки¹². Артуру то и дело приходилось переступать через пути для конки¹³. Конечная остановка конки находилась на оживленном причале Кларенс Пир, как раз там и пришвартовался тот пароход, на котором он прибыл в Портсмут. Рядом с причалом находились казармы полка королевы Виктории и широкий зеленый плац. Вдоль всего пути мимо Конан Дойла громыхали десятки похожих на коробки вагонов конки. Пассажиры, расположившись в тепле и сухости, поглядывали из окон на улицу, а вот извозчик на облучке никак не был защищен от дождя. В распоряжении отдыхающих в этом приморском городке также были кабинки-купальни¹⁴, похожие на детские коляски для взрослых.

Артуру Конан Дойлу нужно было сразу разобраться в лабиринте улиц города. Перед ним стояла непростая задача арендовать дом, расположенный на некотором расстоянии от заведений других часто практикующих врачей. Как и в большинстве английских городов, в Портсмуте не хватало медиков. За предшествующие тридцать лет город стал почище, но все же грязи и антисанитарии там было предостаточно. Роберт Роулинсон, один из первых медицинских инспекторов, назначенных в соответствии с давно назревшим «Актом о здравоохранении» от 1848 года, посетил Портсмут и в своем отчете дал подробное описание печального состояния города. В маленьких тесных домишках проживали многодетные семьи. А за домами в открытых канавах текли нечистоты, что, безусловно, создавало идеальные условия для эпидемий холеры, от которой умирали по тысяче человек в год. Осмотрев район казарм, мимо которых спустя годы Конан Дойл проходил по дороге от пристани в город, Роберт Роулинсон писал: «В настоящее время жены и семьи солдат ютятся в одном из самых убогих, перенаселенных и неблагополучных кварталов города; кроме того, места, где живут матросы между рейсами, – это зловонные развалюхи-каморки; нет слов, чтобы это описать»¹⁵. Условия проживания в Портсмуте улучшились к тому времени, когда Артур там появился, но в жилищах низших классов даже основные требования гигиены не соблюдались.

Свою первую неделю в Портсмуте Артур Конан Дойл провел в поиске будущего места проживания, внимательно изучая все имеющиеся свободные дома, которые соответствовали его потребностям¹⁶. Он остановил свой выбор на одном из них и вскоре там поселился – дом номер 1, «Буш-Виллас» на оживленной, обсаженной деревьями улице Элм-гроув («Роща вязов»)¹⁷. Арендная плата составляла 40 фунтов стерлингов в год¹⁸. Живя в отчаянной нужде, но надеясь на лучшее, Артур беспокоился о том, что агент по недвижимости может потребовать внести часть суммы вперед, но такого не случилось – Артуру достаточно было лишь раз упомянуть имя своего знаменитого дяди Дики, карикатуриста.

Благодаря кованым железным перилам его дом выделялся на фоне соседних зданий по Элм-гроув, слева была баптистская церковь Элм-гроув, а справа – гостиница «Буш». Церковь несколько лет назад была перестроена по фасаду: было сделано больше окон, поскольку выстроенные напротив виллы затеняли помещение. К тому времени, когда там появился

²⁹ Олстер – длинное свободное пальто с накладными карманами, поясом и широким хлястиком, обычно из плотной грубой ткани. – *Прим. пер.*

Артур, арочные окна и великолепный кирпичный фасад церкви возвышались над всей округой, а флюгер на вершине шпиля повиновался ветрам на высоте более ста футов над Элм-гроув. Рядом находились шумные магазины. Вязы, в честь которых была названа улица, гостеприимно раскидывали тень и смягчали суетливый коммерческий дух бульвара.

На распродаже в Портси Артур Конан Дойл купил старую расшатанную кровать и истратил несколько драгоценных фунтов на основную мебель для гостиной: стол, три стула и небольшой ковер¹⁹. В кредит он купил красную лампу, традиционный символ приемной врача в Англии, и выставил ее в окно передней. Несколько ночей Конан Дойл спал, завернувшись в свой олстер, пока его заботливая мать не прислала одеяло и постельное белье²⁰. Саквояж стоял в задней комнате, а рядом с ним – только табурет; это была кладовая и стол Артура²¹. В спальне наверху не было другой мебели, кроме кровати. Сидя на ней, Артур и ел, обычно тушенку прямо из банки. Постепенно он украшал и обставлял свой дом – повесил белые шторы в передней комнате, чтобы улучшить вид своего офиса с улицы. Он попросил мать прислать всяких безделушек, а также стихи Эдгара Аллана По и рассказы Брета Гарта²².

* * *

Сначала газ был ему не по карману, но вскоре он смог позволить себе отапливать спальню, кухню и зал. Кабинет внизу тоже был оборудован газовым отоплением, но в приемной тепла не было²³. После того как отопление было подключено, Конан Дойл приспособил к нему самодельную подставку, на которой можно было поставить сковородку. Теперь он мог поджаривать себе бекон и часто именно так и делал. Кусочек бекона с хлебом и чаем – вполне приемлемая еда, как ему казалось. Время от времени Артур даже позволял себе купить савелойской пряной колбаски, которую готовили из свиных мозгов. Знаток языков, истории и медицины, он, вероятно, был в курсе, что слово «савелой» произошло от латинского слова «cerebellum» – «мозжечок».

С нетерпением ожидая первых пациентов, Конан Дойл выглядывал на улицу сквозь деревянные жалюзи и считал прохожих, которые останавливались, чтобы прочесть медную табличку, висевшую на перилах перед входом. В первый день таких было двадцать восемь человек за двадцать пять минут, на следующий день – двадцать четыре всего за пятнадцать минут. Тогда Артур повесил еще одну медную табличку, из которой явствовало, что доктор вел бесплатные консультации с десяти до часу дня по понедельникам, средам и пятницам – «с тем, чтобы заручиться, – писал Артур матери, – расположением бедняков»²⁴.

Вскоре, правда, Артур обнаружил, что бесплатными консультациями готовы воспользоваться немногие²⁵. Кроме того, его беспокоило, что предложение такой скидки может плохо отразиться на его профессиональном статусе в районе. Дружески расположенный к нему коллега-доктор, работавший неподалеку, Уильям Ройлстон Пайк, посоветовал Артуру (возможно, небескорыстно) снять эту табличку²⁶. Он утверждал, что такая уловка где-то вполне может оказаться полезной, но в таком фешенебельном районе, как Саутси, может, наоборот, навредить репутации.

Артур Конан Дойл подружился также с доктором Уильямом Генри Киртоном, молодым стоматологом²⁷. Его кабинет был через дорогу, и Киртон рекомендовал Артура своим пациентам. Начинающим стоматологам было легче развивать свое дело, потому что, в отличие от врачей, им было разрешено давать о себе рекламу. Один стоматолог в Саутси каждую неделю платил за то, чтобы его имя было крупным шрифтом напечатано вдоль полей рекламных страниц местной газеты объявлений²⁸. Конан Дойл не мог воспользоваться такой возможностью. Он прожил на «Буш-Виллас» уже шесть дней, когда наконец появилась его

первая пациентка. К нему пришла женщина, которая хотела сделать прививку. Заказ вакцины в Лондоне обошелся Артуру в два шиллинга и шесть пенсов, а пациентка смогла заплатить только один шиллинг и шесть пенсов. Понимая всю иронию такой сделки, Артур признался другу семьи, что еще несколько подобных пациентов – и ему придется продать свою недавно купленную мебель²⁹.

Еще в свой первый вечер в Саутси молодой врач, прогуливаясь, наткнулся на грубияна, ударившего женщину. Артур вмешался, а позже писал, что «вышел из переделки без особого ущерба»³⁰. Совершенно неожиданно одним из первых пациентов Артура стал тот самый человек, который явно не признал в докторе своего бывшего противника. Артур полечил его, взял с него плату и отправил восвояси.

Постепенно стали приходиться и другие пациенты. Сначала появлялись или слишком бедные, которым трудно было платить своему обычному врачу, или просто любопытствующие, решившие взглянуть на новичка. Большинство врачей много зарабатывали на продаже лекарств пациентам, и Артур очень рассчитывал, что точно так же будет и у него³¹. Он заказал оптом в кредит много медикаментов, они стояли на полках в задней комнате. И действительно с продажи лекарств он смог немного зарабатывать. Этого вполне хватало, чтобы оплачивать покупку продуктов, но на выплату аренды этого не хватало.

Иногда пациенты сами, что называется, «шли ему в руки». «На днях один человек, такой молодец, подгадал так, чтобы упасть с лошади прямо перед моим окном, – писал Артур матери, – а лошадь, вот ведь умница, еще и покаталась по нему». Он быстро подлечил жертву, а вся эта история скоро появилась в местных газетах, обеспечив доктору бесплатную рекламу.

Обычно уверенный в себе, даже дерзкий, Артур Конан Дойл обнаружил у себя недюжинный талант к саморекламе³². Он знал, что теперь ему нужно только быть принятым в обществе – пусть его потенциальные пациенты воспринимают его как соседа. Артуру нравилось знакомиться с новыми людьми. Он с интересом относился к колоритным личностям, тут же превращал их в смешные зарисовки для писем и даже в вымышленные персонажи для рассказов, которые уже начал в то время писать³³. Таким образом, Конан Дойл познакомился со многими местными чудаками.

Одна высокая старая соседка, чей надменный угрюмый взгляд чем-то напоминал Артуру лошадь, сидела обычно у окошка, недвижимая, как камень. Но вдруг на нее что-то находило, и она швырялась фарфоровой тарелкой в ничего не подозревающего прохожего. Всякий раз, когда у нее случались такие приступы, она отдавала что-то из своего дорогого сердцу фарфора Артуру, но тут же требовала это обратно, лишь только приступ проходил. Однажды Артур за все эти хлопоты оставил себе фарфоровый кувшин, хотя соседка и была недовольна³⁴. Другим соседям он иногда оказывал медицинские услуги в обмен на продукты. Артур порой испытывал чувство вины, поскольку знал: когда у эпилептика-бакалейщика случится очередной припадок, значит, у доктора Конан Дойла будет послеобеденный чай и хлеб с маслом.

В начале своей практики Артуру Конан Дойлу пришлось увидеть много печального. Как-то к нему обратилась бедная женщина, которая умоляла помочь ее дочери. Артур пришел к ним и обнаружил, что в скромной гостиной лежит больная в шаткой детской кровати. Держа свечу, он наклонился над кроватью и был поражен: в мерцающем свете свечи он разглядел, что пациенткой был не ребенок, а девушка. Оказалось, что ей уже девятнадцать лет. Во взгляде ее карих глаз сквозило мучение, руки и ноги были неестественно тонкими.

«Ах, если бы только Бог забрал ее!» – простонала мать³⁵.

Позднее Артур Конан Дойл вспоминал, что такие болезненные переживания заставили его пересмотреть свои традиционные религиозные представления, привитые ему с детства

и во время обучения³⁶. Он перестал верить в то, что жизнь в этом мире – путь духовных преодолений, ведущий к лучшему миру, и в конечном итоге совершенно разуверился в старых добрых сказках о милосердном Боге.

Глава 11

Другое богатство: молодость и отвага

Я обнаружил, что, тратя меньше шиллинга в день, я могу жить довольно легко и вполне сносно, поэтому я и смог продержаться достаточно долго¹.

(Артур Конан Дойл. «Воспоминания и приключения»)

В середине июля 1882 года на «Буш-Виллас» у Артура Конан Дойла появился брат Иннес – вместе с ковром, который Мэри Дойл прислала, чтобы хоть как-то обставить совершенно голую приемную своего старшего сына². Ему было всего девять лет, он был темно-волос, в трикотажных коротких штанишках. Своей энергией и энтузиазмом Иннес внес в дом неподдельное веселье. Артур Конан Дойл пригласил его к себе, предложив взять на себя расходы по его проживанию, – он рассчитывал на то, что младший брат окажет ему помощь по дому и в конторской работе. Чтобы снять сомнения у матери, Артур Конан Дойл заверил ее, что Портсмут – «намного более здоровый город»³, чем Эдинбург.

Вначале он просил, чтобы мать отправила к нему четырнадцатилетнюю сестру Констанцию. Он был согласен с общепринятым мнением, что авторитет врача у пациентов упадет, если он будет сам открывать дверь своего кабинета⁴, и хотел поручить это брату или сестре. Когда Мэри Дойл отказалась отправлять к Артуру молодую дочь, тот предложил вместо нее отправить Иннеса. Он любил своих братьев и сестер и надеялся уменьшить материальное бремя своей матери, но наряду с этим он также хотел с самого начала сформировать представление о себе как об успешном враче. Он всегда чутко реагировал на то, как окружающие воспринимали его, и не желал, чтобы его застали за тем, как он самолично натирает медную табличку на двери – поэтому делал это тайком, поздно ночью. Надеясь выглядеть старше и солиднее, он отрастил усы⁵.

На следующее утро после приезда брата, когда Артур вскипятил чайник на слабом огне и приготовил холодного лосося, хлеб с маслом и джем, Иннес сбегал за газетой. В Египте бушевал кризис, и Британия отправила войска для обеспечения безопасности Суэцкого канала³⁰, соединявшего вот уже десятилетие после завершения строительства в 1869 году Красное и Средиземное моря. Стараясь походить на старшего брата, Иннес также был обеспокоен судьбой обширной Британской империи. Несколько дней подряд после этого они вдвоем ожидали возле редакции газеты выхода очередного свежего номера с последними новостями об обстреле Александрии. Иннеса вид солдат, маршировавших в казармах королевы Виктории, возбуждал и вдохновлял. Иногда он в одиночку отправлялся на берег и бродил там, предлагая свою помощь рыбакам⁶.

Артур Конан Дойл наслаждался обществом своих братьев и сестер. Он вообще любил детей. Летом 1877 года на каникулах он взял сестер Лотти и Конни с собой и своим другом по Стонихёрсту Джимми Райаном на остров Арран в заливе Ферт-оф-Клайд, на западном побережье Шотландии⁷. Там он, к своему удивлению, встретил не кого иного, как доктора Джозефа Белла из Эдинбургского университета. Спустя два года, работая в Бирмингеме помощником у доктора Реджинальда Хоора, он проводил свое свободное время, развлекаая его детей шести и десяти лет: он вырезал из бумаги французских зуавов, военнослужащих французских колониальных войск (как и полагается, в шароварах и коротких куртках), а также более

---

³⁰ Речь идет об англо-египетской войне 1882 г., когда Великобритания вторглась в Египет после антибританского восстания 1881 г. во главе с Араби-пашой. – *Прим. ред.*

знакомых английских гвардейцев в характерных поясах и высоких меховых шапках⁸. Его воображение помогало ему создавать точные копии солдат. Когда он был в Ходдере, он в возрасте девяти лет отправил домой по почте в качестве подарка для сестер фигурки французских пехотинцев⁹.

Артур Конан Дойл и Иннес хорошо проводили время вместе. «Я очень рад узнать, что у меня есть маленький братик»¹⁰, – написал Артур домой из Стонихёрста, когда ему было четырнадцать лет, в ответ на письмо его матери о рождении Иннеса, и ему все больше и больше нравилось общаться с братом. Мягкая, теплая погода располагала Артура Конан Дойла и Иннеса к тому, чтобы проводить большинство вечеров в Саутси на открытом воздухе. Артур прокладывал многокилометровые маршруты по извилистым улочкам, вдоль доков, где на иностранных судах развевались на ветру разноцветные флаги, мимо артиллерийских укреплений из недавнего прошлого и старинной длинноствольной пушки, называемой «кулеврина». Военная история Британии осенила остров частью своей славы, что, по мнению патриотично настроенного и одаренного богатым воображением Артура Конан Дойла, придавало ему особое очарование. Основанный в двенадцатом столетии нормандским торговцем³¹, Портсмут медленно разрастался в течение трех столетий¹¹. Разросся также и район Саутси, который был назван в честь одного из «укрепленных приморских фортов» Генриха VIII, выстроенных в середине 1500#х годов вдоль южного побережья Англии для отражения ожидавшегося нападения французского и испанского флотов. Тогда же были отстроены такие «артиллерийские замки», как замок Пенденнис в графстве Корнуолл или замок Ярмут, обеспечивавший оборону западной оконечности пролива Солент и расположенный на отлогих берегах близлежащего острова Уайт. На протяжении многих веков Портсмут являлся центром судостроения в королевстве. На каждом шагу Артур и Иннес слышали эхо истории.

Артур Конан Дойл записал Иннеса в местную дневную школу «Хоуп Хаус» на Гринруд, директором которой был Томас Генри Викери. Редьярд Киплинг, который был на шесть лет младше Артура Конан Дойла, в свое время посещал то же самое учебное заведение и позже описал его как «ужасную маленькую дневную школу», «дом скорби»¹². Однако доброжелательно настроенный Иннес смог без больших усилий следовать установленному порядку. Возвращаясь домой из школы, он приносил с собой жизнерадостность и смех. Он притащил домой с пляжа крабов, которые стремительно переползали из комнаты в комнату, пока Артур (или тот же Иннес) как-то случайно не раздавил одного из них с отвратительным хрустом¹³.

Хотя это, похоже, не отражалось на его энергии, однако, когда Иннес приехал к Артуру Конан Дойлу, в горле у него была опухоль. Вероятно, у него были какие-то проблемы с эндокринной системой, но вскоре его состояние улучшилось. Артур считал, что длительные прогулки на свежем воздухе способствовали его выздоровлению (а у мальчишки вскоре стало отменное здоровье) больше, чем заказанный Артуром сироп йодида железа: зеленоватое по цвету лекарство с высоким содержанием железа, которое прописывали врачи и аптекари для лечения различных заболеваний.

В середине августа Иннес писал матери: «Мы сделали прививку младенцу и заличили у одного чилавека чихотку»¹⁴. Он также поведал ей историю о том, как цыган подвез к их дверям свою тележку, нагруженную стульями и корзинами на продажу, и принялся настойчиво звонить в дверной колокольчик. Как позже вспоминал Артур Конан Дойл, этот курьезный случай был типичен для сумбурного начала его врачебной практики в Саутси.

---

³¹ Речь идет о Жане де Жизоре (1133–1220), норманском лорде, сеньоре крепости Жизор. Согласно другим источникам, Портсмут был основан гораздо раньше, еще в VI в. н. э. – *Прим. ред.*

«Уходите!» – крикнул Артур в направлении двери, но цыган продолжал звонить.

Иннес подошел к двери, открыл ящик для писем и закричал, повторяя вслед за Артуром: «Уходите!»

Цыган обругал Иннеса и велел позвать доктора.

Иннес побежал наверх и сообщил Артуру, что цыган, оказывается, был пациентом. Сразу же изменив тон, Артур Конан Дойл поспешил вниз, чтобы открыть дверь. Как выяснилось, этот человек был так настойчив потому, что его ребенок заболел корью.

«Мы получили от них шесть пенсов», – отчитался Иннес перед матерью.

В сложившихся обстоятельствах Иннес, естественно, разделял озабоченность старшего брата их финансовой ситуацией. Постоянно помня о кредиторах, Артур Конан Дойл внимательно следил за своими доходами и расходами. В письмах к матери он нередко перечислял по пунктам свой скудный бюджет¹⁵. Когда Мэри Дойл пыталась порой отправить ему деньги, Артур Конан Дойл отказывался, написав однажды: «Господь знает, что я беден, как Иов, но у меня есть другое богатство: молодость и отвага»¹⁶. В то же время он решительно заявлял ей: «Я всегда все делал с полной отдачей сил»¹⁷.

Несмотря на свое бахвальство, он нередко принимал от нее помощь или даже просил о ней. Еще до переезда в Портсмут он настоял на том, чтобы она одолжила ему пять фунтов, переслав их со следующей почтой, при этом он был уверен, что скоро ему уже не придется обращаться к ней с такими просьбами. По его прогнозам, в течение пяти лет его годовой доход возрастет до 1000 фунтов стерлингов¹⁸. Однако в первые месяцы в Саутси ему приходилось так трудно, что он даже был готов откликнуться на рекламное объявление, в котором врачу-терапевту предлагалось поехать в Тераи (Непал), район у южных подножий Гималаев.

Стыдясь своей бедности и пока еще отличаясь вспыльчивостью молодости, Артур Конан Дойл порой быстро переходил от смущения к гневу, когда ему предъявляли счет: он мог, к примеру, обругать прачку и швырнуть в нее деньги. Своей матери он признавался, что возмущался, когда его обманывали, но еще больше он негодовал, когда пациент осмеливался возражать после его, Артура, требования заплатить¹⁹. Однажды он закончил письмо к одной своей знакомой фразой о том, что увидел приближавшегося к его дому «сборщика налогов» и должен спешно проститься с ней, чтобы успеть спрятаться под столом²⁰.

В первый год в Саутси Конан Дойл заработал всего 154 фунта стерлингов. С такой смехотворной суммы можно было не платить налог вовсе, что он и отметил в налоговой декларации. Документ был возвращен с пометкой налогового инспектора: «В высшей степени неудовлетворительно»²¹. Артур отправил декларацию обратно, приписав пониже вердикта: «Полностью согласен». Результатом такой дерзости, естественно, стала проверка его счетов, однако предъявленная Артуром отчетность подтвердила его честность, и они с аудиторами, смеясь, расстались друзьями.

Несмотря на мизерный доход Артура Конан Дойла, ему необходимы были книги, поэтому он записался в библиотеку с выдачей книг на дом. К этому времени библиотеки в Британии прошли долгий путь с того времени, как в Оксфордском университете в эпоху Возрождения книги приковывали цепями²². К 1880-м годам многие британские библиотеки разного вида удовлетворяли спрос на книги, возросший в последнее столетие в результате повысившейся грамотности населения: это были и платные библиотеки, и читательские клубы, и библиотеки с выдачей книг на дом, и коллекции книг для медицинских колледжей и факультетов и ботанических садов, и клубы любителей книг, ориентирующиеся на поэзию или художественную литературу. Конан Дойл много читал по истории и научным темам, не ограничиваясь одной медициной, но особый, практически неутолимый интерес он проявлял к художественной литературе.

Спустя много столетий, когда вершину литературного творчества представляла поэзия, самой популярной литературной формой в XIX веке стала художественная литература. Этому существенно способствовала публикация таких монументальных произведений, как «Война и мир» Льва Толстого (1869 год), «Миддлмарч» Джорджа Элиота³² (1871 год), «Как мы теперь живем» Энтони Троллопа (1875 год). «Мы все поголовно стали читателями романов, от премьер-министра до судомойки, – высказал свое мнение Энтони Троллоп в 1870 году на лекции в Эдинбурге. – Мы, конечно же, читаем также поэзию и историю, мемуары и текущие общественно-политические новости. Но все это, собранное вместе, вряд ли может сравниться с нашей увлеченностью романами»²³.

Во времена Артура Конан Дойла все, кроме самых богатых читателей, записывались в библиотеки и брали там на время романы, а не покупали их. Раньше крупные писатели, такие как Чарльз Диккенс и его главный соперник Уильям Мейкпис Теккерей²⁴, публиковали бо́льшую часть своих романов по частям, ежемесячно или еженедельно. Яростный сатирический роман Энтони Троллопа «Как мы теперь живем» стал одной из последних серьезных публикаций такого формата. Публикации крупных произведений в периодических изданиях тоже сопровождалась определенными проблемами. Однако большинство британских авторов художественных произведений, издававшихся в книжном формате, в 1880#х годах ориентировались на рынок, где царствовал Чарльз Эдвард Муди и его пользовавшиеся большим спросом платные библиотеки с выдачей книг на дом²⁵ и подписные библиотеки. На библиотечном рынке повышенным спросом пользовались так называемые трехтомники, романы в трех томах, или трилогии (их еще называли трехпалубными романами, по названию военных кораблей XVII века)²⁶. В предыдущем столетии весьма популярными были такие романы, как «Викарий из Уэйкфилда» Оливера Голдсмита, изданный в двух томах, и «Кларисса, или история молодой леди» Сэмюэля Ричардсона в семи томах. Однако теперь пользующиеся немалым влиянием библиотеки настаивали, чтобы все произведения издавались в формате трехтомника, который во времена юности Артура Конан Дойла преобладал на рынке художественной литературы.

Различные отступления и побочные сюжеты в произведениях существенно разрастались в объеме не из-за каких-либо особых требований к максимальной полноте произведений, но исключительно по той причине, что авторы были вынуждены обеспечить объем, на котором настаивал Чарльз Эдвард Муди. Многие писатели, продумывая свои произведения, уже заранее учитывали их требуемый формат. Когда в 1874 году был опубликован четвертый роман Томаса Харди «Вдали от обезумевшей толпы» (который принес автору первый коммерческий успех), американский писатель и критик Генри Джеймс жаловался: «Это произведение приобрело совершенно немыслимые размеры за счет огромного количества лишних диалогов и описаний»²⁷. Чарльз Рид, автор любимого Конан Дойлом романа «The cloister and the hearth» («Обитель и очаг»)²⁸, в личном письме жаловался на «детский эгоизм», мотивирующий авторов сочинять трехтомные романы (он называл таких писателей трехтомщиками)²⁹.

Артур Конан Дойл много работал, но наряду с этим не чурался общения с друзьями и знакомыми и общественной жизни. Он вступил в Литературно-научное общество и принимал участие в его собраниях и организуемых им танцах, играл в крикет. В круг его общения входил, в частности, Клод Карри, который пару лет назад не смог сесть на борт судна «Хоуп» и тем самым предоставил Конан Дойлу возможность поучаствовать в замечательных арктических приключениях³⁰. Один из друзей Артура назвал его жилище на «Буш-Виллас»

³² Литературный псевдоним Мэри Энн Эванс. – Прим. пер.

«роскошным» и «очаровательным», а приемную врача – «пижонской»³¹; другой приятель был удивлен нехваткой столовых приборов, наряду с этим его поразили возможности «Буш-Виллас» для медицинской практики.

Когда жизнь Артура Конан Дойла в Саутси вошла в размеренную колею, он стал уделять свободное время сочинительству. Поздно ночью он писал рассказы, поначалу, как новичок, подражая кому-нибудь. Он тщательно переписывал их, сворачивал в трубочку, вкладывал в почтовые тубусы и отправлял по почте³². Его произведения вскоре возвращались (как «бумажные бумеранги», по его выражению). Тем не менее время от времени ему улыбалась удача, и этого было достаточно, чтобы он продолжал свои попытки. Он сочинил несколько рассказов на заказ, в частности о тотализаторе на скачках. Это было подражание произведениям известной валлийской писательницы Роды Броутон³³, автора романа «Не мудро, но слишком хорошо» и популярнейшего фантастического рассказа о призраках «Правда, только правда и ничего, кроме правды».

Конан Дойл послал короткий рассказ «Тот еще ветеран» в еженедельный журнал «All the Year Round»³⁴. Этот легендарный еженедельник имел полное право на каждой странице поверх текста в две колонки печатать: «Под руководством Чарльза Диккенса» спустя двенадцать лет после смерти всеми любимого писателя, поскольку должность редактора перешла к его сыну Чарльзу-младшему. Наконец после нескольких месяцев ожидания Артур Конан Дойл получил чек на два с половиной фунта (он ожидал вдвое больше). При этом журнал датировал чек задним числом (разница составила четыре дня). Как сообщил Артуру банковский клерк, когда тот пришел обналичить чек, такая практика не только противозаконна, но и свидетельствует о плохой кредитной истории. Все это вряд ли можно было назвать хорошим предзнаменованием писательской карьеры.

Глава 12

Замкнутый круг

После десяти лет такой работы я так и оставался никому не известен, словно никогда не макал пера в чернильницу.

(Артур Конан Дойл. «Воспоминания и приключения»)

В первые несколько месяцев пребывания на «Буш-виллас» Артур Конан Дойл направлял творческие усилия на описание своего морского похода на китобойный промысел двухлетней давности. Волнующие сцены Арктики, ее поразительная красота, романтическая меланхолия, которую она навевала, навсегда остались в его памяти, и он воспользовался этими яркими воспоминаниями, чтобы написать рассказ о привидениях «Капитан «Полярной звезды», за который журнал «Temple Bar» заплатил десять гиней (что его вполне устроило). Сюжет рассказа не отличался большой оригинальностью: капитана корабля преследует призрак его прежней любви, заманивает его на льдину, где тот и погибает. Однако описанные автором сцены отличались колоритом, атмосфера в рассказе была грозной, и Конан Дойлу удалось показать весь драматизм трагической судьбы своего персонажа. Он обратился к собственному арктическому опыту (в частности, вывел в качестве рассказчика молодого корабельного врача) и смог в этом отношении перерастить свои первые рассказы, действие которых происходило в различных экзотических местах, которые он знал плохо и по большей части воображал их – таких, как австралийские золотые прииски или американский Дикий Запад.

В 1883 году, по-прежнему ориентируясь на воспоминания о своем плавании, он написал рассказ «Сообщение Хебекука Джефсона» и разослал его по разным журналам. Конан Дойл находился под впечатлением судьбы легендарной британской бригантины торгового флота «Мэри Селеста», захватившей его десятью с лишним годами ранее. В начале декабря 1872 года, когда Артуру было тринадцать лет, в четырехстах милях к востоку от Азорских островов было обнаружено судно водоизмещением 282 тонны без экипажа, но с тысячей семьями баррелями технического спирта в трюме; в трюме также плескалось три фута воды. Судно находилось в море около месяца, последняя запись в судовом журнале была сделана 25 ноября. Никем не управляемое, под полными парусами, оно дрейфовало в сторону Гибралтара. Его капитан со своей женой и маленькой дочерью, а также семь членов экипажа бесследно исчезли вместе с единственной спасательной шлюпкой. Одна из помп была разобрана, но на судне не обнаружили никаких признаков нападения или чего-либо, способного объяснить отсутствие людей на его борту. Пираты разграбили бы судно, шторм должен был бы потопить его. В течение прошедшего десятилетия, несмотря на правительственные расследования и различные слухи, никаких следов семьи капитана или экипажа судна не было обнаружено.

По какой-то причине Конан Дойл изменил название судна: в его рассказе оно называется не «Мэри Селеста», а «Мари Селеста» – при этом он сохранил настоящее имя капитана³³ и даже название спасательного судна – «Деи Грация». Большая часть рассказа была авторским вымыслом. Нагнетая зловещую атмосферу, автор сохранил на борту судна обе шлюпки. Совершенно сверхъестественно безмятежным в рассказе выглядело покинутое судно – со швейной машинки даже не скатилась бобина с нитью.

Летом 1883 года Артур Конан Дойл был обрадован и польщен решением Джеймса Пейна, редактора журнала «Корнхилл» (возможно, на тот момент самого известного изда-

---

³³ Автор ошибается. Имя вымышленного капитана «Мари Селесты» (в русском переводе «Святой девы») – Д. У. Тиббс, капитан настоящей «Мэри Селесты» – Бенджамин Бриггс. – *Прим. ред.*

тельства «малой прозы» в Великобритании), напечатать «Сообщение Хебекука Джефсона». Этот уважаемый журнал, на страницы которого Конан Дойл давно мечтал попасть¹, был основан в 1859 году легендарным редактором Джорджем Мюрреем Смитом, сыном Джорджа Смита, соучредителя издательской фирмы «Смит, Элдер энд компани». Он славился высоким качеством публикаций – от описания научных путешествий Чарльза Дарвина «Зоология путешествия на корабле «Бигль» до романа Шарлотты Бронте «Джейн Эйр». Надежное руководство журналом, отчаянно соперничавшим с детищем Чарльза Диккенса «All the Year Round», должен был обеспечить зачисленный в штат Уильям Мейкпис Теккерей, главный конкурент Диккенса на литературном поприще. Репутация журнала «Корнхилл» была настолько высока, что королева Виктория доверила именно ему публикацию (частями) своей книги «Leaves from the Journal of Our Life in the Highlands» («Листы из журнала о нашей жизни в горах»).

Джеймс Пейн сам был писателем, автором таких достаточно популярных романов, как «Lost Sir Massingberd» («Пропавший сэр Мэссингбёрд») и «Richard Arbour, or The Family Scaregrace» («Ричард Арбор, или семейный шалопай»). Он написал множество рассказов, прежде чем решил приняться за романы². После того как он более десяти лет проработал в Эдинбурге редактором своего собственного журнала «Chambers's Journal», он в 1883 году стал редактором журнала «Корнхилл» вместо уволившегося Лесли Стивена.

Когда Конан Дойл в 1884 году взял в руки январский номер этого издания, то увидел свой рассказ на первой странице, половину которой занимала замечательная иллюстрация в виде полуобнаженного черного африканца. К радости Артура, его рассказ не канул в Лету. Год спустя «Бостонский вестник» перепечатал его, посчитав, по всей видимости, описанием реального события.

Между тем опубликованный в 1882 году ежемесячным журналом «London Society» («Лондонское общество») рассказ Конан Дойла «Кости» в 1885 году перепечатало американское издательство «Додд, Мид энд компани» в четвертом томе антологии «Рассказы отовсюду» («Tales from Many Sources»). В этом сборнике работы Артура Конан Дойла и других молодых британских авторов, таких как Томас Харди, были опубликованы наряду с рассказами их более известных коллег: Уилки Коллинза, известной детской писательницы Джулианы Юинг, Джеймса Пейна и Чарльза Рида. Первый раз произведение Артура Конан Дойла вышло отдельной книгой.

Вскоре оно было напечатано отдельной книгой еще раз. В октябре 1887 года редактор Джордж Редуэй включил рассказ «Сообщение Хебекука Джефсона» в получившую широкую известность трехтомную антологию «Царство грез, привидений и духов: странные истории о стечении обстоятельств и приключениях с участием привидений» («Dreamland and Ghostland: Strange Stories of Coincidence and Ghostly Adventure»), в котором был вводящий в заблуждение пространный подзаголовок: «Удивительные грезы, предчувствия и стечения обстоятельств, особые случаи из личного опыта различных писателей, потрясающие личные и семейные истории, загадочные случаи из уст живых рассказчиков, некоторые психологические исследования – мрачные и веселые». Джордж Редуэй отобрал также пару других рассказов Конан Дойла, в которых повествование шло от первого лица и описываемые события походили на реальные. Таким образом, все придуманные Артуром Конан Дойлом детали, в том числе звучащее по-французски название судна «Мари Селеста», вскоре стали частью мифа об этом судне.

«Вы видели, что говорят о вашем рассказе в «Корнхилле?» – обратился как-то к Артуру на улице Портсмута в январе 1884 года один из его друзей, размахивая лондонской вечерней газетой.

Надеясь, что это одобрительный отзыв и наряду с этим из осторожности приняв застенчивый вид, Артур попытался заглянуть своему другу через плечо, когда тот вдруг развернул

газету и прочитал вслух: «В последнем номере «Корнхилла» напечатан рассказ, от которого Теккерей перевернулся бы в гробу»³.

Позже Артур Конан Дойл вспоминал, что не поколотил своего приятеля только потому, что поблизости на улице были свидетели.

Этот случай напомнил Артуру о редких преимуществах анонимности. Как и другие писатели, чаще всего он испытывал только разочарование при необходимости сохранять анонимность при публикации. Вскоре, однако, хвалебные отзывы помогли ему поднять настроение. Сразу несколько рецензентов высказали предположение, что автором рассказа «Сообщение Хебекука Джефсона» был Роберт Льюис Стивенсон. Такая ошибка польстила Артуру, который восхищался творчеством своего коллеги-шотландца, но отнюдь не способствовала укреплению его собственной репутации (если только не считать репутации в глазах осведомленных редакторов). Сдержанные похвалы критиков были плохо слышны Конан Дойлу за столом в Саутси.

Роберт Льюис Стивенсон сам испытывал неудобства с идентификацией авторства, анонимно публикуя рассказы. Пару лет назад Артуру как-то попался на глаза старый номер журнала «Корнхилл» за сентябрь – октябрь 1880 года, и он с восхищением прочел достаточно длинный рассказ «Дом на дюнах»⁴. Только в конце того года он, как и остальные читатели, узнал, кто являлся автором этого рассказа и других, также вызвавших неподдельное восхищение, когда все они вышли в сборнике «Новые арабские ночи» за подписью Роберта Льюиса Стивенсона.

Издательская деятельность всегда сопровождается слухами. Большинство литературных произведений публиковалось в то время в периодических изданиях анонимно. Прежде неузнанность обеспечивала безопасность журналистам, писавшим на политические темы, а потом анонимность вошла в моду. Редакторство Чарльза Диккенса привлекало читателей к журналам «Household Words» и «All the Year Round», но свои рассказы там он публиковал без подписи, чтобы скрыть степень своего собственного участия в изданиях. Диккенс полагал, что такая практика обеспечивала его журналам единый, фирменный стиль, однако многие авторы считали, что в результате стиралась их индивидуальность. Во времена Артура Конан Дойла практика анонимных публикаций постепенно почти сошла на нет, но окончательно еще не прекратилась. Издатели осознали, что имя знаменитого автора на обложке журнала или на первой странице газеты привлечет подписчиков, а за анонимностью порой скрывались клеветники и другие безответственные писатели. Кроме того, писатели все больше стремились получить должное признание за свой труд.

Постепенно честолюбивый Конан Дойл пришел к мнению, что только публикацией романа он мог бы обратить внимание на свое творчество⁵. В 1883 году он написал свой первый роман, довольно неуклюжий и статичный, под безликим названием «Повествование Джона Смита». В нем Артур, словно глядя в зеркало, описал врача, мечтавшего о карьере писателя. Конан Дойл попытался избавиться от отождествления с рассказчиком, сделав его вдвое старше себя и превратив в инвалида, страдавшего от подагры. Таким образом, он ограничил интересы своего героя лишь стопкой чистой бумаги, однако такой персонаж был нежизненным и неубедительным. Он размышлял о происхождении религии, о своем стремлении писать, о политике, о женщинах, в целом о жизни. Как результат произведение больше напоминало подборку зарисовок и небольших статей, чем роман⁶.

В конечном итоге Артур Конан Дойл отослал рукопись по почте – и та потерялась. Издатель так и не получил ее, и она никогда больше не вернулась к автору. В ответ на запросы Артура почтовое отделение привычно отписывалось на своих синих бланках, что его отправления нигде не зарегистрированы. Конан Дойл попытался восстановить роман по памяти, но, очевидно, разочаровался в нем или же просто потерял к нему интерес. Возможно, к тому

времени он уже перерос данный проект, достойный лишь новичка. Как бы то ни было, этот роман он забросил³⁴.

С присущей ему целеустремленностью Артур предпринял еще одну попытку. В течение 1884 и 1885 годов он написал «Торговый дом Гердлстон». По своему мелодраматичному сюжету это произведение несколько напоминало опубликованный в 1868 году роман «Потерянное имя» Шеридана Ле Фаню⁷, знаменитого ирландского мастера рассказов о привидениях и готических остросюжетных романов. Решительно выйдя на этот раз за рамки своего личного опыта, Конан Дойл изложил историю о нараставших масштабах мошенничества Джона Гердлстона, основателя лондонской фирмы «Гердлстон энд компани», и его сына Эзры в отчаянных попытках утаить финансовый крах фирмы в результате биржевых спекуляций главы семьи. Если «Повествование Джона Смита» безнадежно статично, то у сюжета «Торгового дома Гердлстон» совершенно неистовый темп. Как сам Артур сказал своей сестре, его книга изобиловала захватывающими сценами убийств, при этом он добавил: «Мне потребуется частное кладбище, чтобы разместить там всех моих персонажей»⁸.

Конан Дойл не пытался скрыть своего презрения к финансистам, подобным Скруджу³⁵. Когда на одном из судов компании умирают три члена экипажа, Гердлстон-младший безжалостно замечает: «Мы очень хорошо знаем, что это значит: три женщины, каждая с охапкой отродья, будут осаждать офис и требовать пенсии»⁹.

Артур Конан Дойл с самого начала понял, что его роман остается подражанием и написан без вдохновения. Своей матери он охарактеризовал его как «довольно хороший, такой, как сейчас пишется легкая литература»¹⁰. Тем не менее он настойчиво рассылал его по издателям. Издатели с такой же настойчивостью возвращали его. Как позже выразился Артур Конан Дойл, получался «замкнутый круг»: рукописи попадали от писателя к редактору и возвращались обратно к писателю, как почтовые голуби¹¹. В душе соглашаясь с их мнением, он понимал, что не может осуждать издателей за то, что они не рвали у него из рук «Торговый дом Гердлстон».

---

³⁴ В начале XXI в. «Повествование» было найдено Британской национальной библиотекой. Русский перевод вышел в 2012 г. – *Прим. ред.*

³⁵ Эбенизер Скрудж – персонаж-скряга из «Рождественских повестей» Чарльза Диккенса. – *Прим. пер.*

Глава 13

Невидимый мир

По-моему, на лицах умерших есть нечто многообещающее. Говорят, что это посмертное расслабление мышц, но я бы хотел, чтобы именно в этом наука ошибалась.
(Артур Конан Дойл. «Письма Старка Монро»)

В декабре 1883 года в ежемесячнике «London Society» («Лондонское общество»), в котором ранее были опубликованы «Рассказ американца», «Блюменсдакский каньон» и другие рассказы Артура Конан Дойла, появился его коротенький развлекательный рассказ «Тайна замка Горсорп-Грейндж». На этот раз, не тратя время впустую на вызывание привидений, Артур высмеял спиритуалистических медиумов, утверждавших, что они могут в любое время вызвать призрак. Рассказчик, Сайлас Д'Одд, разбогатев на торговле бакалейными товарами, покупает феодальный замок Горсорп-Грейндж, однако оказывается неприятно поражен, узнав, что по длинным коридорам замка не бродят призраки: «Я убежден, что как наличие собачьей конуры предполагает присутствие собаки, так в столь подходящем месте не может не обитать хотя бы один неприкаянный загробный дух».

Д'Одд и его жена обращаются за помощью к кузену, и тот обвешивает замок гербами и фальшивыми семейными портретами. Наконец под воздействием наркотиков Д'Одд видит несколько призраков, которые обращаются к нему за работой в Горсорп-Грейндж. «Я незримое нечто, – вздыхает один из них. – Мне присуща неуловимость. Я преисполнено электричества и магнетизма, я спиритуалистично. Я великое, эфемерное, испускающее вздохи». Появляются и другие привидения, в частности сторбленная старуха, которая говорит: «Меня очень жаловал сэр Вальтер Скотт»; кавалер, похваляющийся: «На груди слева, где сердце, у меня кровавое пятно... Мне покровительствуют многие родовитые консервативные семьи»; смутное видение дребезжит: «Я вырываю письма и кладу невидимые руки на запястья людям» – и, наконец, ужасного вида разлагающийся труп в саване бормочет: «Я подлинное создание Эдгара Аллана По. Я самый мерзкий, гнетущий душу призрак... Мои атрибуты – саван, крышка гроба и гальваническая батарея. Люди от меня седеют за одну ночь». В конце концов Сайлас Д'Одд узнает, что все это были галлюцинации, вызванные раствором хлорала.

Вероятно, Артур Конан Дойл подтрунивал и над самим собой – именно в то время он стал интересоваться спиритизмом, верой в то, что после смерти бесплотные духи могут общаться с живыми. За те годы, что Артур провел в Саутси, он прочел десятки книг о спиритуализме, который, требуя просто поверить, что человеческий дух живет и после смерти, выдавал недоказанные физические проявления на спиритических сеансах за очевидные тому подтверждения. Самым ранним детским воспоминанием Артура была смерть его бабушки по материнской линии в июне 1862 года, когда он увидел ее мертвой¹. Ему тогда вот-вот должно было исполниться четыре. В 1881 году, еще в Эдинбурге, Артур Конан Дойл побывал на лекции одного спиритуалиста под названием: «Заканчивается ли все смертью?» Теперь, в Саутси, он неустанно размышлял на эту тему. В 1876 году великий натуралист Альфред Рассел Уоллес, признавший важность естественного отбора одновременно с Чарльзом Дарвином, опубликовал сборник из трех длинных эссе о спиритизме «О чудесах и современном спиритизме». Артур внимательно прочел эту книгу, а также десятки других книг, в которых изучался вопрос о том, может ли какая-то часть личности и характера человека – некоторая ее сущность или квинтэссенция – пережить и даже преодолеть смерть своего тела.

В начале 1885 года в Саутси местный коллега и друг Артура Конан Дойла, доктор Уильям Ройлстон Пайк, консультировался с ним об одном пациенте – юноше по имени Джон (с неизбежным прозвищем Джек) Хокинс, страдавшем от усиливавшихся судорог. Артур поехал с Пайком к больному и осмотрел его. Это был бледный и слабый пациент двадцати пяти лет, всего на месяц старше самого Артура². С сожалением доктор Дойл вынужден был подтвердить диагноз старшего коллеги о причинах судорог: менингит, воспаление оболочек головного мозга. Обычно это было неизлечимо.

Осматривая Джека, Конан Дойл познакомился с остальными членами семьи Хокинс. Вдова из Глостершира, Эмили Хокинс, переехала в Саутси всего несколько месяцев назад с сыном Джеком и своей дочерью Мэри Луизой. Сестре Джека (ее все звали Туи) было почти двадцать восемь лет. Семья арендовала квартиру с террасой недалеко от дома Артура с видом на море и на пустошь Саутси. Вскоре Джеку стало хуже, и Артур предложил перевезти Джека к нему в свободную спальню на «Буш-Виллас». Таким образом, он мог оказать Джеку помощь в любой момент. У Эмили Хокинс уже был один сын в психиатрической больнице в Глостере, и, естественно, она предпочла, чтобы Джека в больницу не отправляли. Больницы часто становились для пациентов последним приютом из-за высокого уровня смертности в таких учреждениях.

Хотя это был щедрый и романтический жест, по-видимому, Артур ожидал также получить оплату за медицинскую помощь на дому. В его автобиографическом романе «Письма Старка Монро» семья пациента просит рассказчика рекомендовать жилье, и Старк Монро предлагает свой собственный дом. «Обе дамы благодарили меня гораздо больше, чем я заслуживал, – замечает он, – ведь это был деловой вопрос, а мне как раз нужен был постоянный пациент»³. Артур Конан Дойл находился в трудном финансовом положении, когда предложил взять к себе в дом Джека Хокинса. Не в состоянии оплатить свои счета за дом в Саутси, он в очередной раз недавно отправил несколько счетов своей верной матери, зная, что она оплатит их, как она уже делала это раньше.

Состояние Джека неуклонно ухудшалось, и двадцать пятого марта, всего через несколько дней после переезда в дом Конан Дойла, он умер⁴. Еще через два дня Артур сопровождал семью Хокинс, когда гроб с телом Джека вынесли из «Буш-Виллас» и поместили на катафалк, ожидавший перед домом, что, очевидно, было плохой рекламой для врача. Джека отвезли на сравнительно новое кладбище на Хайленд-роуд. В то время сорок процентов захоронений на Хайленд-роуд были детскими могилами⁵. Многие дети не доживали до совершеннолетия из-за болезней или несчастных случаев. Их маленькие надгробия стояли скорбными рядами бок о бок с более крупными могильными камнями их родственников. Тут пациента Артура Конан Дойла и похоронили.

Едва Артур вернулся к себе на «Буш-Виллас», как к нему явился полицейский допросить его о смерти Джека. Возникли подозрения, не было ли в этом для кого-нибудь выгоды, особенно для малоизвестного молодого врача, в доме которого пациент так быстро умер. К счастью, доктор Пайк осматривал Джека по просьбе Артура буквально накануне смерти. Пайк высказал свое профессиональное мнение по этому делу, и с Конан Дойла были сняты все подозрения, а его репутация была спасена.

Для Артура Конан Дойла смерть молодого пациента была большой профессиональной и личной травмой. Но были у этого происшествия и значительные философские последствия. С некоторых пор Артур считал себя агностиком и скептиком. Однако постепенно материалистический взгляд на жизнь перестал удовлетворять его духовно. Время от времени он даже стал посещать сеансы столоверчения, в которых медиум в затемненной комнате взывал к духам тех, кто «перешел на другую сторону», как любили говорить спиритуалисты. Артур пытался принять двусмысленность медиумов и их театральные хлопки по столу

в качестве доказательств. Смерть Джека Хокинса подтолкнула его к дальнейшим размышлениям в этом направлении.

* * *

Отец Артура Конан Дойла не был мертв, но его отсутствие в семье было почти таким же окончательным. В начале 1885 года Чарльз Дойл, еще находясь в Блайерно, достал где-то бутылку спиртного и, вновь напившись до беспамятства, вообразил себе, что бог велит ему бежать⁶. Не желая послушаться воли божьей, Чарльз Дойл разбил окно и попытался устроить побег, но персонал клиники не пускал его, и он отбивался, раздавая тумаки всем, до кого мог дотянуться.

В результате в мае Чарльза выставили из этой клиники, предназначенной для неагрессивных алкоголиков. Перевели его туда, где медицинский персонал был более подготовлен к тому, чтобы справляться с буйными пациентами – недалеко от первого места содержания Чарльза Дойла, но южнее. Это был Королевский приют для душевнобольных в деревне Хиллсайд, к северу от Монтроуза. Он был основан в 1781 году как приют, больница и диспансер для душевнобольных в Монтроузе⁷, в основном на деньги местных жертвователей. В 1810 году приюту была дана первая королевская хартия, таким образом, он стал старейшим подобным учреждением в Шотландии. За сто лет его существования в приюте значительно улучшились и условия содержания пациентов, и качество лечения. В 1858 году на расположенной поблизости ферме «Саннисайд» было построено несколько новых зданий, в первую очередь длинный трехэтажный больничный корпус в стиле тюдоровского ренессанса. В округе все это лечебное учреждение стали называть «Саннисайд»⁸. Старые здания были лишь частью клиники, именно там и оказался спившийся Чарльз Дойл.

Руководство лечебных заведений было настолько встревожено буйным поведением Чарльза Дойла в Блайерно, что ему пришлось принять меры, не уведомляя предварительно Мэри или Артура Конан Дойла⁹. В соответствии с законами о невменяемости в Шотландии для помещения пациента в клинику для душевнобольных было необходимо получить два экспертных заключения специалистов, и оба этих документа должны были быть подтверждены шерифом. Чарльз Дойл быстро предоставил клинике «Саннисайд» все необходимые основания. Он сразу же сообщил одному из врачей, Джеймсу Айронсайду, что получает сообщения «из невидимого мира». Учитывая все возрастающий интерес Артура Конан Дойла к спиритизму, его, вероятно, должно было поразить это заявление. Когда другой врач, Джеймс Даффус, приступил к осмотру Чарльза Дойла, пациент стал браниться и называть доктора и его помощников дьяволами.

Чарльз Дойл также утверждал, что уже бывал в приюте «Саннисайд», что не соответствовало действительности, и то заявлял, что его брат умер, то, что тот жив. Кроме того, Чарльз Дойл не мог вспомнить имена своих детей. Оба врача засвидетельствовали, что пациент психически болен и не в состоянии сам о себе позаботиться, и шериф дал разрешение поместить его в клинику. Чарльз Дойл стал одним из пятисот обитателей клиники «Саннисайд». Большой частью это были бедняки – их пребывание в приюте обеспечивалось за счет пожертвований, а около восьмидесяти «постояльцам» клинику оплачивали их семьи.

На вид Чарльз Дойл отличался хорошим здоровьем, однако доктор Даффус записал о новом пациенте следующее: «С детства имел проблемы с психикой и нервной системой и, по его собственному признанию, пытался справиться с этим с помощью алкоголя. Стал пить с ранних лет, чтобы придать себе мужества и т.п. Является, точнее был, умелым рисовальщиком, приходится братом тому Дойлу, который работал в «Панче» в первые годы его изда-

ния»¹⁰. Чарльз Дойл также признался доктору Даффусу, что в Блайерно, напившись допьяна, напал на служанку.

По-видимому, семья Дойл согласилась с мнением осматривавших Чарльза докторов о состоянии пациента, поскольку он так и остался в приюте «Саннисайд». Мэри опасалась, что если Чарльз окажется на свободе, то быстро доконает себя выпивкой, а возможно, и еще кому-нибудь навредит при этом¹¹. Как бы ни печалился Артур, что его отец попал в клинику, «Саннисайд» был вариантом, который семья могла принять без чувства стыда. Доктор Джеймс Хауден, главный врач этого лечебного заведения, осуждал варварские методы, применявшиеся в прошлом, и хотел, чтобы его учреждение находилось в авангарде гуманного лечения. «Мы не должны... упускать из виду великий принцип отказа от принуждения... который произвел революцию в лечении душевнобольных, – писал он, – в результате чего современный приют приобрел характер и цели больницы и санатория, а не тюрьмы или дома призрения»¹². В стране нарастало движение в пользу реформ в этой области. Чарльз Рид написал роман «Жесткие деньги», в котором разоблачались жестокое обращение с пациентами, содержащимися в частных домах для душевнобольных, и их эксплуатация. Это произведение, подобно передовым романам Чарльза Диккенса, Гарриет Бичер-Стоу и других выдающихся писателей, помогло добиться реальных изменений в мире.

Так что приют «Саннисайд» не был местом наказания. Там устраивали разные развлечения: от «волшебного фонаря» до пикников и танцев. Туда даже приезжала со спектаклями известная оперная труппа Д'Оули Карт, созданная театральным импресарио Ричардом Д'Оули Картом, и комическая оперная труппа поэта У. С. Гилберта и композитора Артура Салливана.

Сначала у Чарльза Дойла все так перепуталось в голове, что он не понимал, где находится или как он сюда попал. «После обеда не помнит, где был утром», – записал один из его врачей. В середине июля врач в приюте «Саннисайд» отметил, что всю предыдущую неделю Чарльз Дойл чувствовал слабость и испытывал помутнение сознания, жаловался «на состояние подавленности и предчувствие смерти. Утверждал, что умрет через двое суток»¹³. Чарльз Дойл в это время часто молился и читал молитвенник, к нему дважды вызывали священника. Дэвид Форбс из Блайерно сообщил врачу приюта «Саннисайд», что Чарльз Дойл часто так себя вел. Дэвид Форбс не раз наблюдал, как Чарльз ложился умирать, а потом постепенно «оживал».

Обычно Чарльза Дойла считали стабильным пациентом, однако его состояние становилось все хуже. В середине ноября лечащий врач сделал о нем следующую запись: «Сегодня утром случился эпилептический приступ с судорогами всего тела, это с ним, насколько нам известно, произошло впервые»¹⁴. Раньше эпилепсией Чарльз Дойл не страдал, но иногда эта болезнь начиналась на фоне других серьезных нарушений в организме, например, алкогольной интоксикации. Чарльз этого припадка не помнил. Постепенно такие припадки стали происходить все чаще, а память его все ухудшалась, так что вскоре никто уже не рассчитывал на то, что он вспомнит даже самые последние события. Он был скрыт от общества и семьи. Не загробная, а повседневная жизнь стала для Чарльза существованием в невидимом мире.

На следующий год в рассказе «Джон Баррингтон Коулс», опубликованном в «Касселз сатердей джорнал», Артур Конан Дойл описал одного из персонажей так: «Когда я, поддерживая, довел его до комнаты, я увидел, что страдает он не только от последствий недавнего разгула, что давняя невоздержанность уже причинила вред его нервам и его мозгу».

Смерть Джека Хокинса на «Буш-Виллас» естественным образом ускорила сближение между семьей Хокинс и Артуром. Даже нося траур, Туи и ее мать чувствовали себя виноватыми в том, что Артур невольно пострадал из-за них. Вскоре Артура уже влекло к спокойной, но смешливой Туи. Невысокая, с детскими миниатюрными ручками и ножками¹⁵, Туи

излучала спокойствие и умиротворенность. В глазах у нее был блеск, говоривший, что она всегда готова к шутке, но над оскорбительными выходками или розыгрышами она никогда не смеялась. Интерес молодых людей друг к другу быстро превратился в ухаживания. Бурной страсти ни он, ни она не проявляли, но позже Артур как-то признался, что спокойная маленькая Туи пробуждала в нем лучшее качество мужчины – желание защищать.

Шестого августа, через четыре с половиной месяца после смерти Джека, преподобный С. Р. Стабил обвинил Артура и Туи в приходской церкви местечка Торнтон-ин-Лонсдейл, в Йоркшире, недалеко от поместья Брайана Уоллера в Масонгилле, где мать Артура Конан Дойла жила с 1883 года, выплачивая номинальную арендную плату Уоллеру.

«А. Конан Дойл, врач», – записал себя Артур в приходской реестр¹⁶. В свидетельстве о браке было сказано, что он является сыном Чарльза Дойла, художника. Туи подписалась как Луиза Хокинс, как обычно изменив свое полное имя «Мэри Луиза». Гостей на свадьбе было немного, поскольку Туи еще носила траур по брату. Однако Брайан Уоллер присутствовал, хотя Артур Конан Дойл, возможно, был этому и не рад. Брайан даже выступал в качестве свидетеля со стороны невесты. Были на свадьбе и сестра Артура, Конни, приехавшая домой из Португалии, и его брат Иннес, теперь уже неугомонный двенадцатилетний парнишка.

Несколько родных братьев Туи уже умерли, соответственно, ее доля в наследстве выросла. Прежде всего она получила большой процент прибыли от бизнеса и ренты с недвижимости¹⁷. Интересно, что в завещании ее отца было указано, чтобы на его похоронах не было катафалка, а гроб с телом чтобы несли на руках честные, трезвые рабочие; каждому из них нужно было заплатить за труды по одному фунту стерлингов¹⁸.

Артур Конан Дойл не имел семейного капитала, который он мог бы внести в общий котел. Вместо этого он рационально застраховал жизни – свою и жены. Кроме того, после женитьбы контроль над доходами Туи, составлявшими до 100 фунтов стерлингов в год¹⁹, переходил к нему. Таким образом, свадьба явно облегчила его финансовое положение. О первых днях брака Артур мало писал в своих письмах и где-либо вообще, и могло сложиться впечатление, что это событие не оказало существенного влияния на его жизнь. Во время медового месяца в Ирландии он часто играл в крикет.

Жизнь молодой семьи понемногу налаживалась, рента Туи увеличила общий доход, и Артур Конан Дойл смог уделять больше времени сочинительству. Его рассказы уже получили некоторую известность среди издателей, но Артуру нужно было написать роман. Ему казалось, что у него есть хорошая идея для приключенческой книги в популярном жанре детектива. Артур Конан Дойл стал представлять себе, каких сверкающих высот достиг бы такой выдающийся ум, какой был у доктора Джозефа Белла, если бы тот обратился к раскрытию преступлений.

Часть II

Пророки и полиция

Каждый писатель поначалу подражает кому-то. Полагаю, что это абсолютное правило; хотя иногда он обращается к такому образцу, который не так-то легко распознать.
(Артур Конан Дойл. «Воспоминания и приключения»)

Глава 14

Метод Задига

Вольтер учил нас методу Задига³⁶, и каждый хороший преподаватель медицины или хирургии каждый день на своих занятиях или же на практике воплощает в жизнь этот метод и его результаты.
(Джозеф Белл)

Когда Артур Конан Дойл приготовился создать детектива, опиравшегося в своей работе на научные методы, он не только присоединился к бурно развивавшемуся жанру детективной литературы – он также изъявлял готовность воплотить на бумаге новейшую версию извечного литературного идеала. В то время, как и спустя тысячелетия, на фоне хаоса и несправедливости, творившихся в обществе, писатель мечтал создать образ справедливого, мудрого героя, чей острый глаз и признание очевидных фактов позволяли ему быть свободным от предрассудков и предубеждений. Как Артуру Конан Дойлу было хорошо известно, Эдгар Аллан По был отнюдь не первым писателем, в произведениях которого главенствовали критическое наблюдение и рациональный анализ фактов. Эдгар По сознательно направил Дюпена по стопам выдающихся предшественников – библейского пророка и надменного философа.

Книга пророка Даниила, которую современные исследователи относят ко второму или третьему веку до нашей эры, включает в себя как сборник преданий из жизни арамейского царского двора, так и картины Апокалипсиса. Одна из древних историй о Данииле – укротителе львов, победителе дракона и пророке – описывает, как тот расследовал преступление. Человек благородного происхождения, Даниил был из числа евреев, попавших в вавилонский плен. Как и детектив «Убийства на улице Морг», это была история таинственных событий, происходивших в замкнутом помещении.

«Почему ты не поклоняешься Белу?»¹ – грозно спросил у Даниила персидский царь Кир. Имя Бел означало что-то вроде «властитель» или «господин». Евреи считали, что это имя принадлежало, в частности, Мардуку, месопотамскому языческому божеству, которое впоследствии стало богом-покровителем города Вавилона.

«Потому что я почитаю не мертвых истуканов, рукотворных идолов, – отвечал ему Даниил, – а только живого, истинного Бога, который сотворил небо и землю и который имеет власть над всякою плотью».

«Ты считаешь, что Бел не является живым, истинным богом? Разве ты не видишь, сколько он съедает и выпивает каждый день?» Каждый вечер в качестве жертвоприношения

---

³⁶ Задиг – вавилонский философ, главный герой философского романа Вольтера «Задиг, или Судьба». – Прим. ред.

перед статуей божества Бела укладывалось двенадцать мер муки, сорок баранов и шесть мер вина.

«Не обманывайся, о царь! – отвечал Даниил со смехом. – Внутри его лишь глина, а снаружи – только бронза; он никогда ничего не ел и не пил».

Разгневанный Кир призвал к себе семьдесят жрецов Бела и выдвинул ультиматум: «Если вы не скажете мне, кто тот, кто поглощает эти запасы, то вы умрете. Но если вы сможете подтвердить, что это Бел поглощает их, то умрет Даниил – за богохульство в отношении Бела».

Даниил пожал плечами: «Пусть будет так, как ты сказал».

Жрецы приготовили обычное жертвоприношение и сообщили Киру, что они уходят на ночь: «О царь, выставь же еду и приготовь вино. Затем закрой дверь и запечатай ее своей печатью. Если, вернувшись утром, ты обнаружишь, что Бел не съел все это, то мы будем готовы умереть. Если же окажется, что Даниил оклеветал нас, то он должен будет умереть за свою ложь».

Жрецы ушли, и Кир разложил жертвоприношения перед статуей Бела. Когда с ним остался только царь, Даниил велел своим слугам принести золу от костров и рассыпать ее по полу внутри храма. После того как они ушли, дверь за ними была запечатана царской печатью.

На следующее утро царь, вернувшись к храму вместе с Даниилом, увидел, что печать цела, и задал риторический вопрос: «Печати целы, Даниил?»

«Да, о царь, они целы».

Кир сам открыл дверь в храм, заглянул внутрь, обнаружил, что все жертвоприношения, оставленные накануне вечером, исчезли, и вознес хвалу своему богу: «Ты воистину велик, о Бел! Насчет тебя не лгут».

Однако Даниил не позволил Киру войти в храм и, стоя в дверях, показал ему на золу, рассыпанную по полу: «Взгляни на пол: чьи следы ты там видишь?»

«Вижу следы мужчин, женщин и детей!» – отвечал царь.

Даниил исследовал эти следы и разоблачил перед Киrom жрецов, доказав, что те использовали тайный ход, который вел к месту жертвоприношения. Каждую ночь они входили в храм через потайную дверь вместе со своими женами и детьми, чтобы поживиться жертвоприношениями. Рассерженный царь собрал всех жрецов, и те признались ему, что действительно пользовались потайной дверью, и показали ему ее. Придя в ярость и разочаровавшись в лжебоге, Кир передал статую Бела (а по существу, весь храм) в распоряжение родоначальника детективов. И Даниил разрушил идола и его храм.

Раскрывая, что же имело место в действительности, Даниил тем самым предлагал своего рода увлекательный сюжет, который впоследствии будет поощрять писателей (таких, как Артур Конан Дойл) к подобному изложению последовательности событий: формирование у читателя искаженных исходных предположений, а затем восстановление того, что произошло на самом деле взамен первоначальной, воображаемой картины. Заслуга Даниила заключалась также в том, что он подтверждал важность внимательного отношения к уликам.

Более двух тысячелетий спустя, в конце 1740#х годов, французский философ и сатирик Франсуа-Мари Аруэ, который писал под псевдонимом Вольтер, опубликовал философскую повесть «Задиг, или Судьба». Хотя Вольтер представил Задига как вавилонского философа, сатира автора была направлена на самом деле на неравенство европейского общества середины XVIII века и его несостоятельность. В той жизни, к которой можно было относиться лишь с сарказмом (что было показано в более позднем произведении Вольтера «Кандид»), Задиг сталкивается со всевозможными несчастьями, от войны до отвергнутой любви. Он всегда остается рассудителен и настолько внимателен к деталям, которые упускают из виду

окружающие, что создается впечатление, что он обладает сверхъестественной проницательностью.

Согласно рассказу Вольтера, Задиг прогуливался на природе, когда к нему подбежал евнух царицы, который вместе со своими помощниками обследовал окрестности, и спросил его:

– Молодой человек, не видели ли вы кобеля ее величества?

– Вы имеете в виду ее суку, я полагаю², – отвечал Задиг с видом самоуверенного всезнайки, который Эдгар Аллан По позже сделает также характерной чертой Дюпена.

– Вы совершенно правы, сэръ: этот спаниель действительно сука.

– Она весьма мала, – заметил Задиг, – недавно оценилась, слегка хромот на левую переднюю лапу, и у нее длинные уши.

Разумеется, евнух поинтересовался, куда побежала собака.

Однако Задиг ответил, что он никогда не видел ее и даже не знал, что у царицы есть такая собака, пока евнух не упомянул об этом.

Эта комичная ситуация повторилась, когда любимая лошадь царя вырвалась из рук конюха и егермейстер спросил у Задига, не видел ли он ее.

– У этого коня превосходный галоп, – ответил наш герой. – Он около пяти футов высотой. У него очень маленькие копыта. Его хвост около трех с половиной футов длины. Бляхи на его удилах из чистого золота, около двадцати трех карат, а подковы из серебра, около одиннадцати денье за штуку.

– Куда же он поскакал? – оживившись, спросил егермейстер.

– Я никогда не видел его.

Естественно, евнух и егермейстер решили, что Задиг зачем-то лжет, поскольку он, совершенно очевидно, видел обоих животных. Они привели Задига к судье, который приговорил того к наказанию кнутом. Однако до того, как приговор был приведен в исполнение, собака и лошадь нашлись и были возвращены царю. Стало ясно, что Задиг был невиновен. Судьи отменили порку, но осудили Задига за ложь и присудили его к уплате в качестве штрафа четырехсот унций золота.

Задиг, смиловившись, обнаружил свой метод наблюдения детективного стиля. Во#первых, он заметил на песке следы маленькой собачки. По длинным бороздкам на песке между следами лап можно было распознать, что это сука, у которой соски свисали до земли, из чего следовало, что она недавно оценилась. Следы, бороздившие песок по бокам от передних лап, говорили о том, что у нее очень длинные уши, а то, что след одной лапы был менее глубок, чем следы остальных лап, позволило предположить, что собака хромала. Что же касается лошади, то Задиг заметил, что следы лошадиных подков на дороге были на равном расстоянии друг от друга, что доказывало, что у лошади был превосходный галоп. Пыль с деревьев вдоль узкой дороги, шириной не более семи футов, была немного сбита с каждой стороны, что доказывало, что хвост у этой лошади был не менее трех с половиной футов длиной. Философ увидел листья, сбитые с деревьев, которые образовывали свод высотой в пять футов, следовательно, лошадь была пяти футов ростом. Золотая уздечка и серебряные подковы оставили следы на различных видах камня.

Известность, полученная Задигом, привлекла к нему такое пристальное внимание, что он решил впредь держать язык за зубами.

За девять лет до того, как в 1778 году умер Вольтер, во Франции родился Жорж Леопольд Никола Фредерик Кювье. Он стал одним из самых выдающихся зоологов, а Конан Дойлу он был известен как барон Кювье. Решительно выступая против теории эволюции Ламарка и других ее последователей, которые утверждали, что все животные с течением времени постепенно изменялись, приспособляясь к окружающей среде, Кювье доказал,

что имело место их вымирание и исчезновение. Это открытие нанесло ощутимый философский удар по утверждению церкви о том, что природа неизменяема и совершенна.

В эпоху Артура Конан Дойла отмечались в основном неоспоримые заслуги Кювье в области сравнительной анатомии животных, как существовавших, так и вымерших. Одним из его наиболее существенных вкладов в естествознание явилось открытие, что с научной точки зрения одна-единственная кость какого-либо живого существа может много рассказать о его строении и поведении, учитывая прогнозируемую взаимозависимость различных органов тела животных. Обнаруживая окаменелые останки животных в различных частях света, исследователи использовали открытие Кювье в качестве краеугольного камня палеонтологии, и выявляемые аналогии позже позволили Дарвину, в частности, переосмыслить это открытие в качестве доказательства эволюционных родственных связей.

«Сегодня, – писал Кювье, – если только кто-нибудь видит след парнокопытной ноги, то он может заключить, что животное, оставившее этот след, жвачное; и это заключение столь же достоверно, как любое другое из физики или морали». Впоследствии он обеспечил вклад Вольтера в теорию о том, что детективная работа должна строиться на научной основе: «Это единый подход, позволяющий исследователю устанавливать, какие у вымершего животного были зубы, челюсти, кости тазового и плечевого пояса – и это более конкретные факты, чем все догадки Задига»³.

Глава 15

По следам Эдгара По

Эдгар Аллан По, разбросавший, со свойственной ему гениальной небрежностью, семена, из коих проросли столь многие современные литературные формы, был отцом детективного рассказа и очертил его границы с такой полнотой, что я не вижу, как последователи могут найти новую территорию, которую они осмелились бы назвать собственной. Поскольку секрет остроты и напряженности сюжета детектива зависит лишь от одного качества писателя, а именно, от уровня интеллекта и сообразительности, которой он наделяет своего героя... писатели вынуждены идти узкой тропой, постоянно различая следы прошедшего перед ними Эдгара По¹.
(Артур Конан Дойл)

До выделения детективного рассказа в отдельный жанр, который стал привлекать внимание Артура Конан Дойла и питать его амбиции в 1880-е годы, вымышленные детективы должны были прежде появиться и в других литературных образах. Поначалу такие персонажи не были сыщиками – частными или полицейскими. Герой-любитель оказывался невинной жертвой заговора или преступления, и сами обстоятельства – или желание отомстить, или добиться правосудия – вынуждали его вести расследование, не прибегая к официальному закону и его слугам.

Такой образ был выведен, в частности, английским писателем-радикалом Уильямом Годвином в своем скандальном романе 1794 года «Вещи как они есть, или Калев Уильямс». В своем замысловатом философском произведении (в более доступном и эффектном виде Уильям Годвин представил некоторые из идей этой книги в изданном годом ранее «Исследовании о политической справедливости») автор хотел показать, как невинные жертвы страдают от несправедливостей общества, обремененного византийским комплексом различных проблем. С удивительной (достойной Задига, приключения которого были опубликованы полувеком ранее) способностью постоянно попадать в передряги Калев Уильямс действует в качестве детектива, но в первую очередь для того, чтобы спасти себя от угрозы насилия и незаслуженных обвинений. Он не занимается распутыванием тех улик, над которыми позже будет ломать голову персонаж Эдгара По – детектив Огюст Дюпен.

Эдвард Бульвер-Литтон в своем романе «Пелэм, или Приключения джентльмена», вышедшем в 1828 году, продвинулся еще дальше по пути создания современного детектива. Генри Пелэм, молодой аристократ-денди, стремится освободить своего друга, несправедливо арестованного за убийство. Юридические махинации, чувственные сцены, зловещие незнакомцы, непонятные улики, вводящие в заблуждение косвенные доказательства – роман изобилует всеми этими деталями. Возвышаясь над своим благородным воспитанием, Пелэм общается с уголовниками, выдает себя за священника и в конечном счете оказывается победителем. Однако он остается частным лицом, мстящим за своего друга, самоотверженным любителем, но не детективом.

Зачастую такие истории были выполнены в готическом стиле, отвлекавшем читателя от детективного сюжета, мешавшем распознать в этих историях то, что Артур Конан Дойл решил оформить как литературные детективы. Другие авторы вплотную подошли к жанру детектива, в том числе немецкий писатель Э. Т. А. Гофман в своей повести «Мадемуазель де Скюдери». Расследование мадемуазелью де Скюдери жестокого убийства угрожает смертью ей самой, и она в ответ действует весьма смело и разумно. Она, однако, не сыщик:

она не относится ни к числу таких хорошо подготовленных профессионалов, как инспектор полиции Баккет, ни к числу таких удивительно одаренных любителей, как Огюст Дюпен. Ее методы нельзя считать упорядоченным расследованием. Очень долго лишь немногим талантливым писателям удавалось перейти Рубикон, создавая настоящие произведения о раскрытии преступлений.

Родившись в Бостоне в 1809 году в семье странствующих актеров, умерших, когда он был еще маленьким мальчиком, Эдгар По был принят в семью Джона Аллана из Ричмонда (штат Виргиния). Эдгара отправили в школу-интернат в Англию, но к одиннадцати годам он вернулся в приемную семью. В 1826 году он поступил в Виргинский университет, где вскоре наделал карточных долгов, которые вынудили его покинуть стены университета и поступить на военную службу. Каждый шаг в его жизни сопровождался борьбой с соблазнами – такими, как алкоголь и азартные игры. В возрасте двадцати семи лет он женился на своей тринадцатилетней двоюродной сестре Вирджинии Клемм и принял образ жизни своих умерших родителей, переезжая в поисках работы из города в город: сначала в Филадельфию, затем в Балтимор и, наконец, в Нью-Йорк.

Эдгар По был еще подростком, когда вышла его первая книга – «Тамерлан» и другие стихотворения». Несмотря на то что Эдгар По как писатель, безусловно, обладал своей индивидуальностью, его творчество (ведь он родился всего через несколько лет после окончания XVIII века) своими корнями уходит в готическую мелодраму. После смерти в 1849 году в возрасте сорока лет он оставил в литературе наследство, которое в течение последующих нескольких десятилетий неотступно преследовало читателя соблазнительным запахом греховности. Наваждение таких произведений, как «Маска Красной смерти», или героя повести «Вильям Вильсон», обнаружившего своего двойника-допельгангера, забыть было трудно. Закрыв книгу Эдгара По, читатель невольно еще долго вспоминал ярко описанные в ней ужасные преступления: Монтрезора, замуровывающего Фортунато в нише промозглого подвала; сердце мертвеца, стук которого слышит его убийца; пронзительный крик черного кота, погребенного вместе с убитой хозяйкой. В историях о красотах и опасностях перелета на воздушном шаре, месмеризма и путешествия на Луну Эдгар По исследовал возможности научных (и псевдонаучных) открытий. Тем самым он присоединился к традиции, восходящей к таким сказкам, как «Икароменипп, или Заоблачный полет» (сатирический отчет Лукиана Самосатского, написанный во втором веке нашей эры, о полете философа-киника Мениппа на Луну). В годы молодости Конан Дойла эту традицию восстановил его любимый французский писатель, классик приключенческой литературы Жюль Верн. Научные познания Эдгара По были подтверждены им в эссе «Эврика. Поэма в прозе», которое в лирической форме отражает попытки астрономов ответить на вопросы о том, почему ночное небо черное и бесконечно ли число звезд на небе. Темы других эссе варьировались от «Философии обстановки» до «Теории стиха».

Под влиянием творчества Эдгара По изменились не только фантастические рассказы и готические произведения – после создания им нескольких детективных рассказов другим стал также криминальный жанр литературы. Артуру Конан Дойлу особенно нравились детективные истории Эдгара По об эксцентричном французе месье Огюсте Дюпене, который продемонстрировал свою склонность к логическому рассуждению в трех расследованиях. Нововведением и экспромтом Эдгара По явилось то, что он вновь обратился к своему герою-детективу для описания дальнейших приключений.

1 апреля 1841 года, через два месяца после того, как Эдгар По стал редактором успешного молодежного филадельфийского журнала «Graham's», читатели, открыв его на странице 165, обнаружили внизу стихотворение Чарльза Уэста Томсона под названием «Сравнения». Это было вполне обычное, типичное для своего времени стихотворение, в котором

проводились некоторые очевидные аналогии между человеческой жизнью и преходящими природными явлениями. Стихотворение начиналось следующими строками:

Листок уносится ручьем, Когда тот мчится прочь, Погрузившись в славный летний сон, Как и я.

Затем, перевернув страницу, ничего не подозревавшие читатели наталкивались на историю, отличающуюся от того, что обычно предлагал журнал, печатавший, как правило, нечто аналогичное стихотворению Томсона. Эта история была настолько необычна, что в скором времени будет признана началом нового жанра. В верхней части страницы 166 заглавными буквами значилось:

«УБИЙСТВО НА УЛИЦЕ МОРГ. Эдгар А. По».

Рассказ начинался как философское эссе: «Не исключено, что некоторые дальнейшие шаги во френологической науке приведут к вере в существование, если не фактическому открытию и обнаружению, органа *анализа*»²³⁷. При последующих переизданиях Эдгар По убрал данную ссылку на френологию с ее представлением о материальности аналитической мысли. Наряду с этим он сохранил общую идею о чувственном наслаждении при расшифровке какой-либо головоломки:

«Так называемые аналитические способности нашего ума сами по себе малодоступны анализу. Мы судим о них только по результатам... Подобно тому, как атлет гордится своей силой и ловкостью и находит удовольствие в упражнениях, заставляющих его мышцы работать, так аналитик радуется любой возможности что-то прояснить или распутать. Всякая, хотя бы и нехитрая задача, высекающая искры из его таланта, ему приятна. Он обожает загадки, ребусы и криптограммы, обнаруживая в их решении проницательность, которая уму заурядному представляется чуть ли не сверхъестественной»³.

По мере продолжения ознакомления с текстом читатели вскоре обнаруживали, что перед ними вовсе не философское обсуждение, а совершенно новый вид рассказа: отчет о расследовании, в ходе которого головоломка была решена при помощи логики и наблюдения. К преступнику, выступавшему в образе народного героя, ведущего борьбу с несправедливым обществом и королевскими капризами (главная тема массовой литературы от баллад о Робин Гуде до опубликованной в 1743 году беллетризованной истории Генри Филдинга о реальном разбойнике Джонатане Уайлде и множества других произведений), внезапно присоединился в качестве героя интеллектuala, борец с преступностью. И вскоре читатели Эдгара По уже странствовали по темным переулкам места преступления, ведомые блестящим умом, неотразимой логикой и ярким стилем письма автора. Первоначально Эдгар По назвал рассказ «Убийство на улице Трианон». Изменение названия, в котором стала фигурировать улица Морг, было мудрым решением: теперь с самой первой страницы веяло ледяным кровью дуновением смерти.

Пораженные читатели Эдгара По не знали, как им воспринимать такую любопытную личность, как Огюст Дюпен. Поскольку полиция большого Лондона была создана совсем недавно, в 1829 году, за двенадцать лет до появления рассказа Эдгара По, большинству читателей было неизвестно понятие «детектив» (профессионал или любитель, должностное лицо или частное). В своем рассказе Эдгар По даже не использовал слово «детектив», которое пока еще не употребляли в этом контексте.

Таким образом, чтобы описать талант Дюпена, критики были вынуждены обратиться к другим аналогиям. «Читатель склонен верить, что ему предложено фактическое расследование опытного адвоката по уголовным делам, – писал комментатор издания «Пенсильвания инквайер» в ответ на дебют Дюпена, – настолько талантливо через все хитросплетене-

---

³⁷ Пер. отрывков из «Убийства на улице Морг» здесь и далее в этой главе И. Гальпериной. – Прим. ред.

ния сюжета выстраивается цепь доказательств, настолько неопровержимо демонстрируется связь причины и следствия»⁴. Издание «Национальный дамский журнал» было категорично: «Господин По – гений... «Убийство на улице Морг» – один из самых сильных и интересных рассказов, появившихся в последние годы»⁵.

Ни одно из произведений Эдгара По не оказало на читателей более сильного впечатления, чем этот талантливый и новаторский рассказ. Несмотря на невероятный замысел этого произведения (учитывая то, что убийство совершила обезьяна), его автор для разгадки тайны не прибегает ни к чему сверхъестественному. Эдгар По вновь обратился к образу Дюпена при создании двух других рассказов⁶. Вначале Огюст появился в рассказе «Тайна Мари Роже», опубликованном в журнале «Snowden's Ladies' Companion» частями в конце 1842 года и в начале 1843-го. При написании этого произведения Эдгар По вдохновлялся реальным убийством американки Мэри Сесилии Роджерс в Нью-Йорке, однако он перенес действие в Париж и превратил жертву во француженку. Множество других деталей он позаимствовал (слегка изменив) из газетных статей. Позже Эдгар По хвастался: «Под видом того, как Дюпен разгадывает тайну убийства Мэри, я в действительности очень дотошно разбираю реальную трагедию в Нью-Йорке». Многословный анализ ослабил впечатление от рассказа. С весьма незначительной динамикой и короткими диалогами он был больше похож на исследование очевидных улик, связанных с тем жестоким преступлением, что активно освещалось прессой как в Европе, так и в Соединенных Штатах.

В декабре 1844 года Огюст Дюпен появился в третий (и последний) раз в рассказе «Похищенное письмо» в журнале «The Gift», который сопровождал эту публикацию следующим комментарием: «Это рождественский и новогодний подарок к 1845 году». Этот рассказ был, бесспорно, настоящим детективом, в котором было подчеркнуто умение Дюпена блестяще решать головоломки, не выходя из своего кабинета. В 1840-х годах Эдгар Аллан По написал и другие рассказы, в которых рассматривались различные методы проведения расследования и распутывались сложные дела благодаря уликам, которые удалось собрать и правильно понять. В этих произведениях Эдгар Аллан По использовал ряд идей, которые вскоре станут характерными для детективного жанра. Так, в рассказе «Ты еси муж, сотворивый сие!» в первый раз было показано, как сыщик использует эффект неожиданности, чтобы вынудить убийцу сделать признание, а в рассказе «Человек толпы» Эдгар Аллан По также впервые выводит детектива, тенью следующего за подозреваемым в городской толпе. В рассказе «Золотой жук» действует похожий на Дюпена человек с таким же логическим складом ума, Уильям Легран (еще один обедневший аристократ, однако на сей раз из Нового Орлеана, а не из Парижа), который в поисках сокровищ занимается расшифровкой сообщения, являющегося ключом к их местонахождению.

Тщательно выстраивая сюжет рассказа «Убийство на улице Морг» (позже автор описал его как «написанный в обратном направлении»), Эдгар Аллан По в максимально полной степени реализует свое представление о том, что в художественной литературе необходимо единство содержания, целостность⁷. Он хорошо понимал, что, заранее, еще до того, как взять в руки перо, зная разгадку предлагаемой тайны, он выступал в качестве фокусника, чья первоочередная задача заключалась в том, чтобы отвлечь внимание зрителя (в его случае – направить внимание читателя по ложному пути). «Эти рассказы о логических рассуждениях в значительной мере обязаны своим успехом тому, что написаны в новом ключе, – писал Эдгар Аллан По американскому поэту Филипу Пендлгону Куку. – Я не хочу сказать, что они неискусны, но люди склонны преувеличивать их глубокомыслие из-за метода или скорее видимости метода. Возьмем, к примеру, «Убийство на улице Морг». Какое может быть глубокомыслие в распутывании паутины, которую вы сами (то есть автор) соткали для того, чтобы распутать?»⁸

Эдгар Аллан По писал всего лишь несколько десятилетий после того, как барон Кювье обнародовал свою теорию о соотношении частей тела в организме животных. В рассказе «Убийство на улице Морг» детектив вручает рассказчику томик научных трудов со словами: «Прочтите этот абзац из Кювье». Дюпен сверялся с трудами знаменитого зоолога отчасти потому, что они пользовались схожими методами: воссоздание полной картины по нескольким фактам.

В рассказе «Убийство на улице Морг» тела молодой женщины, мадемуазель Камиллы Л'Эспанэ, и ее матери, мадам Л'Эспанэ, обнаружили в запертой квартире на пятом этаже дома на улице Морг в парижском квартале Сен-Рок. Они стали жертвами жестокого убийства. Их душераздирающие крики ночью привлекли внимание соседей и жандармов. Тело дочери, еще теплое, нашли в дымоходе камина, а тело матери было выброшено на мощный дворик за домом, причем ее горло было перерезано с такой силой, что, когда жандармы пытались поднять труп, голова отвалилась.

Дюпен сообщил рассказчику, что он знает префекта полиции Г., который разрешит им, как частным любителям головоломок, обследовать место преступления. Дюпен по своему стилю и манере поведения напоминал готического персонажа, однако Эдгар По представил его в своей кровавой истории как воплощение разума. Рассказчик в этом детективе выступал зрителем, и, несмотря на обилие крови, расследование для Дюпена было прежде всего интеллектуальным упражнением.

Спустя некоторое время Дюпен разгадал тайну и объяснил, что убийцей стал орангутанг, сбежавший от своего хозяина, легкомысленного матроса. Испугавшись реакции женщин на него, обезьяна действовала неосознанно и убила мадам Л'Эспанэ, схватив бритву и повторяя жесты, которые она видела у своего хозяина, когда тот брился перед зеркалом. Дюпен разместил объявление в «Монд», газете, публиковавшей новости судоходства. В объявлении сообщалось, что в то утро, когда произошло убийство, был пойман «огромных размеров бурый орангутанг разновидности, встречающейся на острове Борнео». Матрос попался на удочку и, захваченный врасплох Дюпеном и его компаньоном, признался во всем, что и стало традиционной развязкой в детективных рассказах.

Естественно, Эдгар По многое черпал из того, о чем читал сам⁹. Так, изданный в 1839 году рассказ о двойнике-допельгангере «Вильям Вильсон» был написан Эдгаром По под некоторым влиянием аналогичной идеи Вашингтона Ирвинга, изложенной в малоизвестной книге «Ненаписанная драма Лорда Бирона (Байрона)». Точно так же и у этого детектива имеются многочисленные источники. Даже его главный злодей не являлся исключительно плодом причудливого воображения Эдгара По. Американский поэт и воин Дэвид Хамфрис в конце XVIII века прославился сатирической поэмой «Обезьяна, которая побрила себя и своих друзей». Упомянутая в названии поэмы обезьяна Джеко подражала манипуляциям своего хозяина-парикмахера с бритвой. Джеко попыталась повторить движения своего хозяина, которые она часто видела, и нанесла ранения собаке и кошке, а затем попробовала побриться сама. Конечно же, обезьяна не осознавала при этом всей степени риска. В конце концов она «принялась, схватив бритву, быстро размахивать ею/И перерезала себе глотку от уха до уха»¹⁰.

Забавы проказливых обезьян описывались в европейской художественной литературе задолго до того, как Кандид у Вольтера принял двух обезьян, занимавшихся любовными играми, за насильников. Выбор Эдгара По в пользу конкретного злодея из числа животных – орангутанга – был обусловлен его упоминанием в произведении другого автора, к которому Артур Конан Дойл также испытывал симпатии. Один из персонажей романа Вальтера Скотта «Граф Роберт Парижский», опубликованного в 1832 году (Артур Конан Дойл очень любил эту предпоследнюю книгу великого мастера), – одержимый жаждой убийства орангутанг. По описанию Вальтера Скотта, у него был «странный голос, хриплый и клокочущий», а в

одном из эпизодов животное издало «глубокий завывающий и меланхоличный крик, в котором было что-то человеческое, вызывавшее сострадание»¹¹.

Убийца в рассказе Эдгара По также испускает страшные крики. В первом газетном сообщении об убийстве Дюпен прочел, что «мирный сон обитателей квартала Сен-Рок был нарушен душераздирающими воплями». В докладе жандарма сообщалось о громких и протяжных криках. Жандарм смог разобрать сердитую речь француза, а также визгливый голос, «очевидно, иностранца». Эдгар По вдоволь посмеялся над показаниями свидетелей: француз считал, что визгливый голос принадлежал итальянцу; голландец был уверен, что это был француз; англичанин предположил, что визжал немец; испанец же настаивал на том, что это, несомненно, был англичанин. Однако на самом деле это был орангутанг, визжавший, как орангутанг у Вальтера Скотта и махавший бритвой, как обезьяна у Дэвида Хамфриса.

Эдгар По скопировал и другие аспекты поведения орангутанга в романе Вальтера Скотта. «Затем что-то очень крупное, напоминавшее человеческое существо, – писал Вальтер Скотт, – прыгнуло вниз с люка, хотя высота была больше четырнадцати футов». В конце концов обезьяна убила человека, который вещал об оскудении веры¹². В рассказе Эдгара По орангутанг входил в помещение и выходил из него через высокое окно, а затем убил двух женщин, причем матери он перерезал горло: «Сильным взмахом мускулистой руки он чуть не снес ей голову».

Для Эдгара По, как и для многих его современников, приматы представляли темную сторону человечества. Они воспринимали их не столько падшими ангелами, сколько бесами животного мира. В своем более позднем рассказе «Прыг-Скок» (первоначально у него был подзаголовок «Восемь скованных орангутангов») Эдгар По вновь обращается к этому вызывающему тревогу существу. В данном произведении придворный карлик убеждает порочного короля и его министров нарядиться орангутангами, а затем в отместку за то, что они подвергали мучениям его и невинную Трипетту, поджигает их. Облачение злодеев в шкуры обезьян было призвано подтвердить их низменную натуру.

Такие ужасающие истории, к которым относился рассказ «Убийство на улице Морг», нередко публиковались в дешевой прессе времен Эдгара По. Сенсационные «подлинные» отчеты о преступлениях активно тиражировались газетами и журналами. Однако Эдгар По привнес нечто новое: новых персонажей и новый подход. Он помещал в центр своих рассказов не описание жестокого характера преступления (хотя в его произведениях проливались реки крови), а обнаружение преступника, для чего требовалось сосредоточить внимание читателей на уме и методах сыщика. Такая проза не могла появиться до утверждения представлений о преимуществах доказательств перед ворожкой и гаданием, тщательного расследования перед голословным обвинением и судебного процесса перед пытками. К этому – в стремлении к установлению справедливости – все отчетливей склонялась тогда система правосудия. Созданный Эдгаром По детектив был современным персонажем активно менявшейся эпохи, своего рода исследователем-ученым, который в извечной борьбе с насилием и преступностью опирался на свой интеллект и руководствовался здравым смыслом.

Глава 16 «Как вы узнали это?»

Когда же подражание неосознанно, не стоит ожидать, что стиль и манера изложения должны целиком формироваться исключительно в голове автора¹.

(Артур Конан Дойл. «Предисловие автора» из сборника «Приключения Шерлока Холмса»)

Между «Убийством на улице Морг» и обращением Артура Конан Дойла к созданию детективов прошло некоторое время. За это время вслед за Эдгаром По по стопам пророка Даниила и философа Задига зашагали другие авторы. Некоторые из них по примеру По смогли создать новые формы криминальной прозы. Но только один, подобно Вольтеру и безымянному автору библейской саги, вписал такого же наблюдательного героя в совершенно иной антураж.

Александр Дюма (отец) не писал детективных рассказов. Начав свою карьеру как драматург, он в последующем создал серию романов о Марии-Антуанетте, множество других романов, очерков и актуальных статей, энциклопедию гастрономии и несколько томов отчетов о своих путешествиях во Флоренцию, Швейцарию и в другие страны. Ко времени Артура Конан Дойла, однако, самым известным его вкладом в литературу была трилогия о мушкетерах.

Первый из этих увлекательных авантюрных романов о Франции XVI века, «Три мушкетера», появился в 1844 году, его продолжение, роман «Двадцать лет спустя», был опубликован в следующем году. Затем, спустя столетие после того, как Вольтер отправил наблюдательного Задига исследовать окружающий мир с помощью дедукции, Дюма определил на эту же роль д'Артаньяна. Грандиозный по объему (268 глав) третий роман, названный «Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя», появился частями между 1847 и 1850 годами. Пространное повествование, включавшее детективные расследования героя, позже было озаглавлено «Человек в железной маске». Достойное место в нем заняли яркие эпизоды, где д'Артаньян выступил в качестве детектива.

На создание своего самого известного мушкетера Дюма вдохновили приключения Шарля Ожье де Батц-Кастельмора, настоящего графа д'Артаньяна (вернее, того д'Артаньяна, который фигурировал в частично вымышленных мемуарах, опубликованных в 1700 году). Хотя Дюма интересовался реальной преступностью и политическими интригами во Франции середины XIX века, при создании некоторых сцен романа «Виконт де Бражелон» он явно отдавал дань Вольтеру, которого боготворил. Незримый образ Задига сопровождал каждый шаг д'Артаньяна.

Создавая эпизоды с д'Артаньяном в качестве детектива, Дюма, возможно, находился также под влиянием Огюста Дюпена. В 1846 году, за год до начала ежемесячной публикации романа «Виконт де Бражелон», в парижской газете «La Quotidienne» тремя частями появился французский перевод рассказа Эдгара По «Убийство на улице Морг». Рассказ, опубликованный анонимно под названием «Un meurtre sans exemple dans le fastes de la justice»² («Беспрецедентное убийство в судебных документах»). Кроме названия, у него были изменены также место действия и главный герой: Огюст Дюпен превратился в Анри Бернье. Однако сюжет и все детали рассказа остались теми же самыми. В то время еще не существовало никаких международных законов об авторском праве, поэтому перевод американского рассказа без указания его настоящего автора не был незаконным.

Спустя четыре месяца конкурирующая газета «Le Commerce» также опубликовала анонимный перевод того же рассказа под названием «Une sanglante enigma» («Кровавая тайна»), значительно сократив его. Когда автор последнего перевода был обвинен газетой «La Quotidienne» в плагиате, он ответил: «Основную идею этого рассказа... я позаимствовал не в газете «La Quotidienne», а в произведениях американского филолога Э. По». Одним из результатов такого пиратства стал бурный рост популярности самого Эдгара По: этот скандал привлек к нему самое пристальное внимание. Однако настоящая известность во Франции пришла к Эдгару По лишь после того, как поэт Шарль Бодлер в 1848 году начал переводить его рассказы и некоторые стихотворения (большинство этих переводов было опубликовано после 1852 года)³.

Ближе к финалу романа «Виконт де Бражелон» надменный фехтовальщик д'Артаньян проводит расследование по поручению Людовика XIV. Тот пожелал проверить доклад министра о предполагаемом несчастном случае на охоте. «Вы поедете туда и тщательно осмотрите местность⁴, – приказал ему король. – Там ранили человека, и вы найдете там мертвую лошадь. Вы мне доложите, что вы думаете об этом происшествии».

Когда д'Артаньян, проведя расследование, сообщил королю о его результатах, он с мельчайшими деталями воссоздал все действия участников происшествия. «Погода благоприятствовала только что произведенному мною расследованию, – доложил он, – сегодня вечером шел дождь, и дороги развезло...»

– К делу, господин д'Артаньян!

То, насколько подробно и проницательно д'Артаньян смог прояснить картину происшествия, естественно, произвело сильное впечатление на короля: «Один из всадников торопился больше, чем другой, поскольку следы одной лошади опережают следы другой на половину корпуса... Его лошадь рыла ногой землю; это доказывает, что он слушал очень внимательно, опустив поводья... Оставшийся на месте пустил лошадь галопом и проскакал две трети поляны, думая, что он едет навстречу своему противнику. Но тот двинулся по краю опушки, окруженной лесом».

Некоторые подробности Дюма скопировал непосредственно у Вольтера.

«– Ехавший по опушке сидел на вороной лошади.

– Откуда вы узнали это? – потребовал ответа король.

– Несколько волос из ее хвоста остались на колючках кустарника, растущего по краю поляны... Лошадь того всадника, который скакал галопом, была убита наповал.

– Как вы узнали это?

– Всадник не успел соскочить с седла и упал вместе с конем. Я видел след его ноги, которую он с трудом вытащил из-под лошади. Шпора, придавленная тяжестью корпуса, взбороздила землю... Государь, пока упавший всадник поднимался, высвобождая себя из-под своей лошади, другой успел перезарядить пистолет. Но он очень волновался, перезаряджая его, и рука его сильно дрожала.

– Откуда вы это знаете?

– Половина заряда просыпалась на землю, и он уронил шомпол, не успев засунуть его в пистолет на место.

– Вы сообщаете мне удивительные вещи, господин д'Артаньян.

– Достаточно немного наблюдательности, государь, и любой разведчик был бы способен доставить вам эти сведения»³⁸.

Во время юности Конан Дойла Даниил, Задиг и д'Артаньян были хорошо известны публике. Библия все еще оставалась основным источником мифов для европейского общества. Вольтера читали наиболее образованные европейцы. Дюма же был одним из самых

³⁸ Фрагменты романа «Виконт де Бражелон» в пер. Г. Ермаковой-Битнер, Сергея Шкунаева. – *Прим. ред.*

популярных романистов XIX века. В 1880 году, когда Артур приближался к завершению медицинского факультета и путешествовал в поисках приключений на борту китобойного судна «Хоуп», в августовском выпуске журнала «Popular Science» была опубликована серьезная статья Томаса Гексли «О методе Задига: ретроспективное пророчество как функция науки». Ожидалось, что читатели поймут приводимые аналоги и причину их выстраивания.

Артур Конан Дойл восхищался Гексли. Известный ученый-естествоиспытатель и педагог, получивший прозвище «Бульдог Дарвина» за яркие полемические выступления в защиту идей своего друга Чарльза Дарвина о естественном отборе и постепенном изменении природы, Гексли в своей статье отстаивал идею о том, что ученые в каком-то смысле являются пророками, глядящими скорее в прошлое, чем в будущее. Их методы сначала делают их умозаключения столь же таинственными, как и пророчества – однако только до тех пор, пока эти методы не объяснены, а приводимые ими доказательства не рассмотрены.

«Прорицатель, – утверждал Гексли, – заявляет, что в какой-то момент в будущем наблюдатель, находящийся в нужном месте, станет свидетелем определенных событий. Ясновидящий заявляет, что в данный момент времени можно наблюдать некоторые вещи за тысячи миль отсюда. Ретроспективный пророк (если бы существовало такое слово, как «реверсивер»!) утверждает, что много часов или лет назад можно было наблюдать такие-то и такие-то вещи. Во всех этих случаях изменяется только отношение к времени, процесс же прорицания за пределами возможного прямого знания остается тем же самым».

Родившись в 1859 году, в тот год, когда наконец-то увидел свет давно ожидавшийся труд Чарльза Дарвина «Происхождение видов», Артур Конан Дойл вырос в атмосфере революционных научных представлений XIX века о возможности и необходимости раскрытия тайн природы. Он воспитывался в атмосфере твердого убеждения в том, что сама природа хранит убедительные доказательства, способные соперничать с письменными откровениями и признаниями и в конечном счете заменить их. В Университете Эдинбурга при нем с уважением обсуждали возможность таких доказательств, полученных путем размышления и логики. Хотя Джозеф Белл был набожным христианином, его учение о диагностике полностью основывалось на интерпретации фактов.

Артур Конан Дойл был убежден, что наследие Белла полностью соответствует принципам, исповедуемым Задигом, д'Артаньяном и Дюпеном. Однако у Джозефа Белла, в отличие от них, была еще одна характерная черта. Он мог ярко и драматично, в актерской манере доказать, что кажущееся ясновидение за пределами непосредственного знания было в реальном мире вполне возможно, что оно не являлось плодом воображения. И в отличие от Даниила и Задига, доктор Белл практиковал свое «колдовство» не на царях или королях, а на обычных людях: солдатах, женах рыбаков, беспризорниках. Как и ретроспективные пророки науки, он угадывал их прошлое, их недавние действия, даже их характер. Артур Конан Дойл видел это своими собственными глазами.

Глава 17

Шахматная партия с живыми фигурами

Эта шахматная партия на живых фигурах, разыгрываемая перед немногими зрителями, нигде не записывается. Игрока поддерживает его интерес к игре. Суд довольствуется ее результатами.

(Чарльз Диккенс. «Сыскная полиция»; пер. Н. Вольпина)

Хотя Эдгар По писал детективные рассказы как логический вымысел, он встраивал своего героя в современную ему эпоху. В отличие от библейских пророков и вымышленных вавилонских философов, Огюст Дюпен изучал улики параллельно с расследованием, которое вела уже существовавшая городская полиция. В течение столетия до рождения Артура Конан Дойла непростая задача поддержания общественного порядка, возможно, решалась медленнее, чем некоторые другие социальные задачи, но тем не менее определенный прогресс в этом отношении наблюдался. Королевское обещание обеспечить относительную безопасность в стране, некогда известное в Англии как «королевский мир»¹ (в современном понятии «общественный порядок»), уже давно перестало отвечать потребностям развивавшегося общества. Эффективная деятельность правоохранительных органов требовала, чтобы как сотрудники полиции, так и сыщики заслужили доверие общественности². Партнерские отношения между полицией и гражданами страны могли развиваться только на основе взаимного общения и достаточного уважения друг к другу.

До середины XVIII века жертвы преступлений в Англии могли прибегнуть к разным вариантам правосудия или отмщения. Обвиняемых в совершении преступления могли преследовать «охотники за головами». Это были жестокие профессионалы, услуги которых в ряде случаев оплачивались поручителями под залог. Под сенью закона наряду с «охотниками за головами» действовали также те, кого называли «охотниками на воров». Как правило, их нанимали те немногочисленные жертвы, которые могли позволить себе заплатить за преследование воров и грабителей. Естественно, в этой системе были свои изъяны. Некоторые «охотники на воров», например, выступали в качестве посредников, возвращавших владельцу собственность, которая была украдена тайным партнером этого же «охотника на воров».

В 1749 году началось сотрудничество практической криминалистики и литературы, плоды которого в достаточном изобилии окружали Артура Конан Дойла, решившего обратиться к детективному жанру. В этом году, почти за сто лет до публикации рассказа Эдгара По «Убийство на улице Морг», англичанин Генри Филдинг издал плутовской роман «История Тома Джонса, найденыша». Генри Филдинг, честолюбивый и целеустремленный Главный судья Лондона, неустанно трудился в своем офисе на Боу-стрит, а не в башне из слоновой кости. В том же году он создал организацию, вскоре получившую известность под именем «ищейки с Боу-стрит».

Хотя в некотором отношении «ищейки» больше напоминали частных детективов, чем сотрудников полиции, их можно считать первым регулярным полицейским подразделением Лондона. Их труды оплачивались из выделенных государственных средств, это была своего рода заработная плата, которая отличала их от предшественников на ниве правоохранной деятельности. Первоначально их было только восемь человек. Пользуясь поддержкой со стороны властей, они арестовывали преступников, вручали повестки в суд и другие судебные предписания, выслеживали лиц, выпущенных под залог из заключения и сбежавших. Вызывая как положительные, так и негативные отзывы о своей деятельности в прессе, «ищейки

с Боу-стрит» подготовили английскую общественность к мысли о том, что Лондону нужна регулярная полицейская служба.

Необходимо было создать официальное полицейское управление (несмотря на то, что такая структура сама могла явиться плодородной почвой для коррупции) для борьбы с преступностью и преследования преступников. Однако закон о полиции Большого Лондона был принят лишь в первой трети следующего столетия. В 1829 году, за восемь лет до того, Виктория стала королевой, и за тридцать лет до рождения Артура Конан Дойла популярному в народе министру внутренних дел Роберту Пилю удалось добиться, чтобы Парламент принял подготовленный им акт о создании столичной полиции. Он утверждал, что этот закон позволит ему предупреждать преступность, а не просто выслеживать злоумышленников. По его мнению, гарантия ареста являлась более действенной профилактической мерой в отношении преступности, чем тяжесть наказания (он мог бы добавить: в тех редких случаях, когда происходил арест). Принятый парламентом Закон о создании полиции Большого Лондона заменил прежнюю мешанину из сторожей, констеблей приходов, «охотников на воров» и «ищеек с Боу-стрит» на разумно организованную структуру.

Новых сотрудников полиции Роберта Пиля в Англии окрестили «бобби»³⁹, а в Ирландии – «пилерами»⁴⁰. Роберт Пиль заслужил свою репутацию еще раньше, инициировав во время пребывания на посту статс-секретаря по делам Ирландии⁴¹ (его работа на этом посту заключалась в поддержании «порядка», как это трактовали английские власти) создание Ирландской королевской полиции. В течение десяти лет с момента создания полиции Большого Лондона задачи «ищеек с Боу-стрит» были исчерпаны.

Другим мотивом, побуждавшим писателей обращаться к детективному жанру, были ходившие в народе истории и книги, которые выдавались за воспоминания реальных сыщиков. В 1811 году Эжен Франсуа Видок, французский преступник, ставший полицейским, сформировал бригаду «Сюрте» («Безопасность»), представлявшую собой гражданскую полицию и сыскное бюро. Вскоре Наполеон Бонапарт преобразовал бригаду «Сюрте» в национальную полицию. Неумоимо занимавшийся саморекламой Эжен Франсуа Видок вначале стал героем мемуаров, которые издавались с 1828 года. Усилиями «литературных негров» его приключения разрослись до четырех томов. Затем появились беллетризованные статьи, спекулировавшие на его известности. Публика с восторгом поглощала истории о том, как он преследовал преступников, переодевшись, проводил секретные операции, обучал других агентов, которые, как и он сам, приняли решение покончить с преступной жизнью и встать на сторону правоохранительных органов.

Однако деятельность тайной полиции Видока, которая нередко сопровождалась жестокими методами, завершилась скандалом, реорганизацией бригады «Сюрте» и в конечном итоге его отставкой. В 1833 году он основал первое частное сыскное агентство, которое также предоставляло телохранителей и других сотрудников в области безопасности. Между тем истории о нем вдохновляли таких авторов, как Оноре де Бальзак и Виктор Гюго, которые часто писали о криминальном мире. Позже черты Видока просматривались в образе героев произведений француза Эмиля Габорио и американки Анны Кэтрин Грин.

Вскоре Лондон увидел на своих улицах новую решительную фигуру «бобби» – высокие, дюжие сотрудники полиции смотрелись молодецки в высоких синих цилиндрах и сюртуках. В этой неброской форме полицейские должны были максимально отличаться от носивших красные мундиры и металлические шлемы солдат, которые до этого патрулировали улицы в качестве военной полиции. «Бобби» были вооружены лишь деревянной дубин-

---

³⁹ «Бобби» – уменьшительное от имени Роберт, в честь Роберта Пиля. – *Прим. пер.*

⁴⁰ «Пилер» («peeler») – от фамилии Роберта Пиля, также «чистка (например, картофелечистка)». – *Прим. пер.*

⁴¹ 1812–1818 гг. – *Прим. ред.*

кой и парой наручников. Вначале у них была еще деревянная трещотка для вызова других полицейских, но она оказалась слишком громоздкой и недостаточно громкой, поэтому ее заменили на свисток.

Однако задача «бобби» заключалась в том, чтобы предотвращать преступления или же немедленно реагировать на них, но не в том, чтобы искать улики или расследовать преступления, выявленные или пресеченные сотрудниками полиции в форме. Само слово «детектив» появилось лишь в 1830#х годах, после того как одетые в форму «бобби» начали патрулировать улицы. Появление в английском языке слова «детект» («detect»), что означает поймать или обнаружить кого-либо в процессе совершения преступления, датируется первой половиной XV века. Это слово произошло от латинского слова «detegere», что означает «раскрыть». Новое значение слова раскрывало смысл новой профессии. Для успешной деятельности централизованной полицейской структуры, на которую была возложена задача предотвращать преступления и реагировать на них, требовалось создать специальное подразделение для раскрытия преступлений и отслеживания преступников – сыскное бюро. Такое бюро должно было включать переодетых в штатское детективов, которые могли бы работать «под прикрытием» или по крайней мере без полицейской формы, раскрывавшей их профессию еще до того, как они могли завязать разговор с недоверчивыми гражданами.

Необходимость детективов действовать инкогнито иногда вызывала опасения, что в действительности они являлись просто-напросто правительственными агентами, которым была поставлена задача провоцировать добропорядочных граждан на противозаконные действия. Репутация Эжена Франсуа Видока как активного сотрудника тайной полиции не уступала его репутации криминалиста, и читателям английской прессы были хорошо известны факты государственного шпионажа. Лишь в 1842 году под давлением общественности, возмущенной подобным скандалом в Лондоне (что способствовало созданию для этого необходимой политической атмосферы), Скотленд-Ярд сформировал Департамент уголовного розыска. На первом этапе он состоял лишь из двух инспекторов и шести сержантов.

Не было ничего удивительного в том, что при подборе кандидатов на должность детектива столь востребованная в литературе способность логически мыслить и придерживаться дедуктивного метода не относилась к числу первоочередных характеристик. Изучая личный состав в поисках потенциальных детективов, чиновники полицейской администрации обращали внимание прежде всего на храбрость, выносливость и силу духа. Они требовали от кандидатов хорошего знания городских трущоб и их обитателей: от трудолюбивых торговцев скобяным товаром, галантерейщиков и других лавочников до удачливых карманников, опытных «медвежатников», сутенеров, стукачей и доносчиков, завсегдатаев пивнушек. Артур Конан Дойл достаточно хорошо знал жизнь и прочел множество статей о преступлениях, поэтому он понимал, что его детектив#интеллектуал должен иметь существенный опыт общения с преступным миром.

Желание стать детективом одним из первых изъявил предприимчивый молодой человек по имени Чарльз Филд. Он быстро поднимался по служебной лестнице, став инспектором на королевской верфи Вулидж, а затем перед выходом в отставку в 1852 году начальником сыскного отделения. Английский журналист Джордж Огастес Сала описывал Чарльза Филда как «чисто выбритого человека деревенского вида»³. Он ничем не выделялся в одежде и по манере держать себя, это были профессиональные качества.

Чарльз Диккенс на пике своей славы и популярности встретился с Чарльзом Филдом, проникся к нему симпатией и вскоре написал о нем несколько рассказов для своего журнала «Домашнее чтение». Эти рассказы способствовали созданию в обществе образа бдительных полицейских детективов. Одним из таких рассказов был весьма живой и колоритный «На службе с инспектором Филдом». В то время, в 1850 году, слова «детектив» или «сыщик» были еще недостаточно знакомы широкому читателю, поэтому Диккенс в названии своей

первой публикации из этой серии поставил это слово в кавычки: «Три рассказа о «сыщиках». Однако вскоре слово «сыщик» или «детектив» стало встречаться в успешных ежедневных, еженедельных и ежемесячных периодических изданиях все чаще и чаще.

В своем произведении «Сыскная полиция» Чарльз Диккенс с типичным для него энтузиазмом и ожиданием перемен обратился к описанию деятельности детективов как нового полицейского подразделения, подчеркивая при этом их отличие от предшественников.

«Мы отнюдь не из тех, кто свято верил в старую полицию с Боу-стрит, – писал он, несмотря на то, что в своем втором романе «Оливер Твист» выводил их образ весьма симпатичным, хотя и несколько комичным. – Сказать по правде, мы полагаем, что репутация у этих господ была дутая. Помимо того что иные из них были людьми очень невысокой нравственности и слишком привыкли иметь дело с ворами и другими подонками, в обществе они при каждом удобном случае напускали на себя таинственность и не в меру важничали. Неизменно находя поддержку в неспособных судьях, заботившихся об одном – как бы скрыть свое бессилие, и, располагая перьями тогдашних борзописцев, они сделались героями легенды. И хотя там, где требовалось предотвратить преступление, полиция всегда оказывалась совершенно беспомощной, а в деле сыска – распушенной, ненадежной и неповоротливой, многие по сей день верят в эту легенду о ней.

С другой стороны, силы сыска, организованные вместе с учреждением новой полиции, так хорошо подобраны и вышколены, действуют так методически и так несуетливо, ведут расследование с таким профессиональным умением и всегда так неуклонно и спокойно несут свою службу обществу, что, в сущности, общество знает о них слишком мало – ему неизвестна и десятая доля той пользы, которую они приносят...

Такие вот необычные совпадения и вот такие ловкие приемы составляют особенность этой важной разновидности служения обществу. И в практике эти приемы постоянно совершенствуются, изощряются, поскольку они должны постоянно принаравливаться к самым разным обстоятельствам и противопоставлять себя все новым ухищрениям, какие только может придумать извращенная изобретательность. Всегда настороже, всегда в предельном напряжении умственных способностей, работники сыска изо дня в день, из года в год должны находить все новые способы борьбы против новых хитростей и уловок, измышляемых соединенной фантазией всех беззастенчивых нарушителей закона в Англии, ни на шаг не отставать в изобретательности от противника...»⁴²

Джордж Огастес Сала, часто писавший для журнала «Домашнее чтение», вспоминал в своей автобиографии, что Чарльз Диккенс редко когда обсуждал «высокую литературу» или же какие-либо произведения искусства с претензией на интеллектуализм. «О чем он действительно любил поговорить, так это о последней постановке в театре, последнем увлекательном судебном процессе или полицейском расследовании, недавнем поветрии в свете или громкой афере, особенно же – о последнем убийстве и последних слухах о привидениях»⁵. От Сала не ускользнуло то, что Чарльз Диккенс испытывал благоговение перед полицейскими детективами. «У Диккенса была странная, почти болезненная тяга общаться с сотрудниками полиции и развлекать их»⁶, – писал он. Открытое одобрение их деятельности, возможно, также имело приятный побочный эффект. «Любой агент сыскной полиции готов сделать для меня все», – писал Диккенс Бульверу Литтону в 1851 году⁷.

Один из коллег Чарльза Филда, инспектор Джонатан «Джек» Уичер⁸, стал еще более известен. (Диккенс вывел его в некоторых своих хвалебных статьях под именем Уитчема, Чарльз Филд же в них действовал под именем Уилда.) Он был в числе первых восьми сотрудников нового сыскного отделения, созданного Скотленд-Ярдом в 1842 году. Уичер быстро

---

⁴² Пер. Н. Вольпина. – Прим. ред.

заслужил подлинное уважение своих коллег, один из которых позднее окрестил его «королем сыщиков». Как и большинство остальных успешных детективов, он делал все, чтобы оставаться незаметным. Рубцы от оспы не выделяли его среди других, поскольку такие отметины на лицах носили тогда многие.

Став широко известным, Джонатан «Джек» Уичер помог обществу признать профессиональных сыщиков, объяснив, как они делают свою работу, не нося полицейской формы. Несмотря на то что временами его критиковали, им и восхищались, и он уверенно продвигался в своем карьерном росте: от ареста слуги, укравшего картину «Мадонна с младенцем», до раскрытия кражи картин в 1856 году, а также скандального убийства в «Роуд хилл» в 1860 году. Кроважидная пресса спустила всех собак на полицию за неэффективное расследование жестокого убийства мальчика Фрэнсиса Сэвилла Кента, тело которого было найдено с перерезанным горлом в уборной рядом с домом. Выступив против общественного мнения и версии Скотленд-Ярда (и то и другое вполне могло разрушить его репутацию), Уичер упорствовал в своем заключении о том, что мальчик был убит своей шестнадцатилетней сестрой Констанцией Кент. В конце концов она призналась в убийстве, и Уичер подтвердил реноме практически непогрешимого детектива.

Судя по всему, помощник редактора Чарльза Диккенса в ежемесячном журнале «Домашнее чтение» Генри Уиллс оставил первое описание реального полицейского сыщика в прессе. В статье «Современная наука поимки вора» Уиллс впервые описал Уичера под псевдонимом Уитчем – о том, как впервые встретил того на публике, как детектив стал свидетелем растерянности на лицах тех негодяев, которые узнавали его, свое возмездие, несмотря на его непримечательную внешность.

«У подножия лестницы на коврике стоит человек. Неприметен, на вид безобиден, во внешности и выражении лица нет ровным счетом ничего угрожающего; однако впечатление, которое он одним своим взглядом производит на вашего будущего знакомого, совершенно поразительно... Когда он, уперев костяшки пальцев в край стола, обводит всех строгим взглядом, громкий смех, словно по волшебству, смолкает». Проявляя взаимное уважение, Уичер и воры сдержанно поприветствовали друг друга.

Уичер спокойным тоном велел главарю-французу и трем его подручным уехать из Лондона. Они сразу же согласились, и он сопроводил их до поезда на вокзале. Затем Уичер пояснил сопровождавшему его Уиллсу, что эти злодеи были членами «тухлого косяка (шайки) аферистов» – мелких воров#карманников и взломщиков⁹.

От первой до последней строчки эта статья способствовала росту репутации детективов как героических личностей, которые, зная о преступниках мельчайшие детали, полностью контролировали криминальный мир. Поимка воров была представлена как занятие современное и искусное, как совокупность наблюдательности, сбора улики и мужества – то есть как целая наука, стоящая на страже справедливости.

Чарльз Диккенс и Генри Уиллс весьма энергично расхвалили достоинства полицейских детективов, этих новых слуг общества, и так же энергично использовали в своих интересах свои встречи с ними. Результатом знакомства Чарльза Диккенса с инспектором Филдом стал первый детектив в литературном мире, инспектор Баккет, «полицейский детектив», персонаж опубликованного в 1852 году романа Чарльза Диккенса «Холодный дом». Этот роман, сюжет которого построен вокруг многолетней судебной тяжбы в связи с противоречащими друг другу завещаниями о наследстве (дело «Джарндисы против Джарндисов» рассматривается в Канцелярском суде бесконечно долго), перенасыщен образами тумана и грязи. В безнравственной атмосфере романа добросердечный инспектор Баккет выступает в качестве личности высоких моральных качеств почти как герой: вначале он ищет убийцу, а затем – пропавшую без вести леди Дедлок. В образе детектива Чарльз Диккенс вывел непредсказуемого персонажа, который мог появиться на страницах романа в любой момент. Он мате-

риализовывался в комнате, не заскрипев половицами. Он был всезнающ и вездесущ, автор наделил его легендарным фотографическим взглядом: «Он смотрит на мистера Снегсби с таким видом, словно хочет написать с него портрет».

Через несколько лет после того, как Чарльз Диккенс создал инспектора Баккета, его друг и коллега Уилки Коллинз вывел детектива в качестве одного из главных персонажей в романе «Лунный камень», опубликованном в 1868 году. После успеха романа «Женщина в белом», вышедшего в 1859 году, Уилки Коллинз стал почти столь же известен, как и Чарльз Диккенс. Вслед за этим вышли популярные «Без имени» и «Армадейл», а затем и «Лунный камень». Из-под его пера появилось также множество других произведений. Кроме того, Уилки Коллинз написал запоминающуюся новеллу, ставшую своего рода переходным произведением между более ранними формами литературы и детективными рассказами. Она обычно выходила под названием «Дневник Анны Родуэй», однако первоначально была опубликована в 1856 году под другим названием как часть целой серии новелл. В этом произведении была показана умная и находчивая молодая женщина, которая проводит расследование, чтобы восстановить справедливость.

Произведения Уилки Коллинза подтвердили его особую симпатию к женским персонажам, а также к беднякам, даже к тем, кто пристрастился к наркотикам. Рассказанная им в романе «Лунный камень» история об обманчивом эффекте опиума основана на его личном опыте. Он пристрастился к опиуму, когда принимал его настойку, чтобы уменьшить боль от «ревматической подагры» (форма артрита), и даже описывал свои параноические галлюцинации, в том числе «призрака Уилки», который иногда повторял каждое его движение.

«Лунный камень», однако, представлял собой нечто большее, чем успешный роман. Психологически точное, остроумное, с захватывающим сюжетом повествование от лица различных персонажей, по-разному воспринимающих описываемые события, имело чрезвычайный успех. Его сюжет вращается вокруг упомянутого в названии драгоценного камня, алмаза, украденного в Индии задолго до начала истории из лба священной статуи Чандры, индуистского бога Луны, который должен отомстить язычникам. В действительности же на фоне интриг и поисков пропавшего камня виновники кражи мучают самих себя и окружающих – никакого божественного вмешательства не происходит.

Как и Чарльз Диккенс, Уилки Коллинз наделил своего детектива стремлением вести расследование на научной основе. У героя его романа, сыщика Каффа, в целом менее пугающие манеры, чем у инспектора Баккета, хотя при встрече с незнакомыми людьми он также производит на них отталкивающее впечатление:

«Приближалось время приезда сыщика, и я вышел к воротам ожидать его.

Когда я стоял у домика привратника, со станции подъехала извозчицья карета, и из нее вышел седоватый пожилой человек, до того худой, что, казалось, у него нет ни одной унции мяса на костях. Одет он был в приличное черное платье, с белым галстуком на шее. Лицо его было остро, как топор, а кожа такая желтая, сухая и поблекшая, как осенний лист. В его стальных светло-серых глазах появлялось весьма неутешительное выражение, когда они встречались с вашими глазами, – словно они ожидали от вас более того, что было известно вам самим. Походка его была медленная, голос меланхолический; длинные сухощавые пальцы были крючковаты, как когти. Он походил на пастора, на подрядчика похоронного бюро – на кого угодно, только не на того, кем он был... полицейского с менее успокоительной наружностью (для встревоженной семьи), сколько бы ни искали, вы не могли бы найти»⁴³.

Вдохновленные деятельностью известных им реальных сотрудников полиции, Чарльз Диккенс и Уилки Коллинз использовали факты для того, чтобы создать вымышленных пер-

---

⁴³ Пер. М. Шагинян. – Прим. ред.

сонажей. Сами будучи экстравагантными и весьма наблюдательными людьми, они наделили своих мнимых детективов массой причуд и странностей в поведении, а также обостренной интуицией и выдающимися аналитическими способностями. Как результат те стали запоминающимися героями, выйдя за пределы «своих» романов. Однако Чарльз Диккенс и Уилки Коллинз не сделали инспектора Баккета и сержанта Каффа главными персонажами своих произведений. Первым писателем, превратившим внимательного, действующего на основе логики детектива в ключевую фигуру, был француз, которого в немалой степени вдохновил образ французского сыщика, созданный американским писателем. Как любил отмечать Конан Дойл, многие пути в развитии криминального жанра ведут к творчеству Эдгара Аллана По.

Макабрические упражнения Эдгара Аллана По с фантастическими сюжетами привлекали больше внимания, чем его детективные головоломки – возможно, отчасти потому, что истории из области сверхъестественного относились к числу самого старого литературного жанра, а детективы – к числу самого молодого. В течение четверти века, минувших с момента появления в 1841 году рассказа «Убийство на улице Морг», те произведения По, которые он сам называл «логическими рассказами», похоже, мало кого вдохновили на творчество в области криминального жанра. Однако в конце концов один писатель все же воодушевился его рассказами о проницательном детективе-любителе – это был француз Эмиль Габорио. Он находился под сильным впечатлением от деятельности реального сотрудника полиции Эжена Франсуа Видока, а также был впечатлен романами его соотечественников Оноре де Бальзака и Виктора Гюго, которые достаточно часто сталкивались с преступным миром и имели дело с преступниками. Габорио создал образ полицейского, которого его коллеги называют месье Лекок и который появляется в нескольких написанных один за другим романах. В своем скромном дебюте в 1866 году (Артуру Конан Дойлу было тогда семь лет) месье Лекок появился как относительно второстепенный персонаж в романе «Дело вдовы Леруж», в котором основная роль была отведена детективу-любителю папаше Табаре. Месье Лекок стал главным персонажем спустя шесть лет в романе, названном его именем – «Лекок, агент сысской полиции». Разрекламированный по всему Парижу таинственными плакатами, на которых значилось только название произведения (что вызвало интерес к нему еще до его публикации), этот роман вызвал сенсацию, и вскоре имя Эмиля Габорио стало широко известно. Габорио знал, как завладеть вниманием читателей, как умело преподнести свой труд. Конан Дойл искренне наслаждался приключениями месье Лекока, позже он отмечал: «Габорио привлекал меня прежде всего своими искусными, изящно закрученными сюжетами»¹⁰.

Прослужив нескольких лет во французской кавалерии, Эмиль Габорио впоследствии приобрел такой опыт сочинения остросюжетных романов, о котором можно было только мечтать: он работал секретарем у драматурга и романиста Поля Феваля, автора всевозможных произведений – от книг про отъявленных авантюристов до рассказов про вампиров. Феваль заставлял Габорио присутствовать при проведении судебно-медицинских экспертиз в моргах и разбираться в деталях убийств в участках бригады «Сюрте». Отдавая должное этому времени, позже Габорио использовал прозвище злодея одного из романов Феваля – Лекок (буквально «петух») – для того, чтобы так назвать своего главного героя, который превратился из преступника в сотрудника полиции, как и Видок.

Несмотря на то что Габорио относился к числу многих писателей, находившихся под влиянием «воспоминаний» Видока, он был слишком хорош, чтобы просто подражать Видоку, Эдгару По или кому-либо другому. Его изящные и увлекательные романы помогли создать полицейский детектив и оказали влияние на многих более поздних авторов, работавших в этом жанре, таких, например, как Анна Кэтрин Грин. Габорио очень хорошо удавалось описывать поиски улики и уводить по ложному следу, однако с таким же талантом

он показывал и повседневную практику расследования, к которой прибегали его герои из числа полицейских детективов. Он с восхищением писал о кропотливой, упорной работе сыщика, заключающейся в том числе в поисках свидетелей и их тщательном опросе. Габорио прилагал больше сил, чем многие из его последующих коллег, чтобы придать своим героям жизненные, личностные черты, показать их причуды и противоречия, а также чтобы живописать бульвары и сельские пейзажи Франции, где разворачивалось действие. Диалоги в его произведениях отличались живостью, его описания были сочными и свежими. Вызванные к жизни его пером сельские поля и полицейские участки, нелегальные пабы и роскошные особняки надолго оставались в памяти.

У Габорио была склонность развивать в своих романах детективный сюжет параллельно с семейной драмой в готическом стиле. В первой части совершалось преступление, велось расследование и изобличался преступник, а во второй детективный сюжет на какое-то время отходил на задний план, и автор раскрывал запутанные истории ошибок и жестокости, приведших к преступлению. Иногда такие романы можно было читать как два отдельных, практически самостоятельных произведения, объединенных в одну книгу. Анна Кэтрин Грин, находившаяся под очевидным влиянием Эмиля Габорио, зачастую также прибегала к аналогичному приему. Конан Дойлу нравились подобные «двухслойные» произведения, и он также с удовольствием пользовался этим приемом.

Занимаясь на медицинском факультете, знакомясь с книгами, не относившимися к специальной литературе, читая газеты и журналы, Артур Конан Дойл везде видел доказательства того, что ученые-исследователи являлись своего рода детективами. Джо Белл, мыслящий как настоящий сыщик, был ученым до мозга костей. Однако только Эмиль Габорио смог продемонстрировать, что детектив (педантично отмечая и анализируя различные детали, выстраивая психологическую и физическую структуру уголовных дел и создавая их архив) должен быть своего рода ученым-исследователем.

Часть III

Мистер Холмс и доктор Ватсон

*Никого из писателей нельзя считать абсолютно оригинальным. Любой из них всегда произрастает веткой от общего старого дерева¹.
(Артур Конан Дойл. «Воспоминания и приключения»)*

Глава 18

Доктор Сэкер и мистер Хоуп

*Его решения, рожденные существом и душой метода, и в самом деле кажутся чудесами интуиции.
(Эдгар Аллан По, «Убийство на улице Морг», пер. Р. Гальпериной)*

«Запутанная нить», – черкнул Артур Конан Дойл в одном из своих дешевых, расписанных под мрамор красных блокнотов¹. Он перебирал возможные названия и образы для детективной повести, которую начал создавать в своем воображении. Делая эту пометку, писатель, возможно, вспомнил яркий образ месье Лекока из опубликованного в 1867 году романа Эмиля Габорио «Преступление в Орсивале». В одном из отрывков Габорио передает размышления сыщика: «Самое трудное и самое главное – сразу же ухватиться за кончик зачастую весьма запутанной нити, которая через лабиринт уверток, умолчаний и лжи виновных в преступлении в конце концов приведет к истине»²⁴⁴. Этот роман был переведен на английский язык в 1871 году, всего за два года до смерти Эмиля Габорио. В то время Артуру было двенадцать лет.

Позже Конан Дойл зачеркнул название «Запутанная нить», заменив его на «Этюд в багровых тонах». Объяснение этому он дал в четвертой главе своей повести. «Я вам очень благодарен, доктор, – говорит Холмс Ватсону, который убедил его расследовать таинственное дело. – Я вам очень благодарен, доктор. Если б не вы, я, пожалуй, не поехал бы и пропустил то, что я назвал бы интереснейшим этюдом. В самом деле, почему бы не воспользоваться жаргоном художников? Разве это не этюд, помогающий изучению жизни? Этюд в багровых тонах, а? Убийство багровой нитью проходит сквозь бесцветную пряжу жизни, и наш долг – распутать эту нить, отделить ее и обнажить дюйм за дюймом»³⁴⁵.

В высказывании Холмса эхом звучат отголоски фразы Габорио. Остановившись на новом названии для своей повести, Артур Конан Дойл, казалось, стремился к более высокому художественному стандарту, чем тот, что задавала господствовавшая тогда в остросюжетной литературе «кровавая мелодрама». Ведь этюд для художника – это предварительный эскиз, а в литературе – вдумчивый анализ. Воспользовавшись этим термином для названия законченного произведения и упомянув при этом вполне определенный цвет, Конан Дойл тем самым поставил себя в ряды так называемого эстетического движения, в которое входили такие писатели и критики, как Уолтер Патер и молодой Оскар Уайльд. Изданная в 1873 году книга Уолтера Патера «Очерки по истории Ренессанса» считалась у британских «эстетов» сакральным текстом, а в 1880 году известный декадент Алджернон Чарльз Суинберн

---

⁴⁴ Пер. Е. Баевской и Л. Цывьяна. – Прим. ред.

⁴⁵ Пер. Н. Войтинской. – Прим. ред.

опубликовал книгу «Этюды в песне». Движение эстетизма исповедовало девиз «искусство ради искусства». Подразумевалось, что искусство должно быть освобождено от бремени нравственного воспитания, под которым оно сгибалось в течение многих столетий. Одним из самых известных художников среди «эстетов» был обосновавшийся в Лондоне американец Джеймс Эббот Макнил Уистлер, прославившийся такими работами, как картина «Симфония в белом № 1: девушка в белом» (1862 год) или портрет его матери «Аранжировка в сером и черном. Мать художника» (1871 год). Таким образом, название «Этюд в багровых тонах» сообщало повести Конан Дойла нотку трепетного, «артистического» предвкушения порока.

С самого начала Артур продумывал свое будущее произведение по эпизодам. Написав в блокноте предполагаемое название, он обозначил под ним:

«Перепуганная женщина бросается к извозчику. Вдвоем они отыскивают полисмена. Джон Ривз служит в полиции 7 лет; Джон Ривз следует за ними».

Вскоре Конан Дойл стал возвращаться в своих воспоминаниях к Джо Беллу в Эдинбурге, наглядно представляя себе сцены из прошлого. Он вспоминал его орлиный профиль, его острый, пронизывающий взгляд⁴. Он представлял себе, как внимательный исследователь, похожий на доктора Белла, занимаясь не медициной, а расследованием преступлений, мог бы сочетать в себе наблюдательность и научные знания – комбинация, способная решать практически все задачи, – по крайней мере в мире художественной прозы.

Реальный же мир уголовного розыска был более стихийным и непредсказуемым. Криминалистике, как и любой другой науке, приходилось преодолевать сопротивление замшелой традиции. Начало одного из самых выдающихся достижений в области уголовного розыска – применение дактилоскопии как метода идентификации личности – было положено в Индии еще в 1850#х годах. Однако системный подход к этому методу был предложен лишь недавно, в 1880 году, шотландским хирургом Генри Фулдсом. В 1886 году, когда Артур Конан Дойл написал повесть «Этюд в багровых тонах», Генри Фулдс представил свою идею полицейскому управлению Лондона – однако она была отклонена как нереальная и непрактичная⁵.

Однако пока еще Артура мало интересовало реальное расследование уголовных дел. Вместо этого он задумывал своего детектива как вызывающего благоговейный трепет гения, который должен поразить озадаченный мир своей пронизывающей силой. Такой всеведущий персонаж казался бы нестерпимо самодовольной личностью, бахвалящейся своими успехами. Если же при этом читателю был бы известен и ход его мыслей, то он смог бы слишком быстро сложить вместе отдельные детали мозаики преступления. Таким образом, как и Дюпену у Эдгара По, ему требовался свой биограф. Артур превратил врача, который вдохновил его на литературное творчество, в детектива, а его помощника – во врача. Полученная научная подготовка и широкий медицинский кругозор прослеживались во многих темах, за рассмотрение и описание которых брался Конан Дойл.

На новой странице своего блокнота он написал сверху: «Этюд в багровых тонах». Ниже этого нового названия он перечислил основных персонажей, начиная с имени врача-рассказчика: «Ормонд Сэкер [или Секер] – из Судана»⁶. Имя Ормонд, вероятно, вспомнилось Артуру в связи с больницей на Грейт-Ормонд-стрит возле Британского музея в Блумсбери. Основанная в начале 1850#х годов как детская больница (первое подобное заведение в Англии, имевшее всего десять коек), она затем превратилась в крупный медицинский центр, известный врачам и студентам-медикам по всей стране. Одним из первых ее покровителей был Чарльз Диккенс.

Фамилия Сэкер или Секер могла быть дана литературному персонажу по имени небольшого переулочка Сэкер-стрит за церковью Святого Иоанна рядом с другим важным

медицинским центром Лондона для бедноты – Королевской больницей Ватерлоо для детей и женщин. Возможно, Конан Дойл подобрал для персонажей своей повести несколько имен, просто взглянув на карту Лондона или же прогуливаясь по его окрестностям. Время от времени он навещал в городе своих родственников и друзей и всегда с удовольствием изучал местность в ходе этих прогулок. От улицы Сэкер-стрит до Королевской больницы Ватерлоо шла улица Стэмфорд-стрит, и вторым персонажем, появившимся в повести, стал молодой человек по имени Стэмфорд⁷.

Артур Конан Дойл был страстным любителем прогулок и часто бродил по улицам района Саутси или дальше через Портсмут вместе со своим братом Иннесом или же без него. Всего в квартале от его дома на Элм-гроув параллельно располагалась улица Белмонт-стрит, на которой жил некий Уильям Ранс⁸. Вероятно, Артуру было хорошо известен этот человек или же он прочел где-либо его имя – так или иначе, он окрестил так полицейского констебля, который первоначально фигурировал в его записях как Джон Ривз. Другие имена в повести «Этюд в багровых тонах», возможно, также появились под впечатлением прогулок по окрестностям города. Мадам Шарпантье, владелица пансионата в повести, могла получить свое имя от соседа Конан Дойла, Эрнеста Дж. Шарпантье. Вниз по улице Элм-гроув после «Буш-Виллас» находился «Саннисайд», дом некоего Джеймса Каупера, чья фамилия будет дана персонажу повести – мормону⁹.

Артур Конан Дойл дал одному из полицейских инспекторов французскую фамилию, достаточно редкую для Англии, – Лестрейд. Эту фамилию можно было найти в адресных справочниках Лондона того времени. Нельзя исключать, что Артур вспомнил Джозефа Александра Лестрейда¹⁰, своего однокурсника по колледжу в Стоунигерсте и Эдинбургскому университету, который в 1883 году получил степени бакалавра медицинских наук и магистра хирургии. Во время учебы в университете они могли хорошо узнать друг друга.

Другому полицейскому инспектору Конан Дойл дал менее необычное имя – Грегсон, возможно, вспомнив миссионера, активного проповедника умеренности преподобного Дж. Гельсена Грегсона¹¹, который был выдающимся служителем баптистской церкви на Элм-гроув, неподалеку от «Буш-Виллас», где проживал Артур. В 1882 году (именно в этом году Конан Дойл переехал в район Саутси) преподобный Грегсон опубликовал воспоминания о своей миссионерской деятельности во время второй англо-афганской войны «Через Хайберский перевал в лагерь под Шерпуром и Кабул». Предисловие к этому изданию было написано в Саутси. Артура всегда привлекали книги такого рода, и он часто обращался к ним. Преподобный Грегсон, оптимистично настроенный основатель Солдатской ассоциации полного воздержания от алкоголя, удалился на покой, поселившись в районе Саутси, в 1886 году – в этом же году Артур Конан Дойл написал повесть «Этюд в багровых тонах».

Определяясь с персонажем в качестве детектива, Артур Конан Дойл не хотел следовать по пути Чарльза Диккенса, дававшего своим героям «говорящие» имена. Только не «мистер Шарпс или мистер Ферретс⁴⁶»¹², как сказал он позже. Ему хотелось чего-то необычного. Он исписывал целые списки, составляя различные комбинации придуманных им имен и фамилий, в их числе был Шеррингтон Хоуп¹³.

Наконец он остановился на фамилии Холмс – вероятно, из-за своей любви и любви всей своей семьи к произведениям Оливера Уэнделла Холмса. Однако имя Холмс достаточно часто встречалось по всей Англии. У многих читателей оно ассоциировалось прежде всего с Лондоном из-за книги «Великая столица Холмса, или Виды и история Лондона в XIX веке», публикация которой была приурочена к Всемирной выставке 1851 года. «Шеррингтон» тем

⁴⁶ Одно из значений слова «шарп» («sharp») в переводе с английского – «хитрый, проницательный»; слова «феррет» («ferret») – «сыщик». – *Прим. пер.*

временем превратился в «Шерринфорда», и новый герой Конан Дойла должен был стать Шерринфордом Холмсом.

«Сдержанный, – писал Артур Конан Дойл о своем герое в красном блокноте, – молодой философ с сонными глазами». Он наделил его чертой, напоминавшей персонажа Эдгара Аллана По: тот «коллекционировал редкие скрипки, в том числе Амати» (итальянский «клан» скрипичных мастеров одного уровня со Страдивари и Бергонци).

Вспоминая доктора Белла, Конан Дойл дал Холмсу «острые и пронизательные» серые глаза и тонкий нос, придававший его лицу орлиную стать и сторожкость. На этом, однако, физическое сходство заканчивалось. Артур Конан Дойл изобразил своего героя в физическом отношении более впечатляющим, чем низкорослый, прихрамывающий Белл: у Холмса был квадратный подбородок, темные брови, рост более шести футов⁴⁷; он был худым и поджарым, как гончая. В произведении он излучал уверенность и напор. Когда Ватсон встретился с ним, руки Холмса были испачканы чернилами и лабораторными химикатами, а рукопожатие было на удивление крепким. Наряду с этим Холмс тонко, мастерски манипулирует научными инструментами.

Артур продумывал и другие полезные детали. У него был запас образов со времен учебы на медицинском факультете Эдинбургского университета, и он решил ввести в повествование «химическую лабораторию». Что же до «молодого человека», то Конан Дойл представил Ватсона и Холмса примерно одного с ним возраста. Ему в начале 1886 года было двадцать семь лет.

Однако имя Шерринфорд не устраивало автора, и он продолжал перебирать варианты. Помимо своего однокурсника из колледжа Стоунихерста Патрика Шерлока и Уильяма Шерлока, встречавшегося в произведении Томаса Маколея «История Англии от восшествия на престол Якова II», а также вымышленного персонажа Кармела Шерлока из романа Шеридана Ле Фаню «Потерянное имя», Конан Дойл должен был также столкнуться с именем Шерлок в контексте борьбы с преступностью. Во время учебы на медицинском факультете Эдинбургского университета в штате полиции Большого Лондона числился главный инспектор Уильям Шерлок¹⁴ из подразделения «Л» (действовало в лондонском районе Ламбет), имя которого часто упоминалось в газетах. О действиях этого полицейского сообщали «Таймс» и «Хоум крониклер», а также другие издания. Согласно переписи 1881 года, инспектор Шерлок проживал по адресу: улица Кеннингтон-роуд, район Ламбет¹⁵. В феврале 1881 года «Вечерние новости Портсмута» рассказывали о расследовании убийства в городе Чатем в северном графстве Кент, куда для помощи местной полиции был откомандирован главный инспектор Шерлок¹⁶.

Начиная с 1882 года, после переезда в район Саутси, Артур внимательно читал «Вечерние новости Портсмута» и другие газеты, совмещая обычное желание узнавать новости с вновь появившимся у него стремлением получить максимум информации о ранее неизвестном ему обществе. В январе 1883 года газета сообщила о драке в гостинице «Анкор» на пользовавшейся дурной славой улице Йорк-стрит. Драка завершилась арестами, вследствие чего инспектор Шерлок присутствовал в суде в Вестминстере¹⁷⁴⁸. На той же неделе газета «Таймс» сообщила о других делах Шерлока¹⁸.

В 1881 году в адресном почтовом справочнике появился второй Шерлок из полицейского управления Лондона – главный инспектор Джеймс Шерлок из подразделения «Б» (район улицы Рочестер-роу)¹⁹. В справочнике упоминались даже инспектор Томас Холмс и инспектор Джон ле Кок, напоминавший о персонаже Эмиля Габорио. Артур Конан

---

⁴⁷ Около 183 см. – Прим. пер.

⁴⁸ Район центрального Лондона вблизи парламента на северном берегу Темзы. – Прим. пер.

Дойл мог пользоваться этим справочником и принять к сведению информацию в нем. Он «организовал» преступление по адресу: «Лористон-гарденс, 3, на улице Брикстон-роуд». Этот район находился в зоне ответственности полицейского подразделения «Л» и, таким образом, под юрисдикцией главного инспектора Уильяма Шерлока²⁰. Хотя Брикстон-роуд была реальной лондонской улицей, вероятно, Артур Конан Дойл выдумал «Лористон-гарденс» в память о своем родном городе. Прогуливаясь по Эдинбургу, он не мог не зайти на Лористон-стрит, Лористон-плейс или в Лористон-парк.

По причинам, которые никогда не будут точно известны, Артур Конан Дойл решил заменить имя Шерринфорд на Шерлок. Сохранив любимую ему фамилию, он назвал своего детектива Шерлоком Холмсом.

Наряду с наречением именем своего гениального детектива Артур Конан Дойл изменил вычурно звучащее имя своего рассказчика – Ормонд Сэкер – на более прозаичное: Джон Ватсон. Это имя, возможно, пришло ему на ум, когда он вспомнил доктора Патрика Херона Ватсона из Эдинбурга или своего друга Джеймса Ватсона, который жил в Саутси (хотя Артур мог встретить его уже после создания Холмса). Следует также упомянуть члена Консервативной партии, адвоката и видного шотландского юридического деятеля Уильяма Ватсона, барона Ватсона, деятельность которого в качестве генерального прокурора по делам Шотландии, а затем в качестве лорда-ординария апелляционного суда активно освещала пресса, когда Конан Дойл жил в Эдинбурге. Помимо этого, Артур мог находиться под влиянием известного сэра Томаса Ватсона²¹, чья смерть в конце 1882 года привлекла повышенное внимание к девятидесятилетнему доктору. Бывший президент Королевского колледжа врачей, а также личный врач королевы Виктории, сэр Ватсон считался благородным воплощением профессии врача. Артур Конан Дойл мог слышать о сэре Ватсоне еще во время учебы на медицинском факультете, поскольку знаменитый врач также учился в Эдинбурге²². И Артур не мог пропустить хвалебные некрологи сэру Ватсону в медицинских журналах «British Medical Journal», «The Lancet», а также других многочисленных изданиях, в том числе в «Таймс», которая назвала сэра Ватсона «выдающейся личностью». Очевидно, писатель был знаком с трудами сэра Томаса Ватсона. Для одного из более поздних рассказов о Шерлоке Холмсе⁴⁹ он заимствовал запоминающийся образ из тома «Лекций о принципах и практике медицины» (1843 год)²³. В нем реальный сэр Ватсон упоминал старика, который, страдая подагрой, как говорили, мог «суставами мелить бильярдный кий». Откуда бы ни взялось это имя, окончательный выбор Конан Дойла, очевидно, основывался на том, что «Джон Ватсон» звучит как имя типичного англичанина. Писателю требовалось представить образ приземленного, уравновешенного Джона Булля⁵⁰ для создания контраста эксцентричному и гениальному детективу.

Эдгар Аллан По не сообщил практически ничего о своем безымянном рассказчике, который существует главным образом для того, чтобы восхищаться способностями и причудами Дюпена. В романах Эмиля Габорио наставник и эпизодический компаньон Лекока папаша Табаре ничего не рассказывает о происходящих событиях. У Артура Конан Дойла были гораздо более масштабные планы в отношении спутника своего детектива. В конце концов он даже ввел подзаголовок в повесть «Этюд в багровых тонах» – «Из воспоминаний Джона Г. Ватсона, доктора медицины, отставного армейского врача» – и начал ее с краткого описания жизни доктора Ватсона до момента его судьбоносной встречи с мистером Холмсом.

---

⁴⁹ Речь идет о рассказе «Пропавший регбист». – *Прим. ред.*

⁵⁰ Джон Бульль – собирательный образ типичного англичанина. – *Прим. пер.*

Конан Дойл, возможно, часто читал в книге Альфреда Гаррода «Materia Medica» об Университетском колледже Лондона. Известное ранее как Лондонский университет, а затем как Университет Лондона, это было то заведение, где преподавал Альфред Гаррод. Здесь же работали Рингер и Маррелл, авторы серии статей о гельземиуме в журнале «The Lancet», которая, вероятно, подтолкнула Артура к рискованному эксперименту с самоотравлением в 1879 году. Такие ассоциации могли вдохновить писателя на то, чтобы связать доктора Ватсона с этим учреждением. Конан Дойл писал, что в 1878 году Ватсону в Университетском колледже Лондона была присвоена степень доктора медицины – в это время учеба на медицинском факультете создателя этого персонажа была в самом разгаре. Конан Дойл явно стремился приблизить возраст Ватсона к своему собственному.

Пересматривая военный опыт Ватсона, Артур Конан Дойл вычеркнул в своем блокноте «Судан» и взамен написал: «Афганистан». Несмотря на то что он сам никогда не служил в армии, он представлял Ватсона как имевшего ранение военного ветерана, человека храброго и находчивого. Как результат окончательного поражения Наполеона при Ватерлоо в 1815 году у обширной Британской империи не осталось могущественных соперников, за исключением России. Некоторые представители английской военной элиты проявляли обеспокоенность (как вскоре выяснилось, необоснованную) возможностью выдвижения русских войск в Азии по направлению к Индии, которую англичане, как известно, считали «драгоценным камнем в короне» Британской империи, построенной на грабеже и захватах чужих земель. Первая англо-афганская война (1838–1842 гг.) положила начало кровопролитной «большой игре» между Англией и Россией за контроль над Центральной Азией. В 1838 году объединенные силы британских и индийских войск вторглись в Афганистан²⁴, однако на протяжении трех лет войны оказались не способны удержать у власти марионеточное правительство и потерпели поражение. В 1878–1880 годах (во время учебы Конан Дойла на медицинском факультете) Англия снова вторгалась в Афганистан. Несмотря на активные боевые действия, перемежавшиеся попытками заключить мирный договор, афганцы в конечном итоге смогли отразить агрессию.

Артур Конан Дойл решил отправить Ватсона служить в Кандагар, столицу Афганистана, в составе реально существовавшего 5-го Нортумберлендского стрелкового полка. По словам Ватсона, он принимал участие в битве при Мейванде в составе Беркширского полка (полное название – Королевский Беркширский полк принцессы Шарлотты Уэльской). Мейванд, поселение в пятидесяти милях северо-западнее Кандагара, стало местом жестокого и сокрушительного поражения Британии в 1880 году. Конан Дойл вплел в текст произведения события недавней истории, подогревая интерес читателей к своей повести. В 1886 году, когда был написан «Этюд в багровых тонах», в городе Рединге (графство Беркшир), постоянном месте дислокации 66-го Беркширского пехотного полка, в память о британских солдатах, погибших в Мейванде, была установлена гигантская железная статуя льва²⁵.

На момент битвы при Мейванде Беркширский полк на самом деле назывался 66-м пехотным полком; как и Нортумберлендский полк, он получил собственное наименование лишь в следующем году. Однако Артур не беспокоился о таких деталях. Считая, что никто и никогда не будет вникать в подобные второстепенные мелочи, писатель размашисто водил пером по страницам, придумывая идею за идеей, точное соответствие реальности которых он не удосуживался проверять. Он, например, присвоил Ватсону звание младшего хирурга, не зная, что оно было отменено еще в 1872 году. В реальной британской армии в конце 1870-х годов Ватсон был бы скорее всего нештатным хирургом, что соответствовало тарифному разряду лейтенанта²⁶. Позже Артур Конан Дойл напишет также о небрежном отношении Холмса к «этой небольшой вещице Шопена», которую он когда-то слышал в хорошем исполнении чешской скрипачки Вилмы Неруды-Норман, и добавит: «Тра-ля-ля-лира-лира-

лей». И не важно, что Шопен никогда не писал пьес для соло на скрипке²⁷ и что нет никаких упоминаний о том, что мадам Неруда-Норман когда-либо играла Шопена. В конце концов, это ведь просто художественное произведение.

Ватсон как-то заметил, что у него «нет ни друзей, ни родственников в Англии, поэтому он свободен, как ветер». По его словам, его, «естественно, потянуло в Лондон, в этот отстойник, куда непреодолимо стекаются все праздношатающиеся бездельники империи»²⁸. В этом отношении Конан Дойл вторит рассказчику Эдгара Аллана По, который замечает: «И с тоской в сердце такой скиталец устремится назад, в оскверненный Париж, ибо в этом средоточии скверны она все же менее бросается в глаза». Артур Конан Дойл все еще находился под существенным влиянием своего литературного предшественника.

Глава 19

Богема с Бейкер-стрит

*Шерлок Холмс – это внебрачный ребенок Джо Белла и месье Дюпена Эдгара По (сильно разбавленный)¹.
(Артуру Конан Дойлу, из письма Роберту Льюису Стивенсону)*

«Жил по адресу: улица Аппер-Бейкер-стрит, дом № 221#б», – написал Артур Конан Дойл в блокноте от имени своего рассказчика. Как и Эдгар Аллан По, он достаточно внимательно относился к выбору конкретного места пребывания своего героя. Огюст Дюпен жил (и жандармы обращались сюда за советом) по адресу: улица Дюно, дом 33², в аристократическом и артистическом левобережном предместье Парижа Сен-Жермен. Конан Дойл сделал выбор в пользу Аппер-Бейкер-стрит, округ Вестминстер, центральный Лондон; здесь жил настоящий инспектор Шерлок.

На тот момент улица Бейкер-стрит была длиной не более четверти мили³. К северу от того места, где ее пересекала улица Мэрилебон-роуд, она называлась Аппер-Бейкер-стрит; нумерация домов на ней шла по возрастающей и включала дом номер 221. Позже, однако, Артур Конан Дойл вычеркнул слово «Аппер» и переместил своих героев на южную часть Бейкер-стрит, превратив, таким образом, адрес с номером дома 221 в вымышленный.

Бейкер-стрит тесно связана с историей Лондона⁴. В XVIII веке на Аппер-Бейкер-стрит, рядом с Риджентс-парк, жил Уильям Питт Старший, дважды премьер-министр. Неподалеку находился дом очаровательной Сары Сиддонс, уэльской трагической актрисы, которая прославилась запоминающимся исполнением роли леди Макбет. Здесь родился писатель Эдвард Бульвер, ставший бароном Литтоном. В 1835 году мадам Тюссо открыла в большом торговом зале на Бейкер-стрит свою первую выставку восковых фигур.

Огюст Дюпен у Эдгара Аллана По был праздным аристократом, который проживал вместе с рассказчиком в «изъеденном временем нелепом особняке», поскольку разорение семьи вынудило его обратиться к бережливости – но отнюдь не к трудолюбию, которое могло бы помочь избавиться от необходимости в ней. Артур Конан Дойл, относившийся к более молодому поколению, поселил Холмса и Ватсона совместно в квартире на втором этаже на оживленной улице возле Риджентс-парк. Обозначение «б» в номере дома указывало на то, что их квартира находилась на втором этаже более крупного здания. Очевидно, по замыслу автора, на улицу должны были выходить окна около восьмидесяти квартир четырехэтажных стандартных домов архитектуры эпохи королей Георгов в этом завидном районе. Некоторые номера домов в Лондоне имели дополнительное обозначение «бис», что указывало (исходя из заимствованной во Франции традиции) на то, что этот дом ранее был единым строением, но позже был разделен на квартиры; со временем «бис» сократилось до «б»⁵.

В опубликованной повести «Этюд в багровых тонах» описывается, как доктор Ватсон и Шерлок Холмс устраиваются в меблированной квартире и становятся компаньонами:

«На следующий день мы встретились в условленный час и поехали смотреть квартиру на Бейкер-стрит, № 221#б, о которой Холмс говорил накануне. В квартире были две удобные спальни и просторная, светлая, уютно обставленная гостиная с двумя большими окнами. Комнаты нам пришлось по вкусу, а плата, поделенная на двоих, оказалась такой небольшой, что мы тут же договорились о найме и немедленно вступили во владение квартирой. В тот же вечер я перевез из гостиницы свои пожитки, а наутро прибыл Шерлок Холмс с несколькими ящиками и саквояжами. День-другой мы возились с распаковкой и раскладкой нашего

имущества, стараясь найти для каждой вещи наилучшее место, а потом стали постепенно обживать свое жилище и приспособляться к новым условиям»⁵¹.

Конан Дойл использовал надежный литературный метод для того, чтобы оживить персонаж и придать сюжету напряженность: он вынудил доктора Ватсона ломать голову над парадоксами Шерлока Холмса и задумываться над тайной личности своего нового соседа. С момента их переезда на Бейкер-стрит каждый день их знакомства приносит доктору Ватсону новые вопросы относительно загадочного поведения Шерлока Холмса.

«Читатель, пожалуй, сочтет меня отпетым охотником до чужих дел, – объясняется Ватсон, – если я признаюсь, какое любопытство возбуждал во мне этот человек и как часто я пробовал пробить стенку сдержанности, которой он огораживал все, что касалось лично его. Но прежде чем осуждать, вспомните, до чего бесцельна была тогда моя жизнь и как мало было вокруг такого, что могло бы занять мой праздный ум. Здоровье не позволяло мне выходить в пасмурную или прохладную погоду, друзья меня не навещали, потому что у меня их не было, и ничто не скрашивало монотонности моей повседневной жизни. Поэтому я даже радовался некоторой таинственности, окружавшей моего компаньона, и жадно стремился развеять ее, тратя на это немало времени».

Ватсон взял лист бумаги и систематизировал все странности поведения своего нового соседа по дому, назвав этот документ следующим образом: «Шерлок Холмс – его возможности». Воспользовавшись уроками Джо Белла, Конан Дойл побудил Ватсона отметить, что знания Холмса в области геологии «практические, но ограниченные. С первого взгляда определяет образцы различных почв. После прогулок показывает мне брызги грязи на брюках и по их цвету и консистенции определяет, из какой она части Лондона». Автор также определяет знания Холмса о ботанике как «неравномерные» (скорее всего, сравнивая их с собственными знаниями в этой области). «Знает свойства белладонны, опиума и ядов вообще, – записал Ватсон. – Не имеет понятия о садоводстве». Наряду с этим он отметил, что знания Холмса в области химии являются глубокими.

Таинственный новый знакомый молодого врача основательно знал английские законы, однако скорее на практической основе, чем в теории, и хорошо разбирался в анатомии. Он мог боксировать, играть на скрипке, фехтовал на шпагах и эспадронах. Вначале у Ватсона сложилось впечатление, что Холмс ужасающе невежественен в литературе, астрономии и философии. Наряду с этим вскоре оказалось, что Холмс обладает энциклопедическими знаниями в области уголовной хроники: «Он знает, кажется, все подробности каждого преступления, совершенного в XIX веке».

Не удивительно, что Ватсон озабочен простым вопросом: «Чем занимается Холмс? На что он живет?» Он точно не был рантье, не получал он и наследства. Холмс проводил много времени вне дома, в химической лаборатории, в анатомичке и на непонятных Ватсону прогулках, однако он подтвердил мнение Стэмфорда о том, что не является студентом-медиком. Не складывалось также впечатления того, что он систематически читал научную литературу, готовясь к получению какого-либо ученого звания.

«Однако некоторые предметы он изучал с поразительным рвением, – заметил Ватсон, – и в каких-то довольно странных областях обладал настолько обширными и точными познаниями, что порой я бывал просто ошеломлен». «Зачем, – спрашивал Ватсон сам себя, – человеку нужны такие странные знания? Никто не станет обременять свою память мелкими подробностями, если на то нет достаточно веских причин».

Артур Конан Дойл наделил Холмса одной интригующей чертой, которая, очевидно, была присуща и ему самому: «Его энергии не было предела, когда на него находил рабочий стих, но время от времени наступала реакция, и тогда он целыми днями лежал на диване в

---

⁵¹ Пер. отрывков из «Этюда в багровых тонах» здесь и далее в этой главе Н. Трениевой. – *Прим. ред.*

гостиной, не произнося ни слова и почти не шевелясь». Иногда Ватсон подозревал Холмса в пристрастии к каким-либо наркотикам. Во второй повести о Шерлоке Холмсе⁵² это получило свое подтверждение: сыщик принимал кокаин, когда чувствовал себя парализованным «унылым, однообразным течением жизни» – то есть тогда, когда ему не приходилось заниматься разгадыванием преступных головоломок. Но в повести «Этюд в багровых тонах» пока еще не идет речи о наркотиках.

Бессознательно наделяя Холмса некоторыми собственными противоречивыми чертами характера и неявными, но все же бунтарскими наклонностями, Конан Дойл изобразил его несколько гротескным, но – при всей его сложности или даже благодаря ей – внушающим доверие персонажем. Как и многие другие главные герои известных литературных произведений, такие как д'Артаньян, Шерлок Холмс умен и бесстрашен. Многие авторы остросюжетных произведений создавали своих протагонистов как собственных героических альтер эго. Храбрость была настолько естественна для Артура, что ему не пришлось даже выдумывать такую черту характера, как презрение к опасности, и наделять ею Шерлока Холмса. Конан Дойл просто воссоздавал собственные проявления храбрости при экспериментах с ядами, во время охоты на китов, в боксерских поединках с моряками или плавании среди акул.

С самого начала Артур Конан Дойл предполагал, что его сыщик будет отличаться от прежних героев с их предсказуемой благонадежностью, он ставил Холмса выше буржуазной морали. Высмеивая представителей закона и правопорядка, Холмс мог даже походить на Робин Гуда или других «благородных разбойников», издевавшихся над властями. Презрение к существующей полицейской структуре (и особенно к полицейским детективам, которые действовали в обществе без полицейской формы) постепенно меняется, однако, на оптимистическое уважение к новому виду полицейской деятельности.

Не относясь к числу тех писателей, которые сами становятся рабами своих героев, Конан Дойл позволил скептику Ватсону подмечать у своего нового друга моменты высокомерия, тщеславия и некоторые другие слабости. Этот литературный прием дал ему возможность представить отношения между двумя героями более многогранными и сделать более глубокой ту роль, которую играл восторженный рассказчик в произведениях Эдгара По. Ватсон, однако, упускает (а читатель прекрасно понимает это) то, что порой Холмс морочит голову своему соседу. Он утверждает, например, что не имеет ни малейшего представления о том, кто такой Томас Карлейль. Он также нелепо симулирует незнание теории Коперника о строении Солнечной системы – и доверчивый Ватсон заглатывает эту наживку, по крайней мере в первый момент.

«Вы, кажется, удивлены, – замечает Холмс в ответ на реакцию Ватсона на его заявление о незнании современных принципов астрономии. – Спасибо, что вы меня просветили, но теперь я постараюсь как можно скорее все это забыть».

«Забыть?!» – восклицает Ватсон.

«Видите ли, мне представляется, что человеческий мозг похож на маленький пустой чердак, который вы можете обставить как хотите... Поэтому крайне важно, чтобы ненужные сведения не вытесняли собой нужных».

«Да, но не знать о Солнечной системе!..»

«На кой черт она мне! – восклицает Холмс. – Ну хорошо, пусть, как вы говорите, мы вращаемся вокруг Солнца. А если бы я узнал, что мы вращаемся вокруг Луны, много бы это помогло мне или моей работе?»

Однако Холмс, играя свою игру, не объясняет, в чем заключалась его работа.

---

⁵² «Знак четырех». – Прим. ред.

Иногда противоречия в характере Холмса являлись результатом небрежного, беспечного отношения самого Артура к работе. Он не всегда заботился о деталях и, судя по всему, считал согласованность всех элементов сюжета второстепенным качеством художественного произведения – по крайней мере не тем, которому следовало уделять много внимания. Вскоре Холмс продемонстрировал, что, как и его создатель, он достаточно хорошо разбирался в истории и науке. По мере развития сюжета в повести Ватсон обнаруживал, что Холмс мог походя цитировать неизвестные широкой публике отрывки из научных трудов Дарвина (например, идею великого ученого о том, что восприятие человеческими существами музыкальных ритмов, возможно, предвосхитило появление языка как средства общения между ними). Являясь ходячей энциклопедией в области уголовной хроники и истории раскрытия преступлений, Холмс вел обширный каталог газетных вырезок и заметок, касавшихся криминального мира. Вероятно, Артур Конан Дойл вспомнил эпизод из опубликованного в 1871 году романа «Ужасное искушение» («A Terrible Temptation») одного из своих любимых авторов, Чарльза Рида. В нем главный герой ведет обширный личный архив:

«Под столом выстроились в ряды рабочие блокноты с пометками на корешках. Там стояло около двадцати полулистовых папок с отобранными по рубрике фактами, идеями и рисунками. На прикрепленных к ним деревянных плашках значились номера, вписанные по порядку в таблицу в большой конторской книге. Имелись журналы учета поступивших сведений за каждый год, которые также были внесены в табличку в конторской книге... Там же располагалась стопка блокнотов#четвертушек в твердой обложке и папок-каталогов форматом в пол-листа... По одну сторону стола стояло шесть или семь толстых картонных папок, каждая размером с большой портфель, в которых автор собирал свои записи и выписки из каталогов в подборки для текущих целей»⁶.

Несмотря на свой патриотизм, большие амбиции и стремление к медицинской карьере, несмотря на определенную нужду и преданность семье, Артуру нравилось думать о себе как о представителе богемы. Это слово произошло не от названия населения существовавшего в то время королевства Богемия⁵³ (которое в 1867 году вошло в состав Австро-Венгерской империи), а от французского слова «bohémien», которым первоначально обозначали цыган. За десять лет до рождения Артура Конан Дойла Уильям Мейкпис Теккерей (который позже будет в Эдинбурге качать Артура на своих коленях) в сатирическом романе «Ярмарка тщеславия» выразил мнение буржуазии, написав о Бекки Шарп, путешествовавшей по Европе: «Скоро она превратилась в настоящую цыганку и стала знаться с людьми, при встрече с которыми у вас волосы встали бы дыбом»⁷.

В 1863 году анонимный автор опубликовал в издании «Westminster Review» эссе, в котором, в частности, было написано:

«Как выражение «египтянин» когда-то было принято в нашей стране для описания бродяги любого рода или племени, так и выражение «человек богемы» стало общепринятым в наши дни для описания определенного вида цыгана из мира искусств, независимо от того, на каком языке он говорит или в каком городе проживает... Человек богемы – это просто художник или литератор, который сознательно или бессознательно рвет связи с какими-либо условностями в жизни или в искусстве. По своей сути, богема является (или являлась) протестом против подчинения человеческой жизни стяжательству, а человеческого интеллекта – обычным нормам и правилам»⁸.

Оглядываясь в более позднем возрасте назад, Артур Конан Дойл пришел к выводу, что в шестнадцать лет, в 1874 году, он тоже был для своих родственников в Лондоне человеком богемы. В повести «Этюд в багровых тонах» в сцене почти матримониальной семейной

⁵³ В настоящее время территория Чехии. – *Прим. пер.*

жизни он даже позволил Ватсону, покуривая трубку в ожидании возвращения Холмса из очередной ночной вылазки, читать произведение Анри Мюрже «Сцены из жизни богемы», наполовину автобиографический цикл о голодающих художниках Парижа, создавший в то время международный образ богемы. Такие детали перекликались с названием повести Артура Конан Дойла, которое напоминало о декадентском «эстетическом движении».

Однако именно Шерлок Холмс, а не доктор Ватсон лучше всего продемонстрировал собственную склонность Артура к нонконформизму. Работая в одиночку, хвастаясь своей гениальностью, порой отсыпаясь днем, а ночью выслеживая преступников, презирая деньги, свысока относясь к сыщикам Скотленд-Ярда и другим представителям власти и традициям, прагматически оценивая окружающую действительность, демонстрируя возможности ясного ума, Холмс стал революционным сочетанием всех перечисленных черт. Конан Дойл объединил в этом образе тех людей, которых он встречал в реальной жизни, и персонажей литературных произведений, воплотил в нем свою безрассудную отвагу и активно формировавшееся в обществе стремление к справедливости, совместил романтическое представление о науке с мифом о героическом авантюристе. В возрасте двадцати семи лет Артур Конан Дойл смог создать героя нового типа.

Глава 20 Немного науки

Роковая ошибка, которую делает обычный полицейский, заключается в том, что он вначале вырабатывает свою теорию, а затем подгоняет под нее факты – вместо того, чтобы вначале получить факты, сопоставить их и сделать выводы, которые неизбежно приведут его к пониманию того, что он мог изначально даже не предполагать¹.

(Джозеф Белл)

Восхищаясь творениями Эдгара По и Эмиля Габорио с отрочества, Артур создал своего элегантного, блестящего детектива. Под его пером доктор Ватсон сравнил таланты своего нового соседа с удачами месье Лекока и Огюста Дюпена только для того, чтобы услышать пренебрежительную отповедь. В набросках к повести «Этюд в багровых тонах» Конан Дойл, словно под диктовку, записал обрывки следующего диалога: «Лекок – халтурщик, Дюпен был лучше. Дюпен, бесспорно, умен. Его стиль построения умозаключений скорее основан на ощущениях, а не на работе разума, но в любом случае он был гением в области анализа».

Несмотря на то что Огюст Дюпен являлся сыщиком-любителем, он был известен среди полицейских. В рассказе «Похищенное письмо» он расследует дело по просьбе своего знакомого «месье Г., префекта парижской полиции»². И Огюст Дюпен, и его компаньон весьма невысокого мнения об интеллекте месье Г. «Мы сердечно его приветствовали, – говорит рассказчик, – потому что дурные качества этого человека почти уравновешивались многими занятными чертами, а к тому же мы не виделись с ним уже несколько лет». Префект «имел манеру называть «причудами» все, что превосходило его понимание, а потому жил поистине среди легиона «причудливостей»⁵⁴.

Сыщик Конан Дойла в повести «Этюд в багровых тонах» демонстрирует аналогичное презрение к полиции: «Раскрывать нечего, преступлений нет, в лучшем случае какое-нибудь грубо сработанное мошенничество с такими незамысловатыми мотивами, что даже полицейские из Скотленд-Ярда видят все насквозь»⁵⁵. В упомянутой повести Холмс позволяет себе заметить, что из двух полицейских детективов «Грегсон – самый толковый сыщик в Скотленд-Ярде. Он и Лестрейд выделяются среди прочих ничтожеств».

Дюпен был сыщиком-любителем с поразительными способностями к логическому мышлению. Холмс, по контрасту, хотя и не служит в полиции, но ни в коем случае не любитель. Бессонные ночи в библиотеке и лаборатории, глубокие практические знания об окружающем мире, страсть к наблюдениям и умение подмечать мельчайшие детали дали ему возможность занять уникальную «должность» – сыщика-консультанта. Несмотря на то что в реальной жизни вряд ли какой-либо полицейский когда-либо просил частного детектива о помощи (как умолял о ней Грегсон соседа доктора Ватсона), по крайней мере Холмс сразу показан молодым профессионалом с растущей популярностью.

Холмс напоминает Огюста Дюпена и героя Эмиля Габорио и некоторыми другими чертами. «Как не раз показывал прошлый опыт и как всегда покажет истинная философия, – говорит Огюст Дюпен в рассказе «Тайна Мари Роже», – значительная, если не подавляющая, часть истины раскрывается через обстоятельства, на первый взгляд совершенно посто-

---

⁵⁴ Пер. И. Гуровой. – Прим. ред.

⁵⁵ Пер. отрывков из «Этюда в багровых тонах» здесь и далее в этой главе Н. Трениевой. – Прим. ред.

ронние»⁵⁶. Месье Лекок, в свою очередь, замечает: «Это одна из тех тривиальных деталей, незначительность которых делает их ужасными, когда они всплывают в определенных обстоятельствах». В более позднем произведении о Холмсе детектив замечает Ватсону относительно улики: «Это мелочь, мелочь. Но нет ничего важнее мелочей»⁵⁷.

Конан Дойл никогда не отрицал влияния на него По, и, возможно, он предвидел, что читатели могут заметить это. В повести «Этюд в багровых тонах» Ватсон говорит, обращаясь к Холмсу: «Вы напоминаете мне Дюпена у Эдгара Аллана По. Я думал, что такие люди существуют лишь в романах».

Однако в намерения Артура не входило, чтобы его детектив великодушно отзывался о своих предшественниках. Подобно тому, как Эдгар Аллан По раскритиковал превратившегося из уголовного в детектива Видока устами Дюпена, точно так же и Артур Конан Дойл позволил Холмсу издеваться над Дюпеном. «По-моему, – потешался Холмс, раскуривая трубку, – ваш Дюпен – очень недалекий малый... У него, несомненно, были кое-какие аналитические способности, но его никак нельзя назвать феноменом, каким, по-видимому, считал его По».

Ватсон осведомился о Лекоке.

«Лекок – жалкий сопляк, – сердито ответил Холмс. – У него только и есть, что энергия. От этой книги меня просто тошнит. Подумаешь, какая проблема – установить личность преступника, уже посаженного в тюрьму! Я бы это сделал за двадцать четыре часа. А Лекок копается почти полгода или около того». Очевидно, Холмс имел в виду роман Габорио «Месье Лекок». «По этой книге можно учить сыщиков, как не надо работать».

* * *

Существенным отличием друг от друга детективных пар в произведениях Артура Конан Дойла и Эдгара Аллана По является то, как они знакомятся. Огюст Дюпен и его биограф-рассказчик сталкиваются друг с другом, занимаясь поисками «одной и той же книги, чрезвычайно редкого и примечательного издания» в «плохонькой библиотеке на улице Монмартр»³. Двое мужчин то ли находятся в этом мире, то ли парят в облаках. Хотя По приводит конкретную причину и доказательство их встречи, они существуют словно в каком-то едва освещенном свечой полумраке, знакомом читателям по сборнику рассказов «Гротески и арабески».

В свою очередь, Конан Дойл открывает первую главу повести «Этюд в багровых тонах» сценой поиска доктором Ватсоном доступного жилья. Молодой, раненый, измученный, по понятным причинам непритязательный и скромный – он, похоже, шагнул на страницу произведения из реального мира, что персонажам Эдгара Аллана По никогда не удавалось.

Эдгар Аллан По родился в 1809 году и умер в возрасте сорока лет, за десять лет до рождения Артура Конан Дойла. Он изначально был склонен к романтическому и готическому стилю. Что же касается Артура, то он рос в Эдинбурге спустя полвека, читал приключенческие произведения Майн Рида о продвижении американских поселенцев на запад, а также рассказы и романы самого По. Позже, в середине 1880#х годов, создавая Шерлока Холмса и доктора Ватсона за столом в Саутси, мысленно он, разумеется, возвращался к трудам одного из своих любимых писателей, а также к аналитическим выкладкам сыщика, который заинтриговал его с самого детства. Однако к этому времени Конан Дойл уже находился под влиянием более ярко выраженных писателей-реалистов приключенческого жанра, кото-

---

⁵⁶ Пер. И. Гуровой. – *Прим. ред.*

⁵⁷ «Человек с рассеченной губой». Приведенный здесь вариант перевода – из фильма «Шерлок Холмс и доктор Ватсон», серия «Знакомство». – *Прим. ред.*

рые сторонились характерных для По туманных хитросплетений. Он, в частности, восхищался своим земляком шотландцем Робертом Льюисом Стивенсоном и американцем Бретом Гартом⁴. Это восхищение проявилось в его творчестве. Так, в 1884 году некоторые читатели литературного журнала «Корнхилл» ошибочно приняли рассказ Конан Дойла «Сообщение Хебекука Джефсона» за произведение Стивенсона⁵. Подражая рассказам Брета Гарта о жизни американских золотоискателей, Конан Дойл писал такие произведения, как «Рассказ американца».

Создавая собственного детектива, Конан Дойл при обработке образа Огюста Дюпена, естественно, учел реалии современной ему, менее романтической эпохи. Кроме того, источником вдохновения для него явился доктор Белл из реального мира, который отмечал у пациентов профессиональные шрамы и испачканную грязью обувь и умело воссоздавал из этих, казалось бы, разрозненных деталей истории их жизни. Эдгар Аллан По хорошо ориентировался в современных ему прикладных и гуманитарных науках (об этом свидетельствует, в частности, его книга «Эврика», охватывающая множество вопросов, а также другие произведения), однако он не наделил своего детектива научным подходом к раскрытию преступлений. Ориентируясь на Вольтера, он сделал Огюста Дюпена ироничным наблюдательным гением, у которого хорошо получалось, опираясь на логику, решать головоломки.

У Эдгара Аллана По, к сожалению, не было такого учителя, как Джозеф Белл. Он смог сделать Огюста Дюпена автором теории о необходимости наблюдательности и вложить ему в уста пламенные речи о логике. Однако, судя по всему, сам По не обладал настолько развитой наблюдательностью, чтобы поделиться этим опытом со своим детищем. А у Артура Конан Дойла она была. Сам он не являлся детективом, но был свидетелем деятельности талантливых в этой области людей. Годы обучения с одним из самых известных диагностов своего времени помогли Артуру понять, что подобная проницательность была вполне реальна, а также то, что она относится к числу талантов и навыков, которые можно развивать.

Шерлок Холмс, в отличие от Огюста Дюпена, воплотил в себе веру Конан Дойла в науку как инструмент прогресса и интеллектуальное приключение. В повести «Этюд в багровых тонах» Ватсон встречается со своим старым другом Стэмфордом, который под его руководством работал фельдшером в госпитале Св. Варфоломея, старейшем госпитале Великобритании, непрерывно действовавшем с XII века. Как и во многих других случаях, Артур воссоздал этот эпизод на основе фактов из реальной жизни. Сэр Томас Ватсон, доктор Ватсон, чья смерть получила широкую огласку за несколько лет до публикации первого детектива Конан Дойла, работал в упомянутом госпитале, который был известен как «Бартс».

Молодой Стэмфорд упоминает, что его знакомый по имени Шерлок Холмс ищет соседа по квартире. «Он немного чудаковат, – предупреждает Стэмфорд, – энтузиаст некоторых областей науки».

«Должно быть, хочет стать медиком?» – спрашивает Ватсон.

«Да нет, я даже не пойму, чего он хочет. По-моему, он отлично знает анатомию, и химик он первоклассный, но, кажется, медицину никогда не изучал систематически. Он занимается наукой совершенно бессистемно и как-то странно, но накопил массу, казалось бы, ненужных для дела знаний, которые немало удивили бы профессоров».

Стэмфорд не решился давать дальнейшие объяснения, и Ватсон забеспокоился по тому поводу, что у этого Холмса мог оказаться какой-либо существенный недостаток. «Что же, у этого малого ужасный характер, что ли?» – потребовал он ответа.

«Попробуйте-ка объяснить необъяснимое, – возразил Стэмфорд. – На мой вкус, Холмс слишком одержим наукой – это у него уже граничит с бездушием».

Артур Конан Дойл считал себя храбрым и упорным⁶, и он хотел, чтобы у Холмса были такие же черты характера – еще до встречи с доктором Ватсоном. И в том, как Стэмфорд затем описывает характер молодого Холмса, Конан Дойл использовал факты из собственной жизни, в том числе опасный эксперимент с передозировкой гелиемиума семилетней давности. «Легко могу себе представить, что он вспрыснет своему другу небольшую дозу какого-нибудь новооткрытого растительного алкалоида, – весело объяснил Стэмфорд, – не по злобе, конечно, а просто из любопытства, чтобы иметь наглядное представление о его действии».

Многие растения, например, гиацинт, крестовник, барвинок, болиголов, вырабатывают естественные алкалоиды. Первым из таких алкалоидов ученые выделили морфин из опийного мака в первом десятилетии XIX века. К алкалоидным токсичным веществам относятся также стрихнин, кокаин, никотин и даже кофеин. Благодаря многократно перечитанному во время учебы на медицинском факультете учебнику Альфреда Баринга Гаррода Артур хорошо знал фармакологию. Должно быть, он улыбнулся, вкладывая в уста Стэмфорда последующие слова о приверженности Холмса науке: «Впрочем, надо отдать ему справедливость, я уверен, что он так же охотно сделает этот укол и себе».

«Что ж, это неплохо», – говорит Ватсон.

«Да, но и тут можно впасть в крайность».

Затем Конан Дойл вспоминает одного из таких известных преподавателей медицинского факультета Эдинбургского университета, как Роберт Кристисон: «Если дело доходит до того, что трупы в анатомичке он колотит палкой, согласитесь, что это выглядит довольно-таки странно».

«Он колотит трупы?»

«Да, чтобы проверить, могут ли синяки появиться после смерти».

В химической лаборатории с высокими потолками, на фоне трепещущих язычков синего пламени бунзеновских горелок и рабочих столов, на которых поблескивали пробирки и реторты, Стэмфорд представил их друг другу: «Доктор Ватсон, мистер Шерлок Холмс».

Высокий молодой человек на удивление крепко пожал Ватсону руку и вскользь заметил: «Я вижу, вы жили в Афганистане».

Когда они уже уходили, Ватсон поинтересовался у Стэмфорда: «Как он ухитрился угадать, что я приехал из Афганистана?»

«Это главная его особенность, – ответил с улыбкой Стэмфорд. – Многие дорого бы дали, чтобы узнать, как он все угадывает».

Отведя значительную часть рассказа «Убийство на улице Морг» перепечатке газетной статьи о произошедшей трагедии, Эдгар Аллан По в последующем позволил Огюсту Дюпену разглагольствовать о том, что тот уяснил из противоречивых показаний свидетелей, постоянно разясняя, что он обнаружил в ходе осмотра места преступления. Однако самому осмотру места преступления Эдгар Аллан По уделил лишь небольшой абзац, а описание того, как именно детектив проводил его, ограничил одним предложением: «Дюпен тщательно все исследовал, в том числе и тела жертв».

В отличие от По, игнорировавшего реальные методы работы Огюста Дюпена, Эмиль Габорио в своем романе «Преступление в Орсивале» (1867 год) описал тот энтузиазм, с которым Лекко, молодой полицейский, выискивает вещественные доказательства на месте преступления:

«Они поднялись [в комнату], и месье Лекко, мигом выйдя из образа аккуратного галантерейщика, берегущего свое платье, улегся животом на пол и принялся рассматривать грозное орудие разрушения – тяжелый топор с ясеневым топорием, а также блестящий, хорошо натертый дубовый паркет...»

– Когда злоумышленник бросил топор, он упал сперва лезвием вниз, отсюда эта зарубка; потом отлетел в сторону и ударился обухом – вот он, след удара, я указываю на

него пальцем, – и наконец, поскольку его швырнули с огромной силой, закрутился волчком и оставил на паркете еще одну отметину там, где лежит сейчас...

Он опустился на колени и с дотошностью принялся исследовать сперва песок на аллее, потом стоячую воду и пучки водных растений. Затем встал с земли, взял камешек, бросил в воду и сразу же подошел поближе, чтобы посмотреть, что произошло с илом. После этого он вернулся к крыльцу дома, а оттуда опять к прибрежным ивам по газону, на котором до сих пор отчетливо виднелись следы, обнаруженные еще утром. Здесь явно проволокли что-то тяжелое. Не жалея брюк, он прополз на четвереньках по всей лужайке, изучая чуть не каждую былинку, раздвигая густую траву, чтобы видеть землю, внимательно исследуя направление обломанных стебельков»⁷⁵⁸.

Взяв за основу скорее практику Лекока, чем Дюпена, детектив Шерлок Холмс доверяет следам, оставленным на месте преступления, следам, которые для недостаточно подготовленных и менее способных сыщиков почти невидимы, ему же позволяют восстановить картину преступления.

«Сказав это, он вынул из кармана рулетку и большую круглую лупу и бесшумно заходил по комнате, то и дело останавливаясь или опускаясь на колени; один раз он даже лег на пол... Минут двадцать, если не больше, он продолжал свои поиски, тщательно измеряя расстояние между какими-то совершенно незаметными для меня следами, и время от времени – так же непонятно для меня – что-то измерял рулеткой на стенах...

– Говорят, будто гений – это бесконечная выносливость, – с улыбкой заметил он. – Довольно неудачное определение, но к работе сыщика подходит вполне».

В рассказе «Убийство на улице Морг» Огюст Дюпен и его рассказчик прогуливались по парижским улицам – всегда по ночам, потому что на рассвете они закрывали ставни, читали и предавались грезам «при тусклом, призрачном свете» свечей. Во время одной из этих ночных прогулок Огюст Дюпен продемонстрировал, как он смог прочесть мысли своего компаньона, и позже Шерлок Холмс поиздевается над этой сценой. Когда Огюст Дюпен объяснил ход своих мыслей на основе сделанных наблюдений, его рассуждения казались очевидно неубедительными. «Не раз хвалился он с довольным смешком, что люди в большинстве для него – открытая книга, – заметил рассказчик, – и тут же приводил ошеломляющие доказательства того, как ясно он читает в моей душе».

Однако Эдгар Аллан По ничем не обосновал это утверждение и не привел читателю конкретных примеров того, как Дюпен смог раскрыть для себя характер рассказчика. Вместо этого он приводит описание своего героя, поражающее до смешного напыщенным готическим стилем: «В подобных случаях мне чудилась в нем какая-то холодность и отрешенность; пустой, ничего не выражающий взгляд его был устремлен куда-то вдаль, а голос, сочный тенор, срывался на фальцет и звучал бы раздраженно, если бы не четкая дикция и спокойный тон»⁵⁹.

Артур Конан Дойл, напротив, считал, что его герою следовало наглядно демонстрировать свой талант, а не просто заявлять о нем. Когда писатель читал детективные рассказы, его часто раздражало, что сыщик всегда, казалось, по какой-то счастливой случайности решал загадку, а читатель оставался недоумевать, как же это произошло⁸. Так, осмотрев место преступления в третьей главе повести «Этюд в багровых тонах», Шерлок Холмс объясняет скептически настроенным инспекторам полиции: «Это, конечно, убийство, и убийца – мужчина. Рост у него чуть больше шести футов, он в расцвете сил, ноги у него очень небольшие для такого роста, обут в тяжелые ботинки с квадратными носками и курит трихинопольские сигары. Он и его жертва приехали сюда вместе в четырехколесном экипаже, запряженном

---

⁵⁸ Пер. Е. Баевской и Л. Цывьяна. – *Прим. ред.*

⁵⁹ Пер. Р. Гальпериной. – *Прим. ред.*

лошадью с тремя старыми и одной новой подковой на правом переднем копыте. По всей вероятности, у убийцы красное лицо и очень длинные ногти на правой руке. Это, конечно, мелочи, но они могут вам пригодиться».

Шерлок Холмс действует на основе фактических данных. Позже, специально для Ватсона, он поясняет: «В сыском деле нет ничего важнее, чем искусство читать следы, хотя именно ему у нас почти не уделяют внимания. К счастью, я много занимался этим, и благодаря долгой практике умение распознавать следы стало моей второй натурой». Холмс не только выясняет в присутствии целой толпы констеблей, присланных расследовать преступление, что на месте преступления было двое мужчин, но даже по ширине шага одного из них оценивает его рост, а по изящным очертаниям обуви второго делает вывод о том, что тот был щегольски одет.

Читатели могли еще раньше преодолеть возможный скептицизм по поводу необыкновенных способностей Шерлока Холмса, поскольку доктор Ватсон первым потребовал от того соответствующих разъяснений. Это позволило детективу пролить свет на свои методы.

«Вы, кажется, удивились, – заметил Холмс, – когда при первой встрече я сказал, что вы приехали из Афганистана?»

«Вам, разумеется, кто-то об этом сказал», – ответил Ватсон.

Сидя за письменным столом на «Буш-Виллас» спустя всего шесть лет после завершения учебы на медицинском факультете в Эдинбурге, Артур Конан Дойл вновь воссоздавал эпизоды, в которых проявилась проницательность Джозефа Белла и свидетелем которых он был лично. Его воспоминания были еще свежи.

«Я сразу догадался, что вы приехали из Афганистана, – настаивал Шерлок Холмс. – Благодаря давней привычке цепь умозаключений возникает у меня так быстро, что я пришел к выводу, даже не замечая промежуточных посылок. Однако они были, эти посылки. Ход моих мыслей был таков: «Этот человек по типу – врач, но выправка у него военная. Значит, военный врач. Он только что приехал из тропиков – лицо у него смуглое, но это не природный оттенок его кожи, так как запястья у него гораздо блее». (И правда, при первой встрече Стэмфорд сказал Ватсону, что тот «высох, как щепка, и стал коричневым, как орех»⁶⁰.) «Лицо изможденное, очевидно, немало натерпелся и перенес болезнь, – продолжил Холмс. – Был ранен в левую руку – держит ее неподвижно и немножко неестественно. Где же под тропиками военный врач-англичанин мог натерпеться лишений и получить рану? Конечно же, в Афганистане».

---

⁶⁰ Традиционно в русском переводе фраза Стэмфорда звучит так: «Вы высохли, как щепка, и пожелтели, как лимон», но в оригинале именно «коричневый, как орех». – *Прим. ред.*

Глава 21

Книга жизни

Я задумался о применении научных методов как таковых к работе сыщика... Я заключил: «Если человек науки, такой как Белл, стал бы детективом, он не пытался бы угадать, надеясь на случай. Он бы выстраивал все с научной точки зрения». Следуя этому направлению мысли, можно представить, что у меня сложился, что называется, новый образ сыщика – такой, который мне было бы интересно развивать и далее¹.

(Артур Конан Дойл, из интервью)

Приступив к созданию детективной повести и записав в блокнот воспоминания о докторе Белле, чтобы в последующем опираться на них, Конан Дойл представил себе, как Шерлок Холмс написал статью о своем научном методе раскрытия преступлений – и спрогнозировал раздраженный ответ Ватсона на эту публикацию:

«Что за вздор! – воскликнул я, швыряя журнал на стол. – Должен сказать, что меня просто злят те, кто, развалясь в своих креслах, сочиняют изящные теории, которые никогда нельзя осуществить на практике».

Артур сохранил этот эпизод в окончательном варианте повести. Во второй главе опубликованного произведения, после того как его герои уже поселились в доме 221#б на Бейкер-стрит, Ватсон наткнулся на статью «Книга жизни» в журнале без указания автора. Ее автор утверждал, что путем систематического наблюдения и учета, казалось бы, незначительных деталей можно узнать о постороннем человеке очень много, в том числе его самые сокровенные мысли.

«По одной капле воды человек, умеющий мыслить логически, может сделать вывод о возможности существования Атлантического океана или Ниагарского водопада, даже если он не видал ни того ни другого и никогда о них не слышал. Всякая жизнь – это огромная цепь причин и следствий, и природу ее мы можем познать по одному звену. Искусство делать выводы и анализировать, как и все другие искусства, постигается долгим и прилежным трудом, но жизнь слишком коротка, и поэтому ни один смертный не может достичь полного совершенства в этой области. Прежде чем обратиться к моральным и интеллектуальным сторонам дела, которые представляют собою наибольшие трудности, пусть исследователь начнет с решения более простых задач. Пусть он, взглянув на первого встречного, научится сразу определять его прошлое и его профессию. Поначалу это может показаться ребячеством, но такие упражнения обостряют наблюдательность и учат, как смотреть и на что смотреть. По ногтям человека, по его рукавам, обуви и стиге брюк на коленях, по утолщениям на большом и указательном пальцах, по выражению лица и обшлагам рубашки – по таким мелочам нетрудно угадать его профессию. И можно не сомневаться, что все это, вместе взятое, подскажет сведущему наблюдателю верные выводы»⁶¹.

«Что за дикая чушь! – воскликнул Ватсон в уже опубликованной повести. – В жизни не читал такой галиматши».

Холмс признается, что это он – автор статьи. «У меня есть склонности к наблюдению – и к анализу, – говорит он с редкой для себя скромностью. – Теория, которую я здесь изложил и которая кажется вам такой фантастической, на самом деле очень жизненна, настолько жизненна, что ей я обязан своим куском хлеба с маслом».

---

⁶¹ Пер. отрывков из «Этюда в багровых тонах» здесь и далее в этой главе Н. Трениевой. – Прим. ред.

Следующее признание Холмса перечеркнет желание бывшего военного врача передохнуть и восстановить свои силы после ранения при Майванде: «Я – сыщик-консультант, если только вы представляете себе, что это такое. В Лондоне множество сыщиков, и государственных, и частных. Когда эти молодцы заходят в тупик, они бросаются ко мне, и мне удается направить их по верному следу. Они знакомят меня со всеми обстоятельствами дела, и, хорошо зная историю криминалистики, я почти всегда могу указать им, где ошибка. Все злодеяния имеют большое фамильное сходство, и если подробности целой тысячи дел вы знаете как свои пять пальцев, странно было бы не разгадать тысяча первое».

Холмс всегда подчеркивал, что его богатый опыт подтверждается его начитанностью. Это, например, становится ясно, когда он объяснял Ватсону, что «насильственное отравление ядом вовсе не новость в уголовной хронике. Каждый токсиколог тотчас вспомнил бы дело Дольского в Одессе или Летюрье в Монпелье».

В той статье, которую попытался высмеять Ватсон, Шерлок Холмс использовал для описания своих методов слово *дедукция*, подразумевая под ним способность делать верные логические выводы из заданных посылок – так же выразились бы многие англичане XIX века – вместо правильного термина *индукция*². Он даже ссылался на свои собственные «правила дедукции». В принципе, как образованный человек, Артур Конан Дойл должен был знать, что «дедукция» означает метод рассуждения от общего к частному, как, например, в выражении: «Все люди смертны. Королева Виктория является человеком. Следовательно, королева Виктория смертна». Конечно же, Шерлок Холмс активно пользуется этим методом. Он вырабатывает какую-либо теорию, а затем начинает проверять ее, как любой опытный ученый-исследователь, нередко опровергая первоначально выдвинутое предположение после появления новой информации. Однако основу его метода составляет все же индукция. Он рассуждал от частного к общему, как, например, в выражении: «У этого человека следы ног расположены очень далеко друг от друга. Так широко способны шагать только высокие люди. Следовательно, этот человек высокого роста». Выражение «метод дедукции», однако, было одним из любимых выражений Джозефа Белла, поэтому, естественно, Артур Конан Дойл вложил его в уста сыщика, образ которого был вдохновлен Джозефом Беллом.

Создавая и описывая научный подход Холмса, Конан Дойл не только повторял (до определенной степени) Задига и Дюпена – он также использовал концепцию Фрэнсиса Бэкона, который ко времени Артура Конан Дойла уже считался покровителем рационального исследования (другими словами, научного подхода). Временами писатель совершенно очевидно обращается к Фрэнсису Бэкону. «Все теории, объясняющие явления природы, должны быть смелы, как сама природа», – замечает Шерлок Холмс в беседе с доктором Ватсоном. Само представление об «объяснении явлений природы» у представителей образованной части населения XIX века было неразрывно связано с Фрэнсисом Бэконом. У его произведения «Новый Органон», изданного в 1620 году, был подзаголовок «Истинные указания для истолкования природы». Этот труд, первоначально названный «Новый инструмент науки», стал манифестом Фрэнсиса Бэкона о том, что позже будет названо научным методом.

Фрэнсис Бэкон выступал против традиционных методов познания, основанных на некритическом обращении к классическим источникам, и ратовал за исследования, основанные на фактических данных. Действуя так, он воплощал в жизнь, разъяснял и развивал философскую парадигму своего времени – стремление к приобретению новых знаний и пониманию тех предметов и явлений, которые могли быть охвачены кругозором человека. Фактически Фрэнсис Бэкон недвусмысленно определил «опыт индуктивного метода» как «исторические заключения, последовательно выводимые из явлений, фактов, наблюдений, экспериментов, искусства, а также из активных наук»³.

Артур Конан Дойл наверняка прочел длинную биографическую и критическую статью о Фрэнсисе Бэконе, написанную Томасом Бабингтоном Маколеем, одним из своих любимых

писателей. Маколей (верно использовавший термин «индукция») искажил основное положение Фрэнсиса Бэкона о том, что индукция осуществима только на основе содержательных (т. е. сделанных в рамках определенной логики) наблюдений. В интерпретации Маколей индукция – метод, при котором субъект проводит наблюдения без заранее выработанной концепции, способной объединить собираемые данные. Маколей подвел итог тому, что он считал утомительной очевидностью Бэкона, своим известным примером с пирожками: «В понедельник и среду я ел пирожки с мясом и не спал всю ночь от расстройства желудка... Во вторник и в пятницу я не ел пирожков, и со мной все было в порядке»⁴.

Конан Дойл воспроизвел идею Фрэнсиса Бэкона о практической значимости постоянных наблюдений, превратив доктора Джозефа Белла в мистера Холмса. И уверенность, с которой предвидения Шерлока Холмса воспринимаются окружающими, отразилась в одном из более поздних высказываний доктора Белла: «Пациент скорее всего будет более убежден в том, что вы сумеете вылечить его, если он увидит, как много вы можете узнать о его прошлом, лишь взглянув на него. А весь фокус ведь гораздо проще, чем кажется на первый взгляд»⁵.

Похвала Ватсона в адрес своего соседа по квартире подтвердила, насколько сильно он был впечатлен демонстрацией Холмсом своего метода: «Вы сделали великое дело: благодаря вам раскрытие преступлений находится на грани точной науки».

И по воле Артура Конан Дойла доктор Ватсон подмечает у Шерлока одну человеческую слабость: «Мой спутник даже порозовел от удовольствия услышать от меня такие слова и от серьезной убежденности тона, с которым я их произнес. Я уже замечал, что он был чувствителен к похвалам его искусству не меньше, чем девушка к похвалам своей красоте».

Глава 22

Колдовство в пустыне

*В «Этюде в багровых тонах» я нарисовал, несколько сгустив краски, весьма эмоциональную картину, опираясь на эпизоды, оставившие несмываемое пятно на «членах колена Данова»⁶² (или «данитах») в начале истории штата Юта¹.
(Артур Конан Дойл. «Наше второе американское приключение»)*

Не во всех произведениях Эмиля Габорио действовал полицейский детектив месье Лекок. Однако после публикации в 1867 году романа «Преступление в Орсивале», который был переведен на английский язык в 1871 году (когда Артуру было двенадцать лет), этот персонаж стал широко известен. Габорио разделил сюжет на две части. В первой части рассказывалось о блестящем расследовании детективом жестокого убийства, а вторая часть включала в себя ретроспективу событий, приведших к убийству и бегству преступника.

Артур Конан Дойл использовал ту же структуру (к ней прибегал не только Эмиль Габорио) при написании повести «Этюд в багровых тонах». Представив читателю семь динамичных и ярких глав, он оставляет Шерлока Холмса и доктора Ватсона в Лондоне и переносится через Атлантический океан в Северную Америку, вернувшись в 1847 год. Артуру никогда не доводилось бывать в Новом Свете, но, как и все авторы остросюжетных произведений, начиная от Гомера и заканчивая Робертом Льюисом Стивенсоном, он бессознательно обращался к неведомым странам, чтобы представить читателю необычную обстановку. Уже в «Рассказе американца», грубоватом произведении, наполненном жаргонизмами, что был опубликован в 1880 году в журнале «London Society», он описал жестокие события на Диком Западе. То, что множество деталей, как и следовало ожидать, не соответствовало реальности, не особенно беспокоило его. Он легко подгонял фактуру под сюжет.

Конан Дойл завершил первую часть повести сценой задержания Холмсом Джефферсона Хоупа, убийцы Еноха Дреббера в доме № 3 в тупике Лористон-гарденс. Во второй части «Страна святых» автор знакомит читателя с предысторией событий, которые привели к убийству. Изложение злоключений Джефферсона Хоупа идет от третьего лица.

В поисках подходящих злодеев для своего произведения Артур Конан Дойл остановил выбор на мормонах, которые в то время часто упоминались в английской прессе. Это был ловкий ход. Приверженцы церкви Иисуса Христа Святых последних дней имели скандальную репутацию с момента основания мормонизма в штате Нью-Йорк в конце 1820#х годов проповедником Джозефом Смитом, который впоследствии был арестован по обвинению в многоженстве². В 1830 году Джозеф Смит опубликовал «Книгу Мормона», которая по языку и по форме изложения до определенной степени напоминает «Библию короля Иакова»⁶³. Джозеф Смит утверждал, что он перевел письмена, начертанные на древних золотых скрижалях «измененным египетским письмом» и что место их нахождения, а также способ их перевода были открыты ему ангелом, назвавшим себя Моронием.

Вскоре деятельность мормонов вызвала серьезные религиозные и гражданские волнения, сопровождавшиеся прямыми столкновениями его последователей с местными жителями и в конечном итоге с федеральным правительством. В результате общины мормонов

---

⁶² Колена Даново – одно из колен Израилевых, которое произошло от Дана (пятого сына патриарха Иакова) и отличалось крайней воинственностью. – *Прим. пер.*

⁶³ Перевод Библии на английский язык, выполненный под патронажем короля Якова I в 1611 г. – *Прим. ред.*

постепенно мигрировали из штата Нью-Йорк в штат Огайо, а затем в штаты Иллинойс и Миссури и еще далее на запад, где власть федерального правительства была не так сильна.

Джозеф Смит принимал активное участие в многочисленных конфликтах между последователями своей собственной церкви, а в 1844 году был убит толпой, ворвавшейся в тюрьму, где он содержался в ожидании суда³. Новый руководитель мормонов Брайам (Бригам) Янг повел последователей этой церкви дальше на запад. В конечном итоге мормоны расселились в долине Большого Соленого озера в Верхней Калифорнии (Мексика), которая в 1850 году стала территорией североамериканского штата Юта – как раз это время и описывается в повести «Этюд в багровых тонах».

Конан Дойлу доводилось встречаться с фанатичными (и зачастую имевшими успех) мормонскими миссионерами. В 1850#х годах в течение одного десятилетия они привели в свою церковь сорок три тысячи англичан⁴. Несмотря на то что в соответствии с «Актом о двоеженстве» от 1603 года в Англии было запрещено многоженство⁵, многие бедняки предпочли рискнуть и принять новую веру, чем прозябать в ригидной и закрытой английской классовой системе.

«Книга Мормона» запрещала многоженство, однако старейшины из ближайшего окружения Джозефа Смита поощряли полигамию. В 1876 году соответствующий церковный запрет был отменен. Вскоре писатели обратились к описанию этой спорной практики, повествуя, в частности, о добродетельных женщинах, устоявших против новой идеологии и, таким образом, избежавших жизни во грехе, которую им пытались навязать⁶. Иногда опасности, которым подвергалась добродетель героинь, описывалась в весьма пикантных подробностях. Читатели могли оправдать возникавшие у них похотливые мысли тем, что они проникались благочестием, с которым потерпевшие противостояли своим мучителям. Руководителей мормонской церкви изображали распущенными ничтожествами, а ее последователей – малодушными глупцами. Пьянство мормонским учением было запрещено, но под пером писателей этому греху мормоны предавались поголовно.

Рассказы о злых мормонах во времена Конан Дойла пользовались большой популярностью. Любимый Артуром в детстве и юности Майн Рид опубликовал приключенческий роман на эту тему – «Отважная охотница» – в 1861 году, когда Артуру было еще два года. Героиня вышедшего в 1855 году нравоучительного романа Марии Уорд «Жизнь женщины среди мормонов» Эллен рассказывает, как Джозеф Смит лично сорвал ее обручение и как она попала под его чары. «Его присутствие завораживало, – вспоминает она. – Он оказывал на меня мистическое, магическое влияние, это было своего рода колдовство, которое лишило меня свободы воли»⁷.

В 1885 году, за год до того, как появился «Этюд в багровых тонах», один из любимых писателей Артура, Роберт Льюис Стивенсон, совместно со своей женой, Фанни ван де Грифт Стивенсон, опубликовали продолжение изданного в 1882 году и необычайно популярного сборника рассказов «Новые арабские ночи».

Конан Дойл восхищался тем, как писал Роберт Льюис Стивенсон, и пытался подражать его доброжелательному, живому стилю. Стивенсон также был уроженцем Эдинбурга (он старше Артура на девять лет), окончил Эдинбургский университет и посещал занятия Джозефа Белла. Роберт Льюис родился в семье инженеров, занимавшихся проектированием маяков. В первом десятилетии XIX века его дед, Роберт Стивенсон, построил маяк Белл-Рок на рифе Инчкейп, печально известном кладбище кораблей у юго-западного шотландского побережья Ангус. Однако молодой Стивенсон отказался от карьеры инженера ради литературы. Его первое крупное произведение, получившее широкое признание, – роман «Остров сокровищ», – было опубликовано в 1883 году. Два года спустя (незадолго до того, как Конан

Дойл начал писать «Этюд в багровых тонах») в свет вышел роман Стивенсона «Принц Отто», сказочное приключенческое произведение с политическим подтекстом.

Книга «И еще новые арабские ночи (Динамитчик)» представляла череду историй внутри других историй, рассказанных различными персонажами, таких, например, как «История честного кубинца» или «Рассказ энергичной старой синьоры». Место действия первой подобной «рамочной» истории супругов Стивенсон, получившей название «Ангелы-разрушители», – штат Юта, герои – агрессивно настроенные мормоны. Стивенсоны изображали «членов колена Данова», его «ангелов», в честь которых и был назван этот рассказ, как разветвленную сеть шпионов и убийц, охватывающую весь мир, навязывавшую как вероотступникам, так и «язычникам» (то есть немормонам) волю Брайама Янга. В то время такие сюжеты не были редкостью. За восемь лет до «Этюда в багровых тонах» вышел роман, озаглавленный «Страшная история о данитах с земли мормонов»⁸.

Организация «данитов» была создана в 1838 году в качестве тайного отряда самообороны, в то время когда мормоны обосновались в штате Миссури. За четыре года до этого Джозеф Смит сформировал мормонское ополчение, назвав его воинством Израиля; возможно, эти ополченцы и стали основой «данитов». Ходили упорные слухи о группе убийц-мормонов из штата Юта, однако после бурных первых дней расселения в штате Миссури мормонская церковь отрицала ее существование.

В рассказе Стивенсонов одной семье угрожает вездесущая мормонская церковь, желающая заполучить деньги этой семьи и ее дочь. Испуганные члены семьи пытаются бежать под покровом темноты, однако обнаруживают символ мормонов – всевидящее око (которое, как они уже поняли, означает всеведение мормонской церкви), изображенное на скале. Они поворачивают назад. Отца убивают, а мать принуждают к самоубийству. Таким образом, дочь (от лица которой ведется рассказ) остается в руках старика-манипулятора, давно замыслившего жениться на ней. По завершении истории слушатель этой саги высказывает сомнения в ее правдивости, что позволяет авторам спекулировать на чувстве неприязни к мормонам, не проявляя этого чувства открыто.

Конан Дойл, редко останавливавшийся перед литературными заимствованиями, охотно включил в «Этюд в багровых тонах» детали из «Динамитчика». Он не мог устоять перед впечатляющим потенциалом зловещих «данитов», которых он назвал «ангелами-мстителями» вместо «ангелов#разрушителей» (определение, выбранное Стивенсоном и другими писателями). Он именно так и озаглавил пятую главу второй части – «Ангелы-мстители». Конан Дойл дал в своей повести девочке (ставшей затем молодой женщиной) имя матери героини произведения Стивенсона – Люси. В начале второй части группа мормонов спасает в пустыне человека по имени Джон Ферье и осиротевшую девочку Люси, которую Джон Ферье затем удочеряет.

Подобно Стивенсону и многим другим писателям, Артур Конан Дойл создал образ невинной молодой женщины, чьей добродетели угрожает коварный старейшина. Однако он превзошел Стивенсонов, сделав в своей повести основным злодеем самого Брайама Янга, который умер менее чем за десять лет до того, как Артур начал писать свое произведение. В какой-то момент Брайам Янг подошел к Джону Ферье спросить, почему у того нет жены, и высказаться о Люси: «Она слывет цветком Юты; она пришлась по сердцу некоторым достойнейшим людям».

Однако Люси влюбилась в Джефферсона Хоупа, не исповедовавшего мормонской веры; таким образом, это была запретная любовь. Двое молодых людей из мормонской общины, бесцеремонные и хамоватые Енох Дреббер и Джозеф Стэнджерсон, вломилась в дом Джона Ферье и стали настаивать на браке с Люси. Джон Ферье выставил их за дверь, в ответ те пообещали ему отмщение: как человеческое, так и божественное. Джон Ферье срочно обратился за помощью к Джефферсону Хоупу. Джозеф Стэнджерсон застре-

лил Джона Ферье, а Люси силой выдали замуж за Еноха Дреббера. Через месяц она умерла, и Джефферсон Хоуп поклялся отомстить убийцам. В отличие от других писателей, разработывавших тему мормонов, Конан Дойл не стал возбуждать читателей сексуальными сценами: он отказался от описания брака и смерти Люси.

Через несколько лет Джефферсон Хоуп вернулся, чтобы отыскать своих врагов, но обнаружил, что те покинули общину мормонов. Преследуя их, он узнал, что они пересекли Соединенные Штаты и в конечном итоге приехали в Англию. Излагая свою историю Шерлоку Холмсу и доктору Ватсону, Джефферсон Хоуп описал, как стал в Лондоне кучером наемного кэба, чтобы выследить Дреббера и Стэнджерсона. Его кэб-хэнсом представлял собой двухколесную карету, в которой два пассажира размещались за низкой двустворчатой дверцей, защищавшей их обувь и одежду от грязи и конского навоза из-под задних копыт лошади; кучер в котелке стоял снаружи у них за спиной, держа вожжи через петлю на крыше кэба.

Джефферсон Хоуп выслеживал и выжидал. В последней главе «Этюда в багровых тонах», раскрывающей все загадки, Джефферсон Хоуп признался, что он вернулся на место преступления, чтобы найти потерянное кольцо, – и обнаружил, что дом окружен полицией. Он смог ускользнуть от нее, притворившись пьяным, – то есть он сознательно привлек к себе внимание вместо того, чтобы попытаться избежать этого. Этот прием Конан Дойл позаимствовал у Габорио. Убийца в романе «Месье Лекок» таким же образом намеренно привлек к себе внимание, чтобы его посадили в тюрьму, где уже сидел его сообщник.

С самого детства увлекаясь рассказами об американских поселенцах на Диком Западе, Конан Дойл восхищался творчеством Марка Твена и вряд ли пропустил весьма занимательный и яркий роман этого писателя «Закаленные»⁶⁴, изданный в 1872 году. В нем красочно описывались приключения автора на Диком Западе, в том числе стычки с мормонами. Марк Твен рассказал, в частности, об одном дикаре, которого называли «ангелом-разрушителем». Самих «ангелов#разрушителей» Марк Твен охарактеризовал как «святых последних дней, которые отделились от Церкви, чтобы заслуживающие наказания граждане постоянно исчезали»⁹.

Скрупулезный ум Артура позволил ему заимствовать у Марка Твена деталь, которая ускользнула от внимания остальных литераторов и журналистов, писавших о святых последних дней. «Как они ни хитры, – говорит Джефферсон Хоуп о выслеживавших его мормонах, – а охотника из Уошо им не поймать!» «Уошо» было названием племени коренных американцев, с давних пор проживавшего в районе озера Тахо (штат Невада)¹⁰. Один из девяти первых округов «территории Невада» (еще до получения ею статуса штата) также был назван «Уошо». Твен отмечал, что «Уошо» – это ласковое название Невады¹¹, и неоднократно использовал его при описании событий, происходивших в штатах Юта и Невада. Однако, судя по всему, этот топоним был практически неизвестен, пока Артур Конан Дойл не упомянул его в своей повести.

Перегруженный исторический фон повествования, связанного с общиной мормонов, качественно отличается от остальной части «Этюда в багровых тонах». В нем не хватало фактурного материала и изящества эпизодов с участием Шерлока Холмса, а также сердечности рассказчика в лице доктора Ватсона. Однако этот прием позволил Артуру Конан Дойлу обеспечить Шерлока Холмса достойным соперником и развернуться, как писателю, в полную силу своего таланта.

Само собой разумеется, повесть завершилась триумфом впервые представленного читателям гениального детектива. Попавший в расставленную Холмсом ловушку, Джеффер-

⁶⁴ В русском переводе роман известен под названием «Налегке». – *Прим. пер.*

сон Хоуп сдаётся и с восхищением замечает: «Если случайно место начальника полиции сейчас не занято, то лучше вас никого не найти. Как вы меня выследили – просто уму непостижимо!» Для самого Джефферсона Хоупа это стало завершением охоты. Как выяснилось, он страдал аневризмой аорты, как определил Ватсон, и умер в своей камере еще до того, как предстал перед судьей.

После того как папаша Табаре, частный детектив в романе Эмиля Габорио «Дело вдовы Леруж», раскрывает преступление, он думает о своем главном сопернике из полиции: «Это расследование принесет ему славу, тогда как заслуга в этом принадлежит мне». В повести «Этюд в багровых тонах» после того, как Шерлок Холмс окончательно объяснил Ватсону свой метод дедукции, они прочли в газете «Эхо»:

«Уже ни для кого не секрет, что честь ловкого разоблачения убийцы всецело принадлежит известным сыщикам из Скотленд-Ярда, мистеру Грегсону и мистеру Лестрейду. Преступник был схвачен в квартире некоего мистера Шерлока Холмса, сыщика-любителя, который обнаружил некоторые способности в сыском деле; будем надеяться, что, имея таких учителей, он со временем приобретет навыки в искусстве раскрытия преступлений. Говорят, что оба сыщика в качестве признания их заслуг получают достойную награду».

Прочтя эту статью, Шерлок Холмс рассмеялся: «Ну, что я вам говорил с самого начала? Вот для чего мы с вами создали этот этюд в багровых тонах – чтобы обеспечить им достойную награду!»

«Ничего, все факты записаны у меня в дневнике, – пробормотал в ответ Ватсон, – и публика о них узнает».

Вместо того чтобы завершить свою повесть пророческими словами Ватсона, Конан Дойл не смог удержаться, чтобы еще раз не повторить прием Эдгара Аллана По. Тот любил украшать свои новаторские произведения «виньетками в старинном стиле», в том числе цитатами на других языках. Так, рассказ «Похищенное письмо» предварялся эпиграфом на латыни из высказываний римского философа первого века Сенеки, а детектив «Убийство на улице Морг» завершался строкой на французском языке из эпистолярного романа Жан Жака Руссо «Юлия, или Новая Элоиза», изданного в 1761 году. В этом контексте цитата из Руссо (заключительные слова Огюста Дюпена в последнем предложении произведения) становится саркастическим комментарием к бюрократической некомпетентности полиции. Огюст Дюпен замечает относительно манеры ведения дел полицейского префекта Г.: «Отрицать то, что есть, и распространяться о том, чего не существует».

В заключительном абзаце «Этюда в багровых тонах» Конан Дойл вкладывает цитату из античной литературы в уста Шерлока Холмса, которого Ватсон вначале подозревал в полном незнании литературы как таковой: «А пока довольствуйтесь сознанием, что вы победили, и повторите вслед за римским скрягой: «*Populus me sibilat, at mihi plaudo/Ipse domi simul ac nummos contemplor in arca*». Эта фраза из произведения Горация «Сатиры» переводится следующим образом: «Пусть их освищут меня, говорит, но зато я в ладоши/Хлопаю дома себе, как хочу, на сундук свой любясь»⁶⁵.

Вряд ли это замечание можно считать уместным со стороны молодого человека, у которого не было ни одного клиента и который в результате расследования убийства в тупике Лористон-Гарденс ничего не заработал. Не удивительно, что в произведении, написанном всего лишь за шесть недель, заключительная цитата читается как сделанный в последнюю минуту штрих, не претендующий на глубокий смысл. Возможно, Артур Конан Дойл считал, что ему следует отдать последнюю дань Эдгару Аллану По, который обеспечил его столь многим для создания Шерлока Холмса.

⁶⁵ В оригинале «Этюда в багровых тонах» указанные строчки Горация цитирует доктор Ватсон. – *Прим. пер.*

Глава 23

Прирожденный писатель

*Если бы можно было изложить тайную историю литературы, описать несбывшиеся надежды, разбивающее сердце разочарование, утомительное ожидание, потраченный впустую труд – это была бы самая печальная повесть из всех когда-либо написанных¹.
(Артур Конан Дойл. «Повествование Джона Смита»)*

«Артур написал еще одну книгу, – сообщила вскоре Туи Дойл сестре писателя Лотти, – небольшая повесть около 200 страниц, называется «Этюд в багровых тонах».

Однако никто не жаждал публиковать новую книгу Артура Конан Дойла. Писатель аккуратным круглым почерком скрупулезно переписал свою рукопись, тщательно свернул листы в трубку, поместил их в трубу пневматической почты и отправил издателем. Конан Дойл не был удивлен их равнодушием к «Торговому дому Гердлстон», однако он был разочарован, когда «Этюд в багровых тонах» ему также вернули. Он считал, что это произведение гораздо лучше предыдущего.

Исполненный оптимизма, он отправил рукопись в литературный журнал «Корнхилл» Джеймсу Пейну², который ранее опубликовал его «Сообщение Джозефа Хебекука Джефсона». Артур надеялся, что его произведение выйдет в этом журнале частями. Джеймс Пейн ответил, что повесть ему понравилась, но она была слишком короткой для романа и слишком длинной для рассказа. Конан Дойл согласился с этим. Было очевидно, что, если бы «Этюд в багровых тонах» вышел частями в журнале, его никогда не стали бы собирать в платных библиотеках, а владелец этих библиотек Чарльз Эдвард Муди остерегался публиковать дебютные романы одной книгой.

Тем не менее в мае 1886 года Артур Конан Дойл решил отправить рукопись Дж. У. Эрроусмиту, издателю из Бристоля³. Это был разумный шаг. В 1877 году Эрроусмит унаследовал компанию у владельца типографии Уильяма Брауна, переименовал ее и добился успеха, в частности, основав в начале 1880#х годов ежегодное издание «Эрроусмит аньюзл».

Однако в июле Эрроусмит также вернул «Этюд в багровых тонах» автору. Совсем неготовый сдаться, Артур отправил повесть некоторым другим издателям – все отвергли ее. Наконец, писатель решил послать ее в издательство «Уорд, Локк энд компани», которое специализировалось на остросюжетных произведениях для массового читателя⁴.

В то время как Артур Конан Дойл пытался продать «Этюд в багровых тонах», детективный роман новозеландского писателя Фергюса Хьюма «Тайна двухколесного экипажа» продемонстрировал, какой огромный финансовый потенциал в данной области есть у трудолюбивых (и удачливых) авторов. Фергюс Хьюм сначала самостоятельно издал свое произведение, а вскоре после этого продал авторские права за 50 фунтов⁵. Надо полагать, впоследствии он пожалел об этом, потому что в итоге в Австралии было продано сто тысяч экземпляров его романа, а лондонским издательством «Jarrod» – полмиллиона.

В период австралийской золотой лихорадки полицией Мельбурна детективу Горби (выходцу из рабочего класса) было поручено дело о трупе, найденном в двухколесном экипаже. То, что Фергюс Хьюм подражал Эмилю Габорио, было настолько очевидно, что в 1888 году даже появилась пародия, называвшаяся «Тайна больничной каталки, или Габорио сгаборился (идеалистическая история о великой возрождающейся общине)». Хьюм, как и Конан Дойл, любил обращаться к опыту своих предшественников, вплоть до вкладывания в уста своих персонажей цитат из более ранних детективных историй, вышедших из-под пера

известных писателей, от Эдгара Аллана По до Анны Кэтрин Грин. Чтобы знакомить читателя с рассуждениями Горби во время расследования, Фергюс Хьюм дал ему одну любопытную привычку: «Будучи сыщиком, да еще и весьма скрытного нрава, он при посторонних не говорил ни слова о своем деле и никого не посвящал в него. Когда же он хотел выговориться, то уходил в спальню и там беседовал со своим отражением в зеркале»⁶. После Эдгара Аллана По, Чарльза Диккенса, Уильяма Коллинза, Эмиля Габорио и Фергюса Хьюма читатели уже были подготовлены к тому, что детективы будут обязательно эксцентричными.

В офисе издательства «Уорд энд Локк» на площади Солсбери (издательство разрослось и переехало со своего первоначального места расположения на Флит-стрит) почта от Артура Конан Дойла легла на стол Джорджа Томаса Беттани⁷. Бывший профессор ботаники и биологии в Кембриджском университете, Беттани редактировал некоторые издаваемые в «Уорд, Локк энд компани» книжные серии, в том числе такие, как «Популярная библиотека литературных сокровищ», «Учебники по естественно-научным дисциплинам для начинающих», «Библиотека знаменитых произведений Минервы». Он также был лондонским редактором известного американского периодического издания «Ежемесячный литературный и научно-популярный журнал Липпинкотта».

Беттани, который, как и большинство редакторов, был перегружен работой, получив повесть «Этюд в багровых тонах», решил, что это произведение, скорее всего, не относится к сфере его компетенции. Он отвез его домой, чтобы показать своей жене, Мэри Жан Хиклинг Гвинн, изучавшей медицину и писавшей беллетристику под именем Джини Гвинн Беттани. В 1885 году издательство «Ремингтон» опубликовало ее роман «Дом Риммона», а в 1886 году издательство «Уорд, Локк энд компани» – роман «Два завета».

«Был бы рад, – обратился Беттани к жене, – если бы ты глянула на это и определила, стоит ли мне это читать».

Она проглядела страницы, исписанные аккуратным круглым почерком Конан Дойла, и с энтузиазмом ответила мужу: «Я уверена, что это написано врачом: сам текст говорит об этом. Но в любом случае автор – прирожденный писатель. Я в восторге от этой книги и убеждена, что ее ждет большой успех»⁸.

В конце октября Артур Конан Дойл получил из издательства «Уорд, Локк энд компани» ответ:

«Уважаемый сэр,

Мы прочитали ваше произведение «Этюд в багровых тонах» и остались им довольны. У нас нет возможности опубликовать его в этом году, так как в настоящее время книжный рынок наводнен дешевой литературой. Тем не менее, если вы не возражаете против того, чтобы его издание было отложено до следующего года, мы выплатим вам за передачу издательству авторских прав на это произведение 25 (двадцать пять) фунтов стерлингов 00 шиллингов 00 пенсов.

Остаемся,

с искренним уважением,

«Уорд, Локк энд компани».

30 октября 1886 года».

Удрученный предложенным весьма скромным (мягко говоря) вознаграждением и в целом сдержанной реакцией, Артур Конан Дойл сразу же, 1 ноября, написал в ответ⁹, обра-

тившись к издательству «Уорд, Локк энд компани» с просьбой не выкупать у него все права на произведение, а оплачивать ему роялти⁶⁶.

Английская почта, как всегда, работала безупречно, и уже на следующий день Артур Конан Дойл получил ответ. «С сожалением вынуждены сообщить, – информировало его издательство «Уорд, Локк энд компани», – что мы не сможем обеспечить вам выплату процентов от продажи вашего произведения, поскольку это может привести к определенной путанице. Ваше произведение может быть опубликовано в одном из наших журналов вместе с каким-либо другим произведением, поэтому мы вынуждены повторить наше прежнее предложение за полную передачу нам авторских прав»¹⁰.

Артур Конан Дойл терзался, какое же решение ему принять. Он был оскорблен тем, что ему предложили. Наряду с этим ему была ненавистна мысль о том, что его творение может месяцы или годы пролежать в столе вместо того, чтобы привлечь к его автору внимание читателей (которое, как он чувствовал, начал заслуживать) и способствовать тем самым росту его писательской карьеры. В конце концов он решил согласиться с условиями, предложенными издательством «Уорд, Локк энд компани».

Спустя несколько недель он написал болезненное для себя письмо о готовности заключить соответствующий контракт:

«20 ноября 1886 года.

Принимая во внимание выплаченную мне сумму в двадцать пять фунтов, я настоящим передаю компании «Уорд, Локк энд компани», располагающейся по адресу: площадь Солсбери, дом «Уорик», Е. С. Паблицерс, все свои авторские права на написанную мной книгу под названием «Этюд в багровых тонах».

А. Конан Дойл, дипломированный врач.
«Буш-Виллас», Саутси».

В конечном итоге публикация повести была запланирована на следующий год в журнале «Beeton's Christmas Annual» («Рождественский ежегодник Битона») за 1887 год.

В 1852 году английский издатель Самюэль Орчарт Битон, которому едва исполнилось двадцать лет, сделал себе имя, рискнув опубликовать направленный против рабства яростный роман «Хижина дяди Тома» американской писательницы Гарриет Бичер-Стоу. В том же году он выпустил в свет новаторское периодическое издание «The Englishwoman's Domestic Magazine» («Домашний журнал для англичанок»). Сын трактирщика с улицы Чипсайд, Битон стремился овладеть более престижной профессией¹¹.

В 1856 году он женился на умной и предприимчивой молодой женщине Изабелле Мэри Мейсон, которая вскоре прославилась как волшебница практического домоводства миссис Битон. Супружеская пара сделала себе имя в области ведения домашнего хозяйства, опубликовав множество различных изданий на эту тему, таких как «Словарь полезной информации миссис Битон», «Архив миссис Битон», «Книга о птице миссис Битон», «Книга о химических веществах миссис Битон» и даже «Книга анекдотов и шуток миссис Битон». Первое издание «Книги о ведении домашнего хозяйства миссис Битон» (1861 год), а также ее продолжения и соответствующие тематические издания активно раскупались увлеченными читательницами. Самюэль Битон основал также столь же оригинальный и пользовавшийся успехом детский журнал «Boy's Own Magazine» («Собственный журнал для мальчиков»).

---

⁶⁶ Роялти – авторский гонорар, причитающийся держателю авторских прав за каждую публикацию или другое использование его произведения; высчитывается в виде определенного процента с выручки или отпускной цены издателя. – Прим. пер.

Когда в 1865 году миссис Битон умерла, ее преданный муж чуть не сошел с ума от горя. К этому времени они уже потеряли троих детей. В следующем году судьба нанесла Самюэлю Орчарту Битону еще один удар. После кризиса банковской системы в мае 1866 года¹² многие предприятия и коммерческие структуры закрылись. Единственная возможность для Битона избежать банкротства заключалась в продаже авторских прав на все его публикации. Их приобрело издательство «Уорд, Локк энд Тайлер», сохранив опытному Битону солидное жалованье. Эта компания до 1865 года, пока к ней не присоединился третий партнер, Тайлер, была известна как «Уорд энд Локк»¹³. Когда в 1873 году Тайлер вышел из ее состава, она вернулась к прежнему названию, так что к тому времени, когда Артур Конан Дойл в 1886 году представил свернутую в трубочку рукопись своей повести, компания вновь значилась как «Уорд, Локк энд компани».

К этому времени «Рождественский ежегодник Битона» был журналом небольшого формата, 14 см на 22 см. С 1860 года это издание для чтения на праздниках публиковалось каждую зиму. В течение первого десятилетия оно тактично уклонялось от освещения актуальных тем и не затрагивало проблем современности, но в 1872–1873 годах Самюэль Орчарт Битон стал публиковать в журнале политическую сатиру¹⁴. Несмотря на высокие продажи издания и повышенное внимание газет к опубликованным сатирическим материалам, владельцы издательства выразили недовольство, и Битон был уволен. Он умер от туберкулеза в 1877 году, через двенадцать лет после смерти своей жены. Издательство сразу же изменило формат «Рождественского ежегодника Битона», в котором теперь были представлены короткие рассказы (в первом номере обновленного формата в том числе три рассказа Марка Твена) и пьесы, предназначенные для домашних постановок.

Несколько рассказов Конан Дойла уже выходили в рождественских номерах разных журналов. Так, начиная с 1883 года каждое Рождество «Собственный журнал для мальчиков» публиковал один из его рассказов, начиная с рассказа «Захватывающий сочельник, или Моя лекция о динамите»¹⁵. В 1886 году был опубликован рассказ «История Киприана Овербека Уэллса. Литературная смесь». Во времена Конан Дойла антология литературных миниатюр, публиковавшаяся в «Рождественском ежегоднике Битона», была настолько популярна, что в одном литературном обзоре ее охарактеризовали как «классическое издание, которое востребовано с тем же постоянством, как остролист и омела»¹⁶. Таким образом, Артур Конан Дойл был рад узнать от издательства «Уорд, Локк энд компани», что его повесть появится в 1887 году в номере «Рождественского ежегодника Битона» – в декабрьском номере вся повесть целиком, а не частями, и там, где она скорее всего привлечет внимание читателей.

Он не был единственным членом семьи, вносящим вклад в деятельность периодических изданий. Недалеко от побережья Шотландии к северу от Эдинбурга, в приюте для душевнобольных «Саннисайд»⁶⁸ города Монтроз начал выпускаться небольшой, оформляемый своими силами журнал под честолобивым названием «Хроника «Саннисайда». На его страницах вскоре стал публиковаться и размещать свои рисунки неугомонный, своенравный и талантливый отец Артура Конан Дойла, который таким образом смог реализовать свои несостоявшиеся творческие способности.

В середине октября 1886 года, за две недели до того, как издательство «Уорд, Локк энд компани» предложило Артуру Конан Дойлу приобрести авторские права на повесть «Этюд в багровых тонах», Джозеф Белл ушел из Королевской клиники Эдинбурга¹⁷. Как позже писал

⁶⁷ Остролист и омела являются в Великобритании традиционными украшениями для помещения и праздничного стола во время Рождества и зимних праздников. – *Прим. пер.*

⁶⁸ Буквальный перевод с английского языка выражения «sunny side» – «солнечная сторона». – *Прим. пер.*

сам Джозеф Белл, за тридцать два года он «не прожил в Эдинбурге ни одного дня без того, чтобы по своей воле не зайти в ворота Королевской клиники». Ему было сорок девять лет, и уходил он только потому, что в уставе клиники указывались возрастные ограничения на различные должности, в том числе на занимаемую им должность старшего хирурга. Он проработал штатным сотрудником клиники пятнадцать лет.

«Господь! – писал он в своем дневнике. – Молю тебя, утешь меня в моей печали расставания с моими дорогими воспитанниками, дорогими друзьями и сестрами»¹⁸.

Был организован сбор пожертвований (одним из его организаторов и основных жертвователей выступила Флоренс Найтингейл⁶⁹) на то, чтобы почтить вклад Джозефа Белла в развитие медицины и, в частности, сестринского дела. Несколько месяцев спустя, в январе 1887 года, к нему домой на Мелвилл-кресент пришли его бывшие коллеги¹⁹: в основном медсестры и другие медработники и преподаватели, причем не только из Королевской клиники, а также из Королевской больницы для детей, учебного заведения на Принсес-стрит и больницы для неизлечимо больных. Собранных ими средств оказалось достаточно для того, чтобы меблировать новый офис. Кроме того, была подарена пара серебряных канделябров, набор письменных принадлежностей (ручка и чернильница из желтой меди и пресс-папье) и красивые письменный стол и стул из дуба.

В принципе Джо Белл не собирался бросать медицину. Он писал учебник для медсестер и остался редактором «Эдинбургского медицинского журнала»²⁰. Королевский хирургический колледж Эдинбурга избрал его своим президентом. В мае на церемонии, состоявшейся в актовом зале Королевского хирургического колледжа, Джозефу Беллу был торжественно подарен его портрет и множество благодарностей от его бывших коллег.

«На протяжении всей своей карьеры господин Белл отличался тем, что уделял самое пристальное внимание возложенным на него обязанностям, – заявил Генри Литлджон, выступая от имени Королевской клиники, – был ли он преподавателем оперативной хирургии и топографической анатомии на медицинском факультете, или преподавателем клинической хирургии в Королевской клинике, или же занимался своими пациентами, либо медсестрами из числа своего персонала, либо студентами, которые перенимали его мастерство в аудиториях, классах и больничных палатах. Являясь опытным и успешным хирургом, он заслужил доверие своих пациентов и общественности. Он щедро делился знаниями с медсестринским персоналом Королевской клиники. Что же касается студентов, то они полюбили его за практический характер обучения, открытость и сострадание к больным»²¹.

В ноябре 1887 года Королевская больница для детей назначила Джозефа Белла хирургом детского отделения, в котором почти половина пациентов была ему уже знакома, поскольку он их лечил. Через эту больницу проходил поток больных, покалеченных, раненых детей. У них были переломы и ушибы в результате падения с утесов Солсбери или из окон многоквартирных домов, несчастных случаев при попадании под трамваи или конные экипажи. Часто проводилось лечение различных врожденных пороков: «заячьей губы», «волчьей пасти», косолапости, спинно-мозговой грыжи²². Джозеф Белл особенно сердился, встречаясь со случаями жестокого обращения с детьми и отсутствия заботы о них. Нередко ему приходилось лечить маленьких детей, страдающих от голода, обморожения, экземы, язв, ожогов и даже генитальных травм. Он работал, чтобы спасти детей – и чтобы наказать их мнимых опекунов. Человек, который являлся олицетворением научного знания, ведомого состраданием, который послужил Артуру Конан Дойлу прообразом для Шерлока Холмса, продолжал жить и работать.

---

⁶⁹ Знаменитая английская сестра милосердия, общественный деятель, благотворитель и математик (разработанные ею статистические методы анализа позволили существенно улучшить медицинскую службу в Великобритании). – *Прим. ред.*

Глава 24

Необыкновенная проницательность искусного детектива

*Больше я от них никогда не получил ни пенни.
(Артур Конан Дойл о своей повести «Этюд в багровых тонах»)*

В июле 1887 года, во время напряженного лета, когда Артур Конан Дойл ждал появления «Этюда в багровых тонах» в «Рождественском ежегоднике Битона», в спиритическом журнале «Свет: журнал психических, оккультных и мистических исследований» («Light: A Journal of Psychical, Occult, and Mystical Research») была опубликована его короткая статья. Он написал о том, какие послания получил от духов генерал-майора Альфреда Уилкса Дрейсона, Альфреда Рассела Уоллеса и других людей, и завершил это следующим любопытным утверждением: «Взвесив имеющиеся доказательства, я не могу больше сомневаться в существовании этих паранормальных явлений, как не могу сомневаться в существовании львов в Африке, хотя мне доводилось бывать на этом континенте и никогда не доводилось видеть ни одного из них»¹.

Незадолго до этого Артур Конан Дойл, по его словам, обсуждал с духами во время спиритического сеанса, стоит ли покупать книгу Ли Ханга «Комедиографы Реставрации» для ее изучения, хотя (по утверждению писателя) он никому не упоминал о своих планах. Он принял участие в первом спиритическом сеансе с профессиональным медиумом, который, ссылаясь на волю духа, карандашом написал сообщение для писателя: «Этот джентльмен – целитель. Передай ему от меня, чтобы он не читал книгу Ли Ханга».

«Прежде всего, – убеждал Артур Конан Дойл, впервые публично признаваясь в своем увлечении спиритизмом, – пусть каждый сомневающийся примет во внимание, что эти паранормальные явления – только средство, ведущее к цели, не имеющее никакой ценности само по себе, оно пригодно лишь как представление о потустороннем существовании, к которому нам следует подготовиться, отбросив наши грубые животные чувства и развивая у себя высшие, благородные порывы».

* * *

В ноябре, когда Джозеф Белл пошел работать хирургом в Королевскую больницу для детей, Артур Конан Дойл наконец-то увидел свою повесть о Шерлоке Холмсе в «Рождественском ежегоднике Битона». По традиции название издания было напечатано относительно небольшим черным шрифтом на желтой полосе, а под ним, намного крупнее, значилось название произведения в этом выпуске. В 1887 году на желтом фоне, занимая треть обложки, красными буквами горело название: «Этюд в багровых тонах». Название сопровождала прекрасно исполненная иллюстрация: человек в сюртуке встает с резного деревянного кресла с изогнутой спинкой, его правая рука сжимает подлокотник, а левая тянется к свече в канделябре, «свисающем» с первой буквы названия. Его напряженная поза свидетельствует о потрясении и, возможно, о страхе. Как и название, эта иллюстрация ничего не говорила о сюжете произведения.

Выпуск поступил в продажу в ноябре по цене в шиллинг за экземпляр². Как и большинство журналов, «Рождественский ежегодник Битона» был коммерческим, и первые его страницы были заполнены «Рекламой от Рождественского ежегодника Битона». Текст и иллюстрации на этих полосах были черно-белыми, но некоторые рекламодатели заплатили

за трехцветные рекламные наклейки на дешевой бумаге. Первые 14 страниц журнала были посвящены рекламе целиком: это были объявления всевозможного рода: от рекламы жидкой магнезии от сэра Джеймса Мюррея («отличное средство при повышенной кислотности желудка, диспепсии, изжоге, каменной болезни и подагре») до описания магнитного стимулятора для легких от Дарлоу. Рекламные объявления расхваливали «Средство от грызунов и тараканов» Штайнера, женские гигиенические прокладки «Саутхолл», бутылочки для кормления «Термо сейфгард» (предназначенные для спасения «тысячи младенцев с подорванным здоровьем»). Вся задняя обложка журнала была отдана рекламе пилюль Бихама, «чудесному средству» от всего, начиная от «скопления газов и боли в желудке» и кончая «нарушениями сна, дурными сновидениями, нервными и нервно-мышечными заболеваниями и т. д.».

Продравшись через этот рекламный карнавал, Артур Конан Дойл обнаружил на титульном листе, напротив страницы, половину которой занимали рекламные объявления об ирландских бумажных носовых платочках и электрических процедурах в Гальваническом учреждении Пулвермахера на Риджент-стрит, огромные буквы заголовка: «ЭТЮД В БАГРОВЫХ ТОНАХ». Под ним, тоже довольно крупно, значилось: «А. Конан Дойл». Среди других произведений в журнале общим объемом 170 страниц (очевидно, второстепенных, если судить по контртитлу, рекламировавшему недвижимое имущество) были «Две оригинальные пьесы для домашнего представления», популярная в то время форма развлечения.

Это непритязательное название скрывало настоящую драму. Автором и иллюстратором первой пьесы, называвшейся «Причина для взрыва: водевиль для постановки в гостиной» и начинавшейся страницей 96, был указан Р. Андрэ³. Это был второй (тщательно оберегаемый) псевдоним Уильяма Роджера Сноу, писателя пятидесяти трех лет, изгнанного из известной лондонской семьи. Его опрометчивый роман с ирландской актрисой разрушил как его военную карьеру, так и его брак, в результате чего он был вынужден зарабатывать на жизнь сочинительством, скрываясь за псевдонимами, неизвестными ни в военных кругах, ни его жене. Прежде чем принять имя Ричарда Андрэ, Уильям Роджер Сноу использовал также псевдоним «Клиффорд Мертон». Он был весьма плодовит и популярен (под каждым своим псевдонимом) как писатель и иллюстратор и у взрослых читателей, и у детей. Текст своей пьесы в «Рождественском ежегоднике Битона» Сноу украсил причудливыми зарисовками персонажей этого произведения.

На странице 115 начинался «Четырехлистный трилистник» – «комедия для постановки в гостиной в трех действиях». Текст сопровождало примечание: «Может также разыгрываться как игра «крокодил»⁷⁰ для слова «остановка». Ее автор под псевдонимом скрывала не прошлое, а пол. Перу Кэтрин Джейн Гамильтон (писавшей под псевдонимом «К. Дж.») принадлежали три из пяти опубликованных в журнале романов⁴, в том числе «Супружеские узы, или Жизнь в браке Кристиана Хазелла». Под псевдонимом Ретлоу Спринг были опубликованы несколько ее рассказов и роман «Отгородившаяся шипами». Кэтрин Джейн Гамильтон, родившись в Англии, после смерти своего отца, англиканского викария, переехала в Ирландию и занялась писательством. Она стала известна изданием серии познавательных документально-биографических книг под названием «Женщины-писатели: их труды и жизненный путь». Иллюстрации к пьесе Кэтрин Гамильтон выполнил популярный художник Мэтт Стретч, который сатирически изобразил их похождения в стиле миниатюр Хэблота Брауна (работавшего под псевдонимом «Физ») к ранним произведениям Чарльза Диккенса.

Затем шла еще одна страница рекламных объявлений и страница «Содержание», а затем еще семнадцать страниц рекламы, многие из которых представляли собой анонсы книг, таких как «Обитатели мира: люди, животные и растения» и романа Джона Форстера

⁷⁰ «Крокодил» – игра, в которой один из игроков изображает жестами слово или фразу, а другие пытаются угадать его. – Прим. пер.

«Оливер Голдсмит». Когда читатели наконец добирались до официальной страницы 1, они могли бы по крайней мере увидеть текст, не сопровождавшийся какими-либо рекламными вставками, но лишь только иллюстрациями. Это была повесть Артура Конан Дойла, заполнявшая следующие девяносто пять страниц.

Артуру Конан Дойлу было в то время двадцать восемь лет. Со времени публикации в журнале «Чемберс» его первого рассказа «Тайна Сасасской долины» прошло восемь лет.

Редакция «Рождественского ежегодника Битона» поручила проиллюстрировать повесть Конан Дойла Дэвиду Генри Фристон⁵. Для титульной иллюстрации тот выбрал момент, когда Шерлок Холмс рассматривает через большое увеличительное стекло слово «Мечь», нацарапанное на стене в квартире, где произошло убийство, на Лористон-гарденс, дом № 3. В котелке, перепоясанный и в пальто с накидкой (этот шотландский стиль плаща только недавно появился в Англии), Шерлок Холмс, очевидно, выглядел более стильно, чем того хотел бы Артур. Выпяченная нижняя губа и узкий подбородок лишали Холмса той уверенности в себе, которой наделил его Конан Дойл. Однако Фристон снабдил Шерлока выдающимся орлиным носом и увеличительным стеклом и изобразил его возвышающимся над полицейскими детективами.

На второй иллюстрации даже не видно лица Холмса. Пока инспекторы Грегсон и Лестрейд препираются, Шерлок Холмс склонился над трупом в квартире на Лористон-гарденс; подпись под рисунком гласит: «Пока он говорил, его проворные пальцы везде все ощупывали». Больше, вплоть до второй части повести, никаких иллюстраций не было, в ней же изображено, как Джон Ферье приходит в себя в пустыне и обнаруживает, что его и маленькую девочку Люси спасли мормоны. Двое мужчин помогают оборванному и изможденному Джону Ферье в то время, как другой мужчина несет Люси на своих плечах. Для завершающей иллюстрации Фристон выбрал тот момент, когда Джефферсон Хоуп пробирается к осажденному мормонами Джону Ферье, и предлагает ему помочь скрыться под покровом ночи.

В середине шестидесятых годов художник Дэвид Генри Фристон был хорошо известен. После смерти в 1854 году своей первой жены, оставшись с семьей детьми, он много работал. Его картины выставлялись в Королевской академии, Британском институте и Королевском обществе британских художников. Однако он был больше известен как иллюстратор. В 1871–1872 годах он иллюстрировал получивший широкую известность «вампирующую» повесть Джозефа Шеридана Ле Фаню «Кармила», опубликованную частями в недолго существовавшем лондонском литературном журнале «The Dark Blue». Он иллюстрировал как минимум две книги издательства «Уорд, Локк энд компани». Начиная с 1885 года Фристон (наряду с Мэттом Стретчем и тем, кто писал под псевдонимом Ричард Андрэ) рисовал для журнала «Рождественский ежегодник Битона».

Повесть «Этюд в багровых тонах» была не первой работой Артура Конан Дойла, которую было поручено проиллюстрировать Фристон. Достаточно часто работая в то время для журнала «London Society», он в последние годы проиллюстрировал четыре коротких рассказа Конан Дойла. В рождественском номере журнала 1881 года это были «Квадратный ящичек» и «Блюмендайкский каньон». В следующем году Фристон проиллюстрировал рассказ Артура «Убийца, мой друг» в рождественском выпуске журнала. А в декабре 1885 года, всего за несколько недель до начала работы над «Этюдом в багровых тонах», писатель увидел иллюстрации Фристона к рассказу «Преподобный Элиас Б. Хопкинс, пастор из ущелья Джекмана» в журнале «London Society».

Издательство «Уорд, Локк энд компани» прорекламировало предстоящий «Рождественский ежегодник Битона» в номере журнала «Циркуляр издателей» от 1 ноября. Этот журнал, основанный полувеком раньше (за двадцать лет до появления своего нынешнего конкурента, журнала «Книготорговец»), выходил раз в две недели и представлял собой издательскую и книготорговую хронику. Играя на стремлении молодого автора напечататься как

можно быстрее, издательство «Уорд, Локк энд компани» позволило себе нанести ему оскорбление, искажив его фамилию. В рекламе о предстоящей публикации было сказано следующее:

«Необыкновенная проницательность искусного детектива.

СВЕЖИЙ НОМЕР, В ЦВЕТНОЙ ОБЛОЖКЕ, СТОИМОСТЬ ОДИН ШИЛЛИНГ, «РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ЕЖЕГОДНИК БИТОНА», 28#й сезон, его изюминка – оригинальное захватывающее произведение под названием «Этюд в багровых тонах». Автор – А. Кондон Дойл.

В этом произведении талантливо изображен чрезвычайно искусный детектив, чьи расследования, основанные на весьма рациональных принципах, способны затмить все до сих пор описанные. Неожиданные (и вместе с тем полностью оправданные) повороты сюжета не дадут читателю оторваться от текста в напряженном ожидании следующей сцены. Ярко и художественно представлены картины сурового и пустынного Дикого Запада, описано ужасное положение умирающего от голода путника с его прелестной питомицей. Та часть произведения, которая затрагивает события в поселении мормонов, не может никого оставить безучастным: многие эпизоды вызывают очень сильные чувства. Издатели с истинным удовлетворением заверяют своих клиентов, что ни один из ранее вышедших в свет «Рождественских ежегодников Битона» не может сравниться с тем, который предлагается в этом году, с точки зрения *живости языка, реалистичности сцен, искусности сюжета и глубины вызываемых чувств*. Каждый читатель непременно захочет перечитать это произведение. Лишь тот, кто нелюбопытен и невосприимчив, отложит его, не дочитав до последней страницы. «Этюд в багровых тонах» наверняка будет темой для обсуждения на всех рождественских мероприятиях»⁶.

«Уорд, Локк энд компани» анонсировало очередной «Рождественский ежегодник Битона» в целом ряде средств массовой информации. Иллюстрированный еженедельник «The Graphic»⁷, основанный восемью годами ранее художником Уильямом Лусоном Томасом, относился к числу весьма уважаемых и влиятельных изданий в мире европейского искусства. Его конкурент – популярный еженедельник «Иллюстрированные лондонские новости» – был известен своим стремлением к сенсационности в ущерб работе с серьезными деятелями культуры. Так что рекламные объявления, появившиеся в обоих этих изданиях в субботу, 26 ноября, были нацелены на разные категории читателей, в том числе и на тех, кто был весьма искушен в культурном отношении. Реклама повторяла текст, ранее опубликованный в «Циркуляре издателей»; искаженной осталась и орфография фамилии автора.

«Уорд, Локк энд компани» рекламировало свежий «Рождественский ежегодник Битона» в различных газетах. Многие газетные обозреватели сообщали о публикации новой книги или периодического издания, даже если им не хватало времени (или желания) тщательно ознакомиться с новинкой. Некоторые статьи вкратце упомянули о повести Артура Конан Дойла. Одна такая статья (на сей раз фамилию автора написали правильно) появилась в «Еженедельной газете Ллойда», которая также являлась конкурентом «Иллюстрированных лондонских новостей». «Еженедельная газета Ллойда» выходила каждое воскресное утро, она существенно укрепила свои позиции на газетном рынке после отмены в 1860 году гербового сбора, так как это позволило издателю снизить стоимость каждого экземпляра до одного пенни.

«Рождественский ежегодник Битона» (издание «Уорд, Локк энд компани»), – известная колонка «Литература» «Еженедельной газеты Ллойда», – намерен предложить внима-

нию читателя свое основное произведение, «Этюд в багровых тонах» А. Конан Дойла, которое изобилует увлекательными событиями и представлено как воспоминания армейского хирурга Ватсона. В номере также две оригинальные пьесы для постановки в гостиной».

Весь тираж «Рождественского ежегодника Битона» 1887 года (несколько десятков тысяч экземпляров) был распродан за несколько недель. В журнале «The Graphic», в выпуске от 10 декабря, вышел очередной литературный обзор. Рецензент полностью проигнорировал имя Артура Конан Дойла и отказал его произведению в самобытности. «В целом это неплохое подражание», – снизошел рецензент до похвалы. Вслед за этим он проникательно добавил: «Однако это произведение никогда не было бы написано, если бы не было творчества Эдгара Аллана По, Эмиля Габорио и г#на Р. Л. Стивенсона. Герой повести просто копирует героя «Убийства на улице Морг». Тот, кто любит детективы и незнаком с великими произведениями в этом жанре, найдет данную историю интригующей. Сюжет хорошо сложен, и завершается произведение весьма оригинально»⁸.

Семнадцатого декабря литературный обзор издания «Глазго геральд» оценил Холмса намного выше, хотя и в этом первом положительном отзыве не обошлось без искажения фамилии автора. Рецензент писал: «Гвоздем программы» нынешнего номера «Рождественского ежегодника Битона» является рассказ А. Конейра Дойла, озаглавленный «Этюд в багровых тонах». В нем описывается убийство и сверхъестественная проникательность детектива, который строит расследование на научных методах и по сравнению с которым Огюст Дюпен у Эдгара Аллана По – жалкий любитель, а Лекок у Эмиля Габорио – просто ребенок. Он замечательный человек, этот мистер Шерлок Холмс, и его удивительный талант, и то таинственное убийство, которое он распутывает, так увлекают, что просто невозможно отложить журнал в сторону, пока не дочитаешь до конца. А что это за конец, мы не расскажем даже под пытками».

Два дня спустя рецензент журнала «The Scotsman» также похвалил Артура:

«Основное произведение в «Рождественском ежегоднике Битона» – это детективный рассказ г#на А. Конан Дойла «Этюд в багровых тонах». Это, пожалуй, самая увлекательная история об изобретательности при раскрытии преступления, написанная со времен Эдгара Аллана По. Произведение просто гениально. Автор отказался от уже проторенных путей в литературе и показал, как настоящий детектив должен действовать, опираясь на наблюдательность и метод дедукции».

Статья завершалась следующим прогнозом: «У этой книги, вне всякого сомнения, будет много читателей».

Глава 25

Верный, как смерть

Из-под его кисти выходили не только феи и тому подобные нежные создания, но в равной степени дикие и страшные сюжеты, так что у его работ был очень своеобразный стиль, смягченный присушим отцу юмором. Он писал вещи более ужасные, чем Блейк, и менее мрачные, чем Вири¹.

(Артур Конан Дойл об изобразительном творчестве своего отца)

Во второй половине 1880#х годов, в годы своего пребывания в приюте «Саннисайд», Чарльз Дойл часто сидел снаружи на земле, рисуя карандашом и красками в альбоме, листы которого теребил легкий ветерок. Когда он сосредотачивался на мире вокруг себя, у него получались выразительные реалистичные работы, в частности эскизы его товарищей на пикнике. Он написал полную лиризма акварель, на которой изображены мужчина и женщина, мирно прогуливавшиеся на лужайке возле красивых каменных зданий «Саннисайда» со ступенчатыми фронтонами и металлическими колпаками над дымовыми трубами. Кроме того, Чарльз Дойл сделал набросок вида из окна: пара дерзких грачей, общавшихся на лужайке. Один из них ухватил червя и предлагал его второму. Под этим рисунком было подписано: «Можно ли представить себе большее бескорыстие?»

Чарльза Дойла очаровали изящные фиолетово#зеленые пучки мяты, украшающие обеденный стол «Саннисайда», и он также запечатлел это на акварели. Он восхитился видом молодой кудрявой служанки, которая, стоя на коленях, мыла пол, при этом в луже было видно ее отражение – и сделал набросок этой сцены чернилами, затушевав затем рисунок акварелью. Молодая женщина, покраснев, попросила копию рисунка – и Чарльз Дойл не отказал ей². Судя по всему, он еще не утратил покладистости и очарования. Кроме того, он, очевидно, использовал свое творчество как способ общения с персоналом и другими собратьями по приюту. Однажды он позировал для групповой фотографии, держа в руке большой альбом.

Нередко Чарльз Дойл рисовал то, что никто из пациентов приюта не мог видеть вокруг себя. Например, он вообразил себе гигантскую белку, несущую младенца в шляпке. Иногда, как и его знаменитый брат Дики, Чарльз Дойл рисовал фей: крошечные фигурки прятались от дождя под шляпкой гриба, выглядывали из-за рождественских листьев остролиста и ягод, летели на диковинных птицах. Похоже, феи являлись семейным увлечением Дойлов. Однажды Чарльз Дойл, выйдя с альбомом наружу, нарисовал ночной вид строений «Саннисайда», красиво освещенных лунным светом, с бледными ангелами, в том числе в виде бесплотных лошадей, спускавшихся с облаков на лужайку.

На некоторых рисунках Чарльз Дойл изобразил, как он общался с загадочным сфинксом: он то целовал его, то ездил на нем верхом, то спасался от него. На одном из рисунков, подписанном словом «побег», было изображено, как Чарльз Дойл, прорвавшись через лист бумаги и сжимая рукой разорванный край, радостно танцует после своего избавления. Полностью одетый, с длинной бородой, Чарльз Дойл пожимает руку завернутому в саван скелету, который по-приятельски хлопает его по плечу. За Чарльзом контуром прорисован ангел, пытающийся схватить его за левую руку. Хотя Чарльз с готовностью жмет своей правой рукой кости скелета, его левая рука лежит у него в кармане, и ангел не может до нее дотянуться. В нижнем правом углу Чарльз Дойл написал: «Верный, как смерть».

Несомненно, Чарльз скучал по Мэри, с которой не виделся много лет – с тех пор как его в начале 1881 года (если не раньше) направили в Блейерно в учреждение доктора Форбса для лиц, страдающих алкогольной зависимостью. Один из рисунков в том альбоме, который он

заполнял в приюте «Саннисайд», Чарльз сделал по памяти – или же в приступе острой тоски. В 1886 году в рамках кампании за внутреннее самоуправление Шотландии было организовано движение за создание в Эдинбурге шотландского парламента, аналогичное движению в Ирландии. Будучи ирландцем и живя в Шотландии уже несколько десятилетий, Чарльз Дойл живо интересовался тем, насколько Англия готова расширить автономию для остальной части Соединенного Королевства. Поддержка премьер-министром Уильямом Гладстоном принципа внутреннего самоуправления для Ирландии разобщила либеральную партию и подрывала ее позиции. Именно в это время Чарльз Дойл изобразил черной тушью самого себя, длиннородого и в очках, сидящим у ног своей возлюбленной Мэри, обхватив руками колени и восторженно глядя на улыбающуюся жену, занимавшуюся вышивкой. Под рисунком была нежная подпись: «Мэри, моя несравненная домашняя самоуправительница. В данном случае расторгать унию не предлагается»⁷¹.

Шестого октября 1887 года Чарльз Дойл сообщил лечащему врачу, что встретил в окрестностях «Саннисайда» свою жену³. Он даже утверждал, что в течение долгого времени беседовал с ней. Это был вымысел.

* * *

Артур Конан Дойл давно восхищался талантом и честолюбием отца, и ему было больно осознавать, что тот растрчивает свои способности впустую. Он попытался ему помочь, подключив его к оформлению своей повести. В начале 1888 года издательство «Уорд, Локк энд компани» предложило переиздать «Этюд в багровых тонах» отдельной книгой. Поскольку издательство обладало авторскими правами на произведение, ему не требовалось разрешения автора на это, тем не менее оно заручилось его согласием. Была ли эта идея маркетинговой уловкой издательства, или же Артур Конан Дойл добился этого из сыновней привязанности – так или иначе, он предложил отцу проиллюстрировать будущую книгу.

В то время Чарльза Дойла стали все чаще беспокоить мысли о возможной смерти⁴. В марте 1888 года служитель в приюте «Саннисайд» отметил, что Чарльз Дойл по крайней мере половину дня проводил в молитвах, стоя на коленях в бильярдной с молитвенником в руках. «Не помнит ничего, что произошло недавно, – отмечалось в отчете, – но хорошо помнит то, что он выучил, и тех людей, которых он знал много лет назад»⁵.

Каким бы ни было его эмоциональное состояние, Чарльз Дойл подготовил для издательства «Уорд, Локк энд компани» шесть рисунков⁶. Однако ни один из них не мог продемонстрировать того вдохновения или полета фантазии, которые были заметны в его прежних работах, либо хотя бы подтвердить тот уровень мастерства, который прослеживался в его альбоме. Когда Артур Конан Дойл получил два первых отцовских рисунка (в пакете без какого-либо сопроводительного письма), он написал матери, что они были не то чтобы неудачными, но «несколько незаконченными». Тем не менее Артур Конан Дойл счел необходимым поблагодарить отца. Чарльз Дойл каким-то образом смог справиться с силами и, сосредоточившись, написать в ответ любезное письмо, в котором, в частности, передавал добрые пожелания для Туи. Пересказывая матери этот эпизод, Артур Конан Дойл в постскриптуме добавил с несбыточной надеждой: «Папа в своем письме, похоже, был доволен своей судьбой»⁷.

Несомненно, Чарльз Дойл не счел возможным использовать обитателей приюта или его персонал в качестве моделей для рисунков, он также проигнорировал описания сцен

---

⁷¹ Обыгрывается требование ирландского национального движения о расторжении унии между Великобританией и Ирландией. – *Прим. пер.*

и характеров персонажей повести, которые дал ему сын. Артур, должно быть, был удивлен тем, что издательство «Уорд, Локк энд компани» вообще согласилось опубликовать эти рисунки в качестве иллюстраций. На первом из них был изображен момент, когда инспектор Лестрейд в присутствии Шерлока Холмса и доктора Ватсона открывает дверь в доме № 3 по Лористон-гарденс, где находится труп Еноха Дреббера. Фигуры на рисунке были нескладными, схематичными, комиковыми. Они были выполнены в стиле, недостойном даже лондонского юмористического журнала «Панч». Бородатый доктор Ватсон возвышался над тощей, сутулой фигурой, которая не имела ничего общего с описанием Холмса в повести Артура Конан Дойла. Единственный представленный на рисунке полицейский, Лестрейд, с козлиной бородкой, вскинул руку – тем самым Чарльз Дойл, очевидно, хотел передать жест ужаса. В бесформенной шляпе, низко надвинутой на широкий лоб над обезьяньим лицом с заостренным подбородком, Шерлок Холмс производил самое жалкое впечатление из всех присутствовавших в комнате. Как ни странно, самой естественной фигурой смотрелся брошенный в глаза труп Дреббера с раскинутыми руками и ногами, занимавший весь передний план.

Остальные рисунки были не менее дилетантскими. Холмс фигурировал на трех из них (всего же их было шесть). На одном рисунке какая-то фигура (которая не только противоречила описанию Шерлока Холмса в повести, но даже не была похожа на две другие зарисовки сыщика, сделанные Чарльзом Дойлом) сидит за столом, грозя пальцем и поучая разношерстную компанию беспризорников, которую Ватсон описывает как «ораву на редкость грязных и оборванных уличных мальчишек, которых я когда-либо видел»⁷². Холмс поясняет Ватсону: «Это отряд уголовной полиции Бейкер-стрит... От этих маленьких попрошаек больше толку, чем от десятка полисменов. При виде человека в мундире у людей деревенеет язык, а эти сорванцы всюду пролезут и все услышат». Чуть позже он окрестил уличных мальчишек «нерегулярными полицейскими частями, командой с Бейкер-стрит». Чарльз Дойл едва наметил контуры этих мальчишек: на рисунке им могло быть и десять лет, и сорок – собственно говоря, как и фигуре Холмса. Сидящий рядом бородатый Ватсон, как и на иллюстрации, изображавшей место преступления, был похож скорее на самого Чарльза Дойла.

Тем не менее Артур Конан Дойл, желая помочь отцу, высказался перед редакцией «Уорд, Локк энд компани» за публикацию его рисунков. Вскоре он сообщил Лотти, что договорился с издателями «насчет рисунков папы для «Этюда в багровых тонах»⁸. Судя по всему, друг Артура Конан Дойла в Саутси, архитектор Генри Болл, согласился изготовить деревянные гравюры по рисункам Чарльза Дойла⁹.

На самом же деле издательство «Уорд, Локк энд компани» пыталось уговорить Артура Конан Дойла согласиться на еще более низкую цену за работы Чарльза, чем та, которая была изначально предложена (и так достаточно скромная). Оно предлагало лишь три гинеи за шесть рисунков и соответствующую работу Генри Болла. Артур Конан Дойл (пока еще малоизвестный писатель, не пользовавшийся каким-либо влиянием в издательском мире) направил в издательство униженное письмо, объясняя, что обычно Чарльз Дойл получал по пять фунтов за каждую страницу своих работ, но поскольку он, Артур Конан Дойл, был заинтересован в успехе публикации своей повести, он готов продать рисунки по приемлемой для издательства цене: по три фунта за страницу. Он решительно заявил, что альтернативное предложение издательства представляется ему настолько невероятным, что он может лишь предположить, что это какая-то ошибка. «Уорд и Локк – настоящие евреи»¹⁰, – возмутился он в разговоре со своей матерью. Он заявлял, что скорее сожжет рисунки, чем согласится на такой грабег.

⁷² Пер. отрывков из «Этюда в багровых тонах» здесь и далее в этой главе Н. Трениевой. – *Прим. ред.*

В июле 1888 года издательство «Уорд, Локк энд компани» опубликовало повесть Артура Конан Дойла отдельным изданием в рамках своей новой серии в мягкой обложке – по шиллингу за экземпляр. Обложка была белой, из дешевой плотной бумаги, ее верхнюю половину занимало название «Этюд в багровых тонах», напечатанное буквами в экзотическом восточном стиле; в нижнем углу значилось: «Конан Дойл». На обложке книги был представлен рисунок Чарльза Дойла, изображавший картину убийства на Лористон-гарденс с Холмсом, Ватсоном и Лестрейдом, стоявшими в дверях. Подпись под рисунком гласила: «На голом полу неподвижно распростерлась одинокая страшная фигура (стр. 31)». Другие пять рисунков также занимали каждый целиком всю страницу.

Издательское предисловие к «захватывающей и интригующей» повести утверждало (ошибочно), что побочная линия сюжета, связанная с мормонами, была не только увлекательной, но и исторически точной. Дальше шло уверение в том, что описываемая в повести «разгадка непостижимой тайны благодаря проницательности мистера Шерлока Холмса» вызовет у читателей «стойкий интерес» – не меньший, чем недавние бестселлеры вроде романтического приключенческого романа Арчибалда Клаверинга Гюнтера «Господин Барнс из Нью-Йорка» и чикагского детективного романа Лоуренса Л. Линча «Выслеженный тремя». Слабые рисунки Чарльза Дойла в предисловии похвалы не удостоились; там была представлена лишь его родословная:

«Особую ценность изданию придают иллюстрации, выполненные отцом автора, господином ЧАРЛЬЗОМ ДОЙЛОМ, младшим братом почившего господина РИЧАРДА ДОЙЛА, выдающегося коллеги ДЖОНА ЛИЧА, творившего на страницах журнала «Панч», и сына выдающегося карикатуриста, чьи острые политические шаржи, подписанные буквами «Н. В.», были ярким событием культурной и общественной жизни Лондона сто лет назад».

Судя по всему, прижимистое издательство так и не заплатило Артуру Конан Дойлу столько, сколько он просил. В ноябре оно прислало ему письмо, в котором прямо указывалось, что издательство ничего не должно ему сверх уже переданной суммы¹¹. Книга Артура Конан Дойла также никогда не поступала в продажу в железнодорожные киоски книготорговца У. Г. Смита, хотя это весьма привлекательное предложение могло быть сделано писателю, чтобы поощрить его к дальнейшему сотрудничеству с «Уорд, Локк энд компани» – возможно, по той причине, что в 1885 году издательство приобрело права на публикацию «Избранных произведений из Библиотеки художественной литературы Смита»¹².

Артур Конан Дойл больше не смог заработать ничего на повести «Этюд в багровых тонах», однако наконец-то появилась книга с его именем на обложке.

Еще не ставший своим в издательском сообществе, Артур Конан Дойл, вероятно, не знал о недавнем прецеденте, который представил заключенный с ним контракт издательства «Уорд, Локк энд компани» (отказавшегося оплачивать ему роялти) в еще более негативном свете. Бристольская компания Дж. У. Эрроусмита (которой Артур Конан Дойл в свое время безуспешно предлагал свою рукопись «Этюда в багровых тонах») издавала свой собственный рождественский ежегодник по шесть пенсов за экземпляр. В 1883 году в третьем выпуске этого ежегодника была опубликована новелла Хью Конвея (под этим псевдонимом писал лирик, поэт и автор мистических рассказов Фредерик Джон Фаргус). Хью Конвей продал непосредственно Дж. У. Эрроусмиту за 80 фунтов авторские права на свой остро сюжетный роман «Отозванный»¹³, мелодраматическую сагу с массой случайных стечений обстоятельств об утрате памяти, преодоленном безрассудстве и ясновидении. Разошлась лишь половина шеститысячного тиража «Рождественского ежегодника Эрроусмита»¹⁴, и Хью Конвей полагал, что сделка была весьма разумной.

Однако в начале 1884 года издатель выпустил небольшую книжку в мягкой обложке (по шиллингу за экземпляр) в серии «Бристольская библиотека Эрроусмита» – и буквально

за пару месяцев тридцать тысяч экземпляров этой книги были раскуплены в книжных лавках железнодорожных станций пассажирами, желавшими отвлечься от железнодорожного шума и копоти. Эрроусмит повел себя честно: он аннулировал первоначальный контракт с Хью Конвеем и подписал новый, предусматривавший выплату писателю роялти с продаж в течение шести лет. Между тем Хью Конвей совместно с Дж. Коминсом Карром, влиятельным искусствоведем, куратором одной из лондонских галерей, театральным администратором и драматургом, известным своей поддержкой художников-авангардистов (в частности, прерафаэлитов), переработал свой роман в драматическую пьесу.

Таким образом, к 1887 году, когда издательство «Уорд, Локк энд компани» опубликовало повесть Артура Конан Дойла, Эрроусмит продал уже более 350 000 экземпляров британского издания романа «Отозванный». Об этом романе, казалось, говорили все вокруг. Это произведение активно не только издавалось, но и переделывалось (на безвозмездной основе) в Соединенных Штатах. Когда роман «Отозванный» находился на пике своей популярности, в Амхерсте, штат Массачусетс, на него обратила внимание малоизвестная поэтесса Эмили Дикинсон. Придя в восторг от этого произведения Хью Конвея, она написала по его мотивам стихотворение под таким же названием – «Отозванный». Когда через несколько дней она умерла, на ее надгробном памятнике было высечено: «Отозванная, 15 мая 1886 года»¹⁵. Сам Хью Конвей скоропостижно скончался от брюшного тифа годом ранее¹⁶.

Хотя закулисная история с романом Хью Конвея не вдохновила издательство «Уорд, Локк энд компани» заплатить Артуру Конан Дойлу роялти за «Этюд в багровых тонах», успех этой повести продемонстрировал коммерческий потенциал остросюжетных приключенческих произведений.

Несмотря на эти финансовые неудачи и напоминания о его зыбком литературном статусе, Артур Конан Дойл в 1887 году завершил свой роман «Приключения Михея Кларка», повествующий о событиях в Англии в конце XVII века: о протестантском восстании, направленном на свержение короля-католика Англии, Шотландии и Ирландии Якова II после смерти его старшего брата Карла II. Судя по всему, в этом историческом экскурсе Конан Дойл следовал примеру трех своих любимых писателей: Александра Дюма, Роберта Льюиса Стивенсона и Чарльза Рида. В 1886 году роман Стивенсона «Похищенный» был частями опубликован в еженедельном детском литературном журнале «Young Folks' Paper» («Молодежная газета») ¹⁷, в котором были также впервые опубликованы «Остров сокровищ» и «Черная стрела». Издававшийся в Эдинбурге ежемесячный журнал «Блэквуд» положительно отзывался о первой половине рукописи «Приключений Михея Кларка», но после прочтения остальной части заветного произведения писателя журнал отказался приобретать роман. Конан Дойл чуть ли не умолял издателей пересмотреть свое решение, но они не снизили до его просьб. Вскоре Артур предложил это произведение другому издательству.

В 1888 году Конан Дойл переработал вторую часть «Этюда в багровых тонах» в пьесу в трех актах. 30 августа он был приглашен в отель «Лэнгхем» в Мерилибууне на обед с Джозефом Маршаллом (известным как «Дж. М.») Стоддартом, который прибыл в Лондон из Филадельфии, где редактировал «Ежемесячный литературный и научно-популярный журнал Липпинкотта».

Они обедали в зале с мозаичными мраморными полами в желто-багровых оттенках и высокими потолками с лепниной. Со времени завершения в 1865 году строительства «Лэнгхэма» этот грандиозный отель в неоготическом стиле, с длинными рядами изящных окон (арочных, с вертикальными разделительными стойками и ажурным рисунком переплета) в несколько ярусов, стал одним из самых известных в Европе. Он мог похвастать не только электрическим освещением на входе, но и гидравлическими подъемниками (первыми в стране), которые назывались поднимающимися комнатами. Принц Уэльский присутствовал

на торжественном открытии отеля, а свергнутый Луи Наполеон III провел здесь бо́льшую часть своего изгнания.

Дж. М. Стодарт был известен тем, что искал авторов произведений, которые ему понравились. На этот обед он пригласил еще двоих гостей: ирландского парламентария Томаса Патрика Джилла и ирландского писателя Оскара Уайльда, уже считавшегося известным проповедником эстетства. Уайльд, который был на пять лет старше Конан Дойла, недавно опубликовал сборник «Счастливый принц и другие сказки», однако был известен прежде всего своей поэзией, за которую был удостоен престижной оксфордской премии «Ньюдигейт», а также пьесами, такими как «Герцогиня Падуанская».

Артур Конан Дойл нашел Оскара Уайльда очаровательным и впечатляющим. Ему понравились его утонченный ум и привычка подчеркивать особо важные моменты искусными жестами. Когда четверо собеседников обсуждали, как в будущем могут вестись войны, Оскар Уайльд чуть повернул голову и, едва всплеснув рукой, веско произнес: «К границе с обеих сторон подойдет химик с бутылкой»¹⁸.

Консервативный, поддерживаемый издательской фирмой «Липпинкотт» в Филадельфии, серьезно относившийся к качеству публикаций, выходивший на хорошей бумаге «Ежемесячный литературный и научно-популярный журнал Липпинкотта» с момента своего дебюта в 1868 году неуклонно укреплял свою репутацию и позиции на книжном рынке, хотя так и не смог добиться финансовой независимости. С самого первого номера, гарантировав писателям хорошие гонорары («в планы издателей не входит просить кого-либо делать что-то даром»¹⁹), журнал смог привлечь к сотрудничеству известных авторов. Рукописи поступали со всей страны – от Фрэнка Р. Стоктона из Новой Англии, от автора, писавшего под псевдонимом Октав Танет⁷³ на западе, от Уильяма Гилмора Симмса на юге. На страницах «Ежемесячного литературного и научно-популярного журнала Липпинкотта» публиковались также произведения весьма популярной писательницы детективных романов Анны Кэтрин Грин, автора «Дела Ливенуорта». Романист Генри Джеймс, работая для журнала в качестве корреспондента, обеспечил ему репутацию периодического издания, публиковавшего лучшие в то время путевые заметки.

«Ежемесячный литературный и научно-популярный журнал Липпинкотта» стремился придерживаться практики литературного журнала «Атлантик»: печатать произведения только американских авторов, однако вскоре нарушил его, опубликовав роман английского писателя Энтони Троллопа, а затем став издавать любых англоязычных писателей, которые были интересны редакторам и читателям. Тем не менее он не мог конкурировать с двумя крупными литературными журналами США: «Харперс» и «Сенчери» (оба издавались в Нью-Йорке). В 1886 году «Ежемесячный литературный и научно-популярный журнал Липпинкотта» стал оформлять страницы не в два столбца, как было принято в то время, а в один – так было проще размещать материал для печати и набирать его. В 1887 году, до того как Дж. М. Стодарт встретился с Артуром Конан Дойлом, журнал начал публиковать все произведение целиком в одном номере, не разбивая его на части по нескольким номерам. Чтобы поместиться в одном номере журнала, романы должны были быть достаточно короткими (редакторы называли их небольшими романами или повестями).

Дж. М. Стодарт угостил своих гостей вином и обедом. В конце вечера Оскар Уайльд согласился написать для журнала роман (им стал «Портрет Дориана Грея»), а Артур решил создать вторую повесть о Шерлоке Холмсе.

Это было время, насыщенное бурными событиями. В сентябре 1888 года в четырех номерах еженедельного издания «Пэлл-Мэлл газетт» был опубликован небольшой роман Конан Дойла «Тайна Клумбера», гротескное приключенческое произведение об оккультных

---

⁷³ Октав Танет – псевдоним американской писательницы Алисы Френч. – *Прим. пер.*

способностях буддийских жрецов. «По нашему мнению, – восторженно отозвалось на эту публикацию издание «Вечерние новости Портсмута», – данное произведение динамичнее «Этюда в багровых тонах», который хотя и заслужил широкую известность, не может похвастаться тем, что постоянно держит читателя в напряжении. Таким образом, оно способствует существенному росту писательского авторитета доктора Дойла».

Глава 26

Часы брата Ватсона

«Я всегда придерживался мнения, что мелочи существеннее всего».

(Шерлок Холмс. «Установление личности», пер. Н. Войтинской)

Поле женитьбы и подписания контрактов с несколькими издательствами жизнь Артура Конан Дойла стабилизировалась, и он стал писать больше, чем когда-либо ранее. После встречи с Дж. М. Стоддартом он создал вторую повесть о Шерлоке Холмсе – «Знак четырех» (действие одного из эпизодов повести происходит в отеле «Лэнгхем»). С первой же страницы этого произведения уже более опытный Конан Дойл контролировал развитие сюжета так педантично, как он не делал этого в «Этюде в багровых тонах». Повесть открывается шокирующей декадентской сценой, которая подтверждала его намеки в первой повести о Шерлоке Холмсе на то, что талантливый детектив и его биограф были представителями богемы. В этой сцене Шерлок Холмс вводит себе в руку инъекцию кокаина и откидывается на спинку плюшевого кресла. Затем он удовлетворенно вздыхает и берет старинную книгу. Эту сцену, достойную Эдгара Аллана По, Артур Конан Дойл, в отличие от последнего, выписал в более современном, динамичном стиле, открывая новые черты характера в своих эксцентричных героях.

«Что сегодня: морфий или кокаин?» – спросил Ватсон.

«Кокаин. Семипроцентный раствор. Хотите попробовать?» – ответил Холмс.

«Благодарю покорно!» – отрезал Ватсон и принялся критиковать беспечное отношение Холмса к наркотикам. «Какую цену вы за это платите! – воскликнул он. – Как можете вы ради каких-то нескольких минут возбуждения рисковать удивительным даром, каким вас наделила природа?»

«Мой мозг бунтует против безделья, – высокопарно объяснил Холмс. – Дайте мне дело! Дайте мне сложнейшую проблему, неразрешимую задачу, запутаннейший случай – и я окажусь в своей обстановке, я забуду про искусственные стимуляторы»⁷⁴.

Вторая повесть о Шерлоке Холмсе гораздо более эмоционально насыщена, чем первая, – Конан Дойл представил в ней больше биографических данных своих персонажей, одновременно создав напряжение между ними. Холмс демонстрирует свои методы, заметив на подошвах ботинок Ватсона красноватую глину, которую, как он знает, можно встретить только около почты на Уигмор-стрит. Кроме того, зная, что Ватсон не писал никаких писем, Шерлок Холмс делает вывод о том, что тот пошел на почту послать телеграмму.

Ватсон весьма впечатлен, но требует подвергнуть дедуктивный метод Холмса более серьезному испытанию. Он передает Холмсу часы, которые, по его словам, попали к нему недавно, и просит того изучить их и сделать соответствующие выводы. Не принимая во внимание возможную эмоциональную связь Ватсона с этими часами, Холмс бесстрастно излагает шокирующие результаты своих наблюдений.

Выгравированная на крышке часов буква «В» предполагала, что это была семейная реликвия Ватсонов, а так как Джон получил их недавно, хотя его отец умер много лет назад, они должны были принадлежать его старшему брату. Затем Холмс небрежно добавил: «Ваш брат был человек очень беспорядочный, легкомысленный и неаккуратный. Он унаследовал приличное состояние, перед ним было будущее. Но он все промотал, жил в бедности, хотя

---

⁷⁴ Пер. отрывков из «Знака четырех» здесь и далее в этой главе М. Литвиновой. – Прим. ред.

порой ему и улыбалась фортуна. В конце концов, он спился и умер. Вот и все, что мне удалось извлечь из часов».

Потрясенный Ватсон обвинил Холмса в шарлатанстве, и детектив был вынужден объяснить ключ к разгадке: он обратил внимание на надписи иглой на внутренней стороне крышки часов, означавшие номера квитанций в ломбардах. Конан Дойл вновь придает истории эмоциональную глубину, обращаясь к теме алкоголизма в описании судьбы часов Ватсона:

«Наконец, взгляните на нижнюю крышку, в которой отверстие для ключа. Смотрите, сколько царапин, это следы ключа, которым не сразу попадают в отверстие. У человека непьющего таких царапин на часах не бывает. У пьяницы они есть всегда. Ваш брат заводил часы поздно вечером, и вон сколько отметин оставила его нетвердая рука».

Шерлок Холмс признается Ватсону, что он написал несколько небольших монографий на специальную тему, уделив внимание тому, что Ватсон называет «поразительной способностью замечать мелочи», – например, определению сортов табака по пеплу или же отпечаткам пальцев. Фактически Конан Дойл в этой повести раскрывает, что оба его героя являются писателями. Он сделал Ватсона биографом сыщика, как он и намекнул на заключительных страницах «Этюда в багровых тонах». Более того, он заставляет Ватсона упомянуть о том, что он «написал нечто вроде повести» о деле Джефферсона Хоупа, и Холмс отвечает ему: «Я видел вашу повесть. Должен признаться, не могу поздравить вас с успехом». Представив свои произведения как изложение реальных событий, а Ватсона – как их участника, зафиксировавшего эти события, Конан Дойл усилил у читателя захватывающее чувство погружения в повествование, сопричастности ему.

«Расследование преступления, – настаивает Шерлок Холмс, – это точная наука, по крайней мере должно ею быть. И описывать этот вид деятельности надо в строгой, бесстрастной манере. А у вас там сантименты. Это все равно что в рассуждение о пятом постулате Евклида включить пикантную любовную историю».

Это было изящной провокацией, ибо Артур не только наполнил повесть «Знак четырех» романтизмом, но и вписал туда настоящую любовную историю. Ватсон оказывается сражен молоденькой клиенткой Шерлока Холмса мисс Мэри Морстен, с того самого момента, как она вошла в их дом на Бейкер-стрит.

«Это была совсем молодая девушка, блондинка, хрупкая, изящная, одетая с безупречным вкусом и в безупречно чистых перчатках. Но в ее одежде была заметна та скромность, если не простота, которая наводит на мысль о стесненных обстоятельствах. На ней было платье из темно-серой шерсти, без всякой отделки, и маленькая шляпка того же серого фона, которую слегка оживляло белое перышко сбоку. Лицо ее было бледно, а черты не отличались правильностью, но зато выражение этого лица было милое и располагающее, а большие синие глаза светились одухотворенностью и добротой».

Как ни странно, Ватсон упоминает «многие годы, которые я прожил с ним на Бейкер-стрит», хотя события, описанные в «Этюде в багровых тонах», произошли спустя лишь несколько месяцев после их встречи, и совершенно очевидно, что это единственное дело, о котором к тому времени написал Ватсон. В «Знаке четырех» Конан Дойл вкладывает в уста Холмса достаточно спорный девиз, который вскоре стал знаменитым. «Как часто я повторял вам, – спрашивает детектив у Ватсона, – если исключить невозможное, то, что останется, и будет правдой, сколь бы невероятным оно ни казалось?» Артур использовал почти то же самое выражение несколькими годами ранее в своем рассказе «Рок «Евангелины». После того как этот рассказ был отвергнут рядом журналов, в том числе литературным журналом «Блэквуд», он был опубликован в декабре 1885 года в «Собственном журнале для мальчиков», всего лишь за несколько месяцев до того, как Артур Конан Дойл приступил к «Этюду в багровых тонах» (вероятно, тогда, когда он стал обдумывать сюжет повести). В этом про-

изведении рассказчик цитирует вымышленную статью из журнала «The Scotsman» («Шотландец»), в которой критикуются домыслы об исчезновении судна «Евангелина»:

«Было бы хорошо, – завершает статья в журнале «The Scotsman», – если бы те, кто высказывает мнения по таким темам, соблюдали простые правила анализа улик, изложенные Огюстом Дюпенем. «Исключите невозможное, – замечает он в одном из бессмертных произведений По, – и то, что осталось, будет правдой, как бы невероятно это ни было».

Возможно, Конан Дойл сознательно высмеивал подобные статьи, приводя выдуманные им самим цитаты, но, вероятно, он просто следовал своей обычной практике: писать быстро, не утруждаясь проверкой фактов. В произведениях Эдгара Аллана По об Огюсте Дюпене подобного высказывания (либо хоть как-то похожего на него) не встречается. Вне зависимости от того, было ли указано читателями Артуру Конан Дойлу на эту ошибку или же нет, однако во второй повести писателя о Шерлоке Холмсе он воскресил эту концепцию, более того – сформулировал ее и вложил в уста своему персонажу.

Конан Дойл создавал «Знак четырех» как профессионал, мастер мелодраматических историй и их ярких персонажей. Первую главу он назвал «Суть дедуктивного метода Холмса», повторив выражение Шерлока в его статье «Книга жизни», которую Ватсон высмеял на первых страницах «Этюда в багровых тонах». Артур с самого начала объявил, что его герой является детективом, действующим на основе научных методов, и читатели скоро поняли, что Шерлок Холмс был серьезнейшим профессионалом.

Мэри Морстен пришла к Холмсу посоветоваться (и с Ватсоном, которого она попросила остаться и выслушать ее дело) насчет тайны исчезновения ее отца десять лет назад, в 1878 году. Он оставил после себя в основном «редкие вещицы с Андаманских островов». В течение шести последних лет мисс Морстен каждый год получала картонную коробочку без указания отправителя с «очень крупной и красивой жемчужиной». Она обратилась к Холмсу после того, как получила анонимное письмо, в котором ей предлагалось объяснить сложившуюся с ней таинственную ситуацию. Шерлок Холмс и его энергичный помощник согласились помочь ей. После ухода мисс Морстен Ватсон воскликнул: «Какая очаровательная девушка!» Холмс же ответил на это: «Очаровательная?.. Клиент для меня – некоторое данное, один из компонентов проблемы».

Описывая в этом произведении окружавшую героев обстановку, Конан Дойл представил Лондон в лирических тонах. Упомянув в предыдущей главе, что события происходили в июле, дальше он по невнимательности описал сентябрьский вечер. Уже после передачи повести «Ежемесячному литературному и научно-популярному журналу Липпинкотта» Артур Конан Дойл обратился к Дж. М. Стодарту с просьбой исправить эту ошибку¹, однако в последующих изданиях она так и осталась:

«Был сентябрьский вечер, около семи часов. С самого утра стояла отвратительная погода. И сейчас огромный город окутывала плотная пелена тумана, то и дело переходящего в дождь. Мрачные, грязного цвета тучи низко нависли над грязными улицами. Фонари на Стрэнде расплывались дымными желтыми пятнами, отбрасывая на мокрый тротуар поблескивающие круги. Освещенные окна магазинов бросали через улицу, полную пешеходов, полосы слабого, неверного сияния, в котором, как белые облака, клубился туман. В бесконечной процессии лиц, проплывавших сквозь узкие коридоры света, – лиц печальных и радостных, угрюмых и веселых, – мне почудилось что-то жуткое, будто двигалась толпа привидений. Как весь род человеческий, они возникали из мрака и снова погружались во мрак».

Вскоре появился четырехколесный кэб, который повез их дальше на разгадку тайны, к дому Таддеуша Шолто, лысого молодого человека, напуганного до дрожи. Он подтвердил, что отец мисс Морстен мертв. Вслед за этим он изложил историю, участниками которой были его отец, майор Джон Шолто, и капитан Артур Морстен. По его утверждению, в то время, когда они оба служили в Тридцать четвертом бомбейском пехотном полку, его отец

и капитан Морстен «стали обладателями огромного богатства», и когда они, вернувшись на родину в Англию, поссорились из-за того, как его поделить, Артур Морстен внезапно скончался от сердечного приступа. Раскаявшись в том, что он не поделился сокровищами с мисс Морстен после смерти ее отца, майор Джон Шолто, умирая, хотел рассказать своим сыновьям, где спрятано сокровище, но скончался, взглянув на страшное лицо, появившееся в окне: «Это было лицо, налитое злобой, оно до бровей заросло бородой, глаза смотрели угрюмо и жестоко».

Если раньше Артур Конан Дойл использовал экзотические предания о мормонах в штате Юта, то теперь он обратился к мифам и стереотипным представлениям о пигмеях-абригенах Андаманских островов, архипелага в Бенгальском заливе между Индией и Бирмой. Хотя первоначально подозревались англичане, настоящим убийцей Артура Морстена и Джона Шолто оказался пигмей, которого Ватсон описал с ужасом и отвращением: «Темная куча на палубе пошевелилась и обернулась маленьким черным человечком, у него была огромная, неправильной формы голова с копной всклокоченных волос. Холмс вынул свой пистолет, я тоже схватился за свой при виде этого чудовища... Никогда в жизни ни в одном лице я не встречал столько жестокости и кровожадности. Глаза его блестели мрачным, угрюмым блеском, а толстые губы, вывернутые наружу, изгибались злобной усмешкой, обнажая зубы, лязгавшие от животной ярости». Пигмей попытался выстрелить в Холмса и Ватсона из короткой деревянной трубки, которая была его бесшумным орудием убийства все это время, но они пристрелили его.

Конан Дойл создал для двух своих героев незабываемые и драматические приключения: от преследования преступника через весь Лондон с собакой Тоби («Тоби оказался маленьким уродцем, длинношерстным и длинноухим, помесью спаниеля и шотландской ищейки») по его следам с запахом креозота до ночной погони за лодкой по Темзе. В конце этой увлекательной истории Артур вновь обратился к предыстории событий, однако им в повести «Знак четырех» посвящена лишь одна длинная глава, а не целая часть произведения, как это было в повести «Этюд в багровых тонах». В конце концов Холмс, спасаясь от скуки, возвращается к семипроцентному раствору кокаина.

Вскоре первая повесть Артура Конан Дойла про Шерлока Холмса удостоилась чести сравнения с произведениями Хью Конвея и Эмиля Габорио. В январе 1889 года Эндрю Лэнг, литературный редактор сравнительно молодого журнала «Longman's» (преемник «Журнала Фрейзер для города и деревни»), в колонке «На борту корабля» для этого периодического издания дал непредвзятую оценку дебюту Шерлока Холмса. Фраза Лэнга об «ужасе последних месяцев» относилась к жестоким убийствам некоторых женщин, совершенным несколькими месяцами ранее неизвестным, которого прозвали Джеком-потрошителем.

«Среди произведений, продаваемых на железнодорожных станциях для того, чтобы скрасить время в пути, лишь немногие добротны и качественно написаны. В этом отношении следует отметить достоинства недавней повести г#на Конан Дойла «Этюд в багровых тонах». Это произведение по шиллингу за экземпляр об убийстве (ужасе последних месяцев) не ставит своей целью заставить читателя наслаждаться романтикой убийств. Тем не менее это хорошо продуманная вещь с интересным сюжетом, изобилующим неожиданными поворотами. Мне еще никогда не доводилось так удивляться, читая детективы, как я удивился в этот раз, когда оказалось, что все дело в извозчике. Как уже отмечалось, слабым местом в подобного рода произведениях (в качестве примера можно привести большинство романов Эмиля Габорио) зачастую является объяснение, то есть та их часть, в которой раскрывается «причина, по которой все произошло». Однако г#н Конан Дойл, вооружив своего героя дедуктивным методом, по талантности представленного произведения подошел к Хью Конвею ближе, чем любой другой писатель после печальной кончины автора романа «Отозванный».

У Артура Конан Дойла и Туи в их жизни произошли более захватывающие события, нежели отзывы рецензентов. В январе Артур привез домой своего первого ребенка, дочку. Впоследствии он написал своей матери, что Туи чувствует себя хорошо и что Мэри Луиза Конан Дойл появилась на свет без багажа, голая и лысенькая, что потребовало немедленных усилий для решения каждой из этих проблем.

В следующем месяце, 25 февраля 1889 года, издательство «Лонгман» тиражом в тысячу экземпляров выпустило первое издание романа «Приключения Михея Кларка». Эндрю Лэнг активно рекламировал этот роман, в прессе положительные отзывы на него появились уже в день его публикации. «Это весьма серьезная книга, – восторженно писала газета «Evening News» («Вечерние новости»), – некоторые сцены и персонажи в ней, по нашему мнению, достойны пера Вальтера Скотта»². Спустя несколько дней в той же газете было напечатано: «Доктор А. Конан Дойл занял место в первом ряду выдающихся романистов»³. Рецензент утверждал, что «Приключения Михея Кларка» являются не только лучшим из всех до сих пор написанных произведений Артура Конан Дойла, но и «лучшим историческим романом, изданным за последние годы». По мнению журнала «The Scotsman», этот роман «не только прекрасная книга для мальчиков, но и много больше»⁴. «Очень интересный и хорошо читаемый роман»⁵, – высоко оценил произведение рецензент издания «The Manchester Guardian» и заявил, что будет с нетерпением ожидать следующего романа Конан Дойла. Один из критиков счел, что автор был слишком суров в отношении английских протестантов, не признававших авторитета официальной церкви, другой – что он, напротив, явно симпатизировал им. Вскоре роман появился в Соединенных Штатах и во всех странах Содружества, а хвалебные рецензии на него – от бруклинской газеты «Дейли игл» до новозеландского издания «Отаго дейли таймс». Артур в письмах своим многочисленным друзьям рекомендовал им свое новое произведение.

Эндрю Лэнг был не единственным, кто внимательно следил за писательской карьерой Артура Конан Дойла. Чарльзу Дойлу либо кто-то из семьи регулярно посылал копии положительных рецензий о произведениях его сына, либо он отыскивал их в библиотеке приюта «Саннисайд». В начале 1889 года, после публикации романа «Приключения Михея Кларка», Чарльз Дойл выделил половину страницы в своем альбоме для упоминания о некоторых из них:

«Роман Артура «Миша [*так в оригинале*] Кларк»
Отзыв в «Scotsman» 4 марта 1889
Очень хвалебный,
«Глазго геральд» 19 марта 1889
«Тайна Клумбера» «Literary World» 11 января 1889,
а также...»

Чарльз Дойл продолжил собирать рецензии, а затем под этой данью успеху сына нарисовал трехлистную веточку клевера, тощее тело в кальсонах и хвост ласточки и написал: «В этом трилистнике есть ирландский ритм»⁶.

Хотя Чарльз Дойл, несомненно, был рад успеху сына, он вряд ли был доволен тем, что его собственный талант пропадал. Кроме того, он продолжал переживать, что не способен обеспечить Аннет и Лотти, которые работали гувернантками и отсылали деньги домой, чтобы помочь своей матери. Летом 1889 года Чарльз Дойл многословно жаловался в своем дневнике:

«Уверен, будь мои многочисленные Работы, я уже не говорю о серьезных Вещах, правильно преподнесены Публике, они имели бы успех, особенно у людей сходных со мной

вкусов и суждений – и они принесли бы Немало Денег, которые я подарил бы своим Дочерям, но, Запертый здесь самым грубым образом, что я могу сделать?..

...о том, что я в Здравом уме, свидетельствует даже не столь Повышение моей рассудительности [*так в оригинале*] – сколь Определенная Степень мастерства, проявившаяся в этой Книге, как и 30 лет Государственной Службы, но, к сожалению, некоторые Члены моей собственной Семьи не желают замечать этого»⁷.

Однако у его семьи были веские причины полагать, что он не смог бы выжить вне стен приюта. Примерно в то же время, когда Чарльз Дойл изливал свои жалобы в свой дневник, он стал крайне беспокойным и возбужденным. В присутствии персонала приюта он утверждал, что уже умер, что приют – это ад, а люди вокруг него – дьяволы⁸.

Глава 27

Ужас психбольниц

Я снова оказался на распутье¹.
(Артур Конан Дойл. «Воспоминания и приключения»)

В конце 1889 года молодой англичанин по имени Джон Кулсон Кернахан устроился на работу в издательство «Уорд, Локк энд компани» на должность младшего редактора. Джон Кулсон Кернахан был автором причудливых размышлений о бренности бытия, оформленных в виде романа «Дневник мертвеца, написанный после его смерти», помогал Фредерику Локеру-Лампсону редактировать новое издание его популярной антологии «Созвездие лучших: коллекция лучших стихов умерших английских поэтов» и намеревался продолжать писать пользующиеся успехом романы, такие как «Ребенок, мудрец и дьявол», а также сочинить произведение о предстоящей войне с Россией «Красное проклятие».

Хотя Кернахан был всего лишь младшим редактором, у него быстро возникли собственные идеи. Он работал еще и помощником редактора в английском филиале издательства «Ежемесячного литературного и научно-популярного журнала Липпинкотта», в февральском номере (1890 года) которого, уже готового поступить в продажу, был напечатан «Знак четырех», заказанный Дж. М. Стоддартом годом ранее. Позже Кернахан рассказывал, что обнаружил номер «Рождественского ежегодника Битона» с «Этюдом в багровых тонах» и пришел с красно-желто-черным журналом к генеральному директору Джеймсу Боудену.

– Есть какие-либо планы насчет этого? – спросил Кернахан².

Боуден покачал головой: «Она уже свое отыграла – и неплохо – в ежегоднике». А вот в виде отдельной книги, он заметил, «Этюд» проданся неважно: «Рецензенты также мало что писали о ней».

Кернахан возразил: «На Рождество появляется так много книг, что рецензенты не утруждают себя подробными отзывами, они вряд ли даже просматривают содержание многочисленных рождественских ежегодников».

«Этюд в багровых тонах», настаивал Кернахан, в то время был произведением неизвестного писателя, а с тех пор многое изменилось: Артур Конан Дойл опубликовал исторический роман «Приключения Михея Кларка», а «Ежемесячный литературный и научно-популярный журнал Липпинкотта» печатает вторую повесть о Шерлоке Холмсе. «Я совершенно уверен, – утверждал Джон Кулсон Кернахан, – что у произведений, в которых появляется Шерлок Холмс, большое будущее. А поскольку у вас есть «Этюд в багровых тонах», самая первая повесть о Шерлоке Холмсе, я предлагаю переиздать ее отдельной книгой, в хорошем качестве и с хорошими иллюстрациями». Затем он добавил: «Я верю, что такая книга будет отлично продаваться в течение многих лет».

В конце концов генеральный директор согласился с ним.

Повесть «Знак четырех» вышла одновременно в Англии и США в обоих (английском и американском) выпусках февральского номера «Ежемесячного литературного и научно-популярного журнала Липпинкотта» за 1890 год. В Англии контракт Артура Конан Дойла с «Ежемесячным литературным и научно-популярным журналом Липпинкотта» предоставлял журналу исключительные права сроком на три месяца³. По истечении этого срока повесть была перепечатана различными английскими периодическими изданиями: «Bristol Observer» (частями с мая по июль), «Hampshire Telegraph», «Sussex Chronicle», «Birmingham Weekly Mercury» и рядом других. В выпусках от 7 и 14 июня издание «Bristol Observer» напечатало иллюстрации к повести (без указания их автора), на которых Шерлок Холмс был

изображен в характерном клетчатом твидовом охотничьем кепи⁴. В тексте повести такое кепи не упоминалось; однако художник-иллюстратор пошел еще дальше в своей свободе толкования образов и наградил Холмса маленькими темными усами.

Охотничье кепи из твида, имевшее козырьки спереди и сзади, обычно носили во время охоты на оленей. В Англии оленей обычно либо загоняли специально обученной сворой гончих, за которой скакали верхом аристократы без оружия, либо преследовали в одиночку. Последнее практиковалось прежде всего для выбраковки ланей, косуль и других оленей в охотничьем хозяйстве⁵. В 1880 году был издан «Новый справочник по оленеводству». Форма твидового охотничьего кепи предусматривала защиту как лица охотника, так и его шеи сзади. Большинство разновидностей кепи имели также отвороты, которые можно было опустить, чтобы закрыть уши. Это был головной убор исключительно для сельской местности. Тем не менее художник-иллюстратор издания «Bristol Observer» изобразил Шерлока Холмса, разгуливавшего в нем по лондонскому району Вестминстер и вдоль Темзы⁷⁵.

* * *

«Это самый интересный человек, с которым можно было бы поговорить», – записал 20 января 1890 года один из сотрудников приюта «Саннисайд» про Чарльза Дойла. Чарльз Дойл, судя по всему, никогда не терял своего обаяния. Наряду с этим в том же медицинском журнале отмечалось, что пациент стал рисовать гораздо реже и что его рисунки стали значительно хуже.

Через три дня Чарльз Дойл был переведен в Королевскую эдинбургскую психиатрическую больницу⁶. В приюте для душевнобольных города Монтроз он провел почти пять лет. В системе психбольниц часто практиковался перевод пациентов из одного учреждения в другое в расчете на то, что смена персонала и новая обстановка могут благоприятно повлиять на ход лечения. В медицинском заключении Главного управления по психическим больным состояние Чарльза Дойла было охарактеризовано как «уравновешенное», при этом было отмечено, что он страдает не только алкоголизмом, но также эпилепсией и ухудшением памяти.

Королевская эдинбургская психиатрическая больница находилась в поместье в районе Морнингсайд, на юго-западе Эдинбурга. В каком-то смысле Чарльз возвращался домой, в родной город, однако его семья жила далеко от Морнингсайда, поэтому он оставался таким же одиноким, как и в приюте в Монтроз. Психиатрическая больница в Эдинбурге была гораздо крупнее приюта «Саннисайд» и вмещала вдвое больше пациентов. Под руководством директора психиатрической больницы Томаса Клоустона это лечебное учреждение укрупнили и усовершенствовали. Оно было открыто в 1813 году как эдинбургская лечебница для душевнобольных за счет парламентских фондов, на которые пошли штрафы, наложенные на участников второго якобитского восстания 1745 года. Среди корпусов психбольницы было большое здание для пациентов, пребывание которых обеспечивали благотворители, однако семья Чарльза Дойла могла позволить себе лишь ежегодную плату в размере 42 фунтов. После того как Чарльза Дойла на новом месте обследовали и поняли, насколько плохо он помнит последние события в своей жизни, он был принят с новым диагнозом: «эпилептический психоз».

В территориальном отношении Чарльз Дойл находился далеко от Саутси, где кипела бурная жизнь Артура Конан Дойла, но писатель часто думал о своем отце. Вспоминая его,

---

⁷⁵ Вопиющая небрежность в одежде для городского джентльмена. Возможно, художник таким образом хотел подчеркнуть экстравагантность Холмса. – *Прим. ред.*

Артур испытывал смутение, любовь, жалость, стыд, гнев – все эти чувства нашли отражение в его новом произведении. В декабре 1890 года еженедельный журнал «Chambers's Journal» начал по частям публиковать большой рассказ Конан Дойла «Хирург с Гастеровских болот». В этом произведении рассказчик подозревает своего соседа-хирурга в том, что тот содержит в клетке престарелого человека, очевидно, для каких-то тайных экспериментов. Однако оказалось, что на самом деле семья таким образом заботилась о своем неблагополучном отце: клетка была альтернативой той судьбе, которую старик предпочел бы избежать.

«Он невероятно боялся домов для умалишенных, – поведал хирург рассказчику в конце этого произведения, – и в периоды нормального состояния так жалобно умолял не помещать его туда, что у меня не хватило духа не послушать его»⁷. Когда этот рассказ через несколько лет был переиздан, Артур удалил эту фразу, которая достаточно отчетливо проливали свет на реальные события, однако оставил вымышленную дату – 1885 год (именно в этом году Чарльз Дойл стал проявлять агрессивность и был переведен из спокойного приюта для страдающих алкогольной зависимостью в Блейерно, в охраняемый приют для душевнобольных в Монтроз).

Одиннадцать месяцев спустя, в ноябре 1891 года, в еженедельном журнале «People», который годом ранее по частям опубликовал пронизанное романтикой произведение Конан Дойла «Торговый дом Гердлстон», появился еще более откровенный рассказ писателя «Прискорбный случай». В этом небольшом произведении вновь был изображен Чарльз Дойл в образе мужа портнихи: это был «человек невысокого роста, смуглый, черноволосый и чернобородый», художник-любитель. «Долгая история тайного алкоголизма» бывшего конторского служащего «завершилась неистовым приступом белой горячки, на который его начальство не смогло закрыть глаза, что привело к его немедленному увольнению с должности».

Миссис Раби, портниха, измученная годами волнений и беспокойства в связи с пьянством мужа, все же считала, что может помочь ему справиться со своей пагубной страстью. «В бедах, обрушившихся на мужа, она всегда винила всех, кроме него самого. Ее глаза были слепы совершенно особой, специфически женской слепотой: когда она смотрела на своего мужа, то видела не человеческую развалину, а того робкого темнокудрого юношу, который двадцать лет назад признался ей в любви».

Миссис Раби сшила на заказ прекрасное серое платье из шелкового фуляра – а на следующее утро обнаружила, что оно исчезло. Артур Конан Дойл вновь обратился к печальному опыту своей семьи, описывая, как миссис Раби бросилась в ближайший ломбард и нашла там похищенное платье, висевшее на вбитом в стену крюке.

«Это мое платье!» – выдохнула она.

Ростовщик ответил ей: «Сегодня утром, мэм, оно было заложено невысоким броне-том».

Позже на улице миссис Раби увидела, как толпа уличных мальчишек издевалась над «барахтавшимся на мостовой существом, которое утратило человеческий облик, а бессмысленное лицо было искажено какой-то брезгливой гримасой и покрыто уличной пылью».

Она остановила кэб, и ей помогли пристроить мужа на сиденье.

«Его одежда была вся в грязи, он что-то нечленораздельно бормотал и хихикал, как обезьяна. Пока они ехали, мистер Раби склонил голову на грудь своей жене, его спутанные, слипшиеся от пота волосы ниспадали ему на глаза. Она обняла его – не как мужа, а как ребенка».

«Они смеялись над нами, да? – воскликнула миссис Раби. – Они дразнили нас, называли нас всякими гадкими прозвищами? Ну ничего: мы сейчас поедем домой... Ты сейчас поедешь домой к своей милой маленькой жене, и ты больше никогда не будешь непослушным мальчиком, правда?»

Артур Конан Дойл завершил рассказ риторическим обращением к своей матери (и, возможно, к своим сестрам и Туи): «О, слепая, нерассуждающая, глупая, ангельская женская любовь! Какого еще чуда может требовать для себя мужское племя, обитающее на этой грешной земле?!»⁷⁶

* * *

Вскоре Артур Конан Дойл преодолел еще одну литературную веху: издательство «Лонгманс, Грин энд компани» в марте 1890 года опубликовало в Англии, а в следующем месяце в США сборник его рассказов «Капитан «Полярной звезды». Здесь впервые были собраны ранние романтические произведения Конан Дойла: рассказ, давший название всему сборнику, а также рассказ «Сообщение Хебекука Джефсона» (сюжет которого опирается на историю судна «Мэри Селеста»), страшная история «Кольцо Тота», от которой, как и от не менее ужасной истории «Джон Баррингтон Коулс», читателя пробирав озноб. Еще один рассказ, «Пастор ущелья Джекмана», который Д. Г. Фристон проиллюстрировал за два года до того, как его рисунки украсили «Этюд в багровых тонах», попав в этот сборник, избежал таким образом участи недолговечной журнальной публикации – вместе с другими пятью произведениями.

«Доктор Конан Дойл, похоже, чувствует себя в равной степени уверенно и с «ужасниками», и с мелодрамой, и с юмором, – написала в своей рецензии газета «The Glasgow Herald». – Основные идеи всех его произведений старательно отобраны и проработаны»⁸. При этом рецензент, возможно, непреднамеренно раскрывал сюрпризы, тщательно подготовленные автором: «В рассказе «Джон Баррингтон Коулс» читатель сталкивается с вампиром или же каким-то другим ужасным чудовищем, переодетым в очаровательную молодую леди. И это происходит прямо в Эдинбурге!»

Артур Конан Дойл продолжал рассылать издателям новые рассказы, многие из них публиковали, однако он уже почти не обращался к воспоминаниям об отце или иным деталям личной жизни. Выискивая новые сюжеты и идеи, он раздумывал о возможности продолжить описание деятельности Шерлока Холмса в форме коротких рассказов. Он знал, что читателям были уже знакомы циклы произведений с одним и тем же героем: это были и романы Александра Дюма о д'Артаньяне, и многочисленные рассказы 1860#х годов о первом шотландском полицейском сыщике Джеймсе Маклеви. Артур Конан Дойл также понимал, что отдельные, самостоятельные рассказы со сквозным персонажем помогут избежать опасности, которая возникает при «сериализации» – публикации произведений с продолжением: читатель, пропустив пару историй, утратит нить повествования и потеряет интерес ко всему циклу. Выбор же в пользу одного героя, завоевавшего популярность у читателей, не только формирует лояльную читательскую аудиторию, но и привязывает читателей к тому периодическому изданию, в котором печатается автор⁹. Это может оказаться весьма выигрышным моментом для молодого литератора, может помочь ему выделиться среди многочисленных конкурентов, стремящихся наравне с ним завоевать рынок периодической печати.

---

⁷⁶ Пер. Г. Панченко. – *Прим. ред.*

Глава 28

Приключения на улице Стрэнд

Наконец, я стану сам себе хозяином. Мне больше не надо будет соответствовать профессиональному образу, не надо будет никого улаживать. Я смогу свободно жить, как хочу и где хочу. Это был один из величайших моментов моей жизни, полный ликования¹.
(Артур Конан Дойл. «Воспоминания и приключения»)

Стрэнд, старая улица в историческом лондонском районе Вестминстер, чуть меньше мили длиной, проходит вдоль оживленного северного берега Темзы, от Трафальгарской площади до Лондонских ворот перед зданием Темпля, границы между Вестминстером и Сити. С этого места Стрэнд переходит во Флит-стрит. На север от Стрэнд, через Эксетер-стрит на Тависток-стрит выходит улочка под названием Бёрли-стрит. Именно здесь, в крошечной, захлавленной комнате на верхнем этаже офисного здания к рождеству 1890 года (хотя дата на обложке гласила «январь 1891 года») издатель Джордж Ньюнес² выпустил первый номер нового журнала, получившего название «The Strand Magazine» («Журнал Стрэнд»).

Вначале Ньюнес и его коллеги хотели назвать журнал «The Burleigh Street Magazine» («Журнал Бёрли-стрит»)³. На обложке, красиво оформленной молодым художником и дизайнером Джорджем Чарльзом Хейтэ (славившимся нестандартной колористикой и смелыми композиционными решениями), был изображен романтический вид на восточную оконечность улицы Стрэнд, на церковь Святой Марии на Стрэнде XVIII века, а на углу здания на переднем плане виднелась табличка с надписью: «Бёрли-стрит». Однако когда Джордж Ньюнес начал готовить издание к выпуску, фактический адрес издательства оказался ему неблагозвучным⁷⁷, а улица Стрэнд находилась совсем близко – и он сделал выбор в ее пользу. Несмотря на то, что в 1890#х на улице Стрэнд располагались скромные магазинчики, не претендовавшие на какую-либо помпезность, именно эта улица была упомянута в связи с одним важным историческим событием в Англии. Название этой улицы воскрешало в памяти дворцы аристократии и собрания священников, свидетелей и участников восстановления власти Стюартов. Джон Ивлин⁷⁸, наблюдавший восстановление монархии на территории Англии, Шотландии и Ирландии во главе с королем Карлом II Стюартом, впоследствии написал: «Я стоял на улице Стрэнд и видел это, и благословил Бога!»⁴ Бёрли-стрит такой магией не обладала.

Творческой фантазии, изобретательности и уверенности в своих силах Джорджа Ньюнеса, младшего сына пастора конгрегационалистской церкви в Дербишире, оставалось только позавидовать. Десятью годами ранее он издавал в Манчестере журнал под метким названием «Tit-Bits» («Пикантные штучки»), в котором перепечатывались короткие и зачастую сенсационные истории из других средств массовой информации и общедоступных источников. С выходом его первого номера была связана также весьма громкая история – Ньюнес нанял в Манчестере целую бригаду мальчишек-газетчиков для распространения своего журнала на улицах, и те распродали тираж в пять тысяч экземпляров в течение двух часов. Постепенно он начал публиковать короткие статьи, художественные и юмористические скетчи и добился в этом больших успехов. Он оказался весьма талантлив и в различных

⁷⁷ Английское написание Бёрли-стрит выглядит так: «Burleigh Street». – Прим. пер.

⁷⁸ Джон Ивлин (1620–1706) – английский писатель и мемуарист, один из основателей Лондонского королевского общества. – Прим. пер.

рекламных трюках. Так, например, однажды по результатам одного из конкурсов «Tit-Bits» его счастливый победитель из числа читателей получил целый дом в лондонском пригороде Далидж. Новая схема Ньюнеса стала скандальной: в каждый выпуск «Tit-Bits» для читателей, совершавших регулярные поездки на работу из пригорода в город и обратно, вкладывался страховой полис на случай железнодорожной катастрофы. Вскоре его журнал оставил остальные дешевые еженедельники далеко позади.

С тех пор Джордж Ньюнес сделал заметную карьеру и в течение нескольких лет являлся хорошо известным членом палаты общин от города Ньюмаркет. Стремясь разнообразить свою деятельность на рынке периодических изданий, он также основал «The Westminster Gazette», либеральную политическую газету со скромным тиражом, но широким влиянием, и журнал «The Wide World Magazine», специализирующийся на освещении событий и приключений, имевших место в реальной жизни.

Итак, за несколько месяцев до своего сорокалетия Джордж Ньюнес начал издавать высококачественный и яркий «Стрэнд». Со времен «Татлера»⁷⁹ Ричарда Стила, который с начала XVIII века выходил трижды в неделю на плотной бумаге с односторонней печатью в формате полулиста, технология печати и распространения периодических изданий существенно продвинулась: от офсетной печати до надежных почтовых отправок и перевозок железнодорожным транспортом. Однако, как убедился Ньюнес, британские издательства не спешили воспользоваться этими достижениями. Американские журналы становились в Англии все более популярными, «потому что, – как напишет позже он сам, – они были умнее и живее, интереснее, ярче и веселее»⁵. Он решил издавать свой собственный журнал по образцу американских: глянцевого, красиво оформленного, способного конкурировать с такими завоевавшими прочную репутацию ежемесячными шестипенсовыми журналами, как «Scribner's» и «Harper's» из Соединенных Штатов, а также с авторитетными английскими изданиями «English Illustrated» и «Cassell's Family Magazine».

Прежде всего Джордж Ньюнес нанял в качестве редактора Герберта Гринхоу-Смита, выпускника Кембриджского университета и бывшего редактора журнала «Temple Bar»⁶. Темноволосый, уса́тый, в очках с круглыми стеклами, Герберт Гринхоу-Смит усердно трудился в своем крошечном захлабленном офисе на верхнем этаже дома по Бёрли-стрит – в святилище, охраняемом фалангой грохотающих пишущих машинок (это недавнее изобретение быстро завоевало популярность, особенно в издательском деле). Как и Артур Конан Дойл, Гринхоу-Смит превратил свое второе имя в часть фамилии. Он родился в Глостершире в 1855 году и был старше Артура Конан Дойла всего на четыре года. К экономически спорной мечте Ньюнеса о красочном новаторском издании (с иллюстрациями на каждой странице, притягивающими взгляд читателя и привлекавшими его) Гринхоу-Смит добавил свое видение оптимального сочетания художественных произведений и журнальных статей как британских авторов, так и зарубежных⁷. И художественные произведения, и статьи планировалось публиковать в каждом номере журнала полностью, а не частями с последующим продолжением. В первых выпусках было много переведенных иностранных авторов, таких как Ги де Мопассан и Альфонс Доде, Александр Пушкин и Михаил Лермонтов.

Бледно-голубые номера журнала «Стрэнд», которые можно было приобрести в разраставшихся железнодорожных книжных лавках У. Г. Смита за шесть пенсов, предназначались для читателей из числа жителей пригородов и представителей рабочего класса. Вскоре владельцы журнала осознали, что читателям вполне можно предлагать интеллектуальные тексты, не прибегая при этом к различного рода провокациям. Издавая «The Westminster Gazette», которая никогда не была финансово независимой, Джордж Ньюнес вовсе не хотел

⁷⁹ «Tatler» – «сплетник» (англ.). – Прим. пер.

заниматься политикой; не желал он и того, чтобы его ставший популярным журнал приобрел недостойные (с его точки зрения) черты так называемого нового современного искусства. У журнала быстро появилась читательская аудитория среди рабочего класса. Его первые номера продавались тиражом двести тысяч экземпляров в месяц⁸ – это был уровень продаж солидного журнала «Cassell's» во время его расцвета в 1870#е годы.

Существенные изменения в мире проявились не только в обнадеживающем издании журнала «Стрэнд», но и в том, как в офисе журнала получили рассказы Артура Конан Дойла. В начале 1891 года А. П. Уотт, известный литературный агент, к числу клиентов которого относился, в частности, только вошедший в моду молодой Редьярд Киплинг, положил на переполненный другими бумагами стол Гринхоу-Смита конверт с двумя первыми рассказами о Шерлоке Холмсе⁹.

Как и Артур Конан Дойл, Александр Поллок Уотт был шотландцем, хотя и принадлежал к предыдущему поколению: он родился в Глазго в 1834 году. Как и Артур, он покинул Шотландию ради заработка. Ранее он продавал книги в Эдинбурге и читал рукописи для лондонского издателя Александра Страхана, выпускавшего периодические издания «Good Words for the Young» («Добрые слова для молодежи») и «Sunday Magazine» («Воскресный журнал»). Затем он стал партнером в обновившемся издательстве «Страхан энд компани», где работал в качестве рекламного агента, а в конце 1870#х годов добавил в свое резюме строчку: «представление авторов».

К 1881 году он сосредоточился исключительно на агентской деятельности. Пока существовала литература, многие люди в разное время представляли писателей либо рекомендовали их. Однако Александр Поллок Уотт, судя по всему, первым подтвердил, что он настоящий профессионал¹⁰, который доставлял рукописи редакторам и на контрактной основе представлял авторов на переговорах за процент от гонораров. К тому времени, когда он выразил заинтересованность в писательской карьере Конан Дойла, уже сам факт его готовности представлять интересы какого-либо автора мгновенно повышал редакционную оценку этого писателя. Рукопись, представленная от имени Уотта из его офиса на первом этаже дома номер два на лондонской площади Патерностер, заинтересовала редактора гораздо больше, чем свернутый в трубочку текст, отправленный по почте из Саутси.

«Я действительно не понимаю, как такому занятому человеку, как мне, – признался один издатели Уотту, – удалось бы вообще когда-либо опубликовать серию рассказов, если бы не ваша помощь, которая, с одной стороны, избавляет от необходимости копаться в мусоре, с другой – позволяет в кратчайшие сроки уточнить, можно ли рассчитывать на ведущих писателей для организации публикации серии произведений»¹¹.

К тому времени, когда Уотт стал литературным агентом Конан Дойла, он, по его утверждению, уже не нуждался в прямой рекламе¹², но умело использовал другие методы, чтобы заявить о себе. Всякий раз, когда его офис переезжал, Уотт организовывал публикацию множества извещений об этом – это была скрытая реклама, не содержащая каких-либо утверждений или обещаний. В 1891 году он опубликовал обзор последних изменений в авторском праве, чтобы уведомить писателей и издателей, что он хорошо разбирался в соответствующих юридических тонкостях. Его основной формой саморекламы было беззастенчивое агрессивное распространение восторженных отзывов прежних клиентов среди клиентов потенциальных. Если же какой-либо писатель, который позже становился известным, оставлял Уотта и переходил к другому литературному агенту, Уотт сохранял его имя в своем постоянно растущем списке клиентов.

Бум «сериализаций» и перепечаток, рост количества переводов иностранных авторов делали издание литературных произведений все более сложным делом, в этом бизнесе обострялась конкуренция. В такой ситуации Уотт и другие литературные агенты выступали

также юридическими экспертами по оценке интеллектуальной собственности, защищенной авторским правом, офисов и складов. Расширение экспертных компетенций литературных агентов подтверждало и повышало ценность интеллектуальной собственности, защищенной авторским правом, – в 1886 году Артур Конан Дойл был лишен этого, когда издательство «Уорд, Локк энд компани» настояло на приобретении исключительных авторских прав на «Этюд в багровых тонах», лишив автора потенциальных отчислений с будущих переизданий. Авторы требовали большей свободы и справедливости при публикации их произведений. Литературные агенты стремились доказать, что они являются не только грамотными законными представителями писателей, посредничающими при заключении контрактов с издательствами, но и их партнерами, обеспечивающими писательскую карьеру. Среди клиентов Уотта были не только авторы. Издатели знали, что за определенную плату они могли передоверить Уотту продажу прав на публикацию произведения по частям или какие-либо другие потенциально выгодные варианты, которыми они по тем или иным причинам не могли сами заниматься¹³.

Когда Гринхоу-Смит открыл конверт от Уотта, он обнаружил два новых рассказа Артура Конан Дойла. Он уже был знаком с его творчеством. К этому времени молодой писатель уже опубликовал в разных журналах множество коротких рассказов, а также «Этюд в багровых тонах», «Знак четырех» и роман «Приключения Михея Кларка». Возможно, Гринхоу-Смит уже имел дело с Конан Дойлом лично. В марте 1891 года в своем третьем выпуске журнал «Стрэнд» опубликовал небольшой «технократический» рассказ Артура Конан Дойла «Голос науки», в котором описывался фонограф, гениальное изобретение американца Томаса Эдисона, появившееся четырнадцатью годами ранее. В произведении рассказывалось, как на заседании научного салона вместо ожидаемой лекции знаменитого ученого новомодный аппарат огласил перечень пороков одного из персонажей, записанный в кулуарах салона другим персонажем. В рецензии на мартовский номер журнала «Стрэнд» Артур Конан Дойл был представлен как «г#н А. Конан Дойл, известный американский писатель»¹⁴, однако эта ошибка появилась только в газетах «Whitstable Times» и «Herne Bay Herald».

Оба новых рассказа, представленных Уоттом, намного превосходили «Голос науки». Их героем выступал персонаж, который, как было известно Гринхоу-Смиту, действовал в двух повестях, но до этого пока еще никогда не появлялся в литературных произведениях малой формы: это был преисполненный самоуверенности молодой сыщик-консультант по имени Шерлок Холмс. Почерк автора на аккуратных страницах рукописи был четок и ясен, как печатный шрифт, и Гринхоу-Смит подумал, что писательский голос Артура Конан Дойла теперь так же четок и ясен¹⁵. Утомленный валом посредственных опусов, переполнявших редакторский стол, Гринхоу-Смит понял, что этот парень, Конан Дойл, писал как раз то, что было необходимо «Стрэнду». Впоследствии Гринхоу-Смит утверждал, что сразу же после прочтения рассказов Артура он бросился в офис Ньюнеса и принялся восторженно размахивать ими перед боссом.

Первый опыт сотрудничества Конан Дойла с литературным агентом был весьма успешен. Еще до выхода первого номера «Стрэнда» Уотт запросил по четыре фунта за тысячу слов в рассказе «Голос науки» – и получил запрошенное. Гринхоу-Смит и Джордж Ньюнес были до такой степени заинтересованы в приобретении новых рассказов о Холмсе, что Уотт смог заключить с ними договор, согласно которому Конан Дойл обязался написать шесть рассказов о сыщике (по одному в месяц) за 200 фунтов. И в плане издательского уважения, и в плане профессионального вознаграждения (а эти факторы, как всегда, тесно переплетались) Артур Конан Дойл добился очевидного успеха.

Глава 29

Охотничье кепи

Все его изображения совершенно не похожи на то, каким я представлял этого человека изначально¹.
(Артур Конан Дойл. «Воспоминания и приключения»)

Проиллюстрировать новую серию рассказов о Шерлоке Холмсе Джордж Ньюнес сначала пригласил молодого художника Уолтера Пэйджета, который в начале 1880#х годов, во время Бурской войны, работал на журнал «The Sphere», облагораживая черновые наброски, присылаемые художниками с фронта. Уолтер Пэйджет был самым молодым из трех художников в талантливой семье. Его старший брат, Генри, писал вполне техничные портреты и исторические сцены, в которых, однако, не чувствовалось вдохновения. Иногда он решался на более экзотические картины: достаточно вспомнить его картину «Леди из Шаллот» в манере прерафаэлитов.

Однако в итоге рассказы про Холмса проиллюстрировал средний брат, Сидни Пэйджет². Он родился в Лондоне годом позже Конан Дойла. Сидни Пэйджет два года отрисовывал мраморные бюсты в Британском музее, затем учился в Школе искусств Хитерли в Лондоне, после чего поступил в Лондонскую академию художеств, где проучился несколько лет. С восемнадцати лет он участвовал в ежегодных выставках Лондонской академии художеств. Вместо того чтобы самому иллюстрировать работы Конан Дойла, Уолтер Пэйджет послужил моделью для рисунков и акварелей Сидни.

В результате персонаж на иллюстрациях получился более красивым, чем его представлял себе Артур. По задумке автора Шерлок Холмс был более шести футов ростом, но страшно худым, поэтому выглядел выше, с большим орлиным носом между близко сидящими глазами. У Уолтера Пэйджета были более пропорциональные черты лица, а его профиль отличался мужественной красотой, и Сидни превратил его в Холмса, не забыв прорисовать и ямку на подбородке, и высокие скулы, и залысину. Как и Артуру Конан Дойлу, Уолтеру Пэйджету в то время было около двадцати.

В четвертом рассказе, который назывался «Тайна Боскомской долины», Сидни Пэйджет изобразил, как Холмс и Ватсон едут в поезде к месту убийства, совершенного вблизи города Росс (реально существующего) на реке Уай в графстве Херефордшир. В то время городские жители могли на поезде быстро и легко добраться до сельских районов, правда в неизбежной компании сажи и золы. Так что даже в теплую погоду пассажиры, добиравшиеся на поезде, как правило, брали с собой в дорогу, как и их предки, путешествовавшие на конной тяге, плащи-накидки и головные уборы. Когда Конан Дойл писал сцену, в которой доктор Ватсон прибыл на вокзал Паддингтон, чтобы встретиться с Холмсом и отправиться в Боскомскую долину, он указал, что его сыщик «ходил вдоль платформы; его серый дорожный костюм и суконное кепи делали его худую, высокую фигуру еще более худой и высокой»⁸⁰. На рисунке Сидни Пэйджета Шерлок Холмс и доктор Ватсон изображены в проеме вагонного окна, причем Холмс показан в профиль в одном из любимых головных уборов иллюстраторов – охотничьем кепи.

Вне зависимости от того, видел или нет Сидни Пэйджет в «Bristol Observer» год назад иллюстрации к повести «Знак четырех», на которых Шерлок Холмс был изображен в охотничьем кепи, он зачастую сам носил этот головной убор³. Эта привычка осталась у него с моло-

---

⁸⁰ Пер. М. Бессараб. – Прим. ред.

дости, когда он жил в деревне. В отличие от иллюстратора бристольского журнала, Сидни Пэйджет знал светские приличия и не стал надевать на Холмса охотничье кепи, пока тот не отправился в сельскую местность. В первых рассказах, опубликованных в «Стрэнде», Сидни Пэйджет изобразил Шерлока Холмса в цилиндре (для городского джентльмена это считалось в порядке вещей) или же, когда тот был в накидке-безрукавке, в котелке. Холмс мог, изображая пьяного конюха, носить выдавший виды истрепанный котелок или же, переоблачившись в священника, предстать перед Ватсоном в широкополой шляпе. Однако вскоре благодаря качественным иллюстрациям Сидни Пэйджета и популярности рассказов о сыщике в журнале «Стрэнд» охотничье кепи стало прочно ассоциироваться с Шерлоком Холмсом, а ставшего знаменитым героя произведений Конан Дойла читателю стало трудно представлять себе без этого головного убора.

В декабре 1890 года, через восемь с половиной лет после приезда в Портсмут, Артур Конан Дойл оставил медицинскую практику в Саутси в качестве терапевта, решив стать врачом узкой специальности. Вместе с Туи он на какое-то время переехал в Вену (Австрия), где изучал офтальмологию. В конце марта 1891 года они приехали в Лондон, где Артур Конан Дойл вновь открыл небольшую практику, арендовав кабинет на Аппер-Уимпол-стрит, дом 2.

Пациентов было мало, и у Артура Конан Дойла было достаточно времени, чтобы быстро, один за другим, написать шесть рассказов о Шерлоке Холмсе⁴. 10 апреля, спустя всего неделю после отправки по почте первого рассказа, «Скандал в Богемии», он завершил второй рассказ, «Установление личности», а еще через десять дней отправил в издательство третий, «Союз рыжих». Спустя еще неделю он завершил рассказ «Тайна Боскомской долины», а 18 мая отправил по почте рассказ «Пять апельсиновых зернышек».

«Скандал в Богемии» появился в июльском номере журнала, который поступил в продажу 25 июня. Женившись после романтического завершения рассказа «Знак четырех», доктор Ватсон навещает Холмса в их старой квартире и принимает участие в изящном приключении, возможно, не столь «детективном», сколь атмосферном. По замыслу этот рассказ был похож на произведение Эдгара Аллана По «Похищенное письмо», однако Конан Дойл отказался от готических атрибутов и пространных логических рассуждений, заменив их юмором и яркими сценами. Он рискнул также изобразить умного противника, вызывающего у читателя неподдельный интерес, – женщину, которая смогла в этом рассказе перехитрить Шерлока Холмса.

Рассказ начинается рассуждениями Ватсона об аналитическом складе ума его друга:

«Для Шерлока Холмса она всегда оставалась Этой Женщиной. Я редко слышал, чтобы он называл ее каким-либо другим именем. В его глазах она затмевала всех представительниц своего пола. Не то чтобы он испытывал к Ирэн Адлер какое-либо чувство, близкое к любви. Все чувства, и особенно любовь, были ненавистны его холодному, точному, но удивительно уравновешенному уму. По-моему, он был самой совершенной мыслящей и наблюдающей машиной, какую когда-либо видел мир; но в качестве влюбленного он оказался бы не на своем месте. Он всегда говорил о нежных чувствах не иначе, как с презрительной насмешкой, с издевкой»⁸¹.

Король Богемии в маске советуется на Бейкер-стрит с Шерлоком Холмсом, предлагая огромные деньги за то, чтобы вернуть компрометирующую его фотографию, которой располагает его бывшая возлюбленная, американская актриса и оперная певица Ирэн Адлер. Прибегая к перевоплощениям и различным уловкам, Шерлок Холмс узнает, где Ирэн Адлер прячет эту реликвию. Однако в конце рассказа он предстает перед Ватсоном гораздо бо́льшим романтиком, чем тот привык его считать, и действует не только как современный герой-«технократ», но и как галантный кавалер.

⁸¹ Пер. отрывков из рассказа «Скандал в Богемии» здесь и далее в этой главе Н. Войтинской. – *Прим. ред.*

Сидни Пэйджет нарисовал для рассказа «Скандал в Богемии» десять иллюстраций. Он изобразил Холмса и Ватсона в их кабинете на Бейкер-стрит беседующими с королем Богемии как в начале, так и в конце дела, а также на улице. Кроме того, он нарисовал Шерлока Холмса, переодетого в пьяного конюха с бакенбардами, а затем в благочестивого священника. Артур Конан Дойл вновь пошел по стопам Эмиля Габорио. Еще в романе «Лекок, агент сыскной полиции» Эмиль Габорио описал склонность своего молодого детектива к артистизму:

«— И вы думаете, он не заметит, что вы следите за ним?»

— Я приму меры предосторожности.

— Один взгляд и случайность, и он узнает вас.

— Нет, сударь, потому что я преобразуюсь. Агент сыскной полиции, который не способен быть хорошим актером, который не умеет гримироваться, — посредственный полицейский. Вот уже целый год как я учусь делать со своим лицом и телом все, что хочу. Я по своему желанию могу стать старым или молодым, брюнетом или блондином, приличным человеком или отвратительным бродягой...

— А я и не догадывался о ваших талантах, мсье Лекок.

— О!.. Я еще далек от того совершенства, о котором мечтаю!.. Тем не менее, сударь, не пройдет и трех дней, как я осмелюсь предстать перед вами в ином образе. В течение получаса я буду беседовать с вами, но вы меня не узнаете»⁵⁸².

В более позднем романе «Преступление в Орсивале» Лекок замечает: «За пятнадцать лет, что я служу в префектуре, никто не узнал, как я в действительности выгляжу, какой у меня цвет волос»⁶⁸³.

В рассказе «Скандал в Богемии» Артур Конан Дойл без обиняков написал о способностях своего детектива в этой области: «Дело не только в том, что Холмс переменял костюм. Выражение его лица, манеры, сама душа, казалось, изменялись при каждой новой роли, которую ему приходилось играть. Сцена потеряла в его лице прекрасного актера, а наука — тонкого мыслителя, когда он стал специалистом по расследованию преступлений».

Читатели «Стрэнда» приняли рассказ с большим энтузиазмом. Было ясно, что в следующем месяце, в августе, они будут рады увидеть возвращение героя в новом рассказе «Союз рыжих». Произведение было построено на абсурдной предпосылке, что преступник может выманить владельца ссудной кассы из дома, чтобы в его отсутствие сделать подкоп и ограбить банк, наняв того на работу в другом месте, где ему пришлось переписывать Британскую энциклопедию. Тем не менее его сюжет был динамичным, в рассказе было много остроумных диалогов. Артур, как всегда, пренебрежительно отнесся к отдельным деталям и перепутал (с разницей почти в шесть месяцев) даты, которые упоминали персонажи.

Затем с периодичностью в месяц вышли еще четыре рассказа о Шерлоке Холмсе: «Установление личности», «Тайна Боскомской долины», «Пять апельсиновых зернышек» и «Человек с рассеченной губой». Реакция читателей была такой, о какой Артур Конан Дойл мог только мечтать, когда он раньше отправлял свои рукописи, по его выражению, «в круговое турне».

В рассказе «Пять апельсиновых зернышек», который был опубликован в «Стрэнде» в ноябре, Конан Дойл вернулся к своим предшественникам, которые, увлекаясь научным обоснованием окружающих событий, черпали в этом вдохновение в произведении «Задиг, или Судьба» Вольтера и сами являлись источником соответствующего вдохновения для Томаса Хаксли и того же Артура Конан Дойла. Он еще раз подтвердил, что считал Шерлока Холмса своего рода исследователем, таким же, каким был Джозеф Белл, вдохновлявший

---

⁸² Пер. О. Ивановой. — Прим. ред.

⁸³ Пер. Е. Баевской и Л. Цывьяна. — Прим. ред.

Артура в его творчестве. При этом писатель позволил Холмсу рассуждать в такой же логической, абстрактной манере, в какой рассуждал Огюст Дюпен. Это проявилось, в частности, в следующей сцене:

«Шерлок Холмс закрыл глаза и, опершись на подлокотники кресла, соединил кончики пальцев. «Истинный мыслитель, – заметил он, – увидев один-единственный факт во всей полноте, может вывести из него не только всю цепь событий, приведших к нему, но также и все последствия, вытекающие из него. Как Кювье мог правильно описать целое животное на основании одной кости, так и наблюдатель, основательно изучивший одно звено в серии событий, должен быть в состоянии точно установить все остальные звенья – и предшествующие, и последующие. Но чтобы довести искусство мышления до высшей точки, необходимо, чтобы мыслитель мог использовать все установленные факты, а для этого ему нужны самые обширные познания»⁸⁴.

Номера «Стрэнда», казалось, буквально сметали с полок магазинов. Во многих газетах и журналах печатались критические обзоры материалов, публиковавшихся их коллегами и соперниками, и вскоре рассказ «Скандал в Богемии» привлек внимание самых разных периодических изданий, выходивших в городах Эксетер и Халл, в Шеффилде и Лондоне. В портсмутской газете «Ивнинг ньюз» от 18 июля сообщалось: «Многочисленные друзья д#ра А. Конан Дойла в Портсмуте с радостью узнают о его успешной писательской карьере. Доктор Конан Дойл сейчас один из самых интересных современных писателей, причем не только в глазах читателей, но и по мнению профессионалов из издательских кругов и из числа критиков»⁷.

Обретя финансовую стабильность, Артур и Туи смогли предложить сестре писателя Конни бросить работу гувернантки. Она вернулась из Португалии и поселилась со своим братом и его женой, печатая рассказы Артура Конан Дойла на новомодной пишущей машинке. Доктор и миссис Конан Дойл организовывали приемы, катались в гости к друзьям на своей новой игрушке, высоком двухместном трехколесном велосипеде. Туи никогда не была такой физически крепкой, как ее муж. Катаясь в графстве Суррей на велосипеде вместе с Артуром, Конни и Иннесом, она была вынуждена признать, что не выдерживала темпа езды – однако вместо того, чтобы прекратить поездку, Артур Конан Дойл отправил жену поездом домой.

Между тем все свидетельствовало о продолжении литературной карьеры писателя. Александр Поллок Уотт достиг с Гринхоу-Смитом договоренности о том, что журнал заплатит солидную сумму в 300 фунтов за вторую серию приключений (также в шесть рассказов) Шерлока Холмса, вне зависимости от их объема. Конан Дойл смело принялся за дело с уверенностью признанного и хорошо оплачиваемого автора. Однако в ходе этой работы его свалил смертельно опасный грипп, свирепствовавший в то время в Лондоне. Три года назад его сестра Аннет умерла от этой болезни. Несколько дней он боролся с гриппом, задаваясь вопросом, сможет ли выжить. После недели тяжелой болезни он пришел в себя – и обнаружил, что теперь ясно видит свое будущее. Он решил больше не тратить время на врачебную практику, полностью отказаться от нее и целиком посвятить себя творческой деятельности в качестве писателя.

Вскоре он уже распродал свои медицинские инструменты.

Сэмюэл Сидни Макклюр родился в Ирландии и переехал в Соединенные Штаты, когда ему было девять лет: его мать эмигрировала после смерти мужа. С творчеством Артура Конан Дойла Макклюр (который был известен под инициалами «С. С.») познакомился, когда ему было тридцать с небольшим и он уже давно основал первый в истории США газетный синдикат. Он владел многими периодическими изданиями, в которых постоянно публико-

---

⁸⁴ Пер. Н. Войтинской. – Прим. ред.

вались новые рассказы, очерки, карикатуры, комиксы (такие как «Дети Катцендхаммер»), статьи обозревателей. Интерес, проявленный С. С. Макклюром к творчеству Артура Конан Дойла, объяснялся тем, что его синдикат искал романы и серии рассказов для их публикации частями, с продолжением в каждом следующем номере своих периодических изданий.

После рабочей поездки в Лондон в 1889 году Макклюр отправился на север, чтобы встретиться с Эндрю Лэнгом в Сент-Эндрюском университете. Лэнг сообщил Макклюру, что хорошо известное издательство «Лонгманс, Грин энд компани», основанное в 1724 году как «Лонгман», собиралось опубликовать роман «Приключения Михея Кларка» относительно нового автора Артура Конан Дойла. Недавно ознакомившись с повестью «Этюд в багровых тонах», Лэнг был весьма впечатлен этим произведением и сказал Макклюру, что «легкий приключенческий роман», о котором шла речь, был также хорош. Возвращаясь на поезде в Лондон, Макклюр приобрел повесть об убийстве Еноха Дреббера в газетном киоске и прочел ее в пути. Он решил, что этот молодой автор должен что-нибудь написать для его синдиката.

Через два года, когда в 1891 году рассказы Артура Конан Дойла о Шерлоке Холмсе начали появляться в «Стрэнде», Макклюр прочел их и дал им личную оценку, которая его никогда не подводила: «Произвели ли эти рассказы на меня впечатление? Заставили ли они меня вздрогнуть и задохнуться, словно от удара под дых (как он любил выражаться), или же просто послужили пищей для размышления?»⁸ По его утверждению, он всегда руководствовался так называемым правилом трех: каждое произведение, которое он намеревался приобрести, следовало в течение одной недели перечитать три раза. Те, что выдерживали это испытание, могли рассчитывать на поддержку его синдиката. Возвращаясь домой на филадельфийском поезде после долгого рабочего дня, Макклюр часто пропускал свою станцию, поскольку увлеченно перечитывал какой-либо очередной рассказ.

Приключения Шерлока Холмса с честью прошли испытание Макклюра, и он приобрел их по 12 фунтов за каждый рассказ – хорошая цена за перепечатку. Однако, когда его синдикат стал публиковать их в Соединенных Штатах, немногие коллеги Макклюра разделили его энтузиазм. Они жаловались на то, что рассказы были слишком длинными для публикации в периодических изданиях: их объем составлял восемь-девять тысяч слов вместо привычных для американских изданий пяти тысяч или около того. Издатели с трудом находили место для рассказов Конан Дойла в своих номерах. Американские читатели также не сразу оценили британского детектива. Однако со временем они увлеклись творчеством Артура Конан Дойла, оригинальный образ его героя завоевал их сердца, и это в конце концов убедило издателей США в правоте Макклюра.

Глава 30

Моему старому учителю

Посредственность не знает ничего выше себя, но талант мгновенно распознает гениальность⁸⁵.

(Артур Конан Дойл. «Долина ужаса»)

В октябре 1891 года, через четыре месяца после того, как «Скандал в Богемии» открыл публикацию серии рассказов о Шерлоке Холмсе в журнале «Стрэнд», продемонстрировавшей несомненный успех творчества Артура Конан Дойла, руководство «Уорд, Локк энд компани» обратилось к писателю с просьбой написать предисловие для нового издания «Этюда в багровых тонах».

Все еще возмущенный тем грабительским контрактом¹, который это издательство в свое время навязало ему, Артур ответил отказом. Теперь у него были круглый счет в банке и растущая репутация успешного писателя.

Руководство «Уорд, Локк энд компани» вновь обратилось с униженной просьбой разрешить использовать для нового издания подзаголовки с упоминанием хорошо известного теперь имени Шерлока Холмса.

Артур Конан Дойл отказал.

Новый, 1892 год был для Артура Конан Дойла радостным. Спустя одиннадцать лет после окончания Эдинбургского университета он наконец смог вкушать плоды успеха. В январском номере «Стрэнда», который вышел в декабре 1891 года, был опубликован седьмой рассказ о Шерлоке Холмсе под названием «Голубой карбункул». Это была, по существу, легкомысленная рождественская сказка, где действие происходило в атмосфере зимних праздников в Лондоне. За ним последовали рассказы «Пестрая лента», «Палец инженера», «Знатный холостяк», «Берилловая диадема» и «Медные буки». Этот цикл завершился в июле.

Артур Конан Дойл продолжал писать также научно-популярные произведения. Так, в январском номере издания «The Speaker» под редакцией известного журналиста Уэмисса Рейда была напечатана его статья о британском юморе, в которой была дана высокая оценка повести Джерома К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки». В том же месяце в неформальном «Клубе лентяев» он встретил Джерома К. Джерома на вечеринке, организованной Робертом Барром, громогласным добросердечным редактором, который собирался начать издание нового сатирического журнала «The Idler» («Лентяй»). Там же Артур познакомился и с другими молодыми писателями, включая Джеймса Мэтью Барри, который окончил Эдинбургский университет в 1882 году, на следующий год после Конан Дойла. С тех пор Джеймс Барри написал три романа о своем родном городе Кирремуре (в произведениях он называется «Тримс») в Шотландии и сделал себе имя в качестве драматурга. Что же касается Роберта Барра, то он вырос в Канаде, стал известен там и в США своими статьями в издании «The Detroit Free Press». Позже Роберт Барр создал Эжена Вальмонта, тщеславного французского сыщика, который станет прообразом снобствующего бельгийского детектива Агаты Кристи – Эркюля Пуаро.

В мае 1892 года «Лентяй» опубликовал пародию своего редактора на Шерлока Холмса «Детективные истории, в которых все пошло наперекосяк: приключения Шерлоу Комбса». Принеся во вступлении этого рассказа извинения своему другу доктору Конан Дойлу и герою его превосходного «Этюда в багровых тонах», Роберт Барр (написавший этот рассказ

⁸⁵ В «каноническом» переводе А. Москвина эта фраза, входящая во все сборники афоризмов, выпущена. – *Прим. ред.*

под своим прежним американским псевдонимом «Люк Шарп») настолько ярко и красочно (и наряду с этим по-доброму) высмеял образ Шерлока Холмса, превратив его в такую неправдоподобную фигуру, что его произведение невольно превратилось в пародийный бурлеск:

«Я зашел к своему другу Шерлоу Комбсу, чтобы узнать, что он думает о тайне Пеграма, как эту историю окрестили газетчики. Детектив играл на скрипке с умиротворенным видом и таким благостным выражением лица, которого я никогда не замечал у тех, кто в такие моменты оказывался на расстоянии слышимости».

В последний день мая того года Чарльза Дойла перевели в Королевскую больницу «Крайтон» для душевнобольных в городе Дамфрис, к юго-западу от Эдинбурга, почти на побережье напротив острова Мэн. У него диагностировали алкоголизм и деменцию; он забывал о том, что его посетил врач почти сразу же после визита. «Покладистый и инфантильный»², – определил один из санитаров. Судя по всему, Чарльз Дойл не узнавал даже персонал, который постоянно ухаживал за ним. В свои шестьдесят лет он был кротким и смирным. «Безусловно, не представляет опасности для окружающих», – написал врач в его медицинской книжке.

Поначалу Чарльз Дойл еще мог похвалить пищу или заметить, насколько хорошо он спал. Постепенно, однако, его состояние начало ухудшаться. С ним все чаще случались эпилептические припадки. К следующему лету Чарльз Дойл превратился в буйного пациента с расстроенным мышлением. Несмотря на возбужденное состояние, он месяцами не вставал с постели.

Третьего октября 1893 года лечащий врач отметил, что Чарльз Дойл был в хорошем настроении и доволен окружающими. Пациент торжественно и мрачно вручил ему сложенный лист бумаги, сообщив, что делает это в знак признательности за прекрасную работу и что внутри – золотая пыль, собранная ночью из лунного света, который упал на его, Чарльза Дойла, кровать.

Через неделю Чарльз Дойл умер в конвульсиях на той же самой кровати от эпилептического припадка.

Финансовые заботы, казалось, оставили Артура Конан Дойла – по крайней мере в течение некоторого времени. Роман «Приключения Михея Кларка» хорошо продавался, повесть «Знак четырех» исправно привлекала новых читателей, а цикл рассказов в «Стрэнде» сделал имя Шерлока Холмса известным практически всем, – и писатель вполне мог позволить себе некоторый перерыв в работе. В декабре 1891 года Артур вместе с Туи и дочкой Мэри Луизой перебрался в Южный Норвуд, предместье Лондона, практически рядом с Кройдоном, в трехэтажную виллу из красного кирпича с остроконечной крышей, шестнадцатью комнатами, балконами, садом, обнесенным стеной, и металлическими колпаками на дымовых трубах. Новое обиталище на живописной Теннисон-роуд было бесконечно далеко от убогого врачебного кабинета в «Буш-Виллас». Норвуд был назван в честь большого участка дубового леса, называвшегося «Грейт Норс Вуд» («Великий Северный лес»), за счет которого в течение многих столетий на судовой ферме поставляли лесоматериал, а в города – древесный уголь. Здесь из поколения в поколение жили цыгане, некоторые из которых в 1688 году попали в «Дневник» Сэмюэла Пипса⁸⁶.

Конан Дойл, не колеблясь, отдавал должное Джозефу Беллу за то, что тот вдохновил его на создание образа гениального сыщика-консультанта с Бейкер-стрит. Окончив медицинский факультет Эдинбургского университета, Артур все одиннадцать лет после этого поддерживал связь со своим бывшим профессором. В начале 1892 года, когда в «Стрэнде» вышла первая половина первого цикла рассказов о Шерлоке Холмсе, писатель дал интервью

---

⁸⁶ Сэмюэл Пипс (1633–1703) – английский чиновник морского ведомства; в своем «Дневнике», который он вел в 1660–1669 годы, добросовестно воссоздал повседневную жизнь лондонцев периода Стюартовской Реставрации. – *Прим. пер.*

Рэймонду Блатвэю, автору путевых очерков и журналисту, для майского номера нового лондонского ежемесячника «Букмен» («Книжник»).

Рэймонд Блатвэй и Артур Конан Дойл сидели в кабинете, стены которого были увешаны рисунками и акварелями отца писателя и различными сувенирами, напоминавшими о походе Артура в Арктику.

Как случилось, заинтересовался журналист у писателя, что такой необычайный образ, как Шерлок Холмс, «всплыл в подсознании»³ Конан Дойла?

Артур от души рассмеялся: «Помилуйте, он всплыл отнюдь не из моего – или чьего бы то ни было – подсознания. Шерлок Холмс, если можно так выразиться, – литературное воплощение одного из моих профессоров, у которых я учился медицине в Эдинбургском университете».

Он рассказал несколько занимательных историй о диагностических методах доктора Белла и подытожил: «Так у меня и появилась идея о Шерлоке Холмсе. Шерлок совершенно бесчувственен, у него нет сердца, но у него есть прекрасные способности мыслить логически. Мне ничего не известно о работе сыщика, но теоретически она меня всегда очень сильно привлекала».

Артур Конан Дойл тут же упомянул о своей писательской генеалогии: «Лучший детектив в литературе – это месье Дюпен у Эдгара Аллана По, после него идет месье Лекок, герой Эмиля Габорио».

В ответ на это интервью Джозеф Белл, очевидно, написал Артуру. 4 мая писатель ответил ему:

«Несомненно, Шерлоком Холмсом я обязан именно Вам, и хотя я волен постоянно помещать его то в одну, то в другую критическую ситуацию, – я не считаю, что его аналитические способности превосходят то, чего достигали Вы в своей практике и что я имел возможность наблюдать в амбулаторной палате. Я попытался создать героя вокруг тех способностей к дедукции, логическому мышлению и наблюдению, коим я был свидетелем в Вашем исполнении. Мой герой развил их до максимального предела – и порой даже вне этого предела, и я очень рад, что Вы благосклонно восприняли мои преувеличения, потому что именно Вы имели право критиковать меня строже всего»⁴.

В августе, после завершения годового цикла шерлокиады, журнал «Стрэнд» сам взял интервью у Артура Конан Дойла. Выполнять редакционное задание был направлен Гарри Хау, журналист, известный своей обстоятельностью и проницательностью.

Статья вышла эмоциональной:

«Работа детектива, отвечающая современным требованиям, – вот что нам дал доктор Конан Дойл. Мы довольно быстро устали от представителей старой школы. Они были в лучшем случае простыми смертными. Располагая теми явными уликами, которые они обнаруживали, даже рядовой обыватель мог легко загнать в угол злодея, не обращаясь к полиции или частному детективу».

Во время их беседы Конан Дойл не только упомянул Джозефа Белла, но и показал его фотографию в рамке, сделанную десяток лет назад, когда писатель учился у него. На фотографии был человек с острым взглядом и орлиным носом.

После разговора с Артуром Хау написал Беллу в Эдинбург, попросив изложить свое мнение, – и получил традиционно скромный ответ:

«Эдинбург, Мелвилл-кресент, дом 2, 16 июня 1892 года.

Милостивый государь!

Вы спрашиваете меня, чему именно я научил доктора Конан Дойла, о чем он так любезно упомянул, рассказывая о своем идеальном герое,

Шерлоке Холмсе. Благодаря своему гениальному воображению доктор Конан Дойл создал нечто великое, используя нечто малое, а доброе отношение к одному из своих прежних учителей лишь несколько оживляет картину».

Далее он привел примеры того, как он и другие профессора старались поощрять у своих студентов наблюдательность и способность к дедукции. Затем он вновь отказался от лавров прототипа Шерлока Холмса:

«Гений и творческое воображение доктора Конан Дойла – вот та основа, благодаря которой его детективные рассказы принципиально отличаются от аналогичных произведений других авторов. И он обязан мне гораздо меньше, чем он думает.

Искренне Ваш,
Джозеф Белл».

Несмотря на публичные опровержения, Джозеф Белл, очевидно, испытывал непреодолимое искушение порассуждать о своем бывшем студенте. Четыре месяца спустя журнал «Букмен» вслед за интервью, которое Артур Конан Дойл дал Рэймонду Блатвэю, опубликовал статью о писателе и его герое, написанную самим Джозефом Беллом. Артур был крайне удивлен, увидев ее упоминание в анонсе следующего номера, и прочел, как только она появилась⁵.

Джозеф Белл вновь не стал ставить себе в заслугу появление Шерлока Холмса, а вместо этого сослался на своего уважаемого наставника Джеймса Сайма как человека, чей преподавательский талант «оставил след в творчестве Конан Дойла». Кроме того, он сделал несколько интересных замечаний о привлекательности детективных рассказов Артура:

«Полученное д#ром Конан Дойлом медицинское образование научило его наблюдательности, а его практическая деятельность и в качестве терапевта, и в качестве врача узкой специализации стала великолепной подготовкой для такого человека, как он, одаренного острым взглядом, хорошей памятью и прекрасным воображением. Глаза, способные видеть, и уши, способные слышать, память, мгновенно фиксирующая все события и при необходимости выдающая нужную информацию, воображение, способное создать какой-либо сюжет, либо соединить вместе звенья одной цепи, либо разобраться в запутанных уликах – вот его основные средства как успешного диагноста...»

Доктор Дойл видел, как заинтересовать своих эрудированных читателей, как заставить их поверить ему, как продемонстрировать свои методы работы. Он создал пронизательного, приметливого, любознательного человека, наполовину врача, наполовину виртуоза-художника... Он заставляет его объяснять простодушному Ватсону элементарные (или кажущиеся элементарными) звенья в цепи своих доказательств. После его разъяснений все сразу же становится очевидным и настолько простым (после того, как вы все узнали), что наивный читатель убеждает себя: «Я тоже могу так; в конце концов, жизнь не так скучна; я буду смотреть во все глаза и многое узнаю».

В более позднем интервью Джозеф Белл пошел в своих рассуждениях еще дальше:

«Хотел бы сказать кое-что о рассказах моего друга Дойла, которые, как я считаю, вызвали у общественности интерес к новой сфере деятельности... Они заставляют многих, кто прежде испытывал мало интереса к повседневной жизни и к окружающей действительности, полагать, что в конце концов жизнь может оказаться гораздо более интересной, если держать глаза открытыми. Незначительные уличные происшествия, множество совершенно пустячных событий – все это может превратиться в увлекательную задачу, настоящие шахматы, стоит только понять, как делать ходы»⁶.

Джордж Ньюнес был не из тех, кто попусту тратит время и упускает имевшиеся возможности. Всего через четыре месяца после появления в июньском номере «Стрэнда» рассказа «Медные буки», последнего из первого цикла рассказов о Шерлоке Холмсе, на волне громкого успеха своего нового перспективного автора он опубликовал сборник «Приключения Шерлока Холмса», проиллюстрированный сотней с лишним работ Сидни Пэйджета⁷ со страниц журнала. Вскоре американское издательство «Harper & Brothers» переиздало этот сборник, включив туда пятнадцать иллюстраций Сидни Пэйджета; обложка тоже была оформлена им. Книга имела большой успех, избавив Артура Конан Дойла от последних сомнений относительно его способностей прилично зарабатывать в качестве писателя.

Теперь существовало три книги с вымышленным героем, прототипом которого был Джозеф Белл. Артур Конан Дойл настолько очевидно спроецировал на Холмса черты характера Джозефа Белла, что читатели, знавшие профессора медицины, сразу же уловили это сходство. На следующий год Артур получил письмо от бывшего студента Эдинбургского университета Роберта Льюиса Стивенсона. Тот теперь был знаменит. Его увлекательная пиратская сага «Остров сокровищ», опубликованная в 1883 году, получила всеобщее признание. Не менее известна стала и псевдонаучная повесть в готическом стиле «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда», появившаяся в 1886 году. Роберт Льюис Стивенсон написал также два исторических романа в том духе, который всегда нравился Артуру Конан Дойлу: «Черная стрела» (был опубликован частями в 1883 году) и «Похищенный» (вышел в свет в 1886 году).

Страдая от туберкулеза, Роберт Льюис Стивенсон отправился в тропики и поселился в Самоа. В его письме Артуру Конан Дойлу от 5 апреля 1893 года перемешались похвалы читателя и снисходительный тон соперника по перу:

«Дорогой сэр!

Вы так часто доставляли мне удовольствие, за что мне бы следовало еще ранее поблагодарить вас. Теперь настала моя очередь. Я надеюсь, Вы позволите мне передать Вам свои комплименты за Ваши весьма оригинальные и весьма занимательные приключения Шерлока Холмса. Когда меня изводит зубная боль, я предпочитаю именно такую литературу. На сей раз, правда, я взял в руки томик, мучаясь плевритом. Вас, как врача, должно заинтересовать, что лечение на данный момент идет успешно»⁸.

Роберт Льюис Стивенсон закончил свое письмо вопросом, который относился к временам его учебы на медицинском факультете Эдинбургского университета: «Меня беспокоит только одно: уж не мой ли это старый приятель Джо Белл?»

«Я так рад, что Шерлок Холмс помог Вам скрасить время, – ответил ему Артур Конан Дойл 30 мая. – Шерлок Холмс – это внебрачный ребенок Джо Белла и месье Дюпена Эдгара По (сильно разбавленный)».

Стивенсон понимал, что Шерлок Холмс создан порывом вдохновения. И он знал из личного опыта, что писатель, чтобы добиться успеха, должен извести горы бумаги и реки чернил. Однако он не мог знать, сколько любви, переживаний и восхищения, какое чувство долга было вложено Артуром Конан Дойлом в посвящение на первой странице сборника «Приключения Шерлока Холмса». Хотя Артуру Конан Дойлу было всего тридцать три, когда он попытался отдать дань уважения Джозефу Беллу, он прекрасно понимал всю значимость проделанного им пути: от широких больничных лестниц в Эдинбурге и деревянных жалюзи на «Буш-Виллас» в Саутси, через которые он всматривался с тревогой и надеждой в ожидании пациента, до оваций Джорджа Ньюнеса и Гринхоу-Смита после того, как Шерлок Холмс и журнал «Стрэнд» взлетели на вершину славы. Благодаря Холмсу Артур Конан Дойл смог

приобрести виллу и вернуть домой из Португалии свою сестру Конни. Итак, на развороте книги, которая принесла ему свободу и признание, Артур Конан Дойл начертил всего лишь:

«Моему старому учителю

Джозефу Беллу, дипломированному врачу и пр., проживающему:

Эдинбург, Мелвилл-кресент, дом 2»⁹.

Слова благодарности

– Ну что же, Ватсон, – сказал Холмс, когда из темноты вынырнула двучолка с двумя фонарями, бросающими яркие полосы света, – поедете вы со мною?

– Если буду вам полезен...

– Верный товарищ всегда полезен. А хроникер тем более.

(Артур Конан Дойл. «Человек с рассеченной губой», пер. Н. Чуковского, М. Чуковской)

Моя жена, Лаура Слоун Паттерсон, в очередной раз, как и при написании мною предыдущих четырнадцати книг в течение пятнадцати лет совместной жизни, проявила природный ум, интеллект и готовность ободрить и помочь. Каждый день она украшала мою жизнь и способствовала моей работе. Недавно мы стали свидетелями того, как наш трехлетний Вэнс сказал сам себе: «Папа работает над Шерлоком», – и это напомнило мне, какое бесчисленное количество раз Лауре пришлось слышать о тематике этой книги.

Хотел бы поблагодарить моего замечательного агента, Хайде Ланге, которая в течение двух десятилетий обеспечивала мне писательскую карьеру, а также ее прекрасных помощников Стефани Делман и Саманту Исман. Джордж Гибсон, редактор моих семи книг в издательстве «Блумсбери», вначале помог мне разобраться в целях написания этой книги, а затем сам разбирался с моими черновиками. Эта книга посвящена ему в знак благодарности за его талант и ответственный подход как редактора и в знак моего восхищения им как джентльменом. Хочу поблагодарить также других сотрудников американского филиала издательства «Блумсбери», а именно: бывшего помощника Джорджа Гибсона, Лию Бересфорд, моего бывшего агента по рекламе Кэрри Майер, помощника редактора Кэлли Гарнетт, помощника редактора Грейс МакНей, заведующую отделом иллюстраций Патти Рэчфорд, главного редактора Лауру Филлипс, выпускающего редактора Дженну Даттон, агента по рекламе Сару Нью, редактора-корректора Сью Варгу, корректора Дэвида Чесаноу и составителя алфавитного указателя Кей Бэннинг. В английском офисе издательства «Блумсбери» мне хотелось бы поблагодарить редактора Алексу фон Хиршберг, главного редактора Иможен Денни, помощника редактора Кэллама Кенни, а также заведующего отделом иллюстраций и художника-иллюстратора Пола Манна.

Я крайне признателен шерлокианцам, знатокам и фанатам Шерлока Холмса. Лесли С. Клингер и Майк Уилан пригласили меня стать докладчиком на организованном в Нью-Йорке ежегодном приеме Национальной партии иррегулярных полицейских частей с Бейкер-стрит, где я встретил замечательных людей и получил ответы на свои вопросы. Эндрю Солберг был моим консультантом по Шерлоку Холмсу во время работы над книгой, отвечая на всевозможные вопросы и поощряя меня во время творческого процесса. И Лесли, и Эндрю подвергали мою рукопись великодушной критике. Жаклин Бост Моррис пригласила меня выступить в Балтиморе на ежегодном собрании «Блистательных наследников» и обсудить с преданными поклонниками великого детектива интересовавшие меня вопросы. Нэнси Кобл Деймон на книжном фестивале в Шарлотсвилле (штат Вирджиния) и Серенити Гербман на книжном фестивале в Нэшвилле (штат Теннесси) также пригласили меня обсудить поднятые там темы, в результате чего я многое уяснил и обзавелся полезными связями.

Рассуждая в своей книге «Артур и Шерлок» об истории появления произведений детективного жанра в XIX веке, я порой проводил исследования и писал для тех антологий, которые готовил к печати по данной тематике. Я хотел бы поблагодарить прекрасных редакторов, вместе с которыми я работал над этими книгами: Майкла Миллмана, бывшего шеф-редак-

тора издательства «Пенгуин классикс», которому довелось готовить к выпуску первую из упомянутых антологий, «Арсен Люпен, джентльмен-грабитель Мориса Леблана» («Arsene Lupin, Gentleman-Thief by Maurice Leblanc»), Эльду Ротор, нынешнего шеф-редактора издательства «Пенгуин классикс», которая готовила к печати мои произведения «Книга о преступлениях при свете газовых ламп: мошенники, грабители, аферисты и жулики со времен Шерлока Холмса» («The Penguin Book of Gaslight Crime: Con Artists, Burglars, Rogues, and Scoundrels from the Time of Sherlock Holmes») и «Книга о женщинах-преступницах Викторианской эпохи: забытые полицейские и частные детективы со времен Шерлока Холмса» («The Penguin Book of Victorian Women in Crime: Forgotten Cops and Private Eyes from the Time of Sherlock Holmes»), а также Джорджа Гибсона, редактора всех моих книг, выпущенных издательством «Блумсбери», который выпустил в свет мои произведения в рамках серии «Коллекция знатока» («Connoisseur's Collection») и которому пришлось лично редактировать книгу «Мертвый свидетель: «Коллекция знатока» о детективных рассказах Викторианской эпохи» («The Dead Witness: A Connoisseur's Collection of Victorian Detective Stories»). Кроме того, Эльда Ротор обратилась ко мне с просьбой написать введение к готовящемуся к публикации в издательстве «Пенгуин классикс» роману Анны Кэтрин Грин «Дело Ливенурта» («The Leavenworth Case»), в рамках подготовки которого я смог почерпнуть многое о детективном жанре и о той эпохе.

Хочу поблагодарить отличный коллектив расположенной в районе Хемпфилд Гринсбургской библиотеки, который с изяществом Шерлока Холмса смог разыскать для меня редкие издания: Сару Диган, Джессику Кифер, Кристин Ли и Аурею Лукас. Огромное спасибо также руководству библиотеки Линде Матеу, Дайэн Чиабатони и Донне Дэвис. Навсегда останусь благодарен бывшему директору библиотеки и моему закадычному другу Чезаре Маккари.

Гвен Энстам и Дункан Джонс из Ассоциации по изучению шотландской литературы с пользой для дела подвергли критике главы моей книги с описанием Эдинбурга. Мой друг и историк Джон Сперлок неоднократно обсуждал со мной мою книгу, а также различные проблемы, связанные с историей и наукой. Джон Эриксон, мой друг и научный библиограф-консультант Библиотеки Жана и Александра Херд Университета Вандербилта (штат Теннесси), как правило, был мне необходим постоянно. Переписка с Джерри Фелтоном, Робертом Майером и Кэтрин Нили оказала мне неоценимую помощь. Спасибо вам, Брайан, Сара и Эллиотт Феррелл, за прекрасные беседы за ужином, во время катания на лодках и прогулок по пляжу. Эллиотт, приходи поиграть с новыми машинками Вэнса.

Примечания

Увертюра: Воспоминания

¹ Stavert, Geoffrey. «A Study in Southsea: From Bush Villas to Baker Street». Portsmouth: Milestone Publications, 1987 (обложка книги).

² Redmond, Donald A. «Sherlock Holmes: A Study in Sources». Montreal: McGill-Queen's University Press, 1982, с. 32.

³ Doyle, Arthur Conan. «Arthur Conan Doyle: A Life in Letters». Edited by Jon Lellenberg, Daniel Stashower, and Charles Foley. New York: Penguin Press, 2007, с. 160. В данной книге сообщается, когда и куда переехал Артур Конан Дойл; на странице 161 приводится сделанный Артуром Конан Дойлом эскиз улицы. В издании Stavert, Geoffrey. «A Study in Southsea: From Bush Villas to Baker Street». Portsmouth: Milestone Publications, 1987, на странице 16 приводится реклама гостиницы 1880#х годов с видом дома, церкви и гостиницы. В номере «Building News» от 21 ноября 1879 года был опубликован архитектурный план восстановления церкви, а также описание данного района; эта информация доступна по электронному адресу: http://archiseek.com/2012/1879#elm-grove-baptist-church-southsea-hampshire/#.VG5TXN5_a2w. Фотография середины 1880#х годов, а также крупный план карты города Портсмут 1880 года находятся по электронному адресу: www.conandoylecollection.co.uk/lancelyn-green-downloads/05#summer-ACD.pdf.

⁴ См. рекламу в газете этой гостиницы в издании: Stavert, Geoffrey. «A Study in Southsea: From Bush Villas to Baker Street». Portsmouth: Milestone Publications, 1987 (с. 16).

⁵ Stavert, Geoffrey, указ. соч., с. 15.

⁶ Doyle, Arthur Conan, указ. соч., с. 163; эскиз в указанном издании на с. 161; фотография «Буш-Виллас» на с. 185.

⁷ Doyle, Arthur Conan, указ. соч., с. 183.

⁸ Рэймонд Блатуэйт обращал особое внимание на эту характерную черту Артура Конан Дойла, так же как и многие друзья писателя и репортеры, бравшие у него интервью.

⁹ Doyle, Arthur Conan, указ. соч., с. 167.

¹⁰ Doyle, Arthur Conan. «The Stark Munro Letters». New York: Longmans, Green, 1895. Артур Конан Дойл неоднократно заявлял, что данный роман является автобиографическим, и это подтверждали многочисленные исследователи его творчества.

¹¹ Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures». London: Hodder and Stoughton, 1924. Reprint: Oxford University Press, 1989, глава 8.

¹² Там же.

Часть I Доктор Белл и мистер Дойл

¹ How, Harry. «A Day with Dr. Conan Doyle». *Strand*, August 1892, с. 188

Глава 1 Сверхчеловек

¹ Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures». London: Hodder and Stoughton, 1924. Reprint: Oxford University Press, 1989, глава 3.

² Liebow, Ely M. «Dr. Joe Bell: Model for Sherlock Holmes». Bowling Green, KY: Bowling Green University Popular Press, 1982, с. 135.

³ Артур Конан Дойл, цит. по: Balthwayt, Raymond. «A Talk with Dr. Conan Doyle». *Bookman*, May 1892.

⁴ Подробности в этом вступительном разделе цитируются по собственным воспоминаниям Артура Конан Дойла в: Doyle, Arthur Conan, указ. соч. (особенно глава 2 «Воспоминания студента» и глава 11 «Детали о Шерлоке Холмсе»), а также по его комментариям, которые приводятся в издании: How, Harry, указ. соч. См. также воспоминания Гарольда Эмери Джонса (Jones, Harold Emery. «The Original of Sherlock Holmes». Originally published as preface to *Conan Doyle's Best Books*. New York: Collier, 1904), который присутствовал на занятиях Дж. Белла вместе с Артуром Конан Дойлом и цитаты которого ненамного отличаются от приведенных здесь. Наряду с этим следует отметить, что указанные воспоминания обоих авторов были написаны уже после того, как стал известен метод Шерлока Холмса.

⁵ Doyle, Arthur Conan, указ. соч.

⁶ Scarlett, E. P. «The Old Original: Notes on Dr. Joseph Bell Whose Personality and Peculiar Abilities Suggested the Creation of Sherlock Holmes». *Archives of Internal Medicine*, November 1964, с. 699.

⁷ Saxby, Jessie M. E. «Joseph Bell: An Appreciation by an Old Friend». Edinburgh: Oliphant, Anderson & Ferrier, 1913, с. 23–24.

⁸ Вывод сделан на основе многочисленных фотографий студентов этого периода, в том числе Артура Конан Дойла; изучались, в частности, фотографии с 1880 года, сделанные в студии Джеймса Хоуви-младшего по адресу: Принсесс-стрит, 60. См. электронный адрес: www.edinphoto.org.uk/0_C/0_cabinet_prints_howie_6_edinburgh_medical_students_1880.htm.

⁹ Doyle, Arthur Conan, указ. соч., с. 24. Суммы и способ оплаты подтверждаются различными современными университетскими источниками.

¹⁰ Цит. по: How, Harry, указ. соч.

¹¹ Liebow, Ely M., указ. соч., сс. 68, 85, 134.

¹² Там же, с. 125–126.

¹³ Там же, сс. 125–126, 140–141.

¹⁴ Doyle, Arthur Conan, «Round the Red Lamp» («His First Operation»). New York: McClure, 1908.

¹⁵ Описание клиники цит. по: Grant, James. «Cassell's Old and New Edinburgh: Its History, Its People, and Its Places». 6 volumes. London: Cassell, Petter, Galpin & Co., 1880s., т. IV, с. 297–300.

¹⁶ Grant, James, указ. соч., т. IV, с. 298.

¹⁷ Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures». London: Hodder and Stoughton, 1924. Reprint: Oxford University Press, 1989, глава 3.

¹⁸ Bell, Joseph. «The Adventures of Sherlock Holmes». *Bookman* (London), December 1892. Reprinted under the title «Mr. Sherlock Holmes», предисловие к изданию «Этюда в багровых тонах» 1892 г. Ward, Lock & Company; Liebow, Ely M., указ. соч., с. 130–131, 134.

¹⁹ Описание доктором Беллом реакции Артура Конан Дойла в Scarlett, E. P., указ. соч., с. 700; описание этих событий самим Артуром Конан Дойлом приводится в Doyle, Arthur Conan, указ. соч.

²⁰ Saxby, Jessie M. E., указ. соч., с. 13.

²¹ Scarlett, E. P., указ. соч., с. 699; эти воспоминания практически повторяются в Liebow, Ely M., указ. соч.

²² Stoker, Bram. «Sir Arthur Conan Doyle Tells of His Career and Work, His Sentiments Towards America, and His Approaching Marriage». *New York World*, July 28, 1907.

²³ Miller, Russell. «The Adventures of Arthur Conan Doyle: A Biography». New York: St. Martin's, 2008, с. 60.

²⁴ Saxby, Jessie M. E., указ. соч., с. 21–22.

²⁵ Liebow, Ely M., указ. соч., с. 128.

²⁶ Turner, A. Logan. «Story of a Great Hospital: The Royal Infirmary of Edinburgh, 1729–1929». Edinburgh: Oliver & Boyd, 1937, с. 197.

²⁷ Liebow, Ely M., указ. соч., с. 128, со ссылкой на бывшего сокурсника Артура Конан Дойла доктора Клементя Ганна.

²⁸ How, Harry, указ. соч., с. 186.

²⁹ Doyle, Arthur Conan, указ. соч., с. 26.

³⁰ Jones, Harold Emery. «The Original of Sherlock Holmes». Первоначально опубликовано в качестве предисловия к *Conan Doyle's Best Books*. New York: Collier, 1904, с. vi.

³¹ Там же, с. v.

³² Медицинский журнал «Lancet» от 1 августа 1956 года.

³³ MacGillivray, Charles Watson. «Some Memories of Old Harveians, with Notes on Their Orations». *Edinburgh Medical Journal*, January 1912, с. 121.

³⁴ Curor, A. L. «Dr. Bell Our Teacher». *Daily Express* (London), July 11, 1930.

³⁵ Цит. по: Wallace, Irving. «The Incredible Dr. Bell». в *The Fabulous Originals: Lives of Extraordinary People Who Inspired Memorable Characters in Fiction*. New York: Knopf, 1955, с. 27.

Глава 2 Способности к дедукции

¹ Doyle, Arthur Conan, «Memories and Adventures». London: Hodder and Stoughton, 1924. Reprint: Oxford University Press, 1989, глава 1.

² Finnerud, Clark W. «Ferdinand von Hebra and the Vienna School of Dermatology». *A. M. A. Archives of Dermatology and Syphilology*, August 1, 1952, с. 225–226.

³ Цитаты Фердинанда фон Гебра и примеры его метода приводятся согласно воспоминаниям его студента, Джорджа Генри Фокса: Fox, George Henry. «Reminiscences». New York: Medical Life Press, 1926, с. 103–106. Автор издания: Klauder, Joseph V. «Sherlock Holmes as a Dermatologist: With Notes on the Life of Dr. Joseph Bell and the Sherlockian Method of

Teaching». *A. M. A. Archives of Dermatology and Syphilology*, October 1953, – указал мне на издание: Tardieu, Auguste Ambroise. «Mémoire sur les modifications physiques et chimiques que détermine dans certaines parties du corps l'exercice des diverse professions, pour servir à la recherche médico-légale de l'identité». ТК, с. 1849–1850. Anonymous translation, а также на указанное выше издание Джорджа Генри Фокса.

⁴ См.: Tardieu, Auguste Ambroise, указ. соч., с. 1849–1850.

⁵ Флобер упоминает Гильома Дюпюитрена в 11#й главе 2#й части. Рассказ Оноре де Бальзака доступен во многих изданиях; для ознакомления с историей вопроса см. Moulin, T. «Doctors in Balzac's Work». *Frontiers of Neurology and Neuroscience*, March 5, 2013.

⁶ Grant, James. «Cassell's Old and New Edinburgh: Its History, Its People, and Its Places». 6 volumes. London: Cassell, Petter, Galpin & Co., 1880s., т. IV, с. 298–299.

⁷ Doyle, Arthur Conan, «Round the Red Lamp» (глава 2, «His First Operation»). New York: McClure, 1908.

⁸ Воспоминания современника Артура Конан Дойла, студента С. Э. Дугласа, цит. по: Liebow, Ely M. «Dr. Joe Bell: Model for Sherlock Holmes». Bowling Green, KY: Bowling Green University Popular Press, 1982, с. 134–135.

⁹ Источник этого диалога – Jones, Harold Emery. «The Original of Sherlock Holmes». Originally published as preface to *Conan Doyle's Best Books*. New York: Collier, 1904, с. 14.

¹⁰ Jones, Harold Emery, указ. соч., с. iv и далее.

¹¹ Некоторые детали (например, относительно ливреи кучера) взяты в Scarlett, E. P. «The Old Original: Notes on Dr. Joseph Bell Whose Personality and Peculiar Abilities Suggested the Creation of Sherlock Holmes». *Archives of Internal Medicine*, November 1964, с. 699.

¹² Liebow, Ely M. «Dr. Joe Bell: Model for Sherlock Holmes». Bowling Green, KY: Bowling Green University Popular Press, 1982, с. 129.

¹³ Harrison, Michael. «A Study in Surmise: The Making of Sherlock Holmes». Bloomington, IN: Gaslight Publications, 1984, с. 234–235.

¹⁴ Bell, Joseph. «The Adventures of Sherlock Holmes». *Bookman* (London), December 1892. Переиздано под названием «Mr. Sherlock Holmes» как предисловие к изданию *A Study in Scarlet* от Ward, Lock & Company's 1892 г.

¹⁵ Westmoreland, Barbara F., and Jack D. Key. «Sir Arthur Conan Doyle, Joseph Bell, and Sherlock Holmes: A Neurologic Connection». *Archives of Neurology*, March 1991, с. 326.

¹⁶ См. раздел о Джеймсе Сайме в «Энциклопедия Британника», 11#е изд. (1911).

¹⁷ Bell, Joseph. «A Manual of the Operations of Surgery, for the Use of Senior Students, House Surgeons, and Junior Practitioners». 2nd ed. Edinburgh: Maclachlan and Stewart, 1869, с. ix.

¹⁸ Liebow, Ely M., указ. соч., с. 51.

¹⁹ Там же, с. 49–50.

²⁰ How, Harry. «A Day with Dr. Conan Doyle». *Strand*, August 1892, с. 186.

²¹ Liebow, Ely M., указ. соч., с. 56–57.

²² Saxby, Jessie M. E. «Joseph Bell: An Appreciation by an Old Friend». Edinburgh: Oliphant, Anderson & Ferrier, 1913, с. 25.

²³ Анонимный автор, «Некролог о смерти Джозефа Белла, доктора медицинских наук», с. 456–457.

²⁴ Там же.

²⁵ R. W. B. Ellis, с 1960 года «Scotsman»; цит. по: Liebow, Ely M., указ. соч., с. 68.

²⁶ Описание симптомов взято в Greenhow, Edward Headlam. «On Diphtheria». London: John W. Parker, 1860, с. 13.

²⁷ Hume, E. E. «Francis Home, M. D. (1719–1813): The Scottish Military Surgeon Who First Described Diphtheria as a Clinical Entity». *Bulletin of the History of Medicine* 11, 1942, с. 62.

²⁸ Moir, John. «On Croup: Its Nature and Treatment». *Edinburgh Medical Journal*, November 1878, с. 506–507.

²⁹ Greenhow, Edward Headlam. «On Diphtheria». London: John W. Parker, 1860, с. 12.

³⁰ Guilfoile, Patrick G. «Diphtheria». New York: Chelsea/Infobase, 2009, с. 25.

³¹ Saxby, Jessie M. E., указ. соч., с. 32–33.

³² Bell, Joseph. «Notes on a Case of Paralysis Following Diphtheria». *Edinburgh Medical Journal*, March 1865, с. 816–817.

³³ Liebow, Ely M., указ. соч., с. 135.

³⁴ Bell, Joseph, указ. соч., с. 816.

Глава 3 Артистичность, которая в крови

¹ Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures». London: Hodder and Stoughton, 1924. Reprint: Oxford University Press, 1989, с. 11–12.

² Там же, глава 1.

³ Там же. Уильям Теккерей умер в декабре 1863 года.

⁴ Там же.

⁵ Baker, Michael. «The Doyle Diary: The Last Great Conan Doyle Mystery». New York: Paddington Press, 1978, с. хxi. Дальнейшая информация о Мэтироне цитируется по этому изданию, если не указано иное.

⁶ Beveridge, A. «What Became of Arthur Conan Doyle's Father? The Last Years of Charles Altamont Doyle». *Journal of the Royal College of Physicians of Edinburgh* 36, 2006, с. 265; Doyle, Georgina. «Out of the Shadows: The Untold Story of Arthur Conan Doyle's First Family». Ashcroft, B. C.: Calabash Press, 2004, с. 31–32.

⁷ Jambon, Jean. «Our Trip to Blunderland, or, Grand Excursion to Blundertown and Back». Edinburgh: Blackwood and Sons, 1877.

⁸ Doyle, Arthur Conan, указ. соч., глава 1; воспоминания Мэри Дойл приведены в: Beveridge, A., указ. соч., с. 265.

⁹ В статье Beveridge, A., указ. соч., с. 265, цитируется письмо Мэри Дойл доктору Джеймсу Резерфорду в Королевской психиатрической больнице в г. Кричтон от 3 декабря 1892 года и описываются события «тридцатилетней давности, произошедшие в декабре 1862 года». Другие детали поведения Чарльза в этом контексте также цитируются в указанном издании со ссылкой на Марию Дойл. См. также: Baker, Michael, указ. соч., введение.

¹⁰ Beveridge, A., указ. соч., с. 265.

¹¹ Doyle, Arthur Conan, указ. соч., глава 1.

¹² Воспоминания Мэри Дойл цит. по: Beveridge, A., указ. соч., с. 265.

¹³ См. письмо Марии Дойл от 3 декабря 1892 года, цит. по: Norman, Andrew. «Arthur Conan Doyle: Beyond Sherlock Holmes». New York: History Press, 2007, с. 128–130; см. также:

Doyle, Georgina. «Out of the Shadows: The Untold Story of Arthur Conan Doyle's First Family». Ashcroft, B. C.: Calabash Press, 2004, с. 31.

¹⁴ Baker, Michael, указ. соч., с. xxiv.

¹⁵ Doyle, Arthur Conan. «Arthur Conan Doyle: A Life in Letters». Edited by Jon Lellenberg, Daniel Stashower, and Charles Foley. New York: Penguin Press, 2007, с. 79.

¹⁶ Doyle, Arthur Conan. «The Stark Munro Letters». New York: Longmans, Green, 1895, глава 3.

¹⁷ Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures». London: Hodder and Stoughton, 1924. Reprint: Oxford University Press, 1989, глава 2.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, глава 3.

Глава 4 Семь трудных шагов

¹ Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures». London: Hodder and Stoughton, 1924. Reprint: Oxford University Press, 1989, глава 2.

² Там же, с. 11; см. также Lycett, Andrew. «The Man Who Created Sherlock Holmes: The Life and Times of Sir Arthur Conan Doyle». New York: Free Press, 2007, с. 26.

³ Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures». London: Hodder and Stoughton, 1924. Reprint: Oxford University Press, 1989, глава 1.

⁴ Там же.

⁵ Holden, Horace. «Young Boys and Boarding-School: The Functions, Organisation and Administration of the Sub-Preparatory Boarding-School for Boys». Boston: Richard G. Badger/Gorham Press, 1913, с. 106–107.

⁶ Артур Конан Дойл подтверждает эти детали также в издании: Doyle, Arthur Conan. «Juvenilia». *Idler*, January 1893, хотя и спустя два с половиной десятилетия после данного факта; они кажутся отчасти вымышленными.

⁷ Miller, Russell. «The Adventures of Arthur Conan Doyle: A Biography». New York: St. Martin's, 2008, с. 110.

⁸ Lycett, Andrew. «The Man Who Created Sherlock Holmes: The Life and Times of Sir Arthur Conan Doyle». New York: Free Press, 2007, с. 122.

⁹ Macaulay, Thomas Babington. «Lord Macaulay's Essays (and Lays of Ancient Rome)». London: George Routledge and Sons, 1892 (т. I, с. 248, 569, 582; т. II, с. 548; т. IV, в разных местах; а также другие примеры).

¹⁰ Doyle, Arthur Conan. «Arthur Conan Doyle: A Life in Letters». Edited by Jon Lellenberg, Daniel Stashower, and Charles Foley. New York: Penguin Press, 2007, с. 32–33.

¹¹ Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures». London: Hodder and Stoughton, 1924. Reprint: Oxford University Press, 1989, глава 2.

¹² Doyle, Arthur Conan. «Arthur Conan Doyle: A Life in Letters», с. 73.

¹³ Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures», с. 17.

¹⁴ Там же, с. 8.

¹⁵ Эволюция его взглядов рассматривается в том же издании, глава 2 «Под иезуитами».

¹⁶ Doyle, Arthur Conan. «Arthur Conan Doyle: A Life in Letters», с. 81 (письмо к Мэри Дойл от мая 1876 года).

¹⁷ Там же, с. 78.

¹⁸ Miller, Russell, указ. соч, с. 40.

¹⁹ Doyle, Arthur Conan. «Juvenilia». *Idler*, January 1893.

²⁰ Этот рассказ в 30 слов, который обычно называют «Рассказ о бенгальском тигре», можно прочитать по адресу: https://www.arthur-conan-Doyle.com/index.php?title=The_Story_of_a_Bengal_Tiger.

²¹ Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures», глава 2.

²² Doyle, Arthur Conan. «Arthur Conan Doyle: A Life in Letters», с. 18–19 (письмо от Майкла Конана к Мэри Дойл от 11 апреля 1864 года).

²³ Cawthorne, Nigel. «A Brief History of Sherlock Holmes: The Complete Guide to the World's Most Famous Detective». London: Constable & Robinson, 2011, с. 4–5.

²⁴ Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures», с. 74.

²⁵ Lycett, Andrew, указ. соч., с. 481, сноска 47.

²⁶ Doyle, Arthur Conan. «Arthur Conan Doyle: A Life in Letters», с. 18–19 (письмо доктору Брайану Чарльзу Уоллеру от 9 сентября 1876 года).

Глава 5 Северные Афины

¹ Doyle, Arthur Conan. *Firm of Girdlestone* (глава 5).

² Black, Adam and Charles. «Black's Guide to Edinburgh and Environs, Hawthornden and Roslin». Edinburgh: Adam and Charles Black, 1868, с. 2.

³ Stevenson, Robert Louis. «Edinburgh: Picturesque Notes». London: Strangeways and Sons, 1879, с. 95.

⁴ Там же, с. 1.

⁵ Общепринятое в XIX веке английское название того, что сейчас называется Северным морем; Роберт Льюис Стивенсон также использует это название в своем произведении: Stevenson, Robert Louis, указ. соч., с. 1.

⁶ Campbell (Кэмпбелл)⁸⁷, с. 119.

⁷ Stevenson, Robert Louis, указ. соч., с. 87–88; Gilbert, W. M. «Edinburgh in the Nineteenth Century: Being a Diary of the Chief Events...» Edinburgh: J. and R. Allan, 1901, с. 132.

⁸ Роберт Льюис Стивенсон упоминал, что корабль был виден в Файфе, в Stevenson, Robert Louis, указ. соч., с. 14. Остальные подробности я собрал из фотографий.

⁹ Black, Adam and Charles. «Black's Picturesque Tourist of Scotland», 14th ed. Edinburgh: Adam and Charles Black, 1859, с. 26.

¹⁰ Там же, с. 27.

¹¹ Описание рынка «Grassmarket» в этом абзаце сделано в основном по фотографиям Джорджа Вашингтона Уилсона 1870#х годов.

¹² Stevenson, Robert Louis. «The Letters of Robert Louis Stevenson. Edited by Sidney Colvin». New York: Scribner's, 1911 (письмо от 14 октября 1873 года).

¹³ Там же, том 2, с. 230.

¹⁴ Stevenson, Robert Louis. «Edinburgh: Picturesque Notes», т. III, с. 86.

---

⁸⁷ Работа автора с такой фамилией в библиографии не значится. – Прим. ред.

¹⁵ Там же, глава 1.

¹⁶ Описание Старого города взято из того же источника, глава 2.

¹⁷ Doyle, Arthur Conan. «Southsea: Three Days in Search of Effects». *British Journal of Photography*, June 22, 1883.

¹⁸ Ballingall, William. «Edinburgh Past and Present: Its Associations and Surroundings». Edinburgh: J. Moodie Miller, 1877, с. 82; Stevenson, Robert Louis. «Edinburgh: Picturesque Notes», с. 17 и далее.

¹⁹ Doyle, Arthur Conan. «Arthur Conan Doyle: A Life in Letters» с. 79 (письмо Артура Конан Дойла из Фельдкирха к Мэри Дойл, апрель 1876 года).

²⁰ Там же, с. 80 (письмо Артура Конан Дойла к Мэри Дойл, май 1876 года).

²¹ Там же, с. 153.

²² Там же, с. 74–75.

²³ См. «Figures Ice-Skating» Чарльза Дойла на: www.artnet.com/artists/charles-altamont-Doyle/figures-ice-skating-n1E0Pj_6_9oVJy2ITKItHw2; иногда данное произведение упоминается под названием «Skaters on Duddington Loch».

²⁴ Stevenson, Robert Louis. «Edinburgh: Picturesque Notes», с. 104–105.

²⁵ Информация о различных видах спорта в Эдинбурге в то время взята в основном из издания Redmond, Gerald. «The Sporting Scots of Nineteenth-Century Canada». East Brunswick, NJ: Associated University Presses, 1982 (глава 2, особенно с. 54 и далее).

²⁶ Doyle, Arthur Conan, указ. соч., с. 79 (письмо Артура Конан Дойла из Фельдкирха к Мэри Дойл, апрель 1876).

Глава 6 Ни один человек из плоти и крови...

¹ Doyle, Arthur Conan. «Juvenilia». *Idler*, January 1893.

² Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures». London: Hodder and Stoughton, 1924. Reprint: Oxford University Press, 1989. Артур Конан Дойл вспоминает о своих приобретениях за три пенса, но не называет книжного магазина; исследователи его творчества (например, Lycett, Andrew. «The Man Who Created Sherlock Holmes: The Life and Times of Sir Arthur Conan Doyle». New York: Free Press, 2007, с. 57) приходят к мнению, что упоминание Конан Дойлом местонахождения книжного магазина и описание им книжных полок, а также ряд других деталей указывают на то, что это был магазин Джеймса Тина, в то время известное торговое заведение рядом с университетом. Полные адреса в различных изданиях того времени, в том числе в издании «Publishers Weekly», а также реклама магазина представлены в издании Bookmart: A Monthly Magazine of Literary, Library, and Bibliographical Intelligence, август 1887, с. 116.

³ Описание представлено в издании: Анонимный автор, «Booksellers of To-Day». *Publishers' Circular*, July 25, 1891; Froude, James Anthony. «Thomas Carlyle: A History of the First Forty Years of His Life, 1795–1835». 2 volumes. London: Longmans, Green, 1882 (т. I, с. 415, письмо Томаса Карлайла Джону Карлайлу от 29 ноября 1827 года).

⁴ «Booksellers of To-Day». *Publishers' Circular*, July 25, 1891, с. 83–84. Большая часть описания магазина Джеймса Тина взята из этой статьи.

⁵ Doyle, Arthur Conan. «Through the Magic Door». London: Smith, Elder, 1907. Serialized first in Cassell's from November 1906 through October 1907, глава 1. Соответствующая в данной главе (если не указано иное) взята из этого издания (глава 1).

⁶ Там же, глава 8.

⁷ Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures», глава 1.

⁸ Doyle, Arthur Conan. «Juvenilia». Судя по всему, здесь имеется противоречие с тем, что изложено в Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures».

⁹ Doyle, Arthur Conan. «Arthur Conan Doyle: A Life in Letters». Edited by Jon Lellenberg, Daniel Stashower, and Charles Foley. New York: Penguin Press, 2007, с. 67. Описание гробниц представлено в издании «Westminster Abbey» (Radnor, PA: Annenberg School Press/Doubleday, 1972).

¹⁰ Doyle, Arthur Conan. «Through the Magic Door», глава 1. В данной главе говорится, что он посетил могилу в возрасте шестнадцати лет. Надпись на могиле представлена на сайте: www.westminster-abbey.org/our-history/people/thomas-babington-macaulay.

¹¹ Артур Конан Дойл упоминает это как в произведении «Ювеналии», так и в своих «Воспоминаниях и приключениях».

¹² Ferris, Ian. «The Debut of The Edinburgh Review, 1802». «BRANCH: Britain, Representation, and Nineteenth-Century History», электронный адрес: www.branchcollective.org/?ps_articles=ina-ferris-the-debut-of-the-edinburgh-review#1802, с. 1.

¹³ Doyle, Arthur Conan. «Round the Red Lamp». New York: McClure, 1908, глава 1.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, глава 2.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Chandler, Alice. «Sir Walter Scott and the Medieval Revival». *Nineteenth-Century Fiction* 19, no. 4, March 1965, с. 317.

¹⁸ Scott, Walter. «Ivanhoe: A Romance». Edinburgh: Archibald Constable, 1820, глава 13.

¹⁹ Doyle, Arthur Conan. «Round the Red Lamp»; Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures», главы 2, 3; ряд других изданий.

²⁰ Black, Adam and Charles. «Black's Picturesque Tourist of Scotland», 14th ed. Edinburgh: Adam and Charles Black, 1859, с. 38.

²¹ Doyle, Arthur Conan. «Round the Red Lamp», глава 2.

²² В главе 1 своего произведения «Round the Red Lamp», а также в ряде других своих произведений Артур Конан Дойл поднимает вопросы о мужестве и его отражении в поэзии.

²³ Reid, Mayne. «The Scalp Hunters: A Romance of the Plain». New York: G. W. Dillingham, 1891, сс. 7, 12.

²⁴ Doyle, Arthur Conan. «Juvenilia». Именно из этого издания взяты все приведенные здесь примеры чтения Артуром Конан Дойлом приключенческой литературы.

Глава 7 Ода опиуму

¹ Smith, John. «The Origin, Progress, and Present Position of the Royal College of Surgeons of Edinburgh, 1505–1905». Edinburgh: Royal College of Surgeons, 1905, с. 1. Другие сведения об основании Эдинбургского Королевского хирургического колледжа взяты из того же издания, с. 2–5.

² Данное замечание принадлежит автору издания Lightman, Bernard. «Conan Doyle's Ideal Reasoner: The Case of the Reluctant Scientific Naturalist». *Journal of Literature and Science* 7, no. 2, 2014, с. 22.

³ *Dictionary of National Biography*, 1901, с. 333–334. Если не указано иное, биографические подробности взяты из этого источника.

⁴ Некролог Дж. Г. М. в издании «Nature» от 20 апреля 1899 года на сайте: www.nature.com/nature/journal/v59/n1538/abs/059590a0.html.

⁵ Анонимный автор «Sir Henry D. Littlejohn, M. D., LL. D. Edin., F. R.C. S.E». Некролог в издании *British Medical Journal*, 10 October 1914, с. 648. Краткая информация о стиле преподавания Генри Литлджона взята в основном из этого некролога, написанного бывшим студентом.

⁶ Lycett, Andrew. «The Man Who Created Sherlock Holmes: The Life and Times of Sir Arthur Conan Doyle». New York: Free Press, 2007, с. 26.

⁷ Christison, Robert. «The Life of Sir Robert Christison, Bart, Edited by His Sons». Two volumes. Edinburgh: William Blackwood and Sons, 1885 (т. I, с. 280 и далее). Большая часть сведений о его карьере взята из этого двухтомного издания.

⁸ Анонимный автор, некролог в издании «Scotsman» от 28 января 1882 года.

⁹ Christison, Robert. «On the Properties of the Ordeal-Bean of Old Calabar, Western Africa». *Monthly Journal of Medicine*, March 1855, с. 193–204.

¹⁰ Storey, G. D. «Alfred Baring Garrod». *Rheumatology* 40, no. 10, 2001, с. 1189–1190.

¹¹ Billings, Harold. «The *Materia Medica* of Sherlock Holmes». *Baker Street Journal*, 2006, с. 37.

¹² Там же, с. 38.

¹³ Там же.

¹⁴ Miller, Russell. «The Adventures of Arthur Conan Doyle: A Biography». New York: St. Martin's, 2008, с. 59.

Глава 8 Отравление ядом: опыты на себе

¹ Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures». London: Hodder and Stoughton, 1924. Reprint: Oxford University Press, 1989, глава 5.

² Там же, глава 3. Описание того, как Артур Конан Дойл работал с доктором Чарльзом Сидни Ричардсоном и доктором Реджинальдом Хоаром, взято из этой же главы.

³ Там же, глава 3.

⁴ Doyle, Arthur Conan. «The Stark Munro Letters». New York: Longmans, Green, 1895, глава 5.

⁵ Pulsifer, C. «Beyond the Queen's Shilling: Reflections on the Pay of Other Ranks in the Victorian British Army». *Journal of the Society for Army Historical Research* 80, 2002, 327; Doyle, Arthur Conan, «Memories and Adventures», глава 3.

⁶ Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures», глава 4.

⁷ Doyle, Arthur Conan. «Arthur Conan Doyle: A Life in Letters». Edited by Jon Lellenberg, Daniel Stashower, and Charles Foley. New York: Penguin Press, 2007, с. 111–112 (письмо к Мэри Дойл от 19 октября 1878 года).

⁸ Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures», глава 5.

⁹ Вначале Артур Конан Дойл упоминает, что использовал в эксперименте на себе гелиум, в письме к Мэри Дойл от июня 1879 года (Doyle, Arthur Conan. «Arthur Conan Doyle: A Life in Letters», с. 117); в более раннем письме к Мэри Дойл он отметил, что прибыл в Бир-

мингем 2 июня (там же, с. 113); таким образом, эксперимент должен был произойти в июне, хотя его отчет об этом не был напечатан в «Британском медицинском журнале» до сентября. Описание результатов эксперимента представлено в Doyle, Arthur Conan. «Gelsemium as a Poison». Letter to the editor. *British Medical Journal*, September 20, 1879.

¹⁰ Ringer, Sydney and William Murrell. «On Gelsemium Sempervirens». *Lancet*, статьи в журнале «Ланцет» с 1875 по 1878 год.

¹¹ Hare, Hobart Amory, et al. «The National Standard Dispensatory: Containing the Natural History, Chemistry, Pharmacy, Actions, and Uses of Medicines». Philadelphia: Lea & Febiger, 1909, с. 739–741, 1618. Следует отметить, что в данном издании используется орфография «gelsemium», установленная как стандарт вскоре после публикации статьи Артура Конан Дойла; обоснование изменения названия приводится в источнике «Druggists Circular and Chemical Gazette», 1879, с. 179.

¹² Billings, Harold. «The *Materia Medica* of Sherlock Holmes». *Baker Street Journal*, 2006, с. 41; Ringer, Sydney and William Murrell. *Lancet*, December 25, 1875.

¹³ Ringer, Sydney and William Murrell. *Lancet*, December 25, 1875.

¹⁴ James, Prosser. «A Guide to the New Pharmacopoeia». London: J. & A. Churchill, 1885, с. 72–73; Billings, Harold, указ. соч., с. 41.

¹⁵ Ringer, Sydney and William Murrell. Статьи в журнале «Ланцет» с 1875 по 1878 год.

¹⁶ Ringer, Sydney and William Murrell. *Lancet*, March 18, 1876.

¹⁷ Ringer, Sydney and William Murrell. *Lancet*, May 6, 1876.

¹⁸ Ringer, Sydney and William Murrell. *Lancet*, June 15, 1878.

¹⁹ Там же.

²⁰ Powell, Richard. «The Pharmacopoeia of the Royal College of Physicians of London». London: Longman, Hurst, Rees, and Orme, 1809, с. 6–7.

Глава 9 Невоздержанность

¹ Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures». London: Hodder and Stoughton, 1924. Reprint: Oxford University Press, 1989, с. 34. Большинство подробностей о рейсе на китобойном судне, в том числе наблюдения и размышления Артура Конан Дойла, если не указано иное, взято из этого издания (глава 4). Как станет ясно несколько позже, среди других источников журнал Артура Конан Дойла и издание: Sutherland, Gavin. «The Whaling Years: Peterhead, 1788–1893». Aberdeen: Centre for Scottish Studies, 1993.

² Там же, глава 3.

³ Doyle, Arthur Conan. «Dangerous Work: Diary of an Arctic Adventure». Edited by Jon Lellenberg and Daniel Stashower. Chicago: University of Chicago Press, 2012, с. 222, ссылка 11, (2 марта).

⁴ Там же, с. 223 (4 марта).

⁵ Doyle, Arthur Conan. «Arthur Conan Doyle: A Life in Letters». Edited by Jon Lellenberg, Daniel Stashower, and Charles Foley. New York: Penguin Press, 2007, с. 123.

⁶ Там же, с. 138 (письмо к Эми Хоар, июль 1881 года).

⁷ Там же, с. 140 (письмо к Мэри Дойл, июль 1881 года).

⁸ Doyle, Arthur Conan. «After Cormorants with a Camera». *British Journal of Photography*, 2 parts, October 14 and 21, 1881.

⁹ Beveridge, A. «What Became of Arthur Conan Doyle's Father? The Last Years of Charles Altamont Doyle». *Journal of the Royal College of Physicians of Edinburgh* 36, 2006, с. 265.

¹⁰ Norman, Andrew. «Arthur Conan Doyle: Beyond Sherlock Holmes». New York: History Press, 2007, с. 126. В настоящее время Кинкардиншир вошел в состав Абердиншира.

¹¹ В ежегоднике «Медицинский справочник»: http://search.wellcomelibrary.org/iii/encore/record/C__Rb1349810__SThe+Medica+Directory__Orightresult__X5?lang=eng&suite=cobalt.

¹² Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures», с. 23–24; там утверждается, что это произошло в 1879 году, когда Артуру Конан Дойлу «было двадцать лет»; Э. Беверидж ссылается на данные переписи населения в Великобритании 1881 года.

¹³ Lee, R. W. «Comparative Legislation as to Habitual Drunkards». *Journal of the Society of Comparative Legislation* 2, 1901, с. 243–246.

¹⁴ Данная информация взята из издания Doyle, Georgina. «Out of the Shadows: The Untold Story of Arthur Conan Doyle's First Family». Ashcroft, B. C.: Calabash Press, 2004, с. 41–42.

¹⁵ Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures», глава 7.

¹⁶ Doyle, Arthur Conan. «On the Slave Coast with a Camera». *British Journal of Photography*, March 31 and April 7, 1882 (судно упоминается в этом издании); информацию о кораблекрушении см. на: www.wrecksite.eu/wreck.aspx?71808.

¹⁷ Doyle, Arthur Conan. «On the Slave Coast with a Camera».

¹⁸ Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures», глава 5. Приведенный выше пример с акулой также взят из указанной главы.

¹⁹ Там же.

²⁰ Doyle, Arthur Conan. «Arthur Conan Doyle: A Life in Letters» с. 147 (письмо Артура Конан Дойла матери, январь 1882 года).

Глава 10 Доктор Конан Дойл, хирург

¹ Doyle, Arthur Conan. «Arthur Conan Doyle: A Life in Letters». Edited by Jon Lellenberg, Daniel Stashower, and Charles Foley. New York: Penguin Press, 2007, с. 153 (письмо Артура Конан Дойла Лотти Дойл, январь 1882 года).

² Там же, в разных местах, прежде всего в письмах Артура Конан Дойла своей матери и своей сестре.

³ Там же, с. 155 и далее; Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures». London: Hodder and Stoughton, 1924. Reprint: Oxford University Press, 1989, глава 6.

⁴ В издании: Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures», глава 7 – Артур Конан Дойл упоминает «июнь или июль 1882 года»; автор издания: Stavert, Geoffrey. «A Study in Southsea: From Bush Villas to Baker Street». Portsmouth: Milestone Publications, 1987, с. 19–22 – убедительно доказывает, что это произошло в конце июня, он даже указывает точный день: суббота, 24 июня.

⁵ Doyle, Arthur Conan. «Southsea: Three Days in Search of Effects». *British Journal of Photography*, June 22, 1883.

⁶ Там же.

⁷ Stavert, Geoffrey. «A Study in Southsea: From Bush Villas to Baker Street». Portsmouth: Milestone Publications, 1987, с. 17.

⁸ Doyle, Arthur Conan. «Arthur Conan Doyle: A Life in Letters».

⁹ Stavert, Geoffrey, указ. соч., с. 9; данное разумное предположение принадлежит автору этой книги.

¹⁰ Там же.

¹¹ Doyle, Arthur Conan. «Arthur Conan Doyle: A Life in Letters», с. 157.

¹² Sadden, John. «The Portsmouth Book of Days». Stroud, Gloucestershire: History Press, 2012 (запись от 18 января).

¹³ См. фотографию в: Stavert, Geoffrey, указ. соч., с. 11; история Портсмута представлена на сайте: www.welcometoportsmouth.co.uk/portsmouth%20trams.html.

¹⁴ Stavert, Geoffrey, указ. соч., с. 10–11; Портсмутский городской музей на сайте: www.geograph.org.uk/photo/1987460.

¹⁵ Цит. по «История муниципального жилищного строительства в Портсмуте», сайт: www.portsmouth.gov.uk/ext/documents-external/Hou#100years-history-of-housing.pdf.

¹⁶ Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures». London: Hodder and Stoughton, 1924. Reprint: Oxford University Press, 1989, с. 63.

¹⁷ Doyle, Arthur Conan. «Arthur Conan Doyle: A Life in Letters» – на с. 160 указанного издания рассказывается, когда именно он переехал и куда; на с. 161 воспроизводится набросок улицы с пометками Артура Конан Дойла; Stavert, Geoffrey, указ. соч. – на с. 16 указанного издания представлена реклама гостиницы 1880#х годов с видом дома, церкви и гостиницы; в номере «Building News» от 21 ноября 1879 года был опубликован архитектурный план восстановления церкви, а также описание данного района; эта информация доступна по электронному адресу: http://archiseek.com/2012/1879#elm-grove-baptist-church-southsea-hampshire/#.VG5TXN5_a2w.

¹⁸ Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures», с. 63.

¹⁹ Doyle, Arthur Conan. «Arthur Conan Doyle: A Life in Letters», с. 161; Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures», с. 63.

²⁰ Doyle, Arthur Conan. «Arthur Conan Doyle: A Life in Letters», с. 162, 184.

²¹ Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures», с. 65.

²² Doyle, Arthur Conan. «Arthur Conan Doyle: A Life in Letters», с. 199.

²³ Там же, с. 182–183.

²⁴ Там же, с. 166.

²⁵ Там же, с. 175–176.

²⁶ Там же.

²⁷ Stavert, Geoffrey, указ. соч., с. 34–35; определение «молодой» значилось в издании: *Dentists Register*, 132 (London: General Medical Council/Spottiswoode, 1904).

²⁸ Stavert, Geoffrey, указ. соч., с. 34.

²⁹ Doyle, Arthur Conan. «Arthur Conan Doyle: A Life in Letters», с. 167.

³⁰ Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures», с. 62–63.

³¹ Там же, с. 65.

³² Doyle, Arthur Conan. «Arthur Conan Doyle: A Life in Letters», с. 180.

³³ Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures», с. 68–69.

³⁴ Там же. Соседке он сказал просто: «У меня его нет».

³⁵ Там же, с. 69–70.

³⁶ Там же, с. 69.

Глава 11 Другое богатство: молодость и отвага

¹ Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures». London: Hodder and Stoughton, 1924. Reprint: Oxford University Press, 1989, глава 6.

² Doyle, Arthur Conan. «Arthur Conan Doyle: A Life in Letters». Edited by Jon Lellenberg, Daniel Stashower, and Charles Foley. New York: Penguin Press, 2007, с. 168–169.

³ Там же, с. 165.

⁴ Там же, с. 164.

⁵ Там же, с. 184–185.

⁶ Там же, с. 167–168.

⁷ Там же, с. 97–100.

⁸ Там же, с. 120.

⁹ Там же, с. 21.

¹⁰ Там же, с. 52.

¹¹ Муниципальный совет Портсмута, «История муниципального жилищного строительства в Портсмуте», www.portsmouth.gov.uk/ext/documents-external/hou#100years-history-of-housing.pdf.

¹² Kipling, Rudyard. «Something of Myself». London: Macmillan, 1937, глава 1; Green, Roger Lancelyn. «Kipling and the Children». London: Elek Books, 1965, с. 44–45.

¹³ Doyle, Arthur Conan. «Arthur Conan Doyle: A Life in Letters», с. 172.

¹⁴ Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures», с. 67. Текст взят из письма Иннеса.

¹⁵ Многочисленные примеры см. в Doyle, Arthur Conan. «Arthur Conan Doyle: A Life in Letters», в частности с. 162, 165, 170.

¹⁶ Там же, с. 161–162.

¹⁷ Там же, с. 160.

¹⁸ Там же, с. 159.

¹⁹ Doyle, Arthur Conan. «Arthur Conan Doyle: A Life in Letters», с. 199.

²⁰ Там же, с. 198 (письмо Шарлотте Драммонд, без даты).

²¹ Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures», с. 70.

²² Streeter, Burnett Hillman. «The Chained Library: A Survey of Four Centuries in the Evolution of the English Library». New York: Burt Franklin, 1931, с. xiv.

²³ Trollope, Anthony. «On English Prose Fiction as a Rational Amusement». In *Four Lectures*, edited by Morris L. Parrish. London: Constable, 1938, с. 108. Гиневер Грист цитирует эту строчку на с. 3 в контексте дальнейшего обсуждения этой темы.

²⁴ Griest, Guinevere L. «Mudie's Circulating Library and the Victorian Novel». Indianapolis: Indiana University Press, 1970, с. 4.

²⁵ Произведение Гиневера Гриста – самая полная книга о Чарльзе Эдварде Муди и его пользовавшихся большим спросом библиотеках с выдачей книг на дом.

²⁶ Griest, Guinevere L., указ. соч., с. 40 и далее.

²⁷ James, Henry. «Hardy's Far from the Maddening Crowd», *Nation*, December 24, 1874.

²⁸ Doyle, Arthur Conan. «My Favorite Novelist». *Munsey's Magazine*, January 1898; Doyle, Arthur Conan, *Magic Door*, глава 6.

²⁹ Цит. по: Griest, Guinevere L., указ. соч., с. 116 со ссылкой на письмо Чарльза Рида в коллекции Берга, Нью-Йоркская публичная библиотека.

³⁰ Doyle, Arthur Conan. «Arthur Conan Doyle: A Life in Letters», с. 172–173.

³¹ Там же, с. 173.

³² Doyle, Arthur Conan. «Juvenilia». *Idler*, January 1893.

³³ Сравнение принадлежит самому Артуру Конан Дойлу; Doyle, Arthur Conan. «Arthur Conan Doyle: A Life in Letters», с. 151 (письмо к Мэри Дойл, март 1882 года).

³⁴ Там же, сс. 171, 174, 182; см. *All the Year Round* от 2 сентября 1882 года.

Глава 12 Замкнутый круг

¹ Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures». London: Hodder and Stoughton, 1924. Reprint: Oxford University Press, 1989, глава 8.

² Payn, James. «The Family Scapegrace». In *My First Book*. London: Chatto & Windus, 1897, с. 15 и далее.

³ Doyle, Arthur Conan. «Juvenilia». *Idler*, January 1893.

⁴ Doyle, Arthur Conan. «Arthur Conan Doyle: A Life in Letters». Edited by Jon Lellenberg, Daniel Stashower, and Charles Foley. New York: Penguin Press, 2007, с. 170–171. Рассказ «Дом на дюнах» был опубликован в сентябре – октябре 1880 года.

⁵ Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures», глава 8.

⁶ Doyle, Arthur Conan. «The Narrative of John Smith». London: British Library, 2011. В первоначальном виде публиковался в 1884–1893 гг., в частично измененном виде был опубликован в 2011 году.

⁷ На это обращает внимание Гари Уильям Кроуфорд, а также другие исследователи.

⁸ Doyle, Arthur Conan. «Arthur Conan Doyle: A Life in Letters», с. 242.

⁹ Doyle, Arthur Conan, «Firm of Girdlestone».

¹⁰ Doyle, Arthur Conan. «Arthur Conan Doyle: A Life in Letters», с. 270.

¹¹ Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures», глава 8.

Глава 13 Невидимый мир

¹ Doyle, Georgina. «Out of the Shadows: The Untold Story of Arthur Conan Doyle's First Family». Ashcroft, B. C.: Calabash Press, 2004, с. 35.

² Там же, с. 54.

³ Doyle, Arthur Conan. «The Stark Munro Letters». New York: Longmans, Green, 1895, глава 15. В оригинале фразы Конан Дойла идут в обратном порядке.

⁴ Doyle, Georgina, указ. соч., с. 54.

⁵ www.friendsofhighlandroadcemetery.org.uk/history.htm.

⁶ Beveridge, A. «What Became of Arthur Conan Doyle's Father? The Last Years of Charles Altamont Doyle». *Journal of the Royal College of Physicians of Edinburgh* 36, 2006, с. 266. Описание приюта в Монтроуз, в том числе цитаты, если не указано иное, взяты из этой статьи.

⁷ Poole, Richard. «Memoranda Regarding the Royal Lunatic Asylum, Infirmary, and Dispensary, of Montrose». Montrose: J. & D. Nichol, 1841, прежде всего с. 1—21.

⁸ См.: www.historic-hospitals.com/gazetteer/angus/.

⁹ См. письмо Мэри Дойл от 3 декабря 1892 года, полностью воспроизведенное в: Norman, Andrew. «Arthur Conan Doyle: Beyond Sherlock Holmes». New York: History Press, 2007, с. 128–130.

¹⁰ Beveridge, A., указ. соч., с. 266.

¹¹ См. указ. письмо Мэри Дойл от 3 декабря 1892 года.

¹² Beveridge, A., указ. соч., с. 265.

¹³ Там же, с. 267.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См. воспоминания Мэри, дочери Туи, в Doyle, Georgina, указ. соч., с. 101.

¹⁶ Doyle, Georgina, указ. соч., с. 55.

¹⁷ Там же, с. 62–63.

¹⁸ Там же, с. 61.

¹⁹ Doyle, Arthur Conan. «Arthur Conan Doyle: A Life in Letters». Edited by Jon Lellenberg, Daniel Stashower, and Charles Foley. New York: Penguin Press, 2007, с. 70.

Часть II Пророки и полиция

Глава 14 Метод Задига

¹ Цитаты из историй про пророка Даниила приводятся по переработанному и исправленному изданию Новой американской Библии 2011 года. Я пользовался текстом этого издания, представленным на веб-сайте Конференции католических епископов США.

² Цитаты из историй про Задига приводятся по изданию анонимного перевода произведений Вольтера (глава 3) XIX века.

³ Coleman, William. «Georges Cuvier, Zoologist: A Study in the History of Evolution Theory». Cambridge: Harvard University Press, 1964, с. 102.

Глава 15 По следам Эдгара По

¹ Doyle, Arthur Conan. «Preface to the Author's Edition». *The Adventures of Sherlock Holmes*. New York: D. Appleton, 1902, с. vi.

² Poe, Edgar Allan. «The Murders in the Rue Morgue». *Graham's*, April 1841.

³ Там же.

⁴ Цит. по: Walker, Ian M, editor. «Edgar Allan Poe: The Critical Heritage». London: Psychology Press, 1997, с. 132–133.

⁵ Там же, с. 135.

⁶ Для ознакомления с библиографическим материалом см. соответствующие страницы на веб-сайте Балтиморского общества любителей Эдгара Аллана По по следующим электронным адресам: www.eapoe.org/index.htm, www.eapoe.org/works/editions/agft001c.htm.

⁷ Кеннет Сильвермен излагает эту точку зрения на с. 172 издания Silverman, Kenneth. «Edgar A. Poe: Mournful and Never-Ending Remembrance». New York: HarperCollins, 1991; другие критики в своих рецензиях занимают аналогичную позицию.

⁸ Эдгар Аллан По, письмо Филиппу П. Куку от 9 августа 1846 года, источник: LTR240/RCL654, доступно на www.eapoe.org/works/letters/p4608090.htm.

⁹ Silverman, Kenneth. «Edgar A. Poe: Mournful and Never-Ending Remembrance». New York: HarperCollins, 1991, с. 149–150, переиздание: «William Wilson».

¹⁰ Humphreys, David. «The Miscellaneous Works of Colonel Humphreys». New York: Hodge, Allen, & Campbell, 1790, с. 75.

¹¹ Scott, Walter. «Count Robert of Paris». Edinburgh: Robert Cadell, 1832.

¹² Там же, глава 25.

Глава 16 «Как вы узнали это?»

¹ Doyle, Arthur Conan. «Preface to the Author's Edition». *The Adventures of Sherlock Holmes*. New York: D. Appleton, 1902, с. vi.

² Подробная информация о пиратском издании во Франции рассказа Эдгара По «Убийство на улице Морг» см. в Wigmore, John H. «Did Poe Plagiarize the Murders in the Rue

Morgue?» *Cornell Law Review*, February 1928 (в частности, с. 231–235), Cutler, Edward S. «Recovering the New: Transatlantic Roots of Modernism». Hanover, NH: University Press of New England, 2003, глава 1.

³ См. каталог выставки «Baudelaire, Translator of Edgar Allan Poe», Brown University («Бодлер, переводчик Эдгара Аллана По», Университет Брауна), электронный адрес: www.library.brown.edu/cds/ baudelaire/translations1.html.

⁴ Dumas, Alexandre. «The Romances of Alexandre Dumas D'Artagnan Edition». Translator anonymous. Boston: Little, Brown, 1888, т. XX, с. 226.

Глава 17 Шахматная партия с живыми фигурами

¹ Информация о развитии полицейских структур в Англии, от времен норманнов до конца XIX века, представлена в издании: Lee, W. L. Melville. «A History of Police in England». London: Methuen, 1901; более современный и детальный анализ деятельности детективов в Викторианскую эпоху представлен в издании: Shpayer-Makov, Naia. «The Ascent of the Detective: Police Sleuths in Victorian and Edwardian England». Oxford: Oxford University Press, 2011.

² В издании Lee, W. L. Melville. «A History of Police in England». London: Methuen, 1901 указанный вопрос о доверии и сотрудничестве между сторонами рассматривается на с. 329 и далее.

³ Sala, George Augustus. «Things I Have Seen and People I Have Known». 2 volumes. London: Cassell and Company, 1895, т. I, с. 95.

⁴ См. журнал «Household Words» от 27 июля 1850 года. См. также Collins, Philip. «Dickens and Crime». Bloomington: Indiana University Press, 1968 (глава 9, в частности, с. 198 и далее).

⁵ Sala, George Augustus, указ. соч., т. I, с. 76.

⁶ Там же, т. I, с. 95.

⁷ Dickens, Charles. «The Letters of Charles Dickens» (The Pilgrim Edition). Edited by Madeline House, Graham Storey, and Kathleen Tillotson. Volume 6, Oxford: Clarendon Press, 1988 (т. VI, с. 380; письмо Бульверу Литтону от 9 мая 1851 года). Более подробная информация о позиции Диккенса в отношении сотрудников полиции и сыщиков представлена в издании: Collins, Philip. «Dickens and Crime». Bloomington: Indiana University Press, 1968 (в частности, глава 9).

⁸ Summerscale, Kate. «The Suspicions of Mr. Whicher». New York: Walker, 2008, с. 51 и далее.

⁹ Wills, W. Henry. Old Leaves: Gathered from Household Words. New York: Harper & Brothers, 1860, с. 104 и далее.

¹⁰ Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures». London: Hodder and Stoughton, 1924. Reprint: Oxford University Press, 1989, глава 7.

Часть III Мистер Холмс и доктор Ватсон

¹ Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures». London: Hodder and Stoughton, 1924. Reprint: Oxford University Press, 1989, глава 12.

Глава 18 Доктор Сэкер и мистер Хоуп

¹ Bergem, Phillip George. «The 1887 Beeton's Christmas Annual: The Annual, the Author, and the Artist». Privately published catalog.

² Gaboriau, Emile. «The Mystery of Orcival». Anonymous English translation. New York: Holt & Williams, 1871, с. 45.

³ Doyle, Arthur Conan, 1887, глава 4.

⁴ Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures». London: Hodder and Stoughton, 1924. Reprint: Oxford University Press, 1989, глава 8.

⁵ Godfrey, Barry. «Crime in England 1880–1945: The Rough and the Criminal, the Police and the Incarcerated». New York: Routledge, 2014, с. 136–138; см. также Donald Reid, «I discuss the growth of fingerprint studies» в издании: Michael Sims, «Adam's Navel: A Natural and Cultural History of the Human Form». New York: Viking, 2003, с. 166–173.

⁶ См. иллюстрации в издании Doyle, Arthur Conan. «Arthur Conan Doyle: A Life in Letters». Edited by Jon Lellenberg, Daniel Stashower, and Charles Foley. New York: Penguin Press, 2007, с. 245.

⁷ Harrison, Michael. «A Study in Surmise: The Making of Sherlock Holmes». Bloomington, IN: Gaslight Publications, 1984, с. 33–37. Майкл Харрисон предполагает множество причин, по которым Артуром Конан Дойлом было выбрано именно это имя; я привожу только те, которые представляются разумными, а не надуманными и имеющие непосредственное отношение к моей книге.

⁸ Redmond, Donald A. «Sherlock Holmes: A Study in Sources». Montreal: McGill-Queen's University Press, 1982, с. 33.

⁹ Там же, с. 32–33.

¹⁰ Там же, с. 35.

¹¹ Там же, с. 33; Porter, Andrew. «Religion Versus Empire? British Protestant Missionaries and Overseas Expansion, 1700–1914». Manchester: Manchester University Press, 2004, с. 276.

¹² Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures», глава 7.

¹³ Stoker, Bram. «Sir Arthur Conan Doyle Tells of His Career and Work, His Sentiments Towards America, and His Approaching Marriage». *New York World*, July 28, 1907, с. 8.

¹⁴ *Home Chronicler* от 2 марта 1878 года, с. 137, а также от 25 февраля 1878 года, с. 122; *Times* от 3 ноября 1877 года. Mrs. Meredith, «Juvenile Delinquency», *Transactions of the National Association for the Promotion of Social Science*, 1881, с. 375. При цитировании делаются ссылки на издание: Stavert, Geoffrey. «A Study in Southsea: From Bush Villas to Baker Street». Portsmouth: Milestone Publications, 1987, с. 158.

¹⁵ www.archiver.rootsweb.ancestry.com/th/read/LONDON/2000—10/0970943447.

¹⁶ «The Portsmouth Evening News» от 16 февраля 1881 года, доступно на: www.kenthistoryforum.co.uk/index.php?topic=6163,0.

¹⁷ Booth, Martin. «The Doctor and the Detective: A Biography of Sir Arthur Conan Doyle». New York: Thomas Dunne/St. Martin's, 1997, с. 107.

¹⁸ «Times» от 6 января 1883 года.

¹⁹ Harrison, Michael. «A Study in Surmise: The Making of Sherlock Holmes». Bloomington, IN: Gaslight Publications, 1984, с. 38–39.

²⁰ Там же, с. 39.

²¹ Там же, с. 177–178.

²² См. сайт Королевского колледжа врачей: www.munksroll.rcplondon.ac.uk/Biography/Details/4657.

²³ Артур Конан Дойл использовал образ страдавшего подагрой суставов пальцев в опубликованном в 1904 году рассказе о Шерлоке Холмсе «Пропавший регбист». Источник информации: Watson, Thomas. «Lectures on the Principles and Practice of Physic». London: Parker & Son, 1843, т. II с. 1067. Для дополнительной информации см.: Klinger, Leslie S. «Those Gouty Knuckles...» *Baker Street Journal*, September 1999, с. 28–29. Именно Лесли Клингер обратила мое внимание на этот факт.

²⁴ Общую справочную информацию о позиции Великобритании по данному вопросу во времена Артура Конан Дойла см. в Hanna, H. B. «The Second Afghan War, 1878—79–80: Its Causes, Its Conduct, and Its Consequences». 2 volumes. London: Archibald Constable, 1904.

²⁵ web.archive.org/web/20070928000734/http://www.readingmuseum.org.uk/collections/album/pdfs/maiwand#25.pdf.

²⁶ Klinger, Leslie S. «The New Annotated Sherlock Holmes». Three volumes. New York, W. W. Norton, 2005, 2006, т. III, с. 8, п. 3.

²⁷ Baring-Gould⁸⁸, т. I, с. 178, п. 111.

²⁸ Doyle, Arthur Conan, 1887, глава 1.

Глава 19 Богема с Бейкер-стрит

¹ Артур Конан Дойл, письмо Роберту Льюису Стивенсону, 1893 год.

² Адрес указан в третьем рассказе Эдгара Аллана По об Огюсте Дюпене «Украденное письмо».

³ Baring-Gould, т. I, с. 86.

⁴ Примеры в этом отрывке взяты из Wheatley, Henry B. «London Past and Present: Its History, Associations, and Traditions». 3 volumes. London: John Murray, 1891, т. I, с. 90–91.

⁵ Baring-Gould, указ. соч., с. 85, 86.

⁶ Reade, Charles. «A Terrible Temptation: A Story of the Day». 3 volumes. London: Chapman and Hall, 1871, т. II, с. 125–126.

⁷ Thackeray, William Makepeace. «Vanity Fair: A Novel without a Hero». London: Bradbury and Evans, 1848, глава 44.

⁸ Анонимный автор, «The Literature of Bohemia». *Westminster Review*, January 1863, с. 17–18.

---

⁸⁸ Скорее всего автор имеет в виду какую-то из работ Уильяма Стюарта Беринг-Гулда (William Stuart Baring-Gould) – одного из самых известных исследователей Шерлока Холмса, однако в список литературы (см. ниже) ни одна из его книг не вошла. – *Прим. ред.*

Глава 20 Немного науки

¹ Saxby, Jessie M. E. «Joseph Bell: An Appreciation by an Old Friend». Edinburgh: Oliphant, Anderson & Ferrier, 1913, с. 23–24.

² Пое, Edgar Allan. «The Murders in the Rue Morgue». *Graham's*, April 1841. Хотя рассказ о Холмсе «Второе пятно» был опубликован уже после того периода, который охватывает моя книга, это произведение Артура Конан Дойла по своему построению больше всех остальных напоминает произведения Эдгара Аллана По. В нем присутствуют небрежное обращение с пропавшим письмом, угрозы шантажа и тайник, не являвшийся, по существу, таковым. Однако в то же время этот рассказ стал в каком-то роде повторным изложением рассказа «Скандал в Богемии». Примечание: все цитаты и эпизоды с участием Огюста Дюпена взяты из трех рассказов Эдгара Аллана По об этом сыщике.

³ Там же.

⁴ Артур Конан Дойл открыто цитирует Роберта Льюиса Стивенсона и Брета Гарта во многих своих произведениях; см., например: Stoker, Bram. «Sir Arthur Conan Doyle Tells of His Career and Work, His Sentiments Towards America, and His Approaching Marriage». *New York World*, July 28, 1907, а также книгу Артура Конан Дойла «За волшебной дверью», глава 6.

⁵ Lycett, Andrew. «The Man Who Created Sherlock Holmes: The Life and Times of Sir Arthur Conan Doyle». New York: Free Press, 2007, с. 107–108.

⁶ Артур Конан Дойл подтверждал это в многочисленных письмах к своей матери (см.: Doyle, Arthur Conan. «Arthur Conan Doyle: A Life in Letters». Edited by Jon Lellenberg, Daniel Stashower, and Charles Foley. New York: Penguin Press, 2007), а также в различных автобиографических произведениях, в том числе в статье 1880 года о своем походе на борту китобойного судна и в более поздних упоминаниях о своей службе добровольцем в армии.

⁷ Gaboriau, Emile. «The Mystery of Orcival». Anonymous English translation. New York: Holt & Williams, 1871, глава 7 (на русском языке: Эмиль Габорио, «Преступление в Орсивале», Лениздат, 1990).

⁸ См. интервью Артура Конан Дойла в 1927 году, доступно на: www.youtube.com/watch?v=XWjgt9PzYEM.

Глава 21 Книга жизни

¹ См. интервью Артура Конан Дойла в 1927 году, доступно на www.youtube.com/watch?v=XWjgt9PzYEM.

² Эта точка зрения изложена в издании: Snyder, Laura J. «Sherlock Holmes: Scientific Detective». *Endeavour*, September 2004, с. 105. Метод Шерлока Холмса хорошо представлен в издании: Konnikova, Maria. «Mastermind: How to Think Like Sherlock Holmes». New York: Viking, 2013, с. 155–208 (на русском языке: Мария Конникова, «Выдающийся ум: мыслить, как Шерлок Холмс». М.: Азбука-Бизнес, Азбука-Аттикус, 2014).

³ Bacon, Francis. «The Physical and Metaphysical Works of Lord Bacon, including The Advancement of Learning and Novum Organum». Edited by Joseph Devey. London: Bell & Daldy, 1872.

⁴ Macaulay, Thomas Babington. «Lord Macaulay's Essays (and Lays of Ancient Rome)». London: George Routledge and Sons, 1892, с. 428.

⁵ How, Harry. «A Day with Dr. Conan Doyle». *Strand*, August 1892, с. 188.

Глава 22 Колдовство в пустыне

¹ Doyle, Arthur Conan. «Our Second American Adventure». London: Hodder and Stoughton, 1923, глава 5.

² См. запись судебного заседания, опубликованную источником: анонимный автор, «The Original Prophet, by a Visitor to Salt Lake City». *Eclectic Magazine of Foreign Literature, Science, and Art*, April 1873, с. 229–230 (для прояснения обстоятельств дела см. всю статью); Brodie, Fawn. «No Man Knows My History: The Life of Joseph Smith». New York: Knopf, 1945; rev. ed., 1971, с. 121.

³ Для понимания предыстории и обстоятельств дела Джозефа Смита см.: Brodie, Fawn. «No Man Knows My History: The Life of Joseph Smith». New York: Knopf, 1945; rev. ed., 1971.

⁴ Tracy, Jack. «Conan Doyle and the Latter-day Saints». Revised edition. Bloomington, IN: Gaslight Publications, 1979, с. 41–42.

⁵ Wall, Brian, and Sarah Ames. «Parallel Prosecutions: Mormon Polygamy and Evidentiary Doubt in *The Dynamiter and A Study in Scarlet*». Unpublished manuscript based upon Ph. D. dissertation, с. 2.

⁶ Arrington, Leonard J., and Jon Haupt. «Intolerable Zion: The Image of Mormonism in Nineteenth Century American Literature». *Western Humanities Review*, Summer 1968, с. 244 и далее. Общая информация о литературной реакции на мормонизм представлена с опорой на данное издание. Леонард Аррингтон был связан с церковью мормонов и, по-видимому, скептически относится к критике в их адрес, однако его статья может служить руководством по поиску основных источников информации на данную тему.

⁷ Ward, Mrs. Maria [pseud.]. «Female Life Among the Mormons: A Narrative of Many Years' Personal Experience. By the Wife of a Mormon Elder, Recently from Utah». New York: J. C. Derby, 1855, с. 66.

⁸ Arrington, Leonard J., and Jon Haupt, указ. соч., с. 257. Упомянутое произведение: Albert W. Aiken, «Gold Dan».

⁹ Twain, Mark. «Roughing It». Hartford, CT: American Publishing, 1873, глава 12.

¹⁰ Траси, Джек, указ. соч., с. 62; именно это издание помогло мне разгадать тайну племени Уошо, в нем утверждалось (на основании подробного исследования автором деятельности мормонов в XIX веке), что слово «уошо» больше нигде не используется.

¹¹ Twain, Mark, указ. соч., с. 160.

Глава 23 Прирожденный писатель

¹ Doyle, Arthur Conan. «The Narrative of John Smith». London: British Library, 2011, с. 27.

² Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures». London: Hodder and Stoughton, 1924. Reprint: Oxford University Press, 1989, глава 8.

³ Там же; подробности об Эроусмите представлены на электронном адресе: www.discovery.nationalarchives.gov.uk/details/rd/387891c4—3179—43e8—8d76—4cdbcbceb70a. См. также «The Bookseller» от 24 января 1908 года, с. 40.

⁴ В своей книге «Воспоминания и приключения» Артур Конан Дойл упомянул, что он послал произведение в издательство «Уорд, Локк энд компани». Действительно, на момент

написания им своей автобиографии издательство называлось именно так, однако в 1886 году оно называлось «Уорд энд Локк». См. www.wardlockredguides.co.uk/page/aboutWL.html.

⁵ Pierce, Peter, editor. «The Cambridge History of Australian Literature». Cambridge: Cambridge University Press, 2009, с. 114, 274.

⁶ Hume, Fergus. «The Mystery of a Hansom Cab». Melbourne: Hume, 1886, глава 4.

⁷ Информация о Джордже Томасе Беттани представлена в (анонимный автор): «George Thomas Bettany (1850–1891)». Некролог в издании *Times*, 4 December 1891. История о том, как Джини Гвинн Беттани «открыла» для читателей «Этюд в багровых тонах», представлена в: Kernahan, John Coulson. «Personal Memories of Sherlock Holmes». *London Quarterly and Holborn Review*, October 1934. Именно отсюда взято большинство деталей данного эпизода.

⁸ Kernahan, John Coulson. «Personal Memories of Sherlock Holmes». *London Quarterly and Holborn Review*, October 1934.

⁹ Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures», глава 7.

¹⁰ Там же, глава 7. Последующие сведения о размышлениях Артура Конан Дойла взяты из того же источника.

¹¹ Bergem, Phillip George. «The 1887 Beeton's Christmas Annual: The Annual, the Author, and the Artist». Частным образом изданный каталог, с. 1.

¹² О финансовом кризисе см. Elliott, Geoffrey. «The Mystery of Overend and Gurney: A Financial Scandal in Victorian London». London: Methuen, 2006.

¹³ См.: Liveing, Edward. «Adventure in Publishing: The House of Ward Lock, 1854–1954». London: Ward Lock, 1954.

¹⁴ Bergem, Phillip George, указ. соч., с. 2.

¹⁵ www.arthur-conandoyle.com/index.php?Title=The_Boy%27s_Own_Paper.

¹⁶ Solberg, Andrew. «Chair à Canon: In the Beginning». *Irene's Cabinet* (2010).

¹⁷ Liebow, Ely M. «Dr. Joe Bell: Model for Sherlock Holmes». Bowling Green, KY: Bowling Green University Popular Press, 1982, с. 150–151.

¹⁸ Там же, с. 151.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, с. 152–153.

²¹ *Edinburgh Medical Journal*, июнь 1887 года, с. 1145.

²² Bell, Joseph. «Five Years' Surgery in the Royal Hospital for Sick Children». *Edinburgh Hospital Reports*, 1893.

Глава 24 Необыкновенная проницательность искусного детектива

¹ Doyle, Arthur Conan. «A Test Message», *Light*, July 2, 1887.

² Bergem, Phillip George. «The 1887 Beeton's Christmas Annual: The Annual, the Author, and the Artist». Частным образом изданный каталог, с. 3. См. также: www.bestofSherlock.com/beetons-christmas-Annual.htm.

³ Young, Timothy G. «Drawn to Enchant: Original Children's Book Art in the Betsy Beinecke Shirley Collection». New Haven, CT: Yale University Press, 2007, с. 199; указатель документов Ричарда Андрэ в Университете Южного Миссисипи доступен на www.lib.usm.edu/legacy/degum/public_html/Html/research/findaids/DG0028f.html.

⁴ www.victorianresearch.org/atcl/Show_author.php?Aid=2178.

⁵ Большая часть информации о Дэвиде Генри Фристоне взята в Bergem, Phillip George, указ. соч., с. 4–6.

⁶ Из рекламы в журнале «The Graphic» от 26 ноября 1887 года, перепечатано в издании: Solberg, Andrew. «Chair à Canon: In the Beginning». *Irene's Cabinet* (2010).

⁷ Bills, Mark. «Thomas, William Luson (1830–1900), Wood-Engraver and Newspaper Proprietor». *Oxford Dictionary of National Biography*; Korda, Andrea. «Printing and Painting the News in Victorian London: The Graphic and Social Realism, 1869–1891». Farnham, Surrey: Ashgate, 2015, в частности с. 76–84.

⁸ Цит. по: Solberg, Andrew. «Chair à Canon: In the Beginning». *Irene's Cabinet* (2010).

Глава 25 Верный, как смерть

¹ Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures». London: Hodder and Stoughton, 1924. Reprint: Oxford University Press, 1989, глава 1.

² Baker, Michael. «The Doyle Diary: The Last Great Conan Doyle Mystery». New York: Paddington Press, 1978, с. 12. Для описания художественных работ Чарльза Дойла в этом отрывке использованы изображения в указанном издании.

³ Norman, Andrew. «Arthur Conan Doyle: Beyond Sherlock Holmes». New York: History Press, 2007, с. 147; из записи в приюте «Саннисайд» от 6 октября 1887 года.

⁴ Beveridge, A. «What Became of Arthur Conan Doyle's Father? The Last Years of Charles Altamont Doyle». *Journal of the Royal College of Physicians of Edinburgh* 36, 2006.

⁵ Norman, Andrew, указ. соч., с. 147; из записи в приюте «Саннисайд» от 23 марта 1888 года.

⁶ Рисунки представлены по адресу: www.arthur-conandoyle.com/index.php/A_Study_in_Scarlet#Illustrations.

⁷ Doyle, Arthur Conan. «Arthur Conan Doyle: A Life in Letters». Edited by Jon Lellenberg, Daniel Stashower, and Charles Foley. New York: Penguin Press, 2007, с. 270.

⁸ Там же, с. 251 (без даты).

⁹ Там же, с. 250–252.

¹⁰ Там же, с. 251.

¹¹ Там же, с. 255, 256.

¹² Cox, Howard, and Simon Mowat. «Revolutions from Grub Street: A History of Magazine Publishing in Britain». Oxford: Oxford University Press, 2014, с. 20.

¹³ Law, Graham. «On Wilkie Collins and Hugh Conway 'Poor Fergus'». *Wilkie Collins Journal*. Online (без даты). Большая часть информации о публикации произведения «Отозванный» взята из данной статьи.

¹⁴ Более подробно об этом ежегоднике см. www.victorianresearch.org/atcl/show_journal.php?jid=130.

¹⁵ Nabegger, Alfred. «My Wars Are Laid Away in Books: The Life of Emily Dickinson». New York: Random House, 2001. В спальне Эмили Дикинсон в Амхерсте представлен экземпляр ее стихотворения «Отозванный».

¹⁶ Анонимный автор, *Truth*, May 21, 1885.

¹⁷ Этот еженедельник выходил в свет под разными названиями с 1871 по 1897 год. Некоторые источники полагают, что во время публикации романа «Похищенный» журнал

назывался «Молодые люди» (Young Folks), наряду с этим считается, что с декабря 1884 года данное издание стало называться именно «Молодежная газета».

¹⁸ Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures», глава 7. Там же можно найти ответ Артура Конан Дойла на реплику Оскара Уайльда.

¹⁹ Mott, Frank Luther. «A History of American Magazines», vol. III: 1865–1885. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1957, с. 396–401.

Глава 26 Часы брата Ватсона

¹ Klinger, Leslie S. «The New Annotated Sherlock Holmes». Three volumes. New York, W. W. Norton, 2005, 2006, т. III, с. 234, сноска 50.

² Boström, Mattias, and Matt Laffey, editors. «Sherlock Holmes and Conan Doyle in the Newspapers». Indianapolis, IN: Gasogene Books, 2015, с. 27.

³ Там же, с. 28.

⁴ Там же, с. 30.

⁵ Там же, с. 32.

⁶ Baker, Michael. «The Doyle Diary: The Last Great Conan Doyle Mystery». New York: Paddington Press, 1978, с. 28.

⁷ Там же, с. 56; расшифровка на с. 87; из дневника Чарльза Дойла (без конкретного числа), в окружении рисунков, датировано июнем и июлем 1889 года.

⁸ Beveridge, A. «What Became of Arthur Conan Doyle's Father? The Last Years of Charles Altamont Doyle». *Journal of the Royal College of Physicians of Edinburgh* 36, 2006, с. 267.

Глава 27 Ужас психбольниц

¹ Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures». London: Hodder and Stoughton, 1924. Reprint: Oxford University Press, 1989, глава 10.

² Kernahan, John Coulson. «Personal Memories of Sherlock Holmes». *London Quarterly and Holborn Review*, October 1934.

³ Redmond, Donald A. «Sherlock Holmes: A Study in Sources». Montreal: McGill-Queen's University Press, 1982, с. 14.

⁴ Там же, с. 87. Иллюстрации перепечатанного издания можно найти на www.arthur-conan-doyle.com/index.php?title=The_Sign_of_Four#Illustrations.

⁵ См.: MacRae, Alexander. «A Handbook of Deer-Stalking». Edinburgh: Blackwood, 1880; Scrope, William. «The Art of Deer-Stalking». London: John Murry, 1839.

⁶ Beveridge, A. «What Became of Arthur Conan Doyle's Father? The Last Years of Charles Altamont Doyle». *Journal of the Royal College of Physicians of Edinburgh* 36, 2006, с. 267.

⁷ Doyle, Arthur Conan. «Surgeon of Gaster Fell». *Chambers's Journal*, four parts, December 6—27, 1890.

⁸ Boström, Mattias, and Matt Laffey, editors. «Sherlock Holmes and Conan Doyle in the Newspapers». Indianapolis, IN: Gasogene Books, 2015, с. 65–66.

⁹ Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures», глава 10.

Глава 28 Приключения на улице Стрэнд

¹ Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures». London: Hodder and Stoughton, 1924. Reprint: Oxford University Press, 1989, глава 10.

² О Джордже Ньюнесе см.: Jackson, Kate. «George Newnes and the New Journalism in Britain, 1880–1910». Aldershot: Ashgate, 2001; Welch, Charles. «Newnes, George». Biographical entry in *Dictionary of National Biography*, 1912.

³ Newnes, George. «The One Hundredth Number of ‘The Strand Magazine’: A Chat about Its History». *Strand*, April 1899, с. 363.

⁴ Цит. по: Tames, Richard. «London: A Cultural History». Oxford: Oxford University Press, 2006, с. xxiii.

⁵ Newnes, George, указ. соч., с. 364.

⁶ McDonald, Peter D. «The Adventures of the Literary Agent: Conan Doyle, A. P. Watt, Holmes, and the Strand in 1891». *Victorian Periodicals Review*, 30.1 (1997), с. 152.

⁷ Там же.

⁸ Там же, с. 156.

⁹ Smith, Herbert Greenhough. «Odd Moments: Essays in Little». London: George Newnes, 1925, с. 171–173.

¹⁰ Делая такую ремарку, я опирался на пространное обсуждение этого вопроса в издании: Gillies, Mary Ann. «A. P. Watt, Literary Agent». *Publishing Research Quarterly*, Spring 1993. Информация об Александре Поллоке Уотте представлена в издании: Gillies, Mary Ann. «The Professional Literary Agent in Britain, 1800–1920». Toronto: University of Toronto Press, 2007.

¹¹ Цит. по тексту интервью Уотта изданию «Bookman» в октябре 1892 года.

¹² Gillies, Mary Ann. «A. P. Watt, Literary Agent». *Publishing Research Quarterly*, Spring 1993, сноски 35, 36.

¹³ Интервью Уотта изданию «Bookman» в октябре 1892 года, с. 21.

¹⁴ Boström, Mattias, and Matt Laffey, editors. «Sherlock Holmes and Conan Doyle in the Newspapers». Indianapolis, IN: Gasogene Books, 2015, с. 102.

¹⁵ Smith, Herbert Greenhough, указ. соч., с. 171–173. Все детали реакции Гринхоу-Смита на произведение Артура Конан Дойла взяты из этого источника.

Глава 29 Охотничье кепи

¹ Doyle, Arthur Conan. «Memories and Adventures». London: Hodder and Stoughton, 1924. Reprint: Oxford University Press, 1989, глава 11.

² Анонимный автор. «Artists of ‘The Strand Magazine’». *Strand*, December 1895, с. 786.

³ См.: Paget, Winifred. «Sherlock Holmes’s Deerstalker». *Picture Post*, December 16, 1950.

⁴ Подробности этого эпизода взяты в: Baring-Gould, указ. соч., т. I; с. 14.

⁵ Gaboriau, Emile, анонимный английский перевод романа «Лекок, агент сыскной полиции», глава 19.

⁶ Gaboriau, Emile. «The Mystery of Orcival». Anonymous English translation. New York: Holt & Williams, 1871, глава 11.

⁷ Boström, Mattias, and Matt Laffey, editors. «Sherlock Holmes and Conan Doyle in the Newspapers». Indianapolis, IN: Gasogene Books, 2015, с. 112.

⁸ McClure, S. S. «My Autobiography». London: John Murray, 1914 [как утверждается, написано другим автором], с. 203–205.

Глава 30 Моему старому учителю

¹ Doyle, Arthur Conan. «Arthur Conan Doyle: A Life in Letters». Edited by Jon Lellenberg, Daniel Stashower, and Charles Foley. New York: Penguin Press, 2007, с. 312.

² Подробности смерти Чарльза Дойла взяты из медицинских записей персонала Королевской больницы «Крайтон», воспроизведенных в Norman, Andrew. «Arthur Conan Doyle: Beyond Sherlock Holmes». New York: History Press, 2007, с. 159–161.

³ Balthwayt, Raymond. «A Talk with Dr. Conan Doyle». *Bookman*, May 1892. В данный диалог я внес некоторые изменения.

⁴ Baring-Gould, указ. соч., т. I, с. 8.

⁵ Doyle, Arthur Conan. «Arthur Conan Doyle: A Life in Letters», с. 315 (письмо к Мэри Дойл от ноября 1892 года).

⁶ Анонимный автор. «The Original of ‘Sherlock Holmes’: An Interview with Dr. Joseph Bell». *Pall Mall Gazette*, 28 December 1893.

⁷ Baring-Gould, указ. соч., т. I, с. 14, сноска 26.

⁸ Stevenson, Robert Louis. «The Letters of Robert Louis Stevenson. Edited by Sidney Colvin». New York: Scribner’s, 1911, т. IV, с. 186–187 (письмо Артуру Конан Дойлу от 5 апреля 1893 года).

⁹ Doyle, Arthur Conan. «The Adventures of Sherlock Holmes». London: George Newnes, 1892.

Библиография и дополнительная литература

- Анонимный автор. «Artists of ‘The Strand Magazine’». *Strand*, December 1895.
- Анонимный автор. «Booksellers of To-Day». *Publishers’ Circular*, July 25, 1891.
- Анонимный автор. *Druggists Circular and Chemical Gazette: A Practical Journal of Chemistry as Applied to Pharmacy*, Vol. 41. New York: William O. Allison, 1897.
- Анонимный автор. «George Thomas Bettany (1850–1891)». Некролог в издании *Times*, 4 December 1891.
- Анонимный автор. «The Literature of Bohemia». *Westminster Review*, January 1863.
- Анонимный автор. Некролог о смерти Джозефа Белла, доктора медицинских наук, *New York Times*, 19 October 1911.
- Анонимный автор. Некролог о смерти Джозефа Белла. *Edinburgh Medical Journal*. Vol. 7 (1911), 454–463.
- Анонимный автор. «The Original of ‘Sherlock Holmes’: An Interview with Dr. Joseph Bell». *Pall Mall Gazette*, 28 December 1893.
- Анонимный автор. «The Original Prophet, by a Visitor to Salt Lake City». *Eclectic Magazine of Foreign Literature, Science, and Art*, April 1873.
- Анонимный автор. *Sewage Disposal: Report of a Committee Appointed by the President of the Local Government Board to Inquire into the Several Modes of Treating Town Sewage*. London: Eyre & Spottiswoode, 1876.
- Анонимный автор. «Sir Henry D. Littlejohn, M. D., LL. D. Edin., F. R.C. S.E». Некролог в издании *British Medical Journal*, 10 October 1914.
- Анонимный автор. «Sir Robert Christison, Bart., M. D., D. C. L., Ll. D., Physician In Ordinary To The Queen In Scotland: Vice-President Of The British Medical Association, Etc». Некролог. *Scotsman*, 28 January 1882.
- Анонимный автор. «Sir Thomas Richard Fraser, M. D., F. R. S...». [некролог]. *British Medical Journal*, 17 January 1920, 100–102.
- Анонимный автор. *Westminster Abbey*. Radnor, Pennsylvania: Annenberg School Press/Doubleday, 1972.
- Arrington, Leonard J., and Jon Haupt. «Intolerable Zion: The Image of Mormonism in Nineteenth Century American Literature». *Western Humanities Review*, Summer 1968.
- Bacon, Francis. «The Physical and Metaphysical Works of Lord Bacon, including The Advancement of Learning and Novum Organum». Edited by Joseph Devey. London: Bell & Daldy, 1872.
- Baker, Michael. «The Doyle Diary: The Last Great Conan Doyle Mystery». New York: Paddington Press, 1978.
- Ballingall, William. «Edinburgh Past and Present: Its Associations and Surroundings». Edinburgh: J. Moodie Miller, 1877.
- Barwise, Sidney. «The Purification of Sewage: Being a Brief Account of the Scientific Principles of Sewage Purification and Their Practical Application». London: Crosby, Lockwood and Son, 1899.
- Bell, Benjamin. «The Life, Character, and Writings of Benjamin Bell, by His Grandson». Edinburgh: Edmonston and Douglas, 1868.
- Bell, Joseph. «The Adventures of Sherlock Holmes». *Bookman* (London), December 1892. Reprinted under the title «Mr. Sherlock Holmes» as introduction to Ward, Lock & Company’s 1892 edition of *A Study in Scarlet* (на русском языке: доктор Джозеф Белл. «Мистер Шерлок Холмс», в издании: Артур Конан Дойл. «Этюд в багровых тонах. Приключения Шерлока Холмса». М.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2017).

«Five Years' Surgery in the Royal Hospital for Sick Children». *Edinburgh Hospital Reports*, 1893.

«A Manual of the Operations of Surgery, for the Use of Senior Students, House Surgeons, and Junior Practitioners». 2nd ed. Edinburgh: Maclachlan and Stewart, 1869.

«Notes on a Case of Paralysis Following Diphtheria». *Edinburgh Medical Journal*, March 1865.

«Tracheotomy in Diphtheria». *Edinburgh Medical Journal*, August 1864.

Bergem, Phillip George. «The 1887 Beeton's Christmas Annual: The Annual, the Author, and the Artist». Частным образом изданный каталог.

Beveridge, A. «What Became of Arthur Conan Doyle's Father? The Last Years of Charles Altamont Doyle». *Journal of the Royal College of Physicians of Edinburgh* 36, 2006.

Billings, Harold. «The *Materia Medica* of Sherlock Holmes». *Baker Street Journal*, 2006.

Bills, Mark. «Thomas, William Luson (1830–1900), Wood-Engraver and Newspaper Proprietor». *Oxford Dictionary of National Biography*.

Black, Adam and Charles. «Black's Guide to Edinburgh and Environs, Hawthornden and Roslin». Edinburgh: Adam and Charles Black, 1868.

«Black's Picturesque Tourist of Scotland», 14th ed. Edinburgh: Adam and Charles Black, 1859.

Blathwayt, Raymond. «A Talk with Dr. Conan Doyle». *Bookman*, May 1892.

Blumberg, Jess. «Abandoned Ship: The *Mary Celeste*». *Smithsonian*, November 2007.

Booth, Martin. «The Doctor and the Detective: A Biography of Sir Arthur Conan Doyle». New York: Thomas Dunne/St. Martin's, 1997.

Boström, Mattias, and Matt Laffey, editors. «Sherlock Holmes and Conan Doyle in the Newspapers». Indianapolis, IN: Gasogene Books, 2015.

Bower, Alexander. «The History of the University of Edinburgh, from 1756–1829». Edinburgh: Waugh and Innes, 1830.

Brake, Laurel, and Marysa Demoor. «The Lure of Illustration in the Nineteenth Century: Picture and Press». Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2009.

Bramwell, Byrom. «The Edinburgh Medical School and Its Professors During My Student Days (1865–1869)». *Edinburgh Medical Journal*, April 1923.

Brewster, David. «The Kaleidoscope: Its History, Theory, and Construction». London: John Murray, 1858.

Brodie, Fawn. «No Man Knows My History: The Life of Joseph Smith». New York: Knopf, 1945; rev. ed., 1971.

Brodie, Robert N. «Take a Wire, Like a Good Fellow': The Telegraph in the Canon». Quoted in Klinger, 3:65–66.

Brown, Curtis. «The Commercialization of Literature' and the Literary Agent». *Fortnightly Review*, July 1906.

Bulwer-Lytton, Sir Edward George D. «Pelham; or, Adventures of a Gentleman». New York: P. F. Collier and Son, 1892 (на русском языке: Эдвард Бульвер-Литтон. «Пелэм, или Приключения джентльмена», Государственное издательство художественной литературы, 1958).

Byerly, Ann. «Sidney Paget: Victorian Black-and-White Illustrator». *Baker Street Miscellanea* 35, Autumn 1983.

Cawthorne, Nigel. «A Brief History of Sherlock Holmes: The Complete Guide to the World's Most Famous Detective». London: Constable & Robinson, 2011.

Сеп, Casey N. «Called Back». *Paris Review*, October 30, 2013.

Chadwick, Edwin. «Report to Her Majesty's Principal Secretary of State for the Home Department, from the Poor Law Commissioners, of an Inquiry into the Sanitary Condition of the Labouring Population of Great Britain». London: W. Clowes and Son, 1842.

Chandler, Alice. «Sir Walter Scott and the Medieval Revival». *Nineteenth-Century Fiction* 19, no. 4, March 1965.

Christison, Robert. «A Dispensatory, or Commentary on the Pharmacopoeias of Great Pharmacy, Actions, Uses, and Doses of the Articles of Materia Medica». 2nd ed. Philadelphia: Lea & Blanchard, 1848.

«The Life of Sir Robert Christison, Bart, Edited by His Sons». Two volumes. Edinburgh: William Blackwood and Sons, 1885.

«On the Properties of the Ordeal-Bean of Old Calabar, Western Africa». *Monthly Journal of Medicine*, March 1855.

Clark, Michael, and Catherine Crawford, editors. «Legal Medicine in History». Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Coleman, William. «Georges Cuvier, Zoologist: A Study in the History of Evolution Theory». Cambridge: Harvard University Press, 1964.

Collins, Philip. «Dickens and Crime». Bloomington: Indiana University Press, 1968.

Cox, Howard, and Simon Mowat. «Revolutions from Grub Street: A History of Magazine Publishing in Britain». Oxford: Oxford University Press, 2014.

Crawford, Gary William. «A Tale Told Again: Le Fanu's 'Evil Guest' and *A Lost Name*». *Le Fanu Studies* 4, no. 1, 2009.

Cross, Whitney R. «The Burned-Over District: The Social and Intellectual History of Enthusiastic Religion in Western New York, 1800–1850». Ithaca, NY: Cornell University Press, 1950.

Curor, A. L. «Dr. Bell Our Teacher». *Daily Express* (London), July 11, 1930.

Cutler, Edward S. «Recovering the New: Transatlantic Roots of Modernism». Hanover, NH: University Press of New England, 2003.

Devine, T. M., and Jenny Wormald, editors. «The Oxford Handbook of Modern Scottish History». Oxford: Oxford University Press, 2012.

Dickens, Charles. «The Letters of Charles Dickens» (The Pilgrim Edition). Edited by Madeline House, Graham Storey, and Kathleen Tillotson. Volume 6, Oxford: Clarendon Press, 1988 (на русском языке: Чарльз Диккенс. Собрание сочинений в 30 томах, издательство «Художественная литература», 1957–1960, тома 29–30).

Doyle, Arthur Conan. «The Adventures of Sherlock Holmes». London: George Newnes, 1892 (12 рассказов из серии «Приключения Шерлока Холмса» представлены на русском языке в издании: Артур Конан Дойл. «Полное собрание повестей и рассказов о Шерлоке Холмсе в одном томе», М.: ЭКСМО, 2013).

«After Cormorants with a Camera». *British Journal of Photography*, 2 parts, October 14 and 21, 1881.

«Arthur Conan Doyle: A Life in Letters». Edited by Jon Lellenberg, Daniel Stashower, and Charles Foley. New York: Penguin Press, 2007.

«Dangerous Work: Diary of an Arctic Adventure». Edited by Jon Lellenberg and Daniel Stashower. Chicago: University of Chicago Press, 2012 (на русском языке: Артур Конан Дойл. «Опасная работа. Арктические дневники», М.: Paulsen, 2014).

«The Final Adventures of Sherlock Holmes». Edited by Peter Haining. Berkeley, CA: Aporcraphile Press, 1981.

«Gelsemium as a Poison». Letter to the editor. *British Medical Journal*, September 20, 1879.

«The Glamour of the Arctic». *Idler*, July 1892 (на русском языке: Артур Конан Дойл. Статья «Обаяние Арктики» в издании: Артур Конан Дойл. «Опасная работа. Арктические дневники». М.: Paulsen, 2014).

«Juvenilia». *Idler*, January 1893 (на русском языке: Артур Конан Дойл. «Первые книги», в издании: Артур Конан Дойл. «Воспоминания и приключения». СПб.: Азбука, М.: Азбука-Аттикус, 2011).

«Life on a Greenland Whaler». *Strand*, January 1897 (на русском языке: Артур Конан Дойл. Статья «Жизнь на гренландском китобойном судне» в издании: Артур Конан Дойл. «Опасная работа. Арктические дневники». М.: Paulsen, 2014).

«Memories and Adventures». London: Hodder and Stoughton, 1924. Reprint: Oxford University Press, 1989 (на русском языке: Артур Конан Дойл. «Воспоминания и приключения». СПб.: Азбука, М.: Азбука-Аттикус, 2011).

«My Favorite Novelist». *Munsey's Magazine*, January 1898.

«The Narrative of John Smith». London: British Library, 2011 (на русском языке: Артур Конан Дойл. «Повествование Джона Смита». М.: СЛОВО/SLOVO, 2012).

«On the Slave Coast with a Camera». *British Journal of Photography*, March 31 and April 7, 1882.

«Preface to the Author's Edition». *The Adventures of Sherlock Holmes*. New York: D. Appleton, 1902 (на русском языке: Ковалев Ю. В. «Эдгар По. Новеллист и поэт». Л.: Художественная литература, 1984).

«Round the Red Lamp». New York: McClure, 1908 (на русском языке: Конан-Дойль, «Около красной лампы». Издание книгопродавца М. В. Клюкина, 1907).

«Our Second American Adventure». London: Hodder and Stoughton, 1923 (на русском языке: Артур Конан Дойл. «Наше второе американское приключение» [фрагменты из книги], в издании: Артур Конан Дойл. «Этюд в багровых тонах. Приключения Шерлока Холмса». М.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2017).

«Some Personalia About Sherlock Holmes». *Strand*, December 1917 (на русском языке: Артур Конан Дойл: эссе «Кое-что о Шерлоке Холмсе», в издании: антология «Тайны старой Англии», Ташкент: Шарк, 1994).

«Southsea: Three Days in Search of Effects». *British Journal of Photography*, June 22, 1883.

«The Stark Munro Letters». New York: Longmans, Green, 1895 (на русском языке: Артур Конан Дойл: собрание сочинений в 12 томах, издательство «Рипол Классик», 2005, том 12, «Письма Старка Монро»).

«Surgeon of Gaster Fell». *Chambers's Journal*, four parts, December 6—27, 1890 (на русском языке: Конан Дойль. «Хирург Гастерской горы», в издании: Конан Дойль, собрание сочинений в 12 томах, том 6).

«Through the Magic Door». London: Smith, Elder, 1907. Serialized first in *Cassell's* from November 1906 through October 1907 (на русском языке: Артур Конан Дойл: эссе «За волшебной дверью», в издании: Артур Конан Дойл. «Жизнь, полная приключений», М.: АСТ, 2003).

«The Truth About Sherlock Holmes». *Collier's: The National Weekly*, December 29, 1923. Reprinted in «The Final Adventures of Sherlock Holmes», ed. Peter Haining. Berkeley, CA: Arcanophile Press, 1981 (на русском языке: Артур Конан Дойл: эссе «За волшебной дверью», в издании: Артур Конан Дойл. «Записки о Шерлоке Холмсе», СПб.: Амфора, 2013).

«To the Waterford Coast and Along It». *British Journal of Photography*, August 17, 1883.

«The Uncollected Sherlock Holmes». Edited by Roger Lancelyn Green. London: Penguin, 1983.

Doyle, Georgina. «Out of the Shadows: The Untold Story of Arthur Conan Doyle's First Family». Ashcroft, B. C.: Calabash Press, 2004.

Dumas, Alexandre. «The Romances of Alexandre Dumas D'Artagnan Edition». Translator anonymous. Boston: Little, Brown, 1888 (на русском языке: Александр Дюма. «Три мушкетера. Двадцать лет спустя. Виконт де Бражелон», издательство «Альфа-книга», 2009).

Durie, Alastair J. «Tourism and Commercial Photography in Victorian Scotland: The Rise and Fall of G. W. Wilson & Co., 1853–1908». *Northern Scotland* 12, 1992.

Eddy, Spencer L., Jr. «The Founding of the Cornhill Magazine». Ball State Monograph no. 19. Muncie, IN: Ball State University, 1970.

Elliott, Geoffrey. «The Mystery of Overend and Gurney: A Financial Scandal in Victorian London». London: Methuen, 2006.

Ferris, Ian. «The Debut of *The Edinburgh Review*, 1802». «BRANCH: Britain, Representation, and Nineteenth-Century History», электронный адрес: www.branchcollective.org/?ps_articles=ina-ferris-the-debut-of-the-edinburgh-review#1802.

Finnerud, Clark W. «Ferdinand von Hebra and the Vienna School of Dermatology». *A. M. A. Archives of Dermatology and Syphilology*, August 1, 1952.

Flanders, Judith. «The Invention of Murder: How the Victorians Revelled in Death and Detection and Created Modern Crime». New York: St. Martin's, 2010.

Foster, Michael [as «M. F.»]. Entry on Emil Du Bois-Reymond. *Encyclopedia Britannica*, 1911.

Fox, George Henry. «Reminiscences». New York: Medical Life Press, 1926.

Froude, James Anthony. «Thomas Carlyle: A History of the First Forty Years of His Life, 1795–1835». 2 volumes. London: Longmans, Green, 1882.

Gaboriau, Emile. «The Mystery of Orcival». Anonymous English translation. New York: Holt & Williams, 1871 (на русском языке: Эмиль Габорио. «Преступление в Орсивале». Лен-издат, 1990).

Geddie, John. «Romantic Edinburgh». London: Sands, 1900.

Gerber, Samuel M., editor. «Chemistry and Crime: From Sherlock Holmes to Today's Courtroom». Washington, D. C.: American Chemical Society, 1983.

Gilbert, W. M. «Edinburgh in the Nineteenth Century: Being a Diary of the Chief Events...» Edinburgh: J. and R. Allan, 1901.

Gillies, Mary Ann. «A. P. Watt, Literary Agent». *Publishing Research Quarterly*, Spring 1993.

«The Professional Literary Agent in Britain, 1800–1920». Toronto: University of Toronto Press, 2007.

Godfrey, Barry. «Crime in England 1880–1945: The Rough and the Criminal, the Police and the Incarcerated». New York: Routledge, 2014.

Grant, James. «Cassell's Old and New Edinburgh: Its History, Its People, and Its Places». 6 volumes. London: Cassell, Petter, Galpin & Co., 1880s. Издание доступно, в частности, по электронному адресу: www.edinburghbookshelf.org.uk.

Green, Roger Lancelyn. «Kipling and the Children». London: Elek Books, 1965.

Greenhow, Edward Headlam. «On Diphtheria». London: John W. Parker, 1860.

Griest, Guinevere L. «Mudie's Circulating Library and the Victorian Novel». Indianapolis: Indiana University Press, 1970.

Guilfoile, Patrick G. «Diphtheria». New York: Chelsea/Infobase, 2009.

Guthrie, Douglas. «The Rise of Medical Education in Scotland». In *Janus in the Doorway*. Springfield, IL: Charles C. Thomas, 1963.

«Sherlock Holmes and Medicine». In *Janus in the Doorway*. Springfield, IL: Charles C. Thomas, 1963.

Habegger, Alfred. «My Wars Are Laid Away in Books: The Life of Emily Dickinson». New York: Random House, 2001.

Hale, Edwin M. «A Monograph upon Gelsemium: Its Therapeutic and Physiological Effects Together with Its Uses in Disease». Detroit: Dr. Lodge Homeopathic Pharmacy, 1862.

Hanna, H. B. «The Second Afghan War, 1878—79—80: Its Causes, Its Conduct, and Its Consequences». 2 volumes. London: Archibald Constable, 1904.

Hare, Hobart Amory, et al. «The National Standard Dispensatory: Containing the Natural History, Chemistry, Pharmacy, Actions, and Uses of Medicines». Philadelphia: Lea & Febiger, 1909.

Harrison, Michael. «In the Footsteps of Sherlock Holmes». New York: Frederick Fell, 1960.
«A Study in Surmise: The Making of Sherlock Holmes». Bloomington, IN: Gaslight Publications, 1984.

Holden, Horace. «Young Boys and Boarding-School: The Functions, Organisation and Administration of the Sub-Preparatory Boarding-School for Boys». Boston: Richard G. Badger/Gorham Press, 1913.

Holt, Henry. «The Commercialization of Literature». *Atlantic Monthly*, November 1905.

How, Harry. «A Day with Dr. Conan Doyle». *Strand*, August 1892 (на русском языке: Гарри Хау. «Один день с доктором Конан Дойлом» [фрагменты], в издании: Артур Конан Дойл. «Этюд в багровых тонах. Приключения Шерлока Холмса». М.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2017).

Hume, E. E. «Francis Home, M. D. (1719–1813): The Scottish Military Surgeon Who First Described Diphtheria as a Clinical Entity». *Bulletin of the History of Medicine* 11, 1942.

Hume, Fergus. «The Mystery of a Hansom Cab». Melbourne: Hume, 1886.

Humphreys, David. «The Miscellaneous Works of Colonel Humphreys». New York: Hodge, Allen, & Campbell, 1790.

Jack, Thomas C. «The Waverly Handbook to Edinburgh, Comprising a Complete Guidebook to the City and Neighbourhood». Edinburgh: Thomas C. Jack, 1876.

Jacobs, Edward. «Eighteenth-Century British Circulating Libraries and Cultural *Book History*». *Book History* 6, 2003.

Jambon, Jean. «Our Trip to Blunderland, or, Grand Excursion to Blundertown and Back». Edinburgh: Blackwood and Sons, 1877.

Jackson, Kate. «George Newnes and the New Journalism in Britain, 1880–1910». Aldershot: Ashgate, 2001.

James, Henry. «Hardy's *Far from the Madding Crowd*,» *Nation*, December 24, 1874.

James, Prosser. «A Guide to the New Pharmacopoeia». London: J. & A. Churchill, 1885.

Johannsen, Albert. «The House of Beadle and Adams and Its Dime and Nickel Novels: The Story of a Vanished Literature». Norman: University of Oklahoma Press, 1950. Доступно по электронному адресу: www.ulib.niu.edu/badndp/beeton_samuel.html.

Jones, Harold Emery. «The Original of Sherlock Holmes». Originally published as preface to *Conan Doyle's Best Books*. New York: Collier, 1904.

Kadane, Joseph B. «Bayesian Thought in Early Modern Detective Stories: Monsieur Lecoq, C. Auguste Dupin, and Sherlock Holmes». *Statistical Science* 24, no. 2, 2009.

Kaye, Marvin. «The Game Is Afoot: Parodies, Pastiche, and Ponderings of Sherlock Holmes». New York: St. Martin's, 1995.

Kernahan, John Coulson. «Personal Memories of Sherlock Holmes». *London Quarterly and Holborn Review*, October 1934.

Kerr, Douglas. «Conan Doyle: Writing, Profession, and Practice». Oxford: Oxford University Press, 2013.

Key, Jack D. «Medical Writings of a Literary Physician: Sir Arthur Conan Doyle (1859–1930)». *Minnesota Medicine*, June 1978.

Kipling, Rudyard. «Something of Myself». London: Macmillan, 1937 (на русском языке: Редьярд Киплинг. «Немного о себе», издательство «Вагриус», 2003).

Klancher, Jon. «The Making of English Reading Audiences, 1790–1832». Madison: University of Wisconsin Press, 1987.

Klauder, Joseph V. «Sherlock Holmes as a Dermatologist: With Notes on the Life of Dr. Joseph Bell and the Sherlockian Method of Teaching». *A. M. A. Archives of Dermatology and Syphilology*, October 1953.

Klinger, Leslie S. «The New Annotated Sherlock Holmes». Three volumes. New York, W. W. Norton, 2005, 2006.

«Those Gouty Knuckles...» *Baker Street Journal*, September 1999.

Konnikova, Maria. «Mastermind: How to Think Like Sherlock Holmes». New York: Viking, 2013 (на русском языке: Мария Конникова. «Выдающийся ум: мыслить как Шерлок Холмс». М.: Азбука Бизнес: Азбука-Аттикус, 2014).

Kopley, Richard. «Edgar Allan Poe and the Dupin Mysteries». New York: Palgrave Macmillan, 2008.

Korda, Andrea. «Printing and Painting the News in Victorian London: The Graphic and Social Realism, 1869–1891». Farnham, Surrey: Ashgate, 2015.

Law, Graham. «On Wilkie Collins and Hugh Conway ‘Poor Fergus’». *Wilkie Collins Journal*. Online; no date.

Lee, R. W. «Comparative Legislation as to Habitual Drunkards». *Journal of the Society of Comparative Legislation* 2, 1901.

Lee, Sidney. «Memoir of George Smith». *Dictionary of National Biography*, 1901 Supplement.

Lee, W. L. Melville. «A History of Police in England». London: Methuen, 1901.

Liebow, Ely M. «Dr. Joe Bell: Model for Sherlock Holmes». Bowling Green, KY: Bowling Green University Popular Press, 1982.

Lightman, Bernard. «Conan Doyle’s Ideal Reasoner: The Case of the Reluctant Scientific Naturalist». *Journal of Literature and Science* 7, no. 2, 2014.

Living, Edward. «Adventure in Publishing: The House of Ward Lock, 1854–1954». London: Ward Lock, 1954.

Lycett, Andrew. «The Man Who Created Sherlock Holmes: The Life and Times of Sir Arthur Conan Doyle». New York: Free Press, 2007.

Macaulay, Thomas Babington. «Lord Macaulay’s Essays (and Lays of Ancient Rome)». London: George Routledge and Sons, 1892.

MacGillivray, Charles Watson. «Some Memories of Old Harveians, with Notes on Their Orations». *Edinburgh Medical Journal*, January 1912.

Macintyre, I. M. C. «Scientific Surgeon of the Enlightenment or ‘Plagiarist in Everything’: A Reappraisal of Benjamin Bell». *Journal of the Royal College of Physicians of Edinburgh*, Number 41, 2011.

MacRae, Alexander. «A Handbook of Deer-Stalking». Edinburgh: Blackwood, 1880.

Mann, Ruth J., and Jack D. Key. «Joseph Bell, M. D., F. R. C. S.: Notes on a Case of Paralysis Following Diphtheria». *The Pharos* (Alpha Omega Alpha Honor Medical Society), Spring 1982.

Martin, John H. «Saints, Sinners, and Reformers: The Burned-Over District Revisited». *Crooked Lake Review*, Fall 2005.

Marx, Karl. «The Aims of the Negotiations. – Polemic Against Prussia. – A Snowball Riot». In *Marx and Engels Collected Works*, 13:598–599. Moscow: Progressive Publishers, 1980 (К. Маркс и Ф. Энгельс: собрание сочинений (2#е издание). М.: Государственное издательство политической литературы, 1955–1981 гг., том 10. К. Маркс. «Подлинная цель венских переговоров. – Polemica против Пруссии. – Снежный бунт»). Доступно по электронному адресу: www.marxengels.public-archive.net/en/ME0833en.html.

McClure, S. S. «My Autobiography». London: John Murray, 1914 [как утверждается, написано другим].

McDonald, Peter D. «The Adventures of the Literary Agent: Conan Doyle, A. P. Watt, Holmes, and the Strand in 1891». *Victorian Periodicals Review*, 30.1 (1997).

McNally, Raymond T., and Radu Florescu. «In Search of Dr. Jekyll and Mr. Hyde: The True-Life Origins and Cultural Impact of the Classic Horror Story». Los Angeles: Renaissance, 2000.

Meigs, Charles D. «Obstetrics: The Science and the Art». Philadelphia: Lea and Blanchard, 1849.

Meltzer, Charles Henry. «Arsene Lupin at Home». *Cosmopolitan*, May 1913.

Miller, Russell. «The Adventures of Arthur Conan Doyle: A Biography». New York: St. Martin's, 2008 (на русском языке: Расселл Миллер. «Приключения Конан Дойла», издательство КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2012).

Moir, John. «On Croup: Its Nature and Treatment». *Edinburgh Medical Journal*, November 1878.

Moore, Grace. «The Great Detectives: Dupin, Sergeant Cuff, and Inspector Bucket». *Strand*, электронный адрес: <https://www.strandmag.com/the-magazine/articles/the-great-detectivesdupin-sergeant-cuff-inspector-bucket-by-grace-moore/>.

Mott, Frank Luther. «A History of American Magazines», vol. 3: «1865–1885». Cambridge, MA: Harvard University Press, 1957.

Moulin, T. «Doctors in Balzac's Work». *Frontiers of Neurology and Neuroscience*, March 5, 2013.

Newnes, George. «The One Hundredth Number of 'The Strand Magazine': A Chat about Its History». *Strand*, April 1899.

Norman, Andrew. «Arthur Conan Doyle: Beyond Sherlock Holmes». New York: History Press, 2007.

Orel, Harold, editor. «Sir Arthur Conan Doyle: Interviews and Recollections». New York: St. Martin's, 1991.

Paget, Winifred. «Sherlock Holmes's Deerstalker». *Picture Post*, December 16, 1950.

Panek, LeRoy Lad. «The Origins of the American Detective Story». Jefferson, NC: McFarland, 2006.

Payn, James. «The Family Scapegrace». In *My First Book*. London: Chatto & Windus, 1897.

Pierce, Peter, editor. «The Cambridge History of Australian Literature». Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

Poe, Edgar Allan. «The Murders in the Rue Morgue». *Graham's*, April 1841 (на русском языке: Эдгар Аллан По. «Убийство на улице Морг». М.: АСТ, 2009).

«The Works of the Late Edgar Allan Poe, with Notices of His Life and Genius». 4 volumes. Edited by N. P. Willis, J. R. Lowell, and R. W. Griswold. New York: J. S. Redfield, 1856.

Poole, Richard. «Memoranda Regarding the Royal Lunatic Asylum, Infirmary, and Dispensary, of Montrose». Montrose: J. & D. Nichol, 1841.

Porter, Andrew. «Religion Versus Empire? British Protestant Missionaries and Overseas Expansion, 1700–1914». Manchester: Manchester University Press, 2004.

Powell, Richard. «The Pharmacopoeia of the Royal College of Physicians of London». London: Longman, Hurst, Rees, and Orme, 1809.

Power, D'Arcy. Entry on William Rutherford. *Dictionary of National Biography*, 1901 supplement.

Pringle, R. V. «The George Washington Wilson Photographic Archive: A Postscript». Proceedings of the George Washington Wilson Centenary Conference at the University of Aberdeen, March 1993. Доступно по электронному адресу: www.rvpmp.talktalk.net/gww/gww.html.

Pulsifer, C. «Beyond the Queen's Shilling: Reflections on the Pay of Other Ranks in the Victorian British Army». *Journal of the Society for Army Historical Research* 80, 2002.

Quail, Sarah. «Foul Deeds and Suspicious Deaths Around Portsmouth». Barnsley, South Yorkshire: Wharncliffe/Pen & Sword, 2008.

Rahn, B. J. «The Real World of Sherlock». Stroud: Amberley Publishing, 2014.

Reade, Charles. «A Terrible Temptation: A Story of the Day». 3 volumes. London: Chapman and Hall, 1871.

Redmond, Charles. «Sherlock Holmes Handbook». Second edition, Toronto: Dundurn Press, 1993.

Redmond, Donald A. «Sherlock Holmes: A Study in Sources». Montreal: McGill-Queen's University Press, 1982.

Redmond, Gerald. «The Sporting Scots of Nineteenth-Century Canada». East Brunswick, NJ: Associated University Presses, 1982.

Reid, Donald. «Dr. Henry Faulds – Beith Commemorative Society». *Journal of Forensic Identification*, 53, no. 2 (2003).

Reid, Mayne. «The Scalp Hunters: A Romance of the Plain». New York: G. W. Dillingham, 1891 (на русском языке: Майн Рид. «Охотники за скальпами», издательство МП «Кварк», 1991).

Richards, Jeffrey. «Imperialism and Music: Britain 1876–1953». Manchester: Manchester University Press/Palgrave, 2001.

Ringer, Sydney and William Murrell. «On Gelsemium Sempervirens». *Lancet*, December 25, 1875.

«On Gelsemium Sempervirens». *Lancet*, March 18, 1876.

«On Gelsemium Sempervirens». *Lancet*, May 6, 1876.

«On Gelsemium Sempervirens». *Lancet*, June 15, 1878.

Robinson, Marilynne. «On Edgar Allan Poe». *New York Review of Books*, February 5, 2015.

Rodin, Alvin E., and Jack D. Key. «Doctor Arthur Conan Doyle's Patients in Fact and Fiction». *Medical Heritage*, March/April 1985.

Roggenkamp, Karen. «Narrating the News: New Journalism and Literary Genre in Late Nineteenth-Century American Newspapers and Fiction». Kent, OH: Kent State University Press, 2005.

Sadden, John. «The Portsmouth Book of Days». Stroud, Gloucestershire: History Press, 2012.

Sala, George Augustus. «Things I Have Seen and People I Have Known». 2 volumes. London: Cassell and Company, 1895.

Scarlett, E. P. «The Old Original: Notes on Dr. Joseph Bell Whose Personality and Peculiar Abilities Suggested the Creation of Sherlock Holmes». *Archives of Internal Medicine*, November 1964.

Scrope, William. «The Art of Deer-Stalking». London: John Murry, 1839.

Shpayer-Makov, Haia. «The Ascent of the Detective: Police Sleuths in Victorian and Edwardian England». Oxford: Oxford University Press, 2011.

St. Clair, William. «The Reading Nation in the Romantic Period». Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Sanders, Lisa. «Every Patient Tells a Story: Medical Mysteries and the Art of Diagnosis». New York: Broadway Books, 2009.

Saxby, Jessie M. E. «Joseph Bell: An Appreciation by an Old Friend». Edinburgh: Oliphant, Anderson & Ferrier, 1913.

Scott, Walter. «Count Robert of Paris». Edinburgh: Robert Cadell, 1832 (на русском языке: Вальтер Скотт. «Граф Роберт Парижский», собрание сочинений Вальтера Скотта в 20 томах. М.: Художественная литература, 1960–1965).

«Ivanhoe: A Romance». Edinburgh: Archibald Constable, 1820 (на русском языке: Вальтер Скотт, роман «Айвенго», собрание сочинений Вальтера Скотта в 20 томах. М.: Художественная литература, 1960–1965).

Sheehan, A. V. «Criminal Procedure in Scotland and France». Edinburgh: HMSO, 1975.

Silverman, Kenneth. «Edgar A. Poe: Mournful and Never-Ending Remembrance». New York: HarperCollins, 1991.

Simpson, Harold. «A Century of Ballads, 1810–1910: Their Composers and Singers». London: Mills & Boon, 1910.

Sims, Michael. «Adam's Navel: A Natural and Cultural History of the Human Form». New York: Viking, 2003.

editor. «The Dead Witness: A Connoisseur's Collection of Victorian Detective Stories». New York: Bloomsbury, 2011.

editor. «The Penguin Book of Gaslight Crime: Con Artists, Burglars, Rogues, and Scoundrels from the Time of Sherlock Holmes». New York: Penguin Classics, 2009.

editor. «The Penguin Book of Victorian Women in Crime: Forgotten Cops and Private Eyes from the Time of Sherlock Holmes». New York: Penguin Classics, 2011.

Sladen, Douglas. «Twenty Years of My Life». London: Constable, 1914.

Slater, Michael. «Charles Dickens». New Haven: Yale University Press, 2009.

Smith, Herbert Greenhough. «Odd Moments: Essays in Little». London: George Newnes, 1925.

Smith, John. «The Origin, Progress, and Present Position of the Royal College of Surgeons of Edinburgh, 1505–1905». Edinburgh: Royal College of Surgeons, 1905.

Snyder, Laura J. «Sherlock Holmes: Scientific Detective». *Endeavour*, September 2004.

Solberg, Andrew. «Chair à Canon: In the Beginning». *Irene's Cabinet* (2010).

Sparks, Tabitha. «The Doctor in the Victorian Novel: Family Practices». Farnham, Surrey: Ashgate, 2009.

Springfield, Lincoln. «London's Undiscovered Murders: A Serious Problem Carefully Considered». *Harmsworth Monthly Pictorial Magazine* 1, 1898–1899.

Stavert, Geoffrey. «A Study in Southsea: From Bush Villas to Baker Street». Portsmouth: Milestone Publications, 1987.

Stevenson, Robert Louis. «Strange Case of Dr Jekyll and Mr Hyde». London: Longmans, Green, 1886 (на русском языке: Роберт Льюис Стивенсон. «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда», полное собрание романов, повестей и рассказов в 20 томах. СПб., 1913–1914, переиздано в 1994 году).

«Edinburgh: Picturesque Notes». London: Strangeways and Sons, 1879 (на русском языке: Роберт Льюис Стивенсон. «Эдинбург: живописные заметки», полное собрание романов, повестей и рассказов в 20 томах, СПб., 1913–1914, переиздано в 1994 году).

«The Essential Dr. Jekyll and Mr. Hyde: The Definitive Annotated Edition of Robert Louis Stevenson's Classic Novel». Edited by Leonard Wolf. New York: Plume, 1995.

«The Letters of Robert Louis Stevenson. Edited by Sidney Colvin. New York: Scribner's, 1911 (на русском языке: письма Роберта Льюиса Стивенсона, полное собрание романов, повестей и рассказов в 20 томах, СПб., 1913–1914, переиздано в 1994 году).

Stoker, Bram. «Sir Arthur Conan Doyle Tells of His Career and Work, His Sentiments Towards America, and His Approaching Marriage». *New York World*, July 28, 1907.

Storey, G. D. «Alfred Baring Garrod». *Rheumatology* 40, no. 10, 2001.

Streeter, Burnett Hillman. «The Chained Library: A Survey of Four Centuries in the Evolution of the English Library». New York: Burt Franklin, 1931.

Summerscale, Kate. «The Suspicions of Mr. Whicher». New York: Walker, 2008.

Sutherland, Gavin. «The Whaling Years: Peterhead, 1788–1893». Aberdeen: Centre for Scottish Studies, 1993.

Sweeney, Susan Elizabeth. «The Magnifying Glass: Spectacular Distance in Poe's 'Man of the Crowd' and Beyond». *Poe Studies/Dark Romanticism* 36, nos. 1–2.

Tait, Haldane P. «A Doctor and Two Policemen: The History of Edinburgh Health Department». Edinburgh: Mackenzie and Storrie, 1974.

Tames, Richard. «London: A Cultural History». Oxford: Oxford University Press, 2006.

Tardieu, Auguste Ambroise. «Mémoire sur les modifications physiques et chimiques que détermine dans certaines parties du corps l'exercice des diverse professions, pour servir à la recherche médico-légale de l'identité». TK, 1849–1850. Anonymous translation.

Taylor, Roger. «George Washington Wilson, Artist and Photographer, 1823–1893». Aberdeen: Aberdeen University Press, 1981.

Thackeray, William Makepeace. «Vanity Fair: A Novel without a Hero». London: Bradbury and Evans, 1848 (на русском языке: Уильям Теккерей. «Ярмарка тщеславия», издательство «Эксмо», 2002).

Tracy, Jack. «Conan Doyle and the Latter-day Saints». Revised edition. Bloomington, IN: Gaslight Publications, 1979.

Trail, Thomas, Robert Christison, and James Syme. «Suggestions for the Medico-Legal Examination of Dead Bodies». Edinburgh: Scottish Record Office, 1836.

Trollope, Anthony. «On English Prose Fiction as a Rational Amusement». In *Four Lectures*, edited by Morris L. Parrish. London: Constable, 1938.

Tully, William. «Gelsemium Nitidum of Pursh». *Boston Medical and Surgical Journal*, October 3, 1832.

Turner, A. Logan. «Story of a Great Hospital: The Royal Infirmary of Edinburgh, 1729–1929». Edinburgh: Oliver & Boyd, 1937.

Twain, Mark. «Roughing It». Hartford, CT: American Publishing, 1873 (на русском языке: Марк Твен, собрание сочинений в 12 томах, Государственное издательство художественной литературы, 1959, 2#й том, роман «Налегке»).

Tweedie, Major-General W. «Bits' of Edinburgh Sixty Years Ago – and After». *Chambers's Journal*, June 1908.

Voltaire [François-Marie Arouet]. «Zadig, or The Book of Fate: An Oriental History, Translated from the French Original of Mr. Voltaire». London: John Brindley, 1749 (на русском языке: Вольтер [Франсуа-Мари Аруэ]. «Задиг, или Судьба», в издании: Вольтер. «Философские повести», издательство: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013).

Walcott, Mackenzie. «A Guide to the South Coast of England». London: Edward Stanford, 1859.

Walker, Ian M, editor. «Edgar Allan Poe: The Critical Heritage». London: Psychology Press, 1997.

Wall, Brian, and Sarah Ames. «Parallel Prosecutions: Mormon Polygamy and Evidentiary Doubt in *The Dynamiter and A Study in Scarlet*». Unpublished manuscript based upon Ph. D. dissertation.

Wallace, Irving. «The Incredible Dr. Bell». In *The Fabulous Originals: Lives of Extraordinary People Who Inspired Memorable Characters in Fiction*. New York: Knopf, 1955.

Ward, Mrs. Maria [pseud.]. «Female Life Among the Mormons: A Narrative of Many Years' Personal Experience. By the Wife of a Mormon Elder, Recently from Utah». New York: J. C. Derby, 1855.

Watson, Thomas. «Lectures on the Principles and Practice of Physic». London: Parker & Son, 1843.

Watson, William N. Boog. «An Edinburgh Surgeon of the Crimean War – Patrick Heron Watson (1832–1907)». *Medical History*, April 1966.

Weinreb, Ben, Christopher Hibbert, Julia Keay, and John Keay. *The London Encyclopedia*. 3rd edition. London: Macmillan, 2008.

Welch, Charles. «Newnes, George». Biographical entry in *Dictionary of National Biography*, 1912.

Westmoreland, Barbara F., and Jack D. Key. «Sir Arthur Conan Doyle, Joseph Bell, and Sherlock Holmes: A Neurologic Connection». *Archives of Neurology*, March 1991.

Wheatley, Henry B. «London Past and Present: Its History, Associations, and Traditions». 3 volumes. London: John Murray, 1891.

Whewell, William. «The Philosophy of the Inductive Sciences». London: John W. Parker, 1840.

Whipple, George. «Remarks on the Preparations of the Pharmacopœia». *Chemist*, May 1855.

Whitman, Walt. «The Collected Writings of Walt Whitman», vol. 5: «The Correspondence (1890–1892)». Edited by Edwin Haviland Miller. New York: New York University Press, 1969.

Wigmore, John H. «Did Poe Plagiarize the Murders in the Rue Morgue?». *Cornell Law Review*, February 1928.

Williamson, C. N. «The Illustrated London News and Its Rivals». *Magazine of Art*, 1890.

Wills, W. Henry. *Old Leaves: Gathered from Household Words*. New York: Harper & Brothers, 1860.

Woodhead, G. Sims. «Obituary» [for William Rutherford]. *Edinburgh Medical Journal* 5, 1899, 434–436.

Young, Timothy G. «Drawn to Enchant: Original Children's Book Art in the Betsy Beinecke Shirley Collection». New Haven, CT: Yale University Press, 2007.

Об авторе

Майкл Симс является автором произведения «История «Паутины Шарлотты»: экстравагантная жизнь Э. Б. Уайта и рождение американской классики» («The Story of Charlotte's Web: E. B. White's Eccentric Life in Nature and the Birth of an American Classic»), которое такие издания, как «Вашингтон пост», «Бостон глоуб» и другие, сочли лучшей книгой года. Является также автором произведения «Пуповина Адама: история природы и культуры человеческого рода» (Adam's Navel: A Natural and Cultural History of the Human Form), которое газета «Нью-Йорк таймс» оценила как выдающееся, а журнал «Лайбрари джорнел» признал лучшей научно-популярной книгой. Кроме того, написал «Приключения Генри Торо: невероятный путь юноши к Уолденскому пруду» («The Adventures of Henry Thoreau: A Young Man's Unlikely Path to Walden Pond») и ряд других произведений.

Редактирует книги из серии «Коллекция знатока» о произведениях Викторианской эпохи, в том числе детективные рассказы в рамках цикла «Мертвый свидетель». Редактор произведений: «Книга о женщинах-преступницах Викторианской эпохи: забытые полицейские и частные детективы со времен Шерлока Холмса» («The Penguin Book of Victorian Women in Crime: Forgotten Cops and Private Eyes from the Time of Sherlock Holmes») и «Книга о преступлениях при свете газовых ламп: мошенники, грабители, аферисты и жулики со времен Шерлока Холмса» («The Penguin Book of Gaslight Crime: Con Artists, Burglars, Rogues, and Scoundrels from the Time of Sherlock Holmes»). Его имитация под рассказы о Шерлоке Холмсе «Серебряный» («The Memoirs of Silver Blaze») была включена в антологию «В компании с Шерлоком Холмсом» («In the Company of Sherlock Holmes»), удостоенную премии «Энтони»⁸⁹.

Писал для «New York Times», «New Republic», «Chronicle of Higher Education», «Washington Post», «Baker Street Journal» и многих других периодических изданий.

Вместе со своей женой и сыном живет в Западной Пенсильвании.

---

⁸⁹ Премия «Энтони» вручается с 1986 года на ежегодной Всемирной конференции писателей детективного жанра. – *Прим. пер.*